

LE MESSAGER

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

129

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 129

TRIMESTRIEL

III - 1979

LE MESSAGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: В. Аллой (зам. ред.), прот. Алексей Князев, И. В. Морозов

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1980 год с целью поддержки	150 Фр. или 35,— \$ 250 Фр. или 50,— \$
цена отдельного номера	40 Фр. или 10,— \$

Чеки выписывать на имя: **LE MESSAGER**

Подписчики, живущие во Франции, могут делать денежный
перевод также и на текущий почтовый счет:
CCP - LE MESSAGER 23-601-57 U Paris

ИЗДАНИЕ
РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSAGER

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

129

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 129

TRIMESTRIEL

III - 1979

© Copyright Le Messager. Paris 1979.

COMMISSION PARITAIRE
N^o d'Inscription 29.425

ОТ РЕДАКЦИИ

ЧТО ТАКОЕ «ДВИЖЕНИЕ»?

*Jésus sera en agonie jusqu'à la fin du monde:
il ne faut pas dormir pendant ce temps-là.
Pascal.*

Кризис социологический, организационный, духовный, назревший в Русском Студенческом Христианском Движении за рубежом, обязывает Редакцию «Вестника», журнала зародившегося и издающегося в его лоне и под его эгидой, вновь и вновь уяснять себе и объяснять читателям, особенно далёким, в чем же своеобразие, конечная суть «Движения». Почему «Вестник», расширившись и включив в себя струю религиозного возрождения в России, продолжает считать себя «движением», ценит и бережно хранит свою связь с «Движением»?

Связь эта не столько организационного или идеологического порядка, сколько духовного. В «Движении» всегда было слабо развито организационное начало. Признавая истину Откровения, «Движение» не развивало своей собственной идеологии, в узком смысле этого слова. И тем не менее «Движение» своеобразно и неповторимо в своей «духовной» тональности, в своем виденьи. «Движение» выражает себя в двойном отношении к Церкви, которое можно определить двумя словами: радость и боль. Исторически — Движение было радостным открытием Церкви как «полноты Наполняющего все во всем» (Посл. к Ефесянам, 1:23). Об этом открывании пишет о. Александр Шменман в статье «На перепутьи». Но одновременно, и не в меньшей мере, «Движение» есть беспокойство о Церкви, жгучая боль о ней и за неё. Первые побеги зарубежом «движеческого духа» мы находим в дневниковых записях о. Сергея Булгакова, печатаемых ниже.

Мы веруем, что Православие есть единая, святая, кафолическая и апостольская Церковь, но мы видим, что она в нищете и уничижении. Перефразируя, вернее чуть проясняя одну из глубочайших мыслей Б. Паскаля, можно сказать: если Христос, то и Церковь «в смертельных муках до скончания века, и в это время дремать нельзя».

Беспокойство и боль охватывают нас (как охватили они о. Сергея Булгакова в Константинополе), когда мы сознаем, что кафолическая Церковь теряет свою универсальность, превращается в придаток той или иной национальности. Беспокойство и боль мучат нас когда мы ощу-

щаем, как ощущали Достоевский и Соловьев, что Церковь парализована историческим грузом, коснотью, робостью. Беспокойство и боль порождены в нас несоответствием между идеалом и эмпирией, полнотой замысла и ущербностью реализации, разрывом между миром, который Бог так возлюбил, что отдал за него Единородного Сына, и Церковью, отгораживающейся от него в нетворческом обособлении. И разумеется, то же беспокойство и та же боль должны нас прожигать, когда мы думаем о себе в Церкви, и тем сильнее, что болея за Церковь, мы не можем не видеть своей греховности, слабости, бессилия. Хомяков, заново открывший вселенскость Церкви, Гоголь, призвавший первый к внутреннему обновлению, Достоевский и Соловьев обличавшие паралич Церкви и стремившиеся дать ей широкое, вселенское дыхание — таковы духовные отцы «Движения».

Из радости и боли родились все положительные направления «Движения»: подчинение всех ценностей Единому на потребу, стремление очистить Церковь от исторического шлака, преодоление провинциализма, продкладывание мостов между Церковью и миром, построение православной культуры (выражение о. Василия Зеньковского), внутреннее обновление...

В обоюдном ощущении радости и боли произошла и встреча с Россией. Как показывает статья Н. Гаврилова в 128 номере или «Читательская конференция о «Вестнике», печатаемая ниже, религиозное возрождение в России все трудней укладывается в рамки бытового, рутинного, неосинодального церковного порядка.

За последние годы в России произошел тот же процесс, что в начале 20-х годов в эмиграции: какая-то часть интеллигенции и молодёжи открыла Церковь как высшую реальность. Теперь же наступает у более слабых разочарование, у более сильных страдание и стремление, через братство, малые общины, влить в Церковь новое вдохновение. За рубежом осуществить это стремление мешает распад общества, отсутствие почвы. В России — гнёт власти, отсутствие минимальной свободы для всестороннего выражения веры: ни книг, ни прессы, ни собраний, даже внутрицерковных, какое-то «полуобморочное житие».

Судьбу «Движения» за рубежом не дано предугадать. Сведенное к небольшой, локальной группе, оно, подчиняясь общему закону эмигрантских начинаний, может и не выжить. Но устремления «Движения» останутся актуальными и насущными для православных христиан, где бы и в каком бы положении они не находились.

Никита Струве

Прот. А. ШМЕМАН

НА ПЕРЕПУТЬИ*

«Скажи мне, Господи, путь воньже пойду».

1

Задача общего съезда Движения, первого за много — не лет, а десятилетий, не может состоять лишь в том, чтобы реорганизовать, улучшить, уточнить работу Движения. Вернее, такая реорганизационная задача не имеет смысла, если она не будет изнутри подчинена задаче гораздо более важной: осмыслению и углублению нами нашего самопонимания, т. е. тех целей, которым Движение служило, служит и, Бог даст, призвано служить и в будущем.

Почему эта задача с особой остротой встала перед нами сегодня? Причин к этому много и их полезно хотя бы кратко перечислить.

Первая и самая глубокая причина заключена в изменении той обстановки, в которой Движение родилось и жило на протяжении многих лет. Здесь не место пересказывать его теперь уже длинную историю. Достаточно напомнить, что родилось Движение из двойного, можно сказать — двуединого опыта. Из трагического опыта революционного обвала России, с одной стороны, а с другой — из по-новому обостренного религиозного и церковного чувства. И если в первые годы после великого исхода вся эмиграция жила вопросом: как это случилось? — и также вопросом — как это преодолеть, каковы пути спасения России? — то Движение оба эти вопроса осознало и для себя поставило в перспективе религиозной, церковной. Обращенность к России с самого начала стала обращенностью к Церкви, путь спасения России — путем **возвращения жизни**.

Но если в основном этой идеи, этому видению Движение осталось верным и поныне, внешние условия его жизни и работы, а также личный состав его изменились коренным образом. Та эмиграция — по принятому ныне счислению, «первая» — внутри

* Доклад, приготовленный к Общему Съезду РСХД, намечавшемуся на осень 1979 г.

которой Движение возникло и которая жила страстной памятью о России, страстной надеждой возвращения в нее, умирает, кончается, возвращения этого не дождавшись. В настоящее время Движение, в подавляющем большинстве своем, состоит из «эмигрантских детей», родившихся и выросших за рубежом, лишенных непосредственного опыта России, помнящих о ней, но не ее, но зато открытых к Западу и его культуре, к его религиозной жизни и проблемам.

Увы, изменилось, уменьшилось Движение и в своей численности. Состоявшее некогда из ряда **местных** Движений — во Франции, в Прибалтике, в Германии, в Чехословакии и т. д., соединенных между собою парижским «Центром», оно сведено сегодня — фактически, организационно — к одной Франции и к своеобразной «диаспоре» — к по всему миру разбросанным движенициам, чувствующим себя его членами, но лишенным непосредственной живой связи с ним.

А, между тем, одновременно с этим умалением Движения и изменением его личного состава происходит, совершается встреча с Россией. Возможным становится общение не только с людьми «оттуда», но и с людьми «там». Если не как организация, то как духовное течение Движение проникает сегодня в Россию, становится одним из слагаемых нарастающего там духовного и творческого процесса. Оно перестает быть эмигрантским, самим собою поневоле ограниченным миром. Всякое слово, сказанное здесь, доходит до России, всякое слово, сказанное там, доходит до нас. И нужно ли доказывать, какую новую, новыми возможностями, новой ответственностью пронизанную обстановку эта встреча с Россией создает для нас?

2

Эти перемены, а их можно было бы насчитать и больше, и создают то духовное перепутье, которое все мы так или иначе ощущаем и которое было бы крайне ошибочным сводить к одним лишь «личным» и «организационным» трудностям. На деле, речь идет о сущности и о пути Движения в обстановке, всеми этими переменами созданной, и даже глубже — о самом существовании Движения. Нужно ли оно сегодня, и если нужно, то для чего? Нет ничего печальнее организации, общества, союза, «переживших» самих себя, живущих как бы по инерции, за счет своего прошлого, и для которых такое существование, не направленное

уже ни к какой цели, не оправданное никакой нуждой, становится самоцелью.

А именно перед такого рода опасностью и стоим мы сегодня. С одной стороны, Движению грозит превратиться в некое ностальгическое братство, живущее движением прошлым, во имя верности этому прошлому отвергающее настоящее, неспособное в нем разобраться. С другой же стороны, ему грозит, как реакция на такое слепое охранительство, измена этому самому прошлому в его истине и подлинности, замена его, во имя «успеха», «сохранения молодежи» и т. д., модными и часю поверхностными идеями, чуждыми изначальному вдохновению Движения.

Я убежден, что есть только один способ опасности эти изжить, с перепутья выйти на прямой и ясный путь. Способ этот: вновь обрести, выявить — для самих себя прежде всего — ту идею, что лежит в основе Движения и является движущей силой его служения — Церкви, России, христианской культуре... Только вернувшись к этой исконной основе нашего единства, нашего общего служения, найдем мы и правильный путь к осуществлению ее в жизни.

3

Я сказал — служение Церкви, России, христианской культуре. Слова эти, действительно, для Движения ключевые. Оно всегда мыслило себя как служение Православной Церкви. Оно всегда называло себя русским и это значит — обращенным к России, к судьбе ее в самый трагический и судьбоносный век ее истории. И, наконец, оно всегда видело в культуре, т. е. в совокупности человеческого творчества, область христианской совести, христианского делания и христианской ответственности.

Таким образом, говорить о сущности или идее Движения — это значит говорить о трех этих основных реальностях, но — и это очень важно подчеркнуть — не в отдельности их одна от другой, не в отвлеченной «самодостаточности» каждой из них, а в их соотнесенности — для нас, в нашем сознании, в нас объединяющем опыте — между собою. Ибо идея Движения это и есть, прежде всего, живой опыт этой **соотнесенности**, особое переживание, особое понимание этой **связи**.

Я подчеркиваю слово **особое**. Ибо само по себе ощущение и утверждение связи между Православной Церковью, Россией и русской культурой были и остаются присущими совсем не одному лишь Движению. В разных вариантах и с разными доминантами

ми, с оценками как положительными, так и отрицательными, но ощущение это разделялось и разделяется огромным числом русских людей, принадлежащих при этом к самым разным «лагерям». Что же касается анти-коммунистической, б е л о й эмиграции, внутри которой Движение возникло, то в ней словосочетание «религиозно-национальный» в применении будь то к журналу, будь то к организации или мировоззрению, с самого начала воспринималось как самоочевидное, не требующее никаких объяснений, как самоочевидным считалось и то, что на Церкви в первую очередь лежит долг сохранения эмигрантских детей русскими, долг передачи им русской национальной культуры.

В том-то и все дело, однако, что, разделяя со всей эмиграцией чувство нерасторжимости этой связи, Движение, так же с самого начала, восприняло ее **особо**, восприняло как не только **данность**, требующую охранения, но и как **вопрос**, обращенный к совести и сознанию и требующий углубления, прояснения, подлинно — «переоценки ценностей». И именно эта «особенность» Движения, внесение им вопроса, «проблематики» в область, подавляющему большинству казавшуюся самоочевидной, так часто само Движение ставила «под вопрос» как справа, так и слева... А, между тем, только эта особенность и составляет в последнем счете духовную сущность Движения, только о ней и стоит говорить в час раздумья о судьбе Движения в настоящем и будущем.

4

Итак, в чем же эта особенность состоит? Прежде всего, в пересмотре и переоценке самой этой связи: Церковь — Россия — культура; ее содержания, ее не только отвлеченного, но и жизненно-практического значения. Революционный обвал, трагическое крушение старой России, горечь изгнания послужили причиной массового притока эмиграции в церковь, сделали церковь одним из главных средоточий, основной формой самого эмигрантского существования. Чужой всюду, только в церкви чувствовал себя русский эмигрант дома, на родине, в России. Здесь память о России претворялась в ее присутствие, здесь утолялась боль разлуки, подавались утешение и помощь... «Церковь — это все, что осталось у нас от России»: целое поколение — мое поколение — выросло на этих словах, на этом утверждении. Но — это тоже очень важно подчеркнуть — если Церковь, таким образом, оказалась в центре эмигрантского быта — семейного, общест-

венного и даже политического — то это, прежде всего, в силу только в ней по-настоящему осуществлявшегося «воскресения» России, ее так сказать «реального присутствия». А это значит, что, при всей своей интенсивности и несомненной подлинности, воспринималась и переживалась эта эмигрантская церковность в том «религиозно-национальном» ключе, в котором момент религиозный (церковь) изнутри подчинен моменту национальному (Россия), как его, пускай и важная и необходимая, но все-таки «функция».

Вряд ли нужно доказывать, что в Движении, в момент его зарождения, тема и чувство России были не менее интенсивными, чем у эмигрантской массы в целом. Плоть от плоти и кровь от крови белой эмиграции, Движение возникло в среде студенческой молодежи, пережившей опыт гражданской войны и мучительного отрыва от России и жаждавшей, как и вся эмиграция, продолжать служить России. Поэтому «особенность» Движения внутри эмигрантской массы, особенность не сразу-то и осознанная, касалась не национального чувства и сознания как таковых, не обращенности — наущной и самоочевидной — к России, а места в этом сознании и в этой обращенности **Церкви**. Упрощая, схематизируя, можно сказать так: Движение началось, как некое **откровение Церкви**, откровение ее сущности, ее «самодовлеемости» и потому — несводимости ни к чему в мире, но всему в мире и в жизни дающей смысл и подлинную, ибо к Богу отнесенную, ценность. Иными словами, в этом опыте Церкви, она перестала быть «функцией», изнутри подчиненной, сознательно или бессознательно, другим, пускай и положительным и высоким, но «мирским» ценностям. Это было возвращением, радостным и вдохновляющим, к евангельскому: «ищите **прежде всего** Царства Божьего...» и к опыту этого Царства в Церкви, г. е. Истине — о Боге, о мире, о человеке — раскрывающейся в ее учении, в благолатной жизни ее таинств, в неотмирной красоте ее богослужения, в лучезарных образах ее святых... Здесь нет места, чтобы говорить о том, как совершилось это откровение, о роли сыгранной в создании Движения «старшим поколением», несколькими замечательными русскими людьми: пастырями, богословами, философами, учеными, принесшими на чужбину силу и свет того духовного возрождения, которым озарены были в России последние десятилетия перед революцией, и которого сами эти люди были участниками и творцами. О роли этой еще будут написаны книги. Сейчас мы можем лишь засвидетельствовать сам факт этого **откровения Церкви**, начавшегося в России, ушедшего там на мно-

гие десятилетия в катакомбы, но, по милости Божией, принесшего свой плод и «на реках Вавилонских» великого русского расцвета.

5

Это откровение, этот опыт Церкви в ее внутренней свободе от мира не означал, однако, для Движения **уход** от России, от обращенности к ней. Движение, это надо особо подчеркнуть, вообще не ощущало себя «уходом» от мира, от жизни с их проблемами иисканиями, и это — несмотря на стремление углубить личную религиозную жизнь, приобщиться к духовному и церковному опыту Православия. Напротив, в Движении с самого начала были сильны унаследованные от русского религиозного возрождения мотивы светлого космизма, исконного в православии устремления к преображению твари, к просвещению Светом Христовым всех, без исключения, областей жизни.

Но если не было ухода от России и от обращенности к ней, то новый опыт Церкви неизбежно, хотя и не сразу, а мало-помалу, привел и к новому опыту России, или, точнее, к новому опыту и восприятию связи между верностью Церкви и в ней живущей Истине, с одной стороны, и верностью России как Богом нам данной, нашей земной и исторической плотью, с другой. Совершившееся в этом опыте освобождение Церкви от «редукции» ее к России и к «религиозно-национальной» функции, сделало возможным поставить во всей глубине его вопрос о христианском смысле, о христианской ценности **национального**, найти духовное мерило для различия **подлинной** — в любви ко Христу и Его Царству укорененной — любви к родине от языческого, ибо идолопоклоннического, обожествления нации в современном «национализме». Да, в свете этого различия, история России перестала восприниматься как одно сплошное восхождение от славы к славе и от величия к величию, как непрерывная цепь побед и успехов, очистилась от самовосхваленья и самолюбованья, раскрылась и как трагедия слишком частых измен России, прежде всего, самой себе. Но зато, на фоне этой часто трагической и неприглядной правды, с особой силой засияла никогда до конца не умиравшая в России, даже в самые темные века ее истории, устремленность к горнему Иерусалиму, столь очевидная в русской святости; как никогда раньше ощущимо стало христианское вдохновение всего лучшего, всего подлинно великого в русской литературе, глубина и творческая сила русской религиозной и философской мысли...

И чем глубже развивалось это новое, откровением и опытом Церкви вдохновленное изучение России — в книгах, статьях, на съездах, в кружках — тем очевиднее становилось, что нигде с такой силой и глубиной не был поставлен вопрос о христианском смысле культуры и исторического «делания», как именно в России, в ее культуре и мысли. Вопрос об основной, христианством в мир внесенной антиномии между «в мире сем» и «не от мира сего», между эсхатологическим опытом Церкви как «единого на потребу» Царства Божьего и ее же опытом, уже сейчас возможного, сейчас совершающегося, — в духовном подвиге, в творчестве, в служении правде и любви Христовой — преображения мира и жизни.

И, наконец, очевидным становилось и то, что подлинная верность России, русскому — ибо светом и тьмой русской истории, русского опыта взрошедшему — **пророчеству** состоит не в самозамыкании, не в бесплодном «обороте на себя», а в свидетельстве об этом пророчестве и видении перед тем, несмотря на все, христианским и потому кровно **своим** «Западом», от которого Россия в лучших, в самых высоких своих «мечтах» никогда себя не отрывала. Что Россия изменяла себе и своему призванию всякий раз, как сокровищем сердца своего она полагала **себя и свое**, а не служение Истине, Добру и Красоте, явленных в ней христианским **началом** ее исторического пути и что, наконец, страшный опыт революции и воцарение в России бесовщины, провозведенной Достоевским, есть событие не «русское», а всемирное по своему значению, суд — в последнем счете — над отречением «христианского мира» от христианства...

Нужно ли в свете всего сказанного объяснять, почему этот пересмотр привычного и самоочевидного «религиозно-национального» мировоззрения, эта «переоценка ценностей», восприняты были многими враждебно. Опасным, чуть ли не «еретическим»,казалось все то, из чего Движение черпало свои духовные силы: изучение Св. Писания и богословия, опыт таинств, как исполнение соборности и единства Церкви, и, конечно, больше всего, свободная критика милого в наследии «синодального» периода в истории Русской Церкви. Это — «справа». А «слева» — осуждали Движение за его якобы уклон в пиэтизм «литургического благочестия», за излишнюю церковность и традиционализм, за равнодушие к «социальным проблемам» и т. д. История Движения отмечена кризисами, уходами. И если в эти «уходы» вдуматься, то очевидным становится, что не выдерживали «уходящие», преж-

де всего, духовной **свободы**. Свободы, укорененной не в релятивизме, а как раз наоборот — все в том же опыте Церкви, заложенном в различии абсолютного и относительного, вечного и временного; свободы от идеологического порабощения, без которого современный человек разучился, кажется, жить и в котором и состоит современное идолопоклонство. Движение не разрабатывало никаких «программ», не навязывало никакого «органического мировоззрения», чуждалось той, характерной для нашего времени, **партийности** самого сознания, в которой всякое **за** определяется, прежде всего, как некое **против**, всякое утверждение как, прежде всего, отрицание... В Движении много и часто страстно и требовало принятия и усвоения, как духовная реальность, отнесенный, о чем бы ни спорили, к тому **главному**, поистине «единому на потребу», что раскрылось, но и раскрывалось, дано было, но и требовало принятия и усвоения, как духовная реальность, духовная глубина жизни в Церкви...

6

И вот — эта встреча с Россией... Не требуется особой наклонности, мне, во всяком случае, предельно чуждой, к «историософским» гаданиям и обобщениям, чтобы почувствовать всю ее **судьбоносность**, раскрывающееся в ней значение и нашего дела, нашего служения. Вот простой факт, но одновременно и знак: книги, десятилетиями пылившиеся на полках «Объединенных Издателей», не находившие для себя в эмиграции более нескольких дюжин читателей, в России оказываются желанными, нужными, насущными, как хлеб и воздух. Споры, что велись, казалось, в безвоздушном пространстве парижских мансард, были, оказываясь, спорами о том же, о чем спорят **там**, тем же спором — о Церкви, о России, о мире, о культуре, что завещан нам лучшим — духовным — наследием России. Слова на обложке нашего «Вестника»: Париж — Москва — Нью-Йорк, уже не символ, а реальность: «и все уж не мое, а наше...»

Да, нас осталось мало. Да, каждый из нас имеет свое непосредственное служение, ог которого, поскольку оно от Бога и в Церкви, не вправе отказаться. Ибо не случайно, конечно, не без воли Божией, русская трагедия оказалась началом вселенского свидетельства Православия, выхода его из своего восточного и этнического провинциализма. Ибо вселенскость Православия — это пока еще тоже «русская идея», чуждая и непонятная нашим православным, не-русским, братьям. Она выношена русским рели-

гиозным сознанием, в Русской Церкви, в русском богословии, начавшемся возврате Православия к своим подлинным истокам. Поэтому отказ от этого свидетельства был бы, в одинаковой мере, изменой и Православию и лучшим заветам русской духовной традиции.

Но пока мы **есть**, пока помним и знаем, что от того, что совершается в России на духовной ее глубине, что от ее духовной судьбы **зависит** — и я сознательно, с полной ответственностью пишу это — судьба мира, Движение остается не только «фор-мой» нашего ей служения, но — в идее своей и в опыте — нашим вкладом в общецерковное, общерусское дело. Только бы мы сами пребыли этой идее и этого опыта достойными, не измельчали бы, только у Бога, в Его правде, искали бы пути «воньже пойдем».

Июль 1979 г.

Богословие, Философия

Игумен НИКОН

ПИСЬМА ДУХОВНЫМ ДЕТЬЯМ

15/XI-50 г.

Милый дорогой...!

Так много бы надо написать на твое письмо; изложу самое главное. Премудрость Божия так велика, что и зло Господь обращает в пользу человека. Эта мысль раскрыта многими св. отцами. Дело вот в чем. Человек может спастись через веру и исполнение всех заповедей. Исполнение их изменяет психику (душу) человека, обновляет его, делает человека «новым» по образу Божию, точнее, по образу Спасителя нашего Иисуса Христа. Самым основным свойством Нового человека является с м и р е н и е («научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен...»), без которого исполнение всех даже заповедей не только не приближает человека к Богу, но делает даже врагом Божиим, т. к. если не будет смирения, то обязательно будет гордость. Именно к этому свойству души, я полагаю, применима особенно мысль Евангелия, что сатана, будучи изгнан, скитаются вне, а затем, усмотрев, что дом прибран, украшен, но не занят, берет семью других духов, злыхших себя, и водворяется с ними в душе, и бывает последнее для человека горше первого. У преп. Макария Егип. отношение смирения к прочим добродетелям изъясняется притчей о роскошном обеде, устроенном для царя и вельмож. Но так как все было приготовлено без соли (т. е. смирения), то вместо благодарности устроивший обед подвергается только гневу царя. Так без смирения всее все добродетели человека...* При внимании себе, при постоянной борьбе с грехом человеку станет видно, как глубоко испорчен человек и как пронизано все существо человека гордостью. Победить всякое мнение о себе, свое тщеславие, свою гордыню, — равносильно победить весь грех. И вот, оказывается, что грехопадения человека и могут помочь ему в приобретении

* без него, т. е. без смирения, в душе войдёт гордость, с нею семь бесов, т. е. все страсти. (Прим. автора).

смирения (если человек не будет винить в своих падениях никого и ничего, а обвинит себя, что и есть вполне правильно. Во всем виновен сам человек, а обстоятельства и дьявол только содействуют греху, соблазняют, а окончательное решение принадлежит человеку, потому он и ответственен целиком. Это подтверждают и угрызения совести после совершения греха).

Борясь с грехом, живущим в себе, и постоянно впадая в те или другие грехи, человек опытно, а не теоретически познает свою порчу, свое бессилие и постепенно приобретает смирение. Всюду и постоянно побежденный грехами, он, наконец, в глубоком сокрушении сердца, со слезами припадает ко Господу, сознается от всей глубины души в своей греховности, в своем бессилии самому победить грех и будет умолять Господа: «Боже, если хочешь — можешь меня очистить (как говорил прокаженный), а сам я ничего не могу сделать... Господи, спаси меня, Господи научи мя творити волю Твою, Господи, изведи из темницы душу мою.» Тут же человек познает и великое милосердие Божие к падшему человеку, ибо при искреннем раскаянии Господь ограждает человека, снимает с него грех, исцеляет язву в душе, сделанную грехом и человек на своем опыте познает бытие Божие, промышление Его о человеке, познает, что «близ Господь к сокрушенным сердцем», что Он воистину врач душ наших и проч. и проч.

И таким образом, грехопадения, будучи злом, делаются причиной величайшего добра. В этом дивная Премудрость Божия, как и во всем, во всем...

Поэтому, родной мой..., не унывай, когда впадаешь в какой грех, а обвини себя перед Богом, исповедуй Ему свое согрешение, не обвиняя никого, смирись, познай свою немощь во всем и проси у Господа, чтобы Он сотворил в тебе Свои св. заповеди. Но это не значит, что ты сам не должен всеусильно бороться. Нужно всеусильно бороться, надо изучать приемы борьбы у св. отцов, надо предусматривать обстоятельства, способствующие победе или поражению и избегать последних и искать первых, а главное, при возникновении греховых помыслов не переставать от всего сердца вопиять ко Господу о помощи с сознанием своего бессилия самому победить грех. Даже, если впадешь в грех, то и при совершении греха надо вопиять ко Господу и не стыдясь повергать себя мысленно перед Богом, говоря: «Господи, вот видишь, что я творю, помилуй мя, помоги мне освободиться от власти диавола». И плач пред Господом внутри, как можно чаще взвывай к Нему, чтобы Он помог тебе во всем, во всей жизни, ибо трудно среди мира сего исполнять заповеди. Почему и плакали древние

отцы о людях нашего времени, что много будет погибающих от грехов.

Еще есть мощное средство в борьбе со всяkim грехом: как только впал в какой большой грех, иди исповедуй пред духовником. Если нельзя сразу, то при первой возможности, ни в коем случае не откладывая на завтра и далее! Кто часто и сразу исповедует грехи, тот доказывает, что он ненавидит грех, ненавидит плен дьявольский и готов претерпеть стыд при исповедании, лишь бы избавиться и очиститься от греха, и за это получает от Господа в дальнейшем и полную победу, не приобретая и при победе высокого мнения о себе и гордыни. Обрати внимание на это! (Везде сети дьявола).

Итак, положи начало благое: борись по силе, не унывай при падениях, а сокрушайся, волияй ко Господу, предусматривай заранее обстоятельства и избегай вредного и опасного, исповедуйся немедленно пред духовником, приобретай смиление, вспоминая прошлые грехи падения и нынешние, и Господь поможет тебе и будешь искусный воин Христов, могущий и другим помочь впоследствии.

Не предавайся лености... Не оставляй своего маленького правила. Положи себе в правило обязательно хоть один раз в час обратиться к Господу и Божией Матери с молитвой о прощении и помощи, а если будет возможность и сила, то и чаще.

Господь да поможет тебе молитвами преп. Сергия и прочих Радонежских чудотворцев.

1950 г.

...Пора бы тебе знать, что враг не оставит в покое никого из желающих спасения и, следовательно, борьба с ним до смерти не прекратится. Побороть же его своей силой не может никто. Разрушив дело диавола и пришел на землю Господь. Он и борется против диавола и греха с теми, кто всегда призывает Его на помощь. Должен и человек противодействовать греху и диаволу всеми силами, употребляя в качестве оружия средства, указанные Господом, апостолами и святыми отцами. Для православного оружием против диавола являются: пост, молитва, трезвение, смиление. Без смиления никакие средства не помогут, да и Господь самонадеянному и гордому не помогает, и тог неминуемо впадает в разные сети врага. Кто хочет побороть врага, избавиться от

страстей, а не борется с ним данными оружиями, тот, очевидно, и не победит. Чем смиренее и смиреннее человек, тем скорее избавится от врага. К этому надо добавить, что злобомнение уничтожает силу молитвы, ибо Господь не принимает молитвы от человека враждующего с ближними или имеющего злобомнение, и отсылает прежде примириться. А без молитвы, принятой Богом, человек будет один, и, следовательно, враг одолеет его. Да и правильно борющийся не сразу одолевает врага. Для этого надо время и терпение. Борись правильно, старайся быть в мире со всеми, приучайся к трезвению и непрестанной молитве. Смиряйся пред Богом и людьми, тогда будешь низлагать исполинов одного за другим и освободишься от плены греховного.

Ни один духовник не будет хуже относиться к человеку, искренне глубоко раскаявшемуся во грехах, каковы бы они ни были. Это уловка враждия, чтобы кающийся скрыл свои грехи и не получил прощения. Наоборот, если духовник человек верующий, то станет лучше относиться, это таинство — свойство исповеди.

1950 г.

...«ищите прежде всего Царствия Божия и Правды Его». Свою ли силу человек обеспечивает себя? Если трудитесь в телесном, должны трудиться и в душевном. Сердце свое так же, вернее больше, нужно обрабатывать, чем огород. Если человек платит наемным рабочим, ужели Господь оставит без платы тех, кто Ему будет работать? А как Ему работать? — Вы знаете все. Надо помолиться и внимать себе, бороться с помыслами, не ссориться из-за пустяков, уступать друг другу, хотя бы и дело пострадало (потом выиграете многое больше), скорее мириться, открывать помыслы, чаще причащаться и прочее.

Можно ли совместить это с работой? — Если по немоющи не все — то многое можно. А в неделании надо хоть сокрушаться и через это приобретать смиренение, но никак не оправдываться: ибо через самооправдание мы лишаем себя возможности к росту духовному. Если же не делаем того, что должны, да еще не терпим обид и скорбей и через то не сокращаемся и не смиряемся, то не знаю уж что и сказать. Чем мы будем лучше неверующих тогда? Поэтому и прошу вас всех: потерпите обиды, укоризны, несправедливости людские, понесите тяготы друг друга, хотя чтобы ими восполнить недостаток делания духовного, а главное,

надо сознать себя достойным всяких оскорблений и скорбей («достойное по делам нашим приемлем»).

Вам известно, что в последние времена будут спасаться скрьбями. Разве мы исключены из этого закона? Недаром Св. Отцы советывали чаще (ежедневно по многу раз) помнить о смерти, о суде, о необходимости дать отчет Господу за каждое слово, дело, помышление, за лукавство, за привязанности к миру, за тщеславие, за все тайное, ведомое только Господу да нашей совести. И вы чаще вспоминайте об этом.

1952 г.

...Человек может только желать спасения, а сам спасти себя не может. Надо желать спасения, сознав себя погибающим, негодным для Царствия Божия («аще сотворите и вся повеленная»), и это желание спасения надо показать Господу мольбой к Нему и посильным исполнением воли Его и постоянным покаянием, но так как при всем желании мы постоянно нарушаем Заповеди, значит, и каяться нужно постоянно. И святые каялись до смерти, т. к. видели себя недостойными близости к Богу и, следовательно, недостойными Царствия Божия. А чем грешнее человек, тем он меньше видит в себе грехов и тем более и злостнее осуждает других. Истинным, неложным признаком правильности духовного устройства является глубокое сознание своей порчи и греховности, сознание недостоинства милостей Божиих для себя и неосуждение других. Если человек не считает себя от всего сердца, а не языком только, непотребным грешником, тот не на правильном пути, тот без всякого сомнения находится в ужасной слепоте, в прелести духовной, как бы люди ни почитали его высоким и святым, хотя бы он и был прозорлив и чудеса творил.

Всю жизнь мы творим свою волю, даже добрые дела наши оскверняются то своеволием, то тщеславием, то расчетами и прочее. Если поглубже всмотреться в себя, то каждый от всего сердца должен будет сказать слова и утренней молитвы: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже (т. е. никогда) сотворих благое пред Тобою». Это слова преп. Макария Египетского, одного из величайших святых. Как же мы, окаянные, судим и осуждаем других и этим самым ставим себя выше их, как судьи? Как мы можем считать на правом пути того, кто не сознает себя (сознает, а не словами называет только) грешнейшим паче всех.

Дорогая м. В., чем человек действительно, а не мечтательно ближе к Богу, тем он чувствует себя недостойнее, грешнее, грешнее всех человеков. Так чувствовали себя Св. Отцы. Примеров много, вы сами вспомните.

Мытарь по другой причине считал себя грешным. Но осознал свою греховность, не оправдал себя и просил только милости и прощения от Господа и получил его. Все люди имеют неоплатный долг перед Богом. Никакие подвиги не могут оплатить долга. Сам Господь говорит, что если сотворите в с е повеленное вам (т. е. все заповеди) — считайте себя рабами непотребными, которые обязаны сделать все, что им приказывает хозяин. Значит, все мы, постоянно нарушающие заповеди, обязаны иметь настроение души как у мытаря. Не искать в себе каких-либо достоинств, какие бы подвиги не несли. Всегда мы рабы неключимые. Только милость Божия прощает кающихся и «включает» в Царствие Божие.

Вот почему искание высоких духовных состояний запрещено св. отцами и Господом. Весь наш внутренний подвиг должен со-средоточиться в покаянии и во всем, что содействует покаянию, а Божие придет само собою, когда место будет чисто и если изволит Господь. Если в подвижнике нет искреннего сердечного чувства греховности и сокрушенного сердца, то такой подвижник обязательно находится в прелести. Особенно находящийся в молитвенном подвиге должен иметь молитву мытаря и сокрушение мытаря, иначе он будет обманут бесами, приобретет высокоумие, тщеславие и прелесть. От этого нас да избавит Господь.

Вот ответ на Ваше желание знать, что значит иметь устройение мытаря. Господь притчею о мытаре и фарисее показал, как должно молиться и с каким душевным устройением, и как не должно (фарисейское устройство). После пришествия Спасителя и Его страданий молитва мытаря св. отцами заменена молитвой Иисусовой. Смысл один и тот же.

Господь посетил вас болезнью, конечно потому, что она была необходима для вашего спасения. Многими скорбями подобает внести в Царствие Божие, таков закон духовный. Апостолы, мученики, преподобные, — все Святые вошли в славу через многие великие скорби. «Его же любит Господь, наказует, бьет же

всякого сына его же приемлет». Очевидно, что нет иного пути в Царствие Божие, как путь узкий, крестный, поэтому и вы должны не унывать при болезни и слабости, а паче радоваться духом, утешаясь мысленно, что Господь стал к вам ближе теперь, а в будущем и совсем сделает своими детьми, если до конца останетесь Ему верными и без ропота понесете все скорбное, что Он найдет нужным послать вам. «Претерпевший до конца, тот спасен будет». Надо чаще призывать имя Божие, ставиться пред лицо Божие и просить терпение, когда станет слишком тяжело. Как змеи ядовитой нужно остерегаться ропота. Неблагоразумный разбойник ропотом и бранью не только усилил свои муки, но и погиб навеки, а благоразумный сознанием, что достойное по делам приемлет, и страдания облегчил и Царствие Божие наследовал. В утренней молитве пр. Макария Великого говорится: «Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою». Если так чувствовали угодники Божии, то мы что должны чувствовать, на что мы можем надеяться? Единственно только на милость Божию. Забыв все свои добрые дела, мы должны, как мытарь, взывать от всего сердца: «Боже, будь милостив нам грешным!» И если мытарь только за такую молитву был оправдан от всех грехов, то ясно и мы должны веровать, что Господь и нас помилует, если от всего сердца будем молиться как мытарь. Так учит нас Господь Иисус Христос: молиться и надеяться на милосердие Божие. Никакая болезнь не помешает хоть несколько раз в сутки из глубины души обратиться с покаянием к Господу.

Не было случая, чтобы Господь отказал когда-либо кающемуся в прощении. Только Господь не прощает нам, когда мы сами не прощаем другим. Поэтому помиримся со всеми, чтобы Господь помирился с нами. Простим всем, чтобы и Господь нам простил.

1949 г.

Господь хочет спасения каждому человеку. Но не каждый человек хочет спасения на деле. На словах все хотят спастись, а на деле отвергают спасение. Чем отвергают? Не грехами, ибо были великие грешники, как разбойник, как Мария Египетская и др. Они покаялись в своих грехах и Господь простил их: таким образом, они получили спасение. А погибает тот, кто грешит и не каётся, а сам себя оправдывает в грехах. Это самое ужасное,

самое гибельное. Господь говорит: «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию». Что это значит? Слово Божие говорит, что «несть праведного, есть ни единого... вкупе непотребны быша...» Все грешны, и чем святер человек, тем больше он видит в себе грехов. Господь и пришел призвать ко покаянию и через покаяние спасти грешников, то есть тех, кто признает свои грехи, каётся перед Господом, просит прощения. А кто или не видит своих грехов или сам себя оправдывает лукаво, тех отмечает от Себя Господь. Так отверг Господь и осудил еще на земле фарисеев, которые считали себя праведниками, даже примером для других. Страшно такое состояние. Избави Бог от этого каждого человека.

Преп. Сисой Великий просил пришедших за его душой ангелов помолиться, чтобы Господь дал ему еще пожить для покаяния. Преп. Пимен Великий говорил: поверьте, братия, где будет сатана, туда и я буду извергнут. А он (Пимен В.) воскрешал мертвых. Так и все угодники до самой смерти оплакивали свои грехи, свой неоплатный долг перед Богом.

А мы кто, что из-за самолюбия скрываем грехи свои, оправдываемся, лукавим, когда одной ногой стоим уже в гробу. ... Еще раз говорю: просмотрим всю жизнь, покайся во всем, что сознаешь. Проси со слезами, как просит Св. Церковь с земными поклонами «даруй ми зреши мои прегрешения». Если человек не видит своих грехов, это не значит, что их нет у него, это значит, что человек не только во грехах, но еще и в слепоте духовной. И если духовник или вообще посторонний человек обвиняет нас во грехах, то не оправдываться нам надо, а умолять Господа, чтобы Он открыл нам наши грехи, дал покаяться в них до прихода смерти и получить здесь на земле прощение.

1958 г.

...Ты уже унываешь и теряешься от малого искушения. Это Господь допускает тебе, чтобы ты познала свою немощь и поняла, как много всего таится в душе человека, какой труд надо понести, чтобы очистить себя от страстей и стать храмом Бога Живаго и достигнуть спасения. Когда сокроется вся немощь человеческая, тогда припадешь ко Господу и уж из глубины сердца будешь вопиять к Нему, как утопающий Апостол Петр. Тогда получишь помощь от Господа и поймешь, что воистину близок Господь к призывающим имя Его от всего сердца и уже с благо-

дарностью припадешь к стопам Его и будешь оплакивать все грехи свои, коими оскорбляла Господа. Тогда смиришься сердцем, перестанешь осуждать других и станешь заботиться о том, чтобы Господь простил прошлые грехи и не попустил впредь оскорблять Его нарушением заповедей. Поймешь и то, как суетно все земное, что твоя привязанность к земле, ссоры, огорчения из-за вещей, из-за дел, из-за слов — так все это ничтожно, так не стоит из-за всего этого огорчаться, ссориться и терять из-за этого мир душевный, а может быть, и спасение.

...Все дурное, все страсти, все бесовские козни, все скорби и страдания — все побеждается смирением. А проявляется смирение тем, что мы от всего сердца, как благоразумный разбойник, скажем Господу: «Достойное по делам нашим приемлем, помяни мя Господи во Царствии Твоем». Вот если сумеем так сказать во всех случаях жизни, не будем роптать ни на Господа, ни на людей, то сразу и легко нам будет и мы будем на правильном пути духовном. Если же хоть и пороптали на кого, то надо еще более смириться и сказать: Господи, воистину я ничего не стою, только Ты можешь меня спасти. «Если хочешь, можешь меня очистить», — сказал потерявший всякую другую надежду исцеления прокаженный и тогда услышал от Господа: «Хочу, очистись», — и Господь, прикоснувшись к нему, исцелил его. Так и мы, до глубины души поняв свое бессилие и нищету духовную, обратимся ко Господу, к Единственному Спасителю нашему и из сердца сокрушенного и смиренного скажем Ему: «Господи, если хочешь, можешь исцелить меня и спасти», и получим ответ от Распявшегося за нас Господа: «хочу, очистись». Ответ этот ясно услышит душа наша и получит силу с благодарностью переносить все скорби земной жизни, как и разбойник без ропота висел еще на кресте до вечера в ужасных муках. Да поможет тебе понять это, смириться и отдаваться в руки Божии, тверди постоянно: Господи, да будет воля Твоя Святая, Господи, делай со мною, что угодно Тебе, только не попусти возроптать на Тебя, только спаси меня.

...Если воздержишься от гнева и сохранишь мир, то и молитва будет хорошая, а если будешь в расстройстве и немирствии, то и молиться не сможешь.

Молитвы во гневе Господь не принимает и предает такого молящегося немилосердным служителям, т. е. демонам, которые

от пира духовного, от молитвы, изгоняют вне брачного пира во тьму разных пустых, иногда и скверных помыслов. И это будет до тех пор, пока не смиrimся и не восплачемся пред Господом от всего сердца и пока не простим всем и сами не попросим от всего сердца и пока не простим всем и сами не попросим прощения, словом, пока не стяжем мира духовного, ибо сказано: «в мире (духовном) место Божие». Где немирствие — там враг и тьма и тягота душевная и прочие начатки ада.

Смиление обладает силой собирать помыслы в памятование о Боге, а немирствие, тщеславие, гордость рассеивают помыслы. Если помыслы сильно рассеиваются, значит что-то неладно в душе, значит враг получил доступ к душе нашей и надо каяться пред Богом и умолять о прощении и помощи. Надо поискать причины этого. Иногда это бывает (если и гнева нет) от излишней суеверности, привязанности к миру, от длинных мирских разговоров, от осуждения близких.

Хорошая, внимательная, от сердца исходящая молитва есть путь к Царству Божию, которое «внутри нас есть». Если нет такой молитвы — значит, мы чем-то прогневали Господа.

29/I-51 г.

..Просите у Господа покаяния, сердца сокрушенного, постараитесь понять, почему величайшие святые постоянно плакали о грехах своих. Чаще вспоминайте, что сделал для Вас Господь, прия на землю и распявшись за Вас, и чем Вы воздали Ему. Сознайтесь и сознавайтесь пред Ним, что Вы имеете **неоплатный долг**, которого никакими (тем более «добрими делами»), подвигами, никакими «всесожжениями» не уплатите. Единственно, что остается нам — умолять о прощении неоплатного долга, сокрушаешься и смиряешься пред Ним и Его образом — человеками. «Сердце сокрушенное... Бог не уничтожит». Вот Ваше делание. Все проще — прелесть, обман себя, а как следствие — отсюда будет потеря мира душевного, маловерие, осуждение близких и проще зла. По плодам узнается дерево. Страх, даже ужас пред смертью есть следствие неправильного устройства. Пока Вы будете надеяться на свои дела и подвиги — Вы не сможете быть покойным. Ни один человек от создания мира не спасался своими делами. Но спасает Господь. Ему мы и должны вве-

рить себя и свою судьбу и здесь и по смерти. А если вверяем се-
бя Ему, то по силе своей должны и поступать так, как Он велит,
т. е. понуждать себя к исполнению Его св. заповедей, а в нару-
шениях вольных и невольных искренне каяться. Если это устро-
ение будет не в голове, а внедрится глубоко в с е р д ц е , то Вы
будете покойны везде и всегда. Ваша душа в руках Господа. Кто
может повредить ей?! Но это состояние не сразу дается. Будете
искать — найдете.

И С П О В Е Д Ь И С В Я Щ Е Н С Т В О у преп. Симеона Нового Богослова^{*}

Служение святой Евхаристии, исповедь и причастие, необходимость, в особенности, иметь духовника, ставили перед пр. Симеоном вопрос, который живо его волновал. Имеет ли всякий священник или епископ, ради одного только факта, что он был рукоположен, власть служить литургию и отпускать грехи? Кто способен духовно руководить другими и какими духовными дарами должно обладать, чтобы исповедовать? Тут убеждения пр. Симеона не совсем определены и колеблются от духовного радикализма до относительной умеренности, что вообще ему свойственно.

Пр. Симеон отнюдь не отрицает значения священнического рукоположения и любит подчеркивать пред лицом своих противников, что сам он был рукоположен епископом. Так, он говорит: «Мы открываем вам талант, данный нам, и благодатный дар через пророчество с возложением рук архиерея, совершившего нас во священство». Пр. Симеон признает, следовательно, что епископское рукоположение преподает прореческий благодатный дар (*χάρισμα*), то есть дар Святого Духа. Однако, пр. Симеон говорит также, что рукоположение, как бы ни было оно необходимо, не достаточно, чтобы достойно служить, как впрочем, и сакраментальное крещение не достаточно, чтобы стать подлинным христианином. Необходима также жизнь, согласная с заповедями Божиими, и, особенно, сознательное обладание дарами Святого Духа с вытекающей отсюда духовной свободой.

Но прежде всего пр. Симеон показывает исключительное величие служения. «Кто, — говорит он, — ...удостоившийся высшей и первой славы, сможет представить себе что-нибудь более ставное, чем служить литургию и созерцать самую высшую природу, вселительную, невыразимую, неприступную для всех?... Если ты увидел Христа, если ты получил Духа и был приведен ко Отцу через Них обоих... ты узнал бы, что велико и страшно и выше всякой славы... служить (*λειτουργεῖν*) с чистою совестью сердца чистой и Святой и нескверной Троице». Пр. Симеон призы-

* Глава из книги «Преп. Симеон Новый Богослов (949-1022). Жизнь. Духовность. Учение». Книга выходит из печати в декабре 1979 г. в издательстве ИМКА-ПРЕСС (Париж).

вает поэтому не служить литургию, если кто не отрекся совершенно от мира: «Не заблуждайтесь, братья, не смеите прикасаться совсем или приступать к непристойному естеству! Потому что кто не отречется от мира и от того, что в мире, и не отречется от своей души и тела... не может приносить Богу таинственную и бескровную жертву (*θυσίαν*) чисто чистому по природе». Но и этого, однако, недостаточно, нужно еще быть явно призванным Богом ко священству. «Но не всем таковым, — (то есть отрекшимся юг мира и т. д.) говорит пр. Симеон, — можно служить, но если даже кто примет всю благодать Духа и от чрева матери пребывает чистым от греха, если не по повелению Божию и Его выбором, извещающим его душу Божественным осиянием и возжигающим ее желанием Божественной любви, то не кажется мне благоразумным ему священодействовать Божественная (*ἱερουργεῖν τὰ Θεῖα*) и касающаяся неприкословенных и страшных Тайн». Отметим, однако, некатегорический тон этого утверждения.

Сам пр. Симеон удивлен и опечален, как он посмел принять это высшее достоинство, священство и игуменство. Он трепещет перед его высотою. Вообще, пр. Симеон не делает различия между властью служить литургию и оставлять грехи. То и другое является следствием священнического рукоположения, которое не должно принимать прежде приятия Святого Духа, не отождествляемого с самим рукоположением. «Но не считайте себя, — говорит он, — ...обманывая самих себя и сбиваясь со смысла, быть кем-нибудь, будучи ничем, и, как почивающие совестью, не думайте, что вы духовны прежде, чем получил Святого Духа. И вследствие этого вы спешите неразумно воспринимать чужие помыслы и восходите на игуменства и начальственные должности и имеете дерзость бесстрашно (принимать) священство и бесстыдно выдвигаете самих себя бесчисленными способами на митрополии и епископства пасти народ Господень». И он советует: «Смотри, не предпринимай сначала пасти, прежде чем ты не приобретешь подлинным другом твоего доброго Пастыря, потому что ты ничего другого не выиграешь, знай, как дать ответ Богу не только о своем недостоинстве, но и об овцах, которых ты погубил по неопытности и страстности». Это особенно верно относительно отпущения грехов: «Смотри, прошу, не принимай на себя вообще чужих долгов, будучи сам должником в чем-нибудь; не дерзни дать отпущение, не приобретши в сердце вземлющего грех мира». Также не следует судить других прежде, чем получишь Святого Духа, ни в особенности иметь дерзость добиваться церковных должностей,

не будучи призванным свыше. «Тогда (после Божественного призыва), исполненный Духа Святого, в свободе от закона плоти и смерти греха, ты будешь поставлен Божией благодатью праведным судьей на суд других, как выдвинутый (*προρέισθείς*) на это Духом».

Большое совершенство требуется пр. Симеоном от высших церковных сановников, которые в противном случае должны были бы покинуть свои кафедры: «Патриархи, если вы не друзья Бога, если не сыновья, если не боги по положению, то есть подобные Богу по природе, по благодати, данной вам свыше, отступите от престолов, и шедши, прежде всего вразумите себя от Божественных Писаний. И ставши отображением Бога, тогда со страхом прикасайтесь к Божественным вещам. Если же нет, когда Он откроется, тогда узнаете, что Бог наш есть огонь поядающий, не друзей, ни тех, кто Его возлюбил, но не принявших Его, пришедшего как свет». Отметим, что, несмотря на резкий тон некоторых из этих высказываний пр. Симеона и его критику церковной иерархии, мы не находим в них прямого заявления о недействительности таинств, совершаемых недостойными, по пр. Симеону, священниками, ни отвержения иерархии, жизнь которой далека от совершенства. Это скорее острая критика образа действий этого иерархического строя и напоминание, что в таких условиях совершение таинств вредит тем, кто их совершает недостойно. «О бесстыдство! — пр. Симеон продолжает свою критику против тех, кто принимает рукоположение, не будучи призван Богом. — Никто не смеет презирать земного царя и похищать его честь и достоинство и присваивать себе, а ты небесного, как если бы он был ничем, презираешь и осмеливаешься налагать руку на апостольские достоинства без Его склонности и воли? Всецело в таком состоянии, ты думаешь, что Владыка оставит это без расследования? Ни в коем случае, никак!» Как бы то ни было, даже если кажется, что Бог призывает нас, принятие правящей должности в Церкви должно ощущаться как опасное духовное нисхождение. «Даже тогда, — говорит пр. Симеон, — тебе не следовало бы быть дерзновенным и всецело беззаботным, но со страхом и трепетом, как опускающемуся с высоты к некоей глубине глубочайшего колодца, полного всевозможных пресмыкающихся и зверей, таким образом вступать на (управление) митрополией или патриархией или на какое-нибудь другое начальство, епископство, если случится, или на управление народом». Во всяком случае, всякую власть дает Святой Дух, и Его

нужно слушаться со страхом. «Нужно ли говорить людям, подобно настроенным относительно власти вязать и решать (которые учат, не имея истинной премудрости, Господа нашего Иисуса Христа), тогда как имеющие в себе Учителя, отпускающего грехи, дрожат, как бы не сделать чего-нибудь вопреки воле находящегося в них и через них говорящего? Но кто столь неистовствующий и вознесшийся на такую дерзость, чтобы прежде приятия Учителя сказал бы или сотворил дела Духа и без указания Божия совершил бы дела Божии?»

В Огласительных Словах пр. Симеон выражается с еще большей силой, говоря о власти. Он отвечает своим противникам, которые утверждали: «Но эта власть принадлежит священникам», — и говорит им сам: «Знаю и я, потому что это правда. Но не всем и просто священникам, но в духе смирения священодействующим Евангелие и живущим в непорочной жизни, прежде всего представившим себя Господу и жертву совершенную, святую, благоугодную, чистое их служение в храме их тела внутри духовно показавшим и принятым и явившимся в горнем жертвеннике и принесенным архиереем Христом в совершенную жертву Богу и Отцу и силою Духа Святого пересозданным и измененным и преображенным во Христа, умершего для нас и воскресшего во славе Божества»... «Таковых есть власть вязать и решать и священодействовать (*ἱερουργεῖν*) и учить, а не только получающих от людей выбор и рукоположение (*χειροτονίαν*) ». Это все та же доктрина: власть вязать и решать и вообще деятельность священства, даже власть учительства, принадлежит священникам, но одно рукоположение не достаточно для плодотворного выявления этой власти, если оно не сопровождается жизнью во Христе, если сам священник не преображен во Христе Святым Духом. Разрешающая власть, так же как способность принимать исповедь, немыслимы для пр. Симеона без обладания благодатью Святого Духа. Притязание действовать как священник только в силу церковной должности возмущает пр. Симеона. «Но что я скажу, — пишет он, — любящим быть именитыми и становиться священниками и архиереями и игуменами и желающим воспринимать чужие помыслы и говорящим, что они достойны врученной им власти вязать и решать? Когда я вижу их, что они не знают ничего из необходимых и Божественных вещей и не учат этому других и не вводят в свет познания, чем это отличается от того, что говорит Христос фарисеям и законникам: «Горе вам, законникам, что взяли ключ познания... Чем другим является ключ

познания, если не верою даваемая благодать Святого Духа, поистине производящая через просвещение познание и раскрывающая затворенный и покрытый наш ум»... «Научитесь всему этому, настаиваю, вы, именуемые чадами Божиими и думающие быть христианами, учащие других пустыми словами и воображающие править, однако лживо, священники и монашествующие!»

С другой стороны, пр. Симеон называет своих монахов, из которых не все были священниками, «народом Христа, священным стадом, царским священством». Наконец, в Гимнах пр. Симеон осуждает тех, кто, не отрекшись от мира и не получив Святого Духа, соглашается быть рукоположенным. А именно, он говорит: «Кто не оставит сначала мира... и не возлюбит подлинно одного Христа и не потеряет душу свою для Него... и не был удостоин получить Божественный Дух, данный Им Божественным апостолам... откуда очищение и созерцание душею... неприступного света, из которого дается бесстрастие и святость всем удостоившимся видеть и иметь Бога в сердце... таковой да не дерзнет соглашаться на священство и на управление душами и на власть».

Вопрос, кому принадлежит разрешительная власть, имел для пр. Симеона особенный интерес ввиду важности, которую имело в его глазах, как и вообще в учении Церкви, таинство исповеди. Пр. Симеон настаивает на действенности исповеди и на ее необходимости для всех, кто впал в грехи после крещения, он видит в ней средство вновь найти Бога. Поэтому он всех призывает к исповеди и покаянию: «Да покается каждый из вас и да оплачет самого себя... что лишил себя столь многих и столь великих благ, отпав от славы и созерцания Царя небесного, и да потщится через покаяние и исповедь получить вечные блага». В другом месте пр. Симеон настаивает, что одного покаяния недостаточно, но за ним должна следовать исповедь и разрешение от грехов. «От покаяния, — говорит он, — происходит омовение скверны постыдных действий, а после него причастие Духа Святого. Не просто, однако, но по вере и расположению и смирению кающихся от всей души. И не только, но после получения совершенного разрешения от отца и воспреемника. Вот почему хорошо ежедневно каяться». В другом месте, однако, он прибавляет и иной источник очищения, монашеский постриг: «Если ты получил оставление всех твоих согрешений или через исповедь или через одеяние святой и ангельской схимы, какой это будет тебе причиной любви и благодарения и смирения».

Утверждение пр. Симеона, что отпущение грехов может быть получено также через облачение в монашескую одежду, которая не обязательно дается лицом в священническом сане, указывает на связь, существующую, по пр. Симеону, между исповедью и монашеским постригом, выражением покаяния и отречением от мира прежде всего. Пр. Симеон рассматривает эти вопросы в 1-ом Послании «О исповеди», сохранившемся во всех древних рукописных собраниях его творений, хотя и несколько отдельно от других. Подлинность его несколько раз оспаривалась. Оно содержит учение, несколько отличное от вышеизложенного, или, вернее, своего рода радикализацию взглядов пр. Симеона касательно разрешительной власти.* Пр. Симеон начинает Первое Послание прямым вопросом, который был ему, вероятно, задан его корреспондентом. «Ты повелел моему ничтожеству, — пишет он, — о, отец и брат, ответить на вопрос: «Позволено ли исповедовать свои грехи некоторым монахам, не имеющим священства?» Ты прибавил и следующее: «Потому что мы слышим, что власть вязать и решать дана одним священникам». Для того чтобы ответить, пр. Симеон дает сначала определение исповеди: «Исповедь, следовательно, не что иное, как сознание долгов, далее, признание ошибок и собственного безумия, то есть осуждение своей бедности». Он объясняет: «Всякий верный, без исключения, следовательно является, — пр. Симеон имеет в виду евангельскую притчу, — должником своего Владыки и Бога, и то, что он взял у Него, будет с него спрошено на страшном и ужасном суде, когда все без исключения, цари и бедные вместе, мы предстанем перед Ним, нагие и со согнутой шеей».

Один Христос может восставить Адама и его потомков в их падении. «Ни Адам, — пишет пр. Симеон, — ни кто-нибудь из его сыновей не имел бы силы совершить восстановление себя и своих близких, если бы Бог, Который выше естества, наш Господь Иисус Христос, пришедши (в мир), не поднял бы его и нас от падения Свою Божественною силой». Таким образом, грех Адама, «прадедное падение» (*πρωταριάθρον πτώμα*), как пр. Симеон говорит в другом месте, является источником падения человеческого рода, хотя каждый согрешает лично. Все мы пронзены жалом врага, а всякий грех ведет к смерти, человек станов-

* См. по этому вопросу диссертацию Joost. Van Rossum. The Ecclesiological Problem in St. Symeon The New Theologian. 1976. (New York). Классическая книга — Karl Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt — рассматриваящая те же вопросы, не потеряла еще своего интереса.

вится рабом диавола. В таких обстоятельствах большой грешник (речь идет в данном случае о развратнике), «ставший вместо чада Божия чадом диавола, что сделает он, чтобы вновь оказаться во обладании того, что он потерял? Во всяком случае он попросит посредника и друга Божия, способного восстановить его в состоянии, которое он имел раньше, и который примирит его с Богом и Отцом... (Ибо) тот, кто таким образом разгневал своего Владыку и Бога, не может иначе примириться с Богом, нежели через посредника, святого человека и раба Христова и через избежание зла». Пр. Симеон призывает поэтому прибегнуть к духовному врачу, исповедуя ему свои грехи: «Побежим немедленно к духовному врачу и изблюем через исповедь яд греха, и, выплюнув его яд, получим от него с усердием в качестве противоядия даваемые им покаянные эпитимии, и будем подвизаться их исполнять всегда с горячею верою и в страхе Божием». Духовный отец должен иметь три качества: он врач, советник и посредник. «Взыщи, если хочешь, благого врача и советника, чтобы, как хороший советник, он предложил бы тебе образы покаяния, которые тебе подходят, и как врач, дал бы тебе лекарства, подходящие для каждой раны, и как посредник, предстоя перед Богом лицом к лицу, молитвою и ходатайством, умилостивил тебе Божество».

Отметим здесь, что духовный отец никогда не рассматривается как судья, который осуждает и карает. Эпитимии, им налагающиеся, имеют лечебную цель. Но с другой стороны, пр. Симеон, имеющий столь высокое представление о духовном отце, харизматической личности и избраннике Божием, настаивает, что никто не должен похищать апостольского достоинства, то есть высушивать исповеди и оставлять грехи, не будучи призван Богом. «По всему этому, — говорит он, — я трепещу и дрожу, братья и отцы мои, и прошу вас всех... не презрительно относиться к этим божественным и страшным для всех тайнам и не играть с вещами, где нельзя играть, ни с вашей душой, из-за тщеславия или славолюбия, или выгоды, или от беспечности. Потому что случается принимать помыслы других, чтобы быть называемыми «равви» и «отцы». Не будем восхищаться, прошу, бесстыдно так и просто достоинство апостолов». Пр. Симеон говорит, продолжая, что истинные посредники редки: «Но и не возжелайте быть посредниками остальных (людей), прежде чем наполниться вам Духом Святым и познакомиться и примириться вам в чувстве души с Царем всего». Пр. Симеон предупреждает, что искателей церковных должностей ожидает вечный огонь.

Установив таким образом харизматический характер духовника и важность таинства исповеди, пр. Симеон чувствует себя способным ответить на вопрос, который был ему поставлен, можно ли исповедовать свои грехи монахам, не имеющим священства. Он дает на этот вопрос скорее положительный ответ, основываясь в особенности на предании: такой порядок существовал в Церкви от древних времен. Так, он говорит: «Что позволено нам исповедоваться (ἐξαγγέλλειν) монаху, не имеющему священства, ты это найдешь происходящим со всеми с тех пор, как одежда и образ покаяния были дарованы от Бога Его наследию и монахи получили свое имя, как это написано в богодохновенных писаниях отцов. Вникнув в них, ты найдешь, что то, что я говорю, правда». Хотя пр. Симеон не приводит здесь источников, можно сказать, что он прав. Пр. Симеон опирается на долгую монашескую традицию, прибегает также к истории Церкви, которую рассматривает в очень общем виде, даже схематически и без достаточных оттенков, чтобы показать, что разрешительная власть, данная Господом апостолам, перешла впоследствии к епископам и священникам и от них к монахам, когда первые стали недостойными. «Прежде них (монахов) одни архиереи получали власть вязать и решать, по преемству от божественных апостолов, но с прошествием времени и когда архиереи стали негодными (ἀχρεούμενοι), это страшное действие перешло к священникам, имеющим непорочную жизнь и удостоенным божественной благодати. В дальнейшем, когда они, священники и иереи, вместе смешались и уподобились народу и когда многие, как и теперь, подпали (под действие) духов заблуждения и в суетные слова и погибали, оно было перенесено, как было сказано, избранному народу Божию, говорю, конечно, монахам. Не то что она была отнята от священников и архиереев, но они сами отчуждали себя от нее». Пр. Симеон снова возвращается к вопросу, «откуда и как и кому была дана изначала эта власть священникововать (ἱερουργεῖν) и вязать и решать», с тем чтобы ответить, что один Бог может отпускать грехи, но что Он передал эту власть апостолам, давав им Святого Духа. «Отсюда начало этого великого дара, — говорит пр. Симеон, — и только Богу подобающего и которым Он один обладает. Далее Он оставляет ученикам таковой благодатный дар (χάρισμα), намереваясь взойти на небо». Через апостольское преемство этот Божественный дар был передан епископам: «Как уже было сказано, святые апостолы по преемству передавали эту власть тем, кто занимал их престолы, так как никто из остальных не смел даже помыслить что-нибудь такое.

Таким образом ученики Господа с точностью хранили право этой власти».* Необходимость апостольского преемства, для того чтобы иметь власть оставлять грехи, является для пр. Симеона столь очевидным фактом, что он считает просто немыслимым не признавать его. Однако в Послании пр. Симеон почти сразу возвращается к своему убеждению, что Божественная благодать покинула епископов и священников из-за их недостоинства: «Божественная благодать, — пишет он, — оставила их, и эта власть (разрешительная) была отнята от таковых (архиеререв). Поэтому, так как они оставили все другое, что должны иметь священное действующие, одно только от них требуется, православность. Думаю, что даже не это (только). Потому что не тот, который не вносит новый догмат в Церковь Божию, православный, но имеющий жизнь, согласную с правым словом».

Более важно, однако, и характерно для духовных установок пр. Симеона то, что он не останавливается на этом, но утверждает, что также монахи, вслед за епископами и священниками, потеряли свои духовные дары, не являющиеся достоянием какого-нибудь особого положения в церкви. «Так как только вид и одежда священства остались в людях и когда дар Духа перешел на монахов и было познаваем через (чудесные) знамения, так как они проходили на деле апостольскую жизнь, и здесь диавол соделал своественное ему. Потому что видя их, что они, как некие новые ученики Христа, снова явились в мире и просияли жизнью и чудесами, он ввел лжебратьев и свои собственные орудия и смешал их с ними. И когда мало-помалу они умножились, стали негодными, как ты видишь, и сделались монахами очень немонашествующими».

Пр. Симеон делает, следовательно, заключение, что власть оставлять грехи не принадлежит священству от одного факта рукоположения, но только тем, кто является учеником Христа. «Ни монахам по оделу, — пишет пр. Симеон, — ни рукоположенным и включенным в степень священства, ни почтенным достоинством архиерейства, патриархам, говорю, и митрополитам и епископам, так просто и только из-за рукоположения и за его

* Можно заметить значительное сходство, может быть даже влияние, между тем, что говорит здесь пр. Симеон об апостольском преемстве, и хорошо известным местом из Клиmenta Римского в его Послании к Коринфянам. Хотя намерение пр. Симеона совсем другое: не только подкрепить авторитет существующей церкви, сколько показать действительность дара Святого Духа истинным преемникам апостолов. См. Послание Клиmenta к Коринфянам, гл. 42-44.

ценность не дается от Бога оставлять грехи, да не будет! Потому что им дозволено только служить (литургию). Полагаю, что даже и не это многим из них, чтобы, будучи сеном, они из-за этого не сгорели бы совершенно, но только тем, кто среди священников и архиереев и монахов может быть сопричислен к ликам учеников Христовых за чистоту».

Несмотря на энергичный тон, эти высказывания пр. Симеона не очень ясны. Одно кажется несомненным: пр. Симеон делал различие, хотя и с некоторою непоследовательностью, между властью совершать Евхаристию и властью оставлять грехи. Это последняя предполагает особые божественные благодатные дарования (харизмы), не сводимые к одной благодати рукоположения, тогда как для служения литургии чистота жизни представляется достаточной, когда дело идет о лице, получившем рукоположение. Пр. Симеон не подвергал ни малейшему сомнению необходимость рукоположения для служения литургии, хотя и находил это недостаточным. Что же касается оставления грехов, то ответ менее ясен, так как трудно сказать, кто эти «ученики Христовы», которым дана власть? Должны ли они обязательно быть рукоположенными? Скорее нет. Пр. Симеон, однако, указывает, как можно узнать этих истинных учеников Христовых: «Ставшие причастниками таких благодатных даров — или всех или частично, как им полезно — зачислены были в апостольский лик, и те, кто теперь становятся таковыми, туда же зачисляются». Разрешительная власть принадлежит тем, кто видит Бога.

Пр. Симеон, что обычно для него, основывается в своих убеждениях о духовном руководстве и власти оставлять грехи на своем личном опыте. Ведь его духовный отец, Симеон Благоговейный, человек, никогда не рукоположенный во священники, привел его к Богу. «Я знаю, чадо, — пишет пр. Симеон в конце своего Послания, — что таковым лицам (как Симеон Благоговейный) дается власть вязать и решать от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа Духом Святым сущим по положению сыновьям и святым рабам Его. Такового и я сам отца был учеником: не имевшего рукоположения (*χειροτονίαν*) от людей, но рукою меня Божией, то есть Духом, вписавшего в ученичество и хорошо повелевшего принять рукоположение от людей для последующего предписанного чина (*τέπον*), меня, давно движимого Духом Святым на это сильным желанием». «Этот, — прибавляет пр. Симеон, говоря о Симеоне Благоговейном, — услышав Христовы (заповеди), стал причастником Его дарований и получил

от Него властъ разрешать согрешения, возжегши Святым Духом».

Можно в общем сказать, что учение пр. Симеона о разрешительной власти, выраженное в Послании «О исповеди», является развитием его взглядов, основанных на личном опыте, на духовном рождении и на мистическом воскресении, на крещении Духом, а также на сознательном характере обладания благодати. Но оно представляет собою, кроме того, более суровую регламентацию и радикализацию его убеждений. Потому что в других своих писаниях пр. Симеон, энергично утверждая необходимость для спасения церковных таинств, в особенности крещения и Евхаристии, совершаемых священником, оспаривает их действенность и находит их недостаточными только в том случае, если тот, кто их получает, не чувствует ясно, что он становится новым человеком. Здесь же пр. Симеон идет дальше и утверждает, что для того, чтобы оставлять грехи, нет необходимости быть рукоположенным священником, потому что единственное, что важно, это быть истинным харизматиком, и что только этим одним дается разрешительная власть. Однако, пр. Симеон не распространяет свои взгляды о сознательном опыте Духа, как единственном условии действительности таинств, на другие таинства, кроме исповеди и оставления грехов, как вытекающем из нее. Наоборот, он утверждает, что власть совершать Евхаристию предоставлена священникам и епископам — хотя они и потеряли свои харизматические дары, — если только они не впадают в тяжелые грехи.

Утверждая возможность обращаться к лицам, не имеющим священства, для получения от них отпущения грехов, пр. Симеон основывается, как мы сказали, на предании древней Церкви, допускавшей исповедоваться у нерукоположенных монахов. Хотя во времена пр. Симеона этот обычай стал редок, понятно, что он опирается на него. Но на предложенный ему вопрос, позволительно ли исповедоваться монахам не священного сана, он не отвечает прямо, а расширяет свой ответ, говоря, что разрешительная власть принадлежит вообще христианам, носителям Духа, независимо монахи они или нет. Монахи тоже потеряли свои духовные дары, никакое положение в Церкви не пользуется преимуществом в этом отношении. Пр. Симеон опирается также на свой личный мистический опыт как ученика Симеона Благоговейного, который породил его духовно и примирил с Богом, не будучи сам рукоположенным во священники, но при этом принудил его принять священство путем возложения епископских рук. Пр. Симеон различает здесь два «рукоположения», одно человеческое, «от

людей», другое Божественное, Святым Духом. Первое совершается по предписанному «чину», выражение двусмысленное и трудно-переводимое, но он, вероятно, хочет сказать «согласно с церковными предписаниями». Как бы то ни было, его невозможно истолковывать как ссылку на чистую формальность. Что же касается богословского объяснения, пр. Симеон более всего основывается на явлении Христа апостолам (Иоанн, гл. 20), когда Он вдунул им Святого Духа и дал разрешительную власть. Эта власть, по пр. Симеону, дается тем, кто получил Святого Духа, а принятие Духа не ограничивается таинствами.

Не высказывая своего мнения об этом учении пр. Симеона (об отпущении грехов лицами, не имеющими священства, но святыми и духоносными), скажем лишь, что оно никогда не было официально принято Православной Церковью и с течением веков до такой степени забылось, что многие православные священники нашего времени, когда им говорят о нем (а слышат они это в первый раз), бывают удивлены и смущены и находят его опасным. Однако оно никогда не было ни прямо, ни косвенно осуждено Церковью. Церковное общественное мнение тоже не отвергало его, особенно в монашеских кругах, как об этом можно заключить из факта, что древние рукописи не исключают Первое Послание, где оно изложено, из своих собраний творений пр. Симеона, хотя и помещают его несколько отдельно. Но тот факт, что в некоторых рукописях это учение приписывается пр. Иоанну Дамаскину, показывает, что оно встречало некоторую оппозицию. И чтобы придать ему больше авторитетности и защитить от критики, его ставили под покровительство лица столь неоспоримого православия, каким был Дамаскин. Напротив, в XVIII веке, в ново-греческом переводе Дионисия Загорейского и в русском переводе еп. Феофана (Говорова) Послание было вовсе опущено, очевидно, чтобы не смущать читателей.

Влияние взглядов пр. Симеона на исповедь, сказывается скорее на обычae, стариинном, как мы сказали, но обновленном в новые времена: открывать свои помыслы и душевые движения монахам, известным своей святостью, не спрашивая от них разрешения грехов, если они не иеромонахи. Нужно, однако, сказать, что такого различия между «откровением помыслов» и иерейским разрешением нет в писаниях пр. Симеона и оно чуждо его духовности. Для него исповедь была нераздельным целым, харизматическим актом.

УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Церковь непогрешимая, не признав апокрифического Писания за священное откровение, все же, на основе некоторых сведений из него, определила празднование некоторых событий жизни Пресвятой Богородицы как истинно бывших. Но ни в Символе Веры, ни в других догматических определениях об этих событиях не упоминается.

Признавая истинность этих событий, Церковь не обязывает верующих почитать за истину подробности апокрифических свидетельств, хотя и пользуется ими в своих песнопениях. Она предлагает нам как бы икону этих событий, предоставляя свободу выбирать нам краски и добавочные украшения.

Все сказанное относится и к Празднику Успения Божией Матери.

Богородичные Праздники, как и самое почитание Матери Божией и Приснодевы Марии, понуждают нас глубоко задуматься о значении в сотворенном мире мужского и женского начала.

Здесь естественно обратиться нам прежде всего к книге Бытия, которую Церковь воспринимает как единое целое, не возбраняя критического исследования происхождения как всей книги, так и ее отдельных частей.

В книге Бытия сперва говорится, что Бог сотворил человека как мужчину и женщину, а в другом месте, что сперва был сотворен мужчина-Адам, а потом женщина, подобная ему, как его помощница. В этом втором сказании ясно показано некое первенство женщины, которое, как увидим из дальнейших указаний книги Бытия, есть первенство в ответственности.

В то же время это откровение о создании Евы сразу возбуждает вопрос: в чем же женщина (Ева) должна быть помощницей мужа (Адама)? Первозданным людям еще в раю была дана залоговель плодиться и множиться. На основании этого в римской Церкви возникло учение, что брак и его благословение, т. е. таинство брака имеет целью только леторождение, а отсюда естественно сделать вывод, что помочь женщины мужчине есть не что иное как леторождение.

На втором Ватиканском Соборе Римская Церковь, взамен этого определения брака, установила новое, совпадающее с определением Православной Церкви. Брак учреждается и благослов-

ляется Богом как полное единение двух существ и их жизни, как единение в любви, которое есть необходимая ступень к единству в любви всех людей между собой и Богом. Это единство должно быть подобно совершенному единству и самой совершенной любви совершеннейших Лиц (Ипостасей, Личностей) Пресвятой Троицы. На земле это единство людей совершается силою Духа Святого в единстве Христа и Его Церкви. Брак человеческий есть образ этой взаимной любви Христа к Церкви, и полное единство жизни мужа и жены потому и есть ступень к всеобщему единству всех в Боге и некая часть этого единства, клетка в Бого-человеческом организме Церкви. Таким образом брак и семья есть малая Церковь. Что же касается деторождения, то появление детей есть особое, несомненно желанное благословение Божие супружеской чете, зависящее от таинственного Божия произволения. И потому нельзя утверждать, что женщина создана единственно как помощница мужчины для деторождения. Ведь немало есть бездетных браков; а в чем же тогда женщина может быть помощницей мужчины?

В раю не было необходимости для людей ни в приготовлении еды, ни одежды, ни своего крова; так что Еву-женщину нельзя рассматривать как помощницу в хозяйстве. Но в чем же тогда могла быть ее помощь? Нельзя не повторить этого вопроса.

Ответ напрашивается сам собою. Ева-женщина должна была быть помощницей мужу-Адаму в деле, которое поручил ей Бог. А дело это великое. Бог сотворил Адама как Своего наместника на земле, как некоего царя и священника вселенной. Бог поручил Адаму совершенствовать Едем, уже и без того прекрасный сад. Сотворив мир, Бог возрадовался. «Прекрасен» или «добро зело» говорит Он, оканчивая звено творения. Но Бог хотел еще чего-то лучшего, Он хотел, будучи совершен, бесконечного совершенства и поручил дальнейшее совершенствование человеку, т. к. человек был сотворен по образу и подобию Его, и поэтому должен был стать соучастником Божьего творчества. Дело человека и есть творчество. По учению Православной Церкви, образ Божий в человеке следует понимать динамически, это есть постоянное стремление человека к совершенству во всем, и в конце концов устремление к Самому Всеышнему, к Богу. В этом устремлении к Богу человек должен был увлечь за собою и все Божие творение. Устремление к Богу может быть для твари только бесконечным. Тварь не есть Бог. Всякое творческое устремление требует вдохновения, а вдохновение высшее, к святыни, — это дыхания Святого Духа.

И вот, для усиления этого творческого вдохновения человека, Бог и создал ему помощнику — женщину. Женщина создана как некая вдохновительница. Она должна была быть как бы передатчицей вдохновения Святого Духа и для этого быть прозрачной приемницей Его даров.

И Ева исполнила свое предназначение. Она стала вдохновительницей Адама, но, к несчастью, в обратном смысле. Ева вдохновила Адама на зло, приняв сама в себе указания духа зла.

Но кто несет ответственность за первородный грех? Не Ева, а Адам. Не к Еве, а к Адаму обратился Бог с вопросом о его поступке. Но Адам отрекся от своей первоответственности и захотел переложить свою вину на жену, и т. о. продолжилась и продолжается цепь грехов. Только немедленное покаяние Адама могло бы пресечь эту цепь грехов.

Как бы ни тяжел был по своим последствиям первородный грех, Церковь учит, что он не был все же окончательной смертью человечества и каждого человека. Передается по наследству не самый грех, а наклонность к нему и его последствия. Образ Божий в человеке поврежден, поруган, но все же сохранился, и потому осталось возможным спасение. Плохо ли, хорошо ли — всякий человек продолжает стремиться к совершенству, к чему-то высшему себя, в конечном итоге к Богу, сознает ли он это или не сознает.

А женщины, дочери Евы, вдохновляюг человека не только на зло; и если не всегда на самое благо, все же часто на что-то ведущее к нему.

В истории человечества мы видим, что едва ли не всегда, в своих творческих порывах, человек (мужчина) бывает вдохновлен каким-либо женским образом. Жизнь поэтов, композиторов, да и всех других художников об этом свидетельствует особенно ярко. Случалось часто, что конкретное воплощение женского образа жестоко обманывало устремленных к нему, а иногда и прямо вместо вдохновительницы появлялась соблазнительница, но тем не менее, те, кто был вдохновлен, в той или иной мере искали вдохновительницу.

И здесь важно отметить, что всякая любовь, но особенно любовь мужчины и женщины, и часто «первая любовь» есть всегда вдохновение, некий зов, призыв к чему-то высшему и, прежде всего, к выходу из греховой самозакнутости.

В современном мире возникла едва ли не привычка, по примеру Маркса и Фрейда, все высшее сводить к низшему, чисто материальному, бездушному, все высшее считать только иллюзией,

происходящей от будто бы единственной реальности низшей. Последователи таких лжепророков неизбежно катятся в темную и глухую безлну цинизма.

На деле, для духовно-просветленного взора все в действительности построено Богом паоборот. Все низшее отражает отчасти высшее, и поскольку его отражает и не отрицает, становится ценным и прекрасным. Недаром многие священные писатели, да и Сам Господь, самые высокие отношения Бога и человека изображают то в образах хозяйственной жизни, то в образах эротической любви. Во взаимной земной любви, особенно в супружеской, начиная с ласковых слов, все есть некоторое одарение, и принятие дара и благодарение. В этом заключается симфония всех различных проявлений любви, и наиболее высоким из них является (по выражению одного французского писателя) не любование друг другом, а совместное созерцание чего-либо высшего и стремление к нему.

Если здесь говорилось о различных формах человеческой деятельности, успех которых невозможен без вдохновения, и где женский образ, а порою сама женщина может вдохновлять, то в области строительства высшего — святой и совершенной жизни — вдохновляющим образом прежде всего является Сам Господь Иисус Христос, Богочеловек.

Но признать во Иисусе Христе живой образ наивысшего блага, истины и красоты, т. е. назвать Христа Господом можно только Духом Святым, т. е. по высшему вдохновению, которое есть и не что иное как совершенная любовь.

По своей неизреченной милости, Бог явил нам в лице Своего Сына образ совершенной жизни, а через Духа Святого подает нам силу не только преклониться перед этим образом, но и на деле идти путем, указанным Его возлюбленным Сыном. Во Христе восстановлен одновременно в своей первозданной чистоте образ Божий в человеке (сгремление к Всевышнему), а также утерянное Adamом чувство наибольшей ответственности, в котором заключено некое онтологическое превосходство мужского рода. Первый человек отказался от ответственности за себя и за Еву, Господь Иисус Христос, как Новый Adam, взят на Себя ответственность за всех людей, за человеческую свободу, за все грехи и ошибки любого человека.

Но соделавшись Новым Adamом, Господь воздвиг нам в помощь и Новую Еву в лице Своей Пречистой Матери, Приснодевы Марии. Она, благодатная, став сосудом Духа Святого, являет нам в Себе вдохновляющий образ совершенной женственности,

совместив в Себе красоту девственной невинности и материнство. В лице Своего любимого ученика Иоанна, Христос, умирая на кресте, усыновил нас Своей Матери, а Ее, наеленную сверхчеловеческим достоинством, передал нам для нашего попечения о Ней и охранения Ее.

Самые строгие отшельники, отказавшись от земной красоты, не могли отказаться от образа совершенной женственности в лице Богородицы и Приснодевы Марии, а Она самодостаточно являлась многим из них, вдохновляя их восход на высшие ступени духовной лестницы, ведущей на небо.

Но Божия Матерь вдохновляет Своей чистотой и пренебыточествующей любовью к Богу не только лиц мужского, но и женского пола. А без вдохновения любви воздержание, отречение и всякий подвиг либо бессильны подавить соблазн, либо иссушают человека, превращая его в самодовольного фарисея и жестокого ригориста. Только любовь может пожечь грех до конца. «Кто большие любит, тому большие прощается», а настоящее прощение и есть истребление самого корня греха. Истинные подвижники, горевшие ответной любовью ко Христу и Его Пречистой Матери, были кротки и терпимы.

Дары отцовства и материнства — этих основных свойств в человеке, присущи всем людям даже вне наличия фактического, г. е. телесного деторождения. Через Господа и Божию Матерь у мужчины отцовство может проявляться в священстве, настырстве, духовничестве, но оно же проявляется у восприемников, наставников, педагогов и начальников, не только в отношении детей, но и всех людей, чаще младших или более слабых. В этом универсальном отцовстве мужчины могут ярче проявляться его преимущества над женщиной, а именно в наличии и сознании своей большей ответственности.

Точно так же материнство в той или иной степени присуще всем лицам женского пола, прежде всего в заботах о телесных нуждах людей, а для истинных христианок, одновременно, и о нуждах духовных. Можно перечислить некоторые положения, в которых особенно может проявляться такое материнство: приемные матери, кормилицы, няни, сестры милосердия, врачи, крестные матери, игумены женских монастырей. Материнская забота также универсальна, но она иная, чем отцовство. В материнстве женщина является или может явить свое назначение вдохновительницы. Женская заботливость, внимание, ласка, конечно, вдохновляют. Вершиной и здесь является Царица Небесная. Она является образ высшего, универсального материнства. Она — Новая Ева.

В Царстве небесном, где не женятся, ни замуж не выходят, а живут как Ангелы Божии, все же, можно сказать с уверенностью, сохраняется мужское и женское духовное начало. Там пребывает Господь Иисус Христос в прославленном теле, вознесенном на небо таким, каким Он был на земле, Мужем совершенным, Женихом Церковным.

И не мог Господь, наделивший Свою Матерь таким величайшим полномочием — быть Ему первой помощницей в призывае в Его Царство, не мог Он не сделать Ее первой участницей Воскресения всех мертвых, еще до последнего Великого Дня Своего.

Это событие и празднует сего дня Святая Церковь, и это есть торжество той вечной женственности, которая есть призыв к вечному восхождению.

В заключение мы не можем не остановить внимания на евангельском повествовании о браке в Кане Галилейской, читаемое во время совершения таинства брака. Оно (как и все в Евангелии) заключает в себе неисчерпаемый смысл.

Совершив первое чудо во время празднования брака, Господь, конечно, восстановил тот брак, который получил уже Божие благословение во Едеме. И здесь именно являет Он в Своем Лице образ Мужа, первенствующего в ответственности, т. е. образ Нового Адама. В лице же Своей Пречистой Матери являет образ женщины вдохновительницы — Новой Евы. Божия Матерь побуждает Господа совершить чудо, и Господь исполняет его наконец. Но прежде того подтверждает, что это Его личное дело (в частности, знать сроки, когда что делать), и как бы указывает, что Ему, а не Ему даже такой дивной советнице-вдохновительнице, принадлежит первая ответственность.

В этом же повествовании, нельзя не заметить, жених и невеста остаются как бы в тени, о них лично ничего не повествуется, но вся забота Господа и Божией Матери относится к приглашенным и общей радости присутствующих. Этим несомненно указывается, что брак не есть частное семейное событие, а радость всей Церкви.

Но описание евангельского события особо отмечает устроителя пира и слуг. Можно предположить, что слуги являются образом священнослужителей; им открыта тайна происхождения вина и они являются прямыми исполнителями воли Иисуса Христа. Более таинственным является образ распорядителя. Его значение в том, что он указывает на ответственность за пир жениха. Так

в семье, мужу и отцу дается назначение включить своих близких в Церковь.

У многих Огцов Церкви и богословов можно встретить мысль, что брачное торжество в Кане Галилейской есть прообраз литургического Собрания, а чудо претворения воды в вино — прообраз еще большего чуда евхаристического преложения вина в Кровь Христову. Больше того: таинство брака и таинство евхаристии тесно связаны. В древности таинство брака состояло только в до-брачном совместном причащении брачующихся. Позже, развившийся ритуал бракосочетания совершался во время литургии.

Таинство брака, как и евхаристическое общение, длится всю жизнь, поэтому общецерковное и брачное единение пожизненно связаны.

На браке в Кане Галилейской присутствуют, как и всегда в Церкви, Сам Господь и Его Пречистая Матерь. В этом собрании таким образом явлена полнота церковная, подобно тому как она устраивается на дискосе во время проскомидии.

Эту тайну, несомненно, почувствовал Достоевский, повествуя о сне Алехи Карамазова. Правда, мы не знаем, кем мог бы стать, по мысли Достоевского, его юный герой; его светлая обращенность к детям могла одинаково привести к просветленной семейной жизни, или к некоторому виду иночества в миру.

1978.

ВЕЧНОЕ ВО ВРЕМЕННОМ

“Чтоб полной грудью мы вне времени
вдохнули
О луговине той, где время не бежит.”

О. Мандельштам

Преодоление смертного потока времени в памяти. Без памяти нет личности, нет человека. Без памяти не есть истории, нет народа. Память — особое измерение бытия, предназначение к торжеству и победе над всем времененным и тленным.

Падшее время уносит в бездну небытия цивилизации, поколения, народы, культуры...

Вневременное распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.

(Волошин)

В памяти время как бы восстанавливает свой подлинный смысл: возвращение Богу человека и мира. История становится священной историей спасения.

Время можно раздробить условным масштабом, измерить. Но смысл времени при этом ускользает. Оно становится «часами», механизмом. Время воистину течет и уже ничего не значит. Оно отмеряет количество условных «единиц измерения».

В череде рождений и смертей человек обретает историю как объективное время. Это чередование людей во времени, смена поколений, народов, отдельных лиц не представляет собой чего-то случайного и чисто эмпирического, — замечает о. Сергий Булгаков. Время вовсе не есть пустая форма, в которой размещаются разные предметы без связи и порядка, и не есть только форма восприятия... Конкретное время, — утверждает о. Сергий, — которым и является история, имеет и начало и конец, иначе говоря, оно представляет собой эон, некую завершенность, последовательно раскрывающуюся во времени. Полную аналогию историческому эону мы имеем и в своей собственной жизни, также представляющей собой конкретное время.

Время обретает смысл в человеке, в личности. Человек — подлинная неразложимая мера времени как священной истории спасения. Он подлинный преобразователь и творец того времени,

которое вручается ему Господом. Это утверждение — бессмыслица для физика и астронома, парадокс и причуда для историка-марксиста и абсолютная достоверность для христианина. Человек, как целостное, онтологическое, неразложимое и недробимое, т. е. библейский человек, — он и есть подлинная мера и смысл времени!

Но какой человек? Падший человек соразмерен падшему времени. Восстановлению подлинного смысла времени отвечает святой человек, преобретенный человек. Божье Время устремлено к познанию Божьего мира, к Царству Божию. А начало Царства Божия уже здесь, на земле свершается в душах святых, праведных, кротких и смиренных учеников Христовых.

Личность в своей глубочайшей сущности всегда сверхвременна. Подлинная Личность явлена нам Иисусом Христом. Стать личностью, следя за Иисусом, сделаться причастником и творцом подлинного времени, текущего в Вечность Божию, — вот принцип Богочеловечества и Богосыновства!

Христос — центр и ось времени мира, космоса. В Нем и только в Нем подлинный смысл времени, решение его волнующей тайны. «Тайну Своей воли» Бог «по Своему благоволению» «положил» в Иисусе из Назарета «в устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф. 1,9,10).

Тайна времени — тайна падшего мира. Она такое же «преткновение» миру, как и Христос Спаситель. И подлинное её решение рождается где-то в онтологическом центре человека, в его «сердце». В молчании. В тишине. В молитве.

Бл. Августин отчеканил этот опыт в знаменитой фразе: «Если меня об этом никто не спрашивает — я знаю. Если же я хочу объяснить это кому-нибудь, кто спрашивает меня об этом, я не знаю». Пауль Тиблих ещё более категоричен: «Во времени есть что-то, что нельзя выразить словами!»

Обращение к тайне времени людей всех эпох и культур потрясает своей настойчивостью. Непостижимость времени, как замечает тот же Тиблих, не помешала наиболее выдающимся религиозным умам думать и говорить о нем. Это не просто любопытство и философия, но трагическое ощущение жизни, её утекания. И смерти, как несомненной и неотменимой реальности человеческого бытия.

Любомудрые греки и библейский Когелег, Будда и Магомет, раннехристианский богослов Августин и наши современники о. С.

Булгаков, Пауль Тиллих, Клод Тремонтан, — все они напряженно размышляют о тайне времени.

«Время неисчислимо, как основа самой жизни, — пишет Тиллих, — даже величайшие умы открыли каждый лишь по одному его аспекту. Но всякий, даже самый простой ум, понимает значение времени, а именно свою собственную временность. Он может не быть способным выразить свое знание о времени, но он всегда неотделим от его тайны. Его жизнь и жизнь каждого из нас в каждом моменте, в каждом опыте, в каждом выражении пронизана тайной времени. Время — наша судьба. Время — наша надежда. Время — наше отчаяние. И время — это зеркало, в котором мы видим бесконечность... Человечество всегда понимало, что в течении времени есть что-то страшное, такая загадка, которую мы не можем разрешить, и разгадку которой мы не могли бы вынести».

Трудно забыть эти слова, но и грубо до конца с ними согласиться. В свете христианского откровения, время становится ожиданием и приготовлением. Вхождение в вечность Божию возможно уже на земле, в святости. Тайна святых и тайна времени нераздельно слиты.

*
**

Помните рассказ Лескова «Железная воля»? Любопытны слова одного персонажа: «Да, впрочем, у вас и попов нет и святых нет; ну да вам их и взять негде, все святые-то русские».

Шутка с намеком. Русский народ жил часто весьма несовершенной жизнью, далекой от евангельских идеалов. Много можно сказать горьких слов об этом. Но какое-то стремление к иной жизни, христианской, пронизаной светом, чистотой и высшей правдой всегда оставалось в глубинных пластах народной жизни, питая её как подпочвенные воды. Жило стремление вырваться к свету и правде, открыть в себе, здесь и теперь, подлинного человека, соединиться со Христом. Святая Русь — это замысел, идеал, который предстоит достичь!

Много было греха. Но было и удивительное сознание милосердия Божия, беспредельного снисхождения к кающемуся грешнику. Те, кто пошли по этой дороге до конца, до последних достижимых для человека пределов, навсегда остались маяками и светочами народа. В них русский народ, как и всякий другой, выразил себя и свою душу сохранил.

Мне хочется особенно помянуть здесь добрым словом умаленность, простоту и скромность святых. Они живут без шума, позы и самолюбования. Мир не знает о них, не хочет знать; да и не каждому дается благодать великих дел. Их подвиг прост и неприметен. Они — великие «анонимы». В своих молитвах о страждущем мире, они «печальники и представители» за него. Они строят храмы и монастыри. Пишут иконы и слагают музыку. Переписывают книги и составляют библиотеки. Вразумляют князей и помогают бедным, страждущим. Просто. Без шума.

И так же просто и тихо умирают. Ложатся в землю, на которой после них стало легче дышать, чуть светлее жить. В этой умиротворенности и простоте так многоозвучного с красотой русской природы, красками рублевской «Троицы», негромкого пения, со строгими линиями древних белокаменных храмов.

Вот два таких человека. Преподобные Дионисий Глушицкий и Александр Куштский. Что мы знаем о них? Почти ничего. Жития их пространны, а потому малодостоверны. Иноческий Кубенского озера — вот по-существу все, что можно точно сказать о них. Слово Г. П. Федотову: «Третьим духовно-географическим центром святой Руси был Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Узкое и длинное, до 70 верст, Кубенское озеро связывает своими водами Вологодский и Белозерский край. Вдоль берегов его шла дорога из Вологды и Москвы в Кириллов. На скале («на камне»), поднимающейся из волн бурного озера, создался монастырь, историю которого написал в конце XV века великий учитель нестяжания старец Паисий Ярославов. Первый известный нам по имени игумен Дионисий был пришелец с Афона, в княжение Дмитрия Донского. Двое из его учеников основали обители на берегах Кубенского озера: Дионисий Глушицкий и Александр Куштский (первый из них умер в 1437, а второй — в 1439 г.)».

Александр Куштский основал Александров (по его имени) Успенский Куштский монастырь в Кадниковском уезде Вологодской области, в 40 верстах к северу от Вологды при впадении речки Кушты в Кубенское озеро. Скончался 9 июня 1439 г. Местное празднование ему как будто установлено во второй половине XVI в. С неизвестного времени существует в его монастыре престол его имени (см. Голубинский. История канонизаций; о нем и у Н. С. Суворова «Описание Спасокаменского, что на Кубенском озере, монастыря». Вологда, 1893).

Монастыри продолжали возводиться в этом суровом крае. «Из Покровской «лавры» Дионисия, — продолжает Г. П. Федотов,

— вышло до семи иноческих колоний в Кубенском крае. Ещё через сто лет после Дионисия Глушица дает святых и выделяет колонии».

Хотя жития этих святых не дают нам их точного образа, мы все же можем почувствовать и уловить общий настрой их жизни. Зная о связях с традициями Афонской горы, можем думать о тяге к созерцательной жизни. Возможно, что именно ради этого они уходили всё дальше на Север...

Кротость, чистота, правдивость, сердечное смиление, безгневие, готовность прийти на помощь ближнему, — вот что хочется нам видеть за скучными сведениями о жизни «иноков Кубенского озера» — Дионисия Глушицкого и Александра Куштского. Но главное — любовь к Богу и к людям. Милостивая, жертвенная. Наверное так и было. Недаром Г. П. Федотов назвал центры Святой Руси «центрами духовного лучеиспускания».

А мир? Каким он был тогда? Окинем беглым взгядом эту эпоху. Татаро-монгольское нашествие приходится на 1237-1240 гг. Вышедшие из степей Монголии бесчисленные полчища кочевников опустошили и обескровили Русь.

Это страшное время русской истории. Невыносимо тяжело стало жить, дышать, молиться, творить, мечтать. Нет сомнения, что вынести татарское иго Русь смогла только благодаря своим христианским корням. Россия заслонила собой Европу, спасла её культуру и цивилизацию. Батый завяз на её просторах, был обеспылен её сопротивлением. Любовь и жертвенность, смиление и достоинство, а главное вера Христова, спасли гибнущий в грехе и междуусобицах народ. Немного было людей, которые «вместили» в себя эти христианские качества, но именно благодаря таким людям, святым людям, была изнутри подготовлена победа.

Нелегко это было и не сразу сделалось. Вот важные данные. За период с 1240 по 1340 годы было построено 30 монастырей, а в последующее столетие, с 1340 по 1440 годы, уже около 150. Не забудем, что два из них построены Дионисием Глушицким и Александром Куштским! Конечно, это лишь одна сторона сложного процесса возрождения народа. Но она подтверждает то, что победа в борьбе с татарами была подготовлена долгим и трудным подвигом душевного очищения и сосредоточения. Без этой духовной собранности нельзя победить болезнь ни в народе ни в человеке.

Время само расставляет вехи, хранит память о современниках, подсказывает где искать следы. С 1325 г. Москва становится резиденцией русских митрополитов. В 1395 г. сюда перено-

сится из Владимира чудотворная икона Божией Матери «Владимирская». Это — период жизни великого святого преп. Сергия Радонежского (1314-1392). Духовный подъем обусловил победу на Куликовом поле (1380).

Годы жизни преп. Андрея Рублева (1360-1430) совсем близки к годам жизни наших двух «иноков Кубенского озера». Рублев жил в Лавре св. Троицы в 1398-1429 гг. При большой тяге людей того времени к паломничеству, вполне можно представить, что кубенские иноки посещали Лавру, когда там работал Рублев. Очень вероятно, что в юности, сами или с родителями, они бывали в Лавре, когда был жив ещё сам преподобный Сергий.

Ещё более вероятно, что кубенские иноки испытали на себе школу св. Кирилла Белозерского († 1427), одного из создателей «Северной Фиваиды». Созерцание св. Кирилла и преп. Сергия было деятельным. Там где они селились, земля преображалась. Кубенские иноки следовали их примеру. Своим трудническим подвигом они украшали истерзанную русскую землю, которая поднималась для новой жизни. О Дионисии Глушицком известно, что он сам расписывал храмы...

Так жили, трудились и умирали простые воины воинства Христова. Они уподобились Тому, в Кому «нет ни вида, ни величия». Ни громкой славы не осталось после них, ни громких свершений. Но стало чище дышать на Руси. Обживался суровый северный край, согретый их «лучеиспусканiem», ставший неприступным оплотом для врага.

Духовное возрождение русского народа опережало государственное. Более того, оно направляло и вело его, с трудом и не гладко, но вело. Церковь постепенно оправлялась от жестоких потрясений. Митрополит Киприан, возглавлявший русскую Церковь с 1390 по 1406 гг., ввел новую редакцию Служебника и новый церковный устав. Основываются такие монастыри, как Саввин-Сторожевский (1380), Кирилло-Белозерский (1398), Ферапонтов (1398), Павло-Обнорский (1414).

Входила в силу Москва. В 1423 г. была закончена постройка белокаменного собора. А в 1438 г. Элу Махмет пришел просить милости... Начиналась новая эпоха, эпоха Московского царства. Время стожное, драматическое. Во многом даже трагическое, особенно для судеб русской святости. Окрепнув, государство распространило свое влияние и на духовную сферу. Это какой-то трагический крен в государственность. Укрепление внешнего могущества и здоровья в ущерб внутреннему.

Это отчасти проявилось уже в Дмитрии Донском. Только после его смерти († 1389) митрополит Киприан смог занять московскую кафедру. Входя в силу, мирская власть стала совсем иначе смотреть на Церковь. Многие внешние и внутренние обстоятельства усугубили этот процесс укрепления «этатизма».

В 1439 г. была заключена Флорентийская уния, а 29 мая 1453 г. под ударами турок пал Константинополь. В умах людей той эпохи эти два события были соединены причинной связью. Восточные и южные славяне, ещё раньше испытавшие на себе удары турецких мечей, с надеждой обращали свои взоры на Русь, единственный, по их мнению, «оплот правой веры». Здесь еще раз сказалось трагическое разделение Церкви. Пришли на Русь и братья Григорий и Киприан Цамблаки и достигли видного положения. Быть может именно из их окружения вышла эта странная и загадочная для современного человека концепция «Москва — третий Рим». Следует отметить, что путаница в этом, как и во многих других вопросах, обвязана псевдоисторическим трудом Плеханова и Милюкова, не имевшим опыта работы с первоисточниками.

Формула «Москва — третий Рим» имела тогда скорее оборонительное, а не наступательное значение. Почему четвертому Риму «не быть»? Ни о каком великороджавии на все времена тогда еще не мыслили. Все это пришло позднее, с обмирщением и духовным упадком. Дело в том, что «премудрые книжники» уже «вычислили» время Второго Пришествия. По «самым точным» расчетам оно ожидалось в 1492 г. Просто оставалось очень мало времени...

Сам факт подобных «вычислений» уже свидетельствует о духовном нездоровье. И действительно, печально знаменитый спор «стяжателей и нестяжателей» проявил это нездоровье в полной мере... Церковь еще сопротивлялась, еще пыталась отстоять свою независимость. Ярчайшая страница этих печальных событий — судьба св. Филиппа, митрополита московского. Этот святой — чрезвычайно любимый на Руси — особенно дорог для нас сейчас. Он показал свой жизнью, не побоявшись мученичества, подлинное служение христианского епископа. А сейчас? Как много лукавых слов и как мало подлинного служения. Вся мера трагедии епископского служения в наши дни видна в том «великом наследии», которое оставил после себя один недавно умерший православный митрополит. Митрополит умер сравнительно молодым, и его отец, член партии, наследовал после него **один миллион триста тысяч рублей!!!** Горе, горе, горе...

Но не в силе и не в деньгах Бог, а в ПРАВДЕ ХРИСТОВОЙ. «Всё минет, только правда останется»! Дело Христово непобедимо.

Каждая эпоха, каждая культура и каждый народ приносят свои «плоды спасительного сеяния Христова» на своей ниве. Мы вспомнили двух умаленных и почти безвестных служителей Христовых — иноков Кубенского озера. Но служения святых многообразны, как многогранна сама жизнь. Обратимся к жизни ещё одного русского святого.

Это человек совсем другого склада, другого времени. Князь, воин, дипломат, государственный муж и ... инок.

Александр Невский. Имя это говорит так много каждому русскому человеку. И особенно часто вспоминают его в трудное для Отечества время. Коротка его жизнь (1220-1263), но сделано им много.

В чем особенность его подвига? Почему в памяти Церкви и народа он так выделен и прославлен?

Святость, во всей духовной высоте своего служения и любви к Богу, **неотделима** от деятельной любви к людям, всем людям! В этой жертвенной любви к людям, в этом «печаловании» за них находят свой смысл подвижнические труды пустынничества, святительские заботы, муки исповедничества. В этот «труднический» ряд прославлением св. Александра Невского Церковь ставит ратные подвиги за людей, когда они служат именно таким выражением деятельной и жертвенной христианской любви.

Так уж часто сходились обстоятельства на Руси, когда ждать помоши было неоткуда, кроме как от Бога. Бог же действует через людей, по своей доброй и свободной воле отдающих свою жизнь на служение Ему. Принимая на себя трудное служение, эти люди становились исполнителями Божественного Промысла о мире, постоянного «Смотрения» о нем.

В этом — содержание духовного подвига св. Александра Невского. «Воистину бо без Божия повеления не бе княжение его», — говорит жизнеописатель святого, его младший современник. Таким образом избранничество св. князя было достоверно ясно уже тогда.

Житие святого связывает начальное духовное становление юного князя с традициями семьи, что вообще очень ценимо в русском представлении о благочестии. Христианская семья, христианское воспитание детей — это служение сейчас, как и всегда, одно из самых трудных в жизни христианина.

Жизнь св. Александра собирает все ключевые проблемы своего времени в тугой узел. Русь раздирилась внутренними усобицами, «тьмой разделения». Христианство по существу только-только начало укореняться. Татары. Роковая битва на Калке. Катастрофа ещё не разразилась, но её предчувствие носилось в воздухе. Опасность надвигалась с двух сторон. Русь оказалась в железных клещах, между татарскими ордами и немецкими захватчиками. Не случайно в виде предисловия к житию Александра Невского было присоединено знаменитое «Слово о погибели Русской земли».

Призвание князя и его служение поразительно своевременны! Смуты, раздоры, ненависть сопровождают его деятельность с самого начала. Он же весь предан своей великой миссии. Свободен от раздражительности, злобы, мстительности. Устремлен к Богу и к людям. Его энергия и таланты направлены на оборону своей земли и умирение внутренних раздоров. Силу, уверенность и опору он черпает в своей вере, учении Христовом.

Напали шведы. Благоверный князь прежде всего обращается с горячей молитвой к Богу в соборе св. Софии. Сердце князя было открыто Богу и потому Бог укреплял и вел его во всей жизни. Князь как христианин верил, что победа на поле брани не может достаться неправедному оружию. Непобедима вера святого в Божию Справедливость: «Не в силе Бог, но в правде!» Этот христианский пафос справедливости виден и в его молитвенной обращенности к святым мученикам Борису и Глебу.

«Ледовое побоище» было продолжение подвига самопожертвования св. Александра, как и всё последующее его служение родной земле. Служение это исполнено великого достоинства, которое питалось чувством христианского долга перед людьми. Долг же этот, в понимании св. Александра, заключался в том, чтобы не только свою честь, все свои силы, но и самое жизнь отдать на служение людям.

И вот он, прославленный полководец, в 1247 г., после смерти отца, едет в Орду к хану Батыю. Несомненно, трудно ему было смириться с мыслью, что раздробленная и ослабленная Русь должна поклониться сильной и монолитной Орде. Военное могущество монголов во много раз превосходило и Орден и Шведское королевство.

О чём думал он во время долгого пути в Орду? О том, что всякая попытка восстания против монголов может окончательно обескровить Русь? Колебался ли он в своем решении отдать себя внешне бесславному делу умиротворения татар? Мы не зна-

ем об этом доподлинно. «Слумав же князь Александр и благослови его епископ Кирилл пойде к цареви, в Орду», — лаконически повествует жизнеописатель святого.

Многие не согласились с князем и пошли своим путем. И вот трагичнейшие моменты его жизни. Князь сам подавляет выступление новгородцев против татар, памятуя уроки Неврюевой рати. Нельзя так просто миновать это место жития. Непосильность ноши погрясает. Напряженная трагическая нота перекликается в чем-то с библейскими страницами Маккавейских книг...

Как «изволением мученика» прославляет святого князя Церковь. Огромное напряжение не могло продолжаться долго. Тяжелая болезнь поразила князя на обратном пути из Орды, куда он ездил «отмаливать людей от беды». Он принимает постриг с именем Алексия, человека Божия (кстати одного из любимых святых Достоевского). Этот мужественный воин, всегда любивший монахов и нищих, пополнил их число. С него после берут пример многие русские князья. Трудная жизнь подошла к концу... «Слава Богу за все!» 14 августа 1263 г. святой князь отошел ко Господу.

Мы не случайно заговорили о св. Александре Невском. Многие теперешние «князья Церкви» в Советской России пытаются оправдать свое сотрудничество с властями следованием политике св. князя по отношению к Орде. Этим же оправдывается конфессиональный изоляционизм.

Трудно, однако, поверить в искренность этих заявлений «митрополитов-миллионеров». Характерно, что сменивший миллионера митрополит приказал сжечь все привезенные из Рима покойным антиминсы, хотя они были освящены строго по православному обряду! Между тем св. Александр Невский гостеприимно встретил послов Папы Иннокентия IV. Он отказался перейти в католичество (на что были основания), но дал согласие на строительство для немецких купцов католического храма во Пскове. Святые всегда мыслят свободно и широко, ибо, по слову св. отцов, свобода и благодать — «два крыла, возносящие к Богу». Мне очень отрадно было прочитать слова большого православного экумениста, Николая Зернова: «Ни подчинение папскому авторитету, ни верность отеческому преданию, ни ссылки на непогрешимую Библию не могут оправдать отсутствие братолюбия и обелить вражду к тем, кто по-иному истолковывает тайну Бого воплощения. Подлинная причина потери единства открылась мне, как страх с вободы, дарованной христианам. Члены Церкви хотят найти гарантию спасения в соблюдении своих вероисповедальных особенностей и потому не решаются вступать

в братское общение с теми, кто отличается от них. В верности форме, а не духу они ищут признак принадлежности к Церкви. Формы необходимы, но они не единообразны. Вселенская Церковь всегда включала и будет включать разнообразие обрядов и преданий».

Страх свободы... Это очень точно сказано. Мы ответственны за вверенное нам Господом «для совместного держания» время. А смысл времени не в доктринах или бесплодных схоластических спорах. Смысл времени — Христос! И жизнь в Нем и для Него.

Св. Петр Целестин, Папа и исповедник, свободно и добровольно отказался от папского трона, когда он пришел к выводу, что эта ноша непосильна для него. Св. митрополит Филипп принял мученическую смерть, но против совести не пошел. Каждый из них пошел своим путем, но этот путь имел одно общее — это был путь святости! Вот почему «все святые — русские»! Лесковский «очарованный странник» похвалил чувашину, «что он русского Николая Чудотворца уважает». «Всегда, — говорю, — его почитай, потому что он русский».

Это не редукция святости к однонациональному типу, а ощущение её вселенской, всемирной всепобеждающей силы и красоты!

*
* *

«Господи, как трагична наша русская судьба!», — написала недавно умершая русская праведница (С. М. Зернова). У неё был духовный опыт переживания «исчезновения времени». В её жизни тоже обретает смысл время, но это уже наше время, наши дни. И мне думается, что трагична судьба всякого христианина и судьба всякого христианского народа, ибо трагична судьба Христа.

Святые не разделены в Доме Отца. Там много обителей. В них — в святых всех народов — время устремлено в Царство Света и Благодати. В них — преодоление розни падшего, невоцерковленного человечества. Святые открывают в человеке и в народе его «ядро ядра», подлинное призвание и глубину.

Вот почему я молюсь святым Сергию Радонежскому и Александру Невскому, св. Франциску Асизскому и св. Терезе имени младенца Иисуса. Люблю читать письма из концлагеря Дитриха Бонхоффера и почитаю его праведником.

Меня глубоко трогает духовный облик праведника о. Шарля де Фуко. В его смиренной простоте и бедности, детскости и кротости так много созвучного моим дорогим скромным северным

инокам. Отец Шарль является XX веку чрезвычайно поучительный пример радикального христианства, напоминая, что евангельский огонь может зажечь сердце человека и сделать его подлинным «светильником» веры и в наши дни.

Вера о. Шарля де Фуко (1858-1916) была необыкновенно сильна. Она повела его к самым бедным и отверженным людям, в пустыню Африки. Отец Шарль испил свою чашу до дна. На него совершается нападение с целью грабежа. Он гибнет от пули бедняка, которому когда-то сам помог...

Ни последователей, ни известности. Кажется, что жизнь прошла бесплодно. Но дело о. Шарля выдержало испытание временем. Его проповедь «духа Назарета», проповедь СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, призыв делить образ жизни и заботы тех, к кому обращено Слово Евангелия, — всё это живет сегодня в общинах Малых Братьев и Малых Сестер, последователей о. Шарля.

И особенно важно, что Малые Братья идут к самым униженным и забытым людям, а среди них прежде всего к тем, **кто уже потерял всякую надежду**. И может быть поэтому о. Шарль пришел в Россию тогда, когда из нее бегут те, кому Христос доверил свое стадо. Бегут в прямом смысле и в переносном смысле, бегут в разные внешние благочестивые идеологии, вроде «подражания св. Александру Невскому», «благо Церкви» и т. п.

Да, страх свободы еще сковывает русскую жизнь и Русскую Церковь. Но я глубоко верю в то, что он будет преодолен. Пример о. Георгия Винса (немца) и мирянина А. Э. Краснова-Левитина (крещеного еврея) говорит, что это возможно.

Я глубоко верю в то, что опыт России убеждает в необходимости преодоления конфессиональной розни, взвыает к веротерпимости и экуменическому сотрудничеству. Я верю в будущее ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ, которое уже совершилось и совершается в душах святых.

В святости подлинный путь преодоления греха человека и мира, национальной розни, падшести времени. К святости призваны все без исключения. Святость — потенция человека, как образа и подобия Божия, которую он призван в себе открыть. Святость не является уделом некоторых. Каждый христианин обязан преодолевать то, что делает его не святым, удаляет от Бога. Новое время порождает новые формы святости. Здесь нет и не может быть механического подражания «образцам». Там где поставил тебя Господь — будь святым! — говорит Евангелие.

Путь святости не может не быть трагичным. Но это не трагедия безысходности и отчаяния. Мы живем в НОВОЕ ВРЕМЯ,

время христианства, время Церкви! Поэтому трагический и трудный путь святости всегда просветлен и возвышен. Надежда, которая «не постыжает», светит и согревает всякого, ставшего на этот путь.

Христианство молодо. Мы ещё в начале пути. Ещё очень многое предстоит сделать. Дорога для творчества и дерзания открыта каждому. Нужны лишь стойкая и горячая вера, «воцерковленность» мысли и всей жизни, беспредельная преданность Христу и только Ему одному. И жизнь в Нем и для Него. Так как жили святые всех народов. Всех стран. Всех времен.

Неделя Всех Святых.

Москва 1979.

В серии материалов о христианстве на Западе мы предлагаем вниманию читателей краткую историю ордена кармелитов, одного из крупных духовных содружеств, воспитавших таких великих святых, как св. Тереза Авильская, св. Иоанн от Креста, св. Тереза «маленькая».

Эмиль СИМОНО

ЗАМЕТКИ О «КАРМЕЛЕ»

Духовность Кармеля, одновременно имманентная и трансцендентная, соединяет в себе порыв к вершинам, глубокий психологический смысл и остroe сознание реальности. Вот почему, на протяжении веков, она показала себя способной вести души до вершины Святой Горы.

О. Павел - - Мария Св. Креста.
"Дух Кармеля". 1970 г.

I. Возникновение Кармеля

Для нас, православных, небезинтересно узнать, что Западный Римско-Католический Орден Кармелитов обязан своим названием горе, находящейся в Палестине, и что первый известный нам текст, устанавливающий Правило Кармелитов, был дарован Ордену одним из Иерусалимских Патриархов.

Это Правило, первое из известных нам документов, относится к началу XII-го века, но на самом деле происхождение Ордена восходит к пребыванию на склонах горы Кармель отшельников, ведущих уединенную и святую жизнь, вдохновленную Пророком Илией. Жизнь его явилась для них и примером, и одновременно символом: по словам греческого патомника, посетившего эти места в 1185 году, «пещера его видна на самом конце мыса с видом на море». Это духовное присутствие пророка положило начало легенде о том, что быть может сам Илия был основателем Ордена.

Нам также не безразлично узнать о том, что первая часовня, выстроенная братьями, была посвящена Богородице и что Орден носит название Ордена Пресвятой Девы Марии горы Кармель. Эта часовня, «очень красивая маленькая церковь» (как нам известно согласно одному старому тексту) была, кстати, по соседству с «очень красивым аббатством», где обитали греческие монахи. Пресвятая Дева Мария была в течение всей истории Кармеля предметом особого культа и почитания, вренеe сказать, Она была и есть для Кармелитов «самым чистым, самым высшим, са-

мым совершенным выражением души, открывающейся Божественному воздействию и осуществляющей себя в Его свете и Его любви» (О. Павел. Мария Св. Креста. «Дух Кармеля», стр. 27).

Первое Правило Кармеля, испрошенное отшельниками, а не предписанное им, представляет из себя очень краткий текст, строгий и сдержанний, предписывающий любовь, молитву, молчание. «Да пребудет каждый в уединении в своей келье или вблизи её, размышляя днем и ночью о заповедях Божьих и бодрствуя в молитве, если он не занят, согласно Правилу, чем-либо иным» (Глава V).

Другой текст, который еще не удалось точно отнести к какому-либо времени и автор которого неизвестен, имеет важное значение, как по духу, который он отражает, так и по влиянию, которое он имел на кармелитских мистиков. Это было «Установление для Первых Монахов».

Автор намечает для отшельников путь, который через бедность, целомудрие, уединение и послушание, приведет их к совершенству любви.

В этом тексте мы находим влияние воспоминаний о пророке Илии, «этом первом монахе», говорит автор, «бывшем в основе этого Установления», в каком-то смысле высшем прототипе созерцателя, «достойного лицезреть Божественное влияние, потому что он довел свою душу до таковой степени совершенства».

Запомним также отрывок из этого Установления, отголосок которого мы найдем у Св. Терезы и у Св. Иоанна-Креста: «в этой жизни мы различаем двойную цель: одну из них мы достигаем путем нашего труда и упражнения в добродетели, при помощи Божественной благодати. Другая цель этой жизни нам предложена, как чистый дар Божий; она состоит в предвкушении особым образом в нашем сердце и в познании на опыте в нашем уме силы Божественного присутствия и сладости потусторонней славы, воспринимаемой не только после смерти, но и в этой земной жизни».

Аскетическое усилие имеет целью только наше очищение, дабы позволить Богу воздействовать на нашу душу и сделать нас способными к приятию дара, который Он дает своей твари.

С начала XIII-го века, кармелиты начинают обосновываться на Западе: в Кельне, в Валансьене и, в 1254 г., в окрестностях Парижа, в Шарантоне. Возможно, что этот последний монастырь был основан 10 монахами, привезенными Св. Людовиком из Святой Земли.

Орден развивает злонемногу свою деятельность на Западе, тогда как в 1291 г. кармелиты вынуждены покинуть Святую Землю под натиском сарацинов и постепенно оставлять одну за другой обители, которые они там основали.

Некоторые указания, данные нами о первых кармелитах, показывают, что их целью было созерцание и что этой цели было подчинено все их устроение: каждый должен был пребывать в уединении в своей келье, размышляя днем и ночью, согласно указаниям первого Правила и Установления: «ищи с самым великим усердием то, что призывает тебя к Моеj любви: бедность, отказ от собственной воли и отшельническое уединение». И действительно, первые монастыри в Европе, основанные на подобие тех, которые были в пустыне, находятся в уединенных местах; они представляют из себя скромные, маленькие молитвенные общины, вне какого-либо церковного устроения и без общения с миром.

Между тем, возможно под влиянием братьев — проповедников, Кармель втягивается в новое, более «внешнее» направление, в некоторое, быть может непоследовательное, апостольское служение, к которому те, которые им занимались, как будто не были достаточно подготовлены.

В 1270 г., Николай, второй настоятель Ордена, живший на горе Кармель и проникнутый отшельнической духовностью, выступил против этого направления и опубликовал очень резкое послание *Ignia Sagitta*, в котором он призывает своих братьев возвратиться к первоисточникам. Он пишет: «Вы, которые проживаете в городах, сделав из Ваших келий общинные дома, где Вы пребываете совместно, как готовитесь Вы к Вашим священным обязанностям? В какое время размышляете Вы о Слове Божием творя молитву? Не смущен ли дух Ваш в течение ночей воспоминанием о Вашем тщеславии, потому что Вы проводите дни в болтовне, в беготне, разговорах, слушании и каких-либо действиях?»

Отшельничество и пребывание в общине, созерцание и деятельность, проживание в пустыне и контакт с миром — мы находим у кармелитов в XIII веке все эти течения, которые с первых времен монашества, начиная с Антония Великого, не перестают до наших дней пронизывать историю монашества во всех странах. Достаточно вспомнить о двух направлениях, которые противостояли друг другу на Руси в XV веке, Св. Иосифа Волоцкого и Св. Нила Сорского.

Несмотря на резкость тона «*Ignia Sagitta*», не следует думать об абсолютном отрицании настоятелем Николаем какой-либо апостольской деятельности. Его только пугали действия и апостольская деятельность, производимые без достаточной подготовки. Кстати, именно с этой эпохи кармелиты начинают принимать участие в университетской жизни, и к концу XIII-го века генеральный магистр Ордена, Герард Болонский, становится профессором богословия.

В течение XIV-го и XV-го веков Орден кармелитов проходит через тяжкие затруднения; частично вследствие событий, не зависящих от Ордена, частично из-за внутренних условий жизни его самого. Среди первых надо упомянуть почти что постоянные войны (около 50 обителей были уничтожены), черную чуму 1349 г., которая опустошила монастыри (в Авиньоне 70 монахов умерли за один день), а также великую схизму и, наконец, кризис власти Папы.

Для того, чтобы иметь возможность противостоять этому довольно натянутому положению, по просьбе Генерального Капитула Собора, собравшегося в Нанте, Папа дал в 1432 г. послабления, которые состояли в довольно малозначительных смягчениях Правила.

При всей своей незначительности, введение этих послаблений имеет большое значение, так как именно против него выступили два реформатора Ордена — Св. Тереза Авильская и Св. Иоанн Св. Креста.

Не дожидаясь даже объявления послаблений, некоторые обители — а именно в Италии, реагируя против ослабления дисциплины и послушания, ввели произвольные реформы. Эти реформы чуть было не привели к расколу в самом Ордене, расколу, которого удалось избежать только благодаря авторитету Папы.

II. Святая Тереза Авильская (1515-1582)

Тереза Ахумада родилась в 1515 году в Авиле в знатной и зажиточной семье. Еще будучи маленькой девочкой, она мечтала сделаться миссионером среди мавров, и будучи семи лет от роду, пыталась сбежать из дома вместе со своим братом. Красивая, обаятельная, всегда тщательно ухоженная, она разделяет образ жизни молодых благородных девиц Испании этой эпохи: чтение рыцарских романов, забота о туалетах, пение, праздники занимают её время до поры, когда ей исполняется 16 лет и отец от-

правляет её в Монастырь Августинок. Она остается там только один год и покидает монастырь из-за состояния своего здоровья. В 20 лет, прогиб воли отца, она решает поступить в монастырь Воплощения в Авиле. Правилом этого монастыря является смягченный статут Ордена Божьей Матери горы Кармель.

Не надо представлять себе, что, вступая в монастырь, Тереза была весела и счастлива, видя в этом вступлении исполнение своих заветных желаний. Лучше выслушаем её: «Я помню, и вероятно это так и было, что когда я покинула дом моего отца, я страдала так сильно, что думаю, что будет не хуже, когда я буду умирать. Казалось, что каждая моя косточка отделялась от другой. Я не чувствовала к Богу любви, которая превозмогла бы мою любовь к отцу и к моим близким. Я принуждала себя так сильно, что вижу, что без помощи Господа, мои соображения не смогли бы меня заставить идти по намеченному мной пути. Господь дал мне силы победить и дал мне возможность действовать». («Автобиография», гл. IV)

Отметим это первое признание воли Божией, которая как бы стала «заменять» её собственную слабеющую волю. Отголосок этого признания мы находим в течение всей её жизни, поражающей своей деятельностью.

Вскоре после своего пострига Тереза заболела настолько тяжко, что её перевезли к отцу и даже сочли умершой. В монастыре ей роют могилу и сестры приезжают взять её тело для погребения. В этот момент она открывает глаза и выражает желание исповедаться и причаститься. После 4 месяцев мучительных страданий, она просит перевезти её в монастырь, где она пребывает в состоянии близком к параличу в течение ещё 3 лет.

После выздоровления от болезни Тереза возвращается к довольно свободной жизни в монастыре, куда допускаются высокопоставленные лица (а иногда и просто любопытные) и где разрешены мирские и светские разговоры. Очарование, грация, чувствительность Терезы не могли не привлекать к ней дружеские чувства и симпатию. «Посещения во многих монастырях были привычным делом, и мне казалось, что мне они не принесут больше вреда, чем другим, которых я считала хорошими» («Автобиография», гл. IX).

Между тем, приблизительно около 1554 г., войдя однажды в часовню, Тереза увидела тело Христа с Его ранами: «Вид этих ран смутил меня... Я испытала вдруг такое раскаяние за мою недостаточную благодарность к Его ранам, что мне показалось,

что сердце мое разрывается, и я пала ниц перед Ним, проливая потоки слёз, умоляя Его дать мне навсегда силы больше не оскорблять Его». («Автобиография», гл. IX).

Приблизительно в это же время Тереза прочитала «Исповедь Блаженного Августина». Это чтение вызвало в ней глубокое возбуждение, которое достигло пароксизма при описании Блаженным Августином его обращения: «Когда я дошла до его обращения и прочитала, как он услыхал голос в саду, мне показалось, что Господь обратился так же и ко мне». («Автобиография», гл. IX).

С этих пор образ её жизни меняется: поиски уединения, прекращение ненужных разговоров: «Я стала больше любить покаяние». Её привязанности внутри монастыря меняются, но особенно делается иной её молитвенная жизнь. После долгого перерыва, после смерти отца, последовавшей в 1543 г., Тереза вернулась к регулярному стоянию на молитве, но не без усилия: «Входя в часовню, я испытывала такую грусть, что вынуждена была напрягать все свои силы», а также «в течение многих лет мне была дана в качестве испытания невозможность сосредоточить свою мысль на одном, что очень тяжко, но я знаю также, что Господь не покидает нас настолько, чтобы Он мог отказать в своей помощи». Её молитва сосредотачивается на Христе, Христос для неё всё, не абстрактный, не иератический, но Христос во всей своей человеческой сущности. «Будучи людьми, живущими на земле, более всего ценно представить себе Христа в образе человека». («Автобиография», гл. XXII). «Желать быть ангелом, пока мы еще на земле — а я именно была на земле — совершенное безумие: обычно наша мысль должна иметь точку опоры (даже если наша душа иногда подвержена взлётам и так полна мыслию о Боге, что считает лишним всё тварное) дабы иметь возможность сосредоточиться» («Автобиография», гл. XXII).

В этих словах вся суть учения Св. Терезы, а также и её внутренних переживаний, исходящих от Христа в образе человека, ведущего к самому высокому мистическому опыту, при котором её душе не будут больше нужны «никакие сотворенные предметы».

В 1569 г., во время разговоров с подругами по монастырю, выяснилось, что у них имеется стремление к более строгой жизни, защищенной от посетителей и пустых развлечений. Историк Св. Терезы, Рибейра, пишет: «слово за словом, эти молодые девушки, которым все казалось лёгким, дошли до того, что стали спрашивать себя, полуслыша, полусерьезно, почему они не живут по примеру босых францисканок и почему не основать бы подобный

монастырь. Самой сдержанной кажется сама Св. Тереза: «что касается меня, я колебалась, будучи вполне счастливой в общине, где я жила. Там я чувствовала себя хорошо и келья, которую я занимала, мне подходила».

Тем не менее, 2 года спустя, после бесчисленных затруднений и помех, 24 апреля 1562 г. в Авили было основан первый монастырь босых кармелиток. Таким образом, благодаря настойчивости и упорству Св. Терезы, была осуществлена мечта девиц — возвращение к духу первых отшельников горы Кармель, последовавших Св. Илие.

Через несколько лет Св. Тереза дала своим духовным дочерям устав, где всё было продумано и осуществлено для достижения созерцания, то есть намеченной цели.

Тут мы подходим ко второй стадии жития Св. Терезы. Она была полна такой деятельностью, что ко времени её кончины было основано пятнадцать монастырей, почти все при её личном участии. Мы даже не имеем возможности следовать за всеми её передвижениями, мероприятиями, а также и огорчениями. Больная, подверженная частым и сильным головным болям, страдающая сердечными припадками и ревматизмом, Св. Тереза объезжала всю Испанию. Легко себе представить, каковы были её страдания при переездах по почти непроезжим дорогам, в томительную жару или в периоды ледяного холода, от которого, в ту эпоху, не было никакой возможности себя оградить. «Я никогда не отказывалась от какого-либо созидания из-за страха затруднений, несмотря на то, что путешествия, и особенно длительные поездки были мне всегда до крайности тяжелы; но уже находясь в пути, думая о Том, кому я служу, все труды мне казались малыми, когда я себе представляла, что в новой обители будут славить Господа и что там будут находиться Святые Дары». («Книга об установлениях», гл. XVIII).

Прибавим, что сверх физических страданий, Св. Терезе, в качестве преобразовательницы, пришлось столкнуться с трудностями, завистью и соперничеством со стороны мирян и даже клириков, которых стесняло или раздражало развитие преобразованного Ордена (особенно со стороны кармелитов облегченного устава). Кроме того, особые дары благодати, выражавшиеся — в чувственном плане в физических проявлениях и в чудотворных явлениях, которые она не могла скрыть несмотря на все свои усилия — давали повод, в эту эпоху инквизиции, к доносам и ложным свидетельствам, касавшимся или самой Св. Терезы или кармелиток её обители.

4 октября 1582 г. Св. Тереза скончалась в Альби, по возвращению из обители Медины.

В своих произведениях, а именно в «Автобиографии», в «Пути к Усовершенствованию», во «Внутренней Цитадели», Св. Тереза описывает разные этапы эволюции своего мистического опыта: в сражениях, нередко заимствованных из области материальной жизни, она старается, с дидактической целью, передать их в понятной форме. Она отделяет связь между благодатными дарами, которые ей были дарованы, и путями, которые она считает самыми благоприятными для достижения созерцания и которые могут помочь некоторым избранным душам достичь, как милости, сверхъестественной сосредоточенности. «Тот, кто предписал мне (Отец Грациан) писать (Внутреннюю Цитадель), сказал мне, что монахини обители Богородицы горы Кармель нуждаются в объяснении некоторых неясных мест молитв». («Внутренняя Цитадель», введение). Действительно, можно сказать, что собрание этих трудов отражает пережитый ею опыт в молитве, влияние которого было решающим, как внутри самого Ордена, так и вне его. Мы узнаем, что в недрах самого Кармеля, сам великий святитель мистик Св. Иоанн-Креста откажется описывать в своих «Духовных Песнопениях» всякого рода просветления и экстазы, а также и другие взлёты и порывы Духа, так как «Блаженная во Христе Тереза, наша мать, уже обсуждала эти вопросы на своих чудесных страницах» («Духовные Песнопения», строфа XII). Почти в наше время, Эдита Штейн, человек чисто интеллектуальный и образованный в области философии, признается, что творчество Святой Терезы из Авилы послужило основанием для её обращения.

Также в «Путях Совершенства» мы находим советы, которые она дает неофитам и особенно тем, кому трудно сосредоточиться. Она говорит: «Покамест я не настаиваю, чтобы Вы думали о Нем или рассуждали о высоких и трудных проблемах, я Вас прошу только смотреть на Него...» («Пути Совершенства», гл. XXVII). И в этих советах, и в своих описаниях душевных состояний — по существу самых высоких, как это изложено во «Внутренней Цитадели», — Святая Тереза всегда сохраняет скромный тон, часто украшенный юмором, что делает её столь нам близкой. В её словах о Боге слышится вся её человечность.

Мы уже говорили, что Христос есть начало и центр созерцания Святой Терезы, «но Тереза никогда не забывает, что сердце, которое Христос ей позволил любить, всегда остаётся для

нее сердцем Божиим». О. Павел. Мария Св. Креста. «Дух Кармеля»). Человеческий подход к мистике Св. Терезы не должен скрывать высот, достигнутых её духом в созерцании Пресвятой Троицы: «Господь Бог наш хочет снять пелену с нашего духовного взора, душе представляет путём раскрытия истины Пресвятую Троицу. Все три Лица как в зареве захватывают сознание как будто бы светозарным облаком». («Внутренняя Цитадель», «Седьмое Небо»). Приведём еще один текст, являющийся завершением её мистического опыта и написанный ею за год до смерти: «Воображаемые видения прекратились, но кажется, что живёшь с постоянным умственным явлением трёх Лиц Пресвятой Троицы и человечности, что является — по моему мнению — самым высшим достижением».

Но в то время, когда Святая Тереза описывает и объясняет степени созерцания, она не перестаёт заботиться о самых материальных подробностях, о самых обыденных делах организации и повседневной жизни своих обителей. Та, которая пишет, что «для души, творящей молитву, лучшим обеспечением является отсутствие интереса к чему-либо другому, а также стремление порадовать Бога», и что «всё или почти всё состоит в оставлении заботы о нас самих и о нашем благополучии» («Пути Совершенства», гл. XII), знает, однако, что «уподобляться ангелам, пока мы на земле, было бы безумием» и что «во всём нужна мера». Стоит только почитать уставы, которые она дала преобразованному Кармелю, чтобы дать себе отчёт, насколько эти указания проникнуты замечательным знанием человеческой психологии. Зная трудную и суровую монастырскую жизнь, она понимает, как какое-нибудь на вид ничтожное событие может вызвать волнения и отклонить всю общину от цели, которую она себе ставит, то есть от молитвы.

То, что сохранилось ог её объемистой переписки, как с ответственными лицами Ордена, так и с настоятельницами её обителей, показывает, с какой точностью, проницательностью и реализмом она управляет, советует, а иногда и строго выговаривает за некоторые упущения в правилах.

Однако она пишет о Грациану: «чем более я отдаляюсь от дел, тем это полезнее для моей души. Я очень ясно это вижу, но тем не менее я часто вовлекаюсь в дела и одновременно с этим скоро сознаю весь принесенный этим вред».

Чтобы заключить эти строки об одной из самых великих мистических святых, следует привести выдержку из её письма настоятельнице только что основанного монастыря в Сории: «Ухо-

дя от утрени, надо зажигать лампу, которая должна гореть до утра; оставаясь без света, можно подвергнуться многим несчастным случаям». (Сориа, 1581 г., гл. IV, стр. 138).

III. Святой Иоанн от Креста (1542-1591)

Проведя преобразования у кармелиток, Св. Тереза сочла нужным иметь практических и духовных руководителей для своих дочерей. Поэтому она считала, что подобные преобразования должны быть осуществлены и у кармелитов. После многочисленных предпринятых ею шагов, она получает испрашиваемое ею разрешение для создания хотя бы двух мужских обителей в Кастилии.

В 1567 г., по случаю создания монастыря кармелитов в Медина дель Кампо, Св. Тереза встретила молодого двадцатипятилетнего монаха, который стал Св. Иоанном от Креста.

Иоанн Елес родился в 1542 г. в благородной, но бедной семье. Совсем юным ему пришлось помогать матери-вдове и работать в госпитале в Медине. Благодаря содействию покровителей, он поступает в университет в Саламанке, где проходит курс философии и богословия. Его успехи столь блестящи, что в 25 лет его назначают префектом студенческой коллегии кармелитов в Саламанке. Тогда и встретила его Св. Тереза. Он мечтал о более строгой жизни и хотел удалиться в монастырь в Шартрёз. Св. Терезе легко удалось убедить его в необходимости преобразований внутри самого Кармеля. Немного позже, в 1568 г., была основана обитель босых кармелитов в Дуруэло, в нескольких милях от Авилы. В первое время в обители насчитывалось только три монаха: бывший настоятель кармелитов в Медине Иоанн Св. Матфея (будущий Иоанн от Креста) и Иосиф Христа Спасителя. Образ жизни в обители был такой бедный и такой строгий, что Св. Тереза, посетив обитель, пришла в полное восхищение от самоотвержения монахов. Это восхищение было не без некоторой тревоги из-за суровости аскезы, которую они на себя брали. После открытия другой обители в Пастрane, Св. Иоанн призывается Св. Терезой в обитель Воплощения в качестве духовника. Между тем соперничество между кармелитами облегченного устава и «босыми» кармелитами все усиливалось и вылилось наконец в настоящий конфликт. В 1577 г. Св. Иоанн от Креста был похищен из монастыря Авилы и увезен в монастырь облегченного устава в Толедо, где с ним стали обращаться очень

жестоко: он был помещен в узкую, почти неосвещенную келью. Единственной получаемой им пищей были хлеб и вода. Его истязали и с ним грубо обращались. Это делалось для того, чтобы заставить его отказаться от одежды «босых» и вернуться в лоно старого Ордена. Благодаря чудесному вмешательству Пречистой Девы, ему удалось бежать (после почти шестимесячного заключения) и укрыться у кармелиток.

После побега он проводит некоторое время в пустыне «Кальварио» в Андалузии, основывает семинарию в Бееза и назначается её ректором. Потом занимает ответственные посты в Ордене. После кончины Св. Терезы, он основывает совместно с Анной Иисусовой еще несколько кармелитских монастырей. В 1590 г. у него происходит разлад с Мадридским Капитулом, принявшим решение отказаться от возглавления кармелитов. Св. Иоанн, который противится этому постановлению, отстранен от всех своих должностей. Совершенно больной, он удаляется в монастырь Узедо, где настоятель отводит ему самую тесную и самую бедную келью, в которой помещается только кровать и распятие (О. Брюно, «Св. Иоанн от Креста» стр. 353). Там он умирает 14-го декабря 1591 г.

Св. Иоанн от Креста является одним из самых замечательных духовных писателей Запада. Он соединяет присущие ему сверхъестественные дары с поэтическим талантом, что позволяет ему выражать свои душевые состояния, вызванные мистическим опытом, в поэмах. Во время пытки заключения в Толедо (слово пытка не является слишком сильным) он слагает несколько песен.

После своего побега, укрытый в церкви обители, так как его все еще преследуют, физически совершенно замученный, он декламирует некоторые из своих поэм:

«В темную ночь,
Полная ужаса и горящая любовью —
О счастливый час, —
Я вышла никем не замеченная».

Так поет душа в первых стихах поэмы, когда, уже оторвавшись от всего тварного, она тем не менее страдает, не видя Бога, который остается еще скрытым. Эта поэма, большую часть которой Св. Иоанн сложил во время своего заключения, а также объяснения, которые были написаны по просьбе настоятельницы Приората Гренады, Матери Анны Иисуса Христа, составляют «Духовную Кантату».

«Восхождение на Кармель» описывает усилие, которое должно сделать душа, если она хочет соединиться с Богом. В рисунке, ставшем знаменитым, Св. Иоанн начертал путь, по которому должна следовать душа, чтобы подняться по уступам горы Кармель и, не заблудившись, достигнуть вершины, где её ожидает Бесконечная Трапеза.

В книге I, Св. Иоанн от Креста приводит слова Христа из Евангелия от Луки: «Тот, кто не откажется от всего, что он имеет, не может стать моим учеником». «Ясно, — прибавляет он, — что учение, которое Сын Божий принес в этот мир, есть презрение ко всему тварному» («Восхождение на Кармель», Т. I, стр. 44).

Мы видим, с какой строгостью применяет Св. Иоанн эти слова Христа и внушает их душе, которая хочет подняться: она должна отказаться от всего, ничего не сохраняя: *nada*. Отречение должно быть сначала бегством от всего чувственного в «ночь всех ощущений». Это спасение от всех материальных привязанностей: пищи, одежды, книг... от душевных привязанностей: посещений, дружбы, разговоров. Философы утверждают, что душа черпает познания через органы чувств. Если она отбрасывает эти приобретенные познания, она находится в темноте и в пустоте. На самом деле невозможно лишиться пользования всеми органами чувств, но надо отказаться от излишних привязанностей и пользования ими. «Пользоваться как бы не пользуясь», говорит Апостол Павел, то есть пользоваться по мере необходимости, но не придавая значения. Это несовершенство не только мешает возможности слиться с Божественной сущностью, но даже и усовершенствованию. Такие несовершенства суть, например, привычка много говорить или привязанность к какому-либо предмету или лицу, книге, своей келье, известному роду пищи, от которых не хочется отказаться. («Восхождение на Кармель», кн. I, гл. IX, стр. 73).

Но после очищения органов чувств, очищение духа еще далеко не закончено: не хватает «главного, что есть очищение разума». Очищение должно сделать душу «сносной» принять созерцание. Божественное созерцание заключает в себе множество превосходных ценностей, а так как душа еще не вполне очищена и полна больших немощей, то ей приходится метаться и страдать. Она является полем сражения двух противоположностей, борющихся друг против друга, как только созерцание очистит её от несовершенств. («Темная Ночь», гл. III, стр. 561).

Это очищение духа происходит во «тьме его», значительно более страшной, чем темнота чувств.

Очищение разума через веру: наш разум собрал знания путем мысли, рассуждения и идей. Мы должны от них избавиться, так как наш разум не может служить нам для достижения Бога; все понятия, которые мы можем составить, не могут нам служить для постижения Божественной сущности. «Душа должна постепенно достичь познания Бога, скорее вследствие того, что Он не есть, чем того, что Он есть» («Восхождение на Кармель», кн. III, гл. I, стр. 306). «Как я всегда говорил, душа должна пройти через непонимание, чтобы идти к Богу» (там же, кн. III, гл. IV, стр. 323). «Ни ум, ни воображение не могут дать представление о Нем».

Очищение воли любовью: воля должна уничтожить все страсти, чтобы привязаться только к Богу, но это отчуждение касается не только временных земных ценностей — богатства, личностей, красоты, даже добродетелей, поскольку они нам дают удовлетворение, как будто принадлежа нам, — но душа должна тоже отказаться и от сверхъестественных ценностей, как например некоторых харизмов, которые могут нам быть дарованы. То же самое можно сказать и про духовные ценности, которые помогают нам приблизиться к Богу, а именно иконы, проповеди, предметы, относящиеся к богослужению. Заметим, что «иконы и изображения святых имеют большое значение для божественного поклонения и очень полезны для того, чтобы вести к благочестию», но «с ними могут быть связаны тщеславие и легкомысленные удовольствия», потому «мы должны выбирать те, которые наиболее точно передают изображаемое ими и направляют волю к благочестию; мы должны обращать внимание на эту сторону, а не на ценность изображений, тонкость работы и украшения» (мы выражаем мнение, что с эстетической точки зрения, вне зависимости от теологических достоинств, строгость и иератичность византийской иконографии были бы одобрены Св. Иоанном от Креста).

Очищение памяти путем надежды: «она (душа) не должна сохранять в памяти никаких знаний или земных впечатлений; она должна считать их несуществующими, и её память должна быть очищена и освобождена» («Восхождение на Кармель», кн. III, гл. I, стр. 312). И также память не сможет абсолютно соединиться с Богом, если она еще связана с формами и отчетливыми впечатлениями. Бог не имеет ни формы, ни лица, которые могли бы быть восприняты памятью (там же, стр. 306).

Тем не менее, все очищения, которым подвергла себя душа, не освободили её окончательно, в ней еще остаются нечистые помыслы, от которых она не может освободиться самостоятельно. Сам Бог очистит её во время «пассивной ночи», которая превосходит по страданиям все те, что были уже описаны. Душе кажется, что Бог её больше не слышит, она не может больше молиться, ни «присутствовать со вниманием на богослужениях». Еще менее в состоянии она «заниматься земными делами». Но это потому что «Бог присутствует и творит в душе», поэтому душа в бессилии («Темная Ночь» IV, VII, стр. 576).

В «Духовной песне», в «Живительном Пламени Любви», а также в пояснениях, которые он дает, Св. Иоанн от Креста описывает особую и все нарастающую близость к Богу, которую приобретает душа прошедшая через освобождающие и очищающие ночи, ибо чем душа делается тоньше и чище, тем Бог ещё больше её обогащает и в ней разливается. На это божественное действие душа отвечает любовью, она слушает, воспринимает и так как она отказалась от всего личного, Дух овладевает ею. Это изменяющее её соединение происходит в состоянии полнейшей свободы, душа чувствует себя «преисполненной блага и свободной от всех немощей» — если любовь к людям рабство, то любовь к Богу есть освобождение: «душа возрождается к духовной жизни».

Дойдя до вершины своего освобождения, до вершины горы Кармель, душа созерцает пройденный ею путь, ничтожество своих прежних привязанностей и замеченный ею свет; она уже жаждет окончательного освобождения, которое может наступить только через смерть, так как плоть является еще одним препятствием.

«Заканчивайте ваш труд, если хотите, разорвите оболочку, которая препятствует нашей сладкой встрече», «Душа чувствует, что наступило время нашей блаженной встречи и что она на пороге овладения своим царством окончательно и совершенно» («Живое Пламя», стр. 937). «Таким образом, смерть таких людей очень сладка и легка, значительно более, чем было течение всего их духовного пути, так как они умирают в порыве самой возвышенной любви, подобно лебедю, пение которого наиболее мелодично, когда он умирает» («Живое Пламя», стр. 936).

Приведенные здесь фразы к сожалению слишком кратки и отрывочны. Они настолько насыщены, что по ним мы можем судить о влиянии Св. Иоанна от Креста на всю созерцательную и мистическую жизнь Кармеля, но он вместе с тем выходит из его рамок. С вершины своего собственного опыта, он указывает нам

путь, путь трудный, бесплодный, можно сказать сверхчеловеческий, преодолеваемый лишь избранной элитой.

«Мое главное намерение не есть обращенность ко всем». Требования Св. Иоанна от Креста абсолютны и у него нет компромисса с миром. «Вот почему, повторяю я», пишет он, «если мы хотим сохранить сверхъестественный дух, нет более действительных средств, чем страдание, делание, молчание; надо закрыть доступ всем чувствам, погрузиться в одиночество, забыть всех людей и все события, даже если бы весь мир был потоплен» (письмо к кармелитам в Вессе, 22-го ноября 1587 г.).

Отводя в духовной жизни значительное место уединению, Св. Иоанн от Креста хотел вернуться к восточной идеологии. Видя кризис у кармелитов своего времени, он мечтает об отвлеченной жизни и поэтому хочет сохранить в Дуруэло то, что мог дать ему монастырь Шартрёз (От. Стоггинк в «Кармель» I, 1969). И если в течение всей своей жизни он является помощью и поддержкой всех — богатых или нищих — кого он мог еще привести или вернуть к Богу, складывается впечатление, что он лишь скрепя сердце соглашается принимать ответственные должности в Ордене. Об этом свидетельствует фраза из письма, написанного им Анне Иисусовой, в то время, когда коллегия отрекла его от всех должностей: «будучи теперь свободным и не имея попечения о других душах, я могу, если захочу, с помощью Божией, найти мир и пользоваться уединением и чудными плодами забвения себя и всех» (письмо к Анне Иисусовой от 6-го июля 1591 г.).

Мир, одиночество, забвение... У Св. Иоанна от Креста не чувствуется того взаимного проникновения действия и созерцания, которое так характерно для Св. Терезы, этой чудной гармонии, которую она могла поддерживать как равновесие между Марфой и Марией. Своей физической и духовной суворостью аскеза Св. Иоанна от Креста напоминает скорее «подвижничество» восточных аскетов первых веков христианства, анахоретов и пустынников. Не показательно ли, что, как они, он любил уединяться для молитвы в пещеры?

По некоторым вышеупомянутым текстам мы могли дать себе отчёт, насколько изучение Святых Отцов в Саламанском Университете имело влияние на Св. Иоанна от Креста. Быть может точнее было бы указать не на влияние, а на то, что его мистический опыт позволил ему, как и некоторым греческим Отцам, почувствовать абсолютную трансцендентность Бога и что наиболее подходящим для приближения к нему путём является путь негативный. Для того, чтобы достичь Все-Другого, душа должна

научиться познать Его более «через то, что Он не есть», а не «через то, что Он есть».

Для того, чтобы иллюстрировать параллельность мыслей и выражений, приведем призыв Дионисия Ареопагита... «Отбрось все чувства и рассуждения, всё чувственное или умственное, всё что есть и чего нет, и вознесись в незнании к единению, насколько это возможно для того, кто превосходит всякую сущность и гноэис. Действительно только через полный и абсолютный экстаз вне самого себя, ты можешь быть унесен к сверхъестественным лучам божественной тьмы» (Дионисий Ареопагит, «Мистическое Богословие, приведенное Буэ — Духовность Нового Завета Отцов»), и также отрывок из «Жития Моисея» Святого Григория Нисского, посвященный тьме Бога... «Мы узнаем, что всякое суждение, сделанное разумом, чтобы пытаться достичь Бога и определить божественную сущность, лишь позволяет создать идею Бога, но не познать Еgo».

Тем не менее, если Бог является Все-другим и Непознаваемым, то Логос воплотился и своей земной жизнью, своим Словом и Страстями указал нам путь к Царствуию Божию. Григорий Назианский пишет в одном из своих песнопений:

Действительно я хочу умереть со Христом,
Чтобы возвыситься с Ним,
Перенося все, что Он перенес —
Слово, Плоть, Гвозди и Воскресение.

(Григорий Назианский -- Песнопения)

Тело Христово, Крест, гвозди — Св. Иоанн от Креста видит их всегда перед собой: в «Восхождении на Кармель», он призывает душу отказаться от себя: «таким образом она следует за Христом», избрать «из любви к Христу все самое ничтожное для Бога или для мира». В этом состоит настоящая любовь к Богу («Восхождение на Кармель», т. II, IV, стр. 121). «Усовершенствоваться в добродетели можно только подражая Христу: Он путь, исгнна и жизнь».

Весь трагизм подражания Христу и добровольное обязательство христианина пребывает у Св. Иоанна от Креста в двух правилах:

— если вы хотите обладать Христом, никогда не ищите Его без креста,
— тот, кто не ищет креста Христова, не ищет и славы Его.

Св. Иоанн от Креста долго и подробно изучает действие Святого Духа на пути, который ведет к Богу душу ищущую Его.

Это Святой Дух руководит душой во время её поисков в своем самом внутреннем центре, местопребывании Св. Троицы. Он неустанно побуждает душу сопровождать Его. В самом начале очищения, во время первой сосредоточенности, Дух незаметно и тихо творит свою работу. «Несмотря на то, что это тот же самый дух действует, как орудие (при сосредотачивании), Святой Дух часто помогает ему при возникновении мыслей, слов и рассуждений полных истины. Святой Дух соединен с ним истиной, так как он соединен со всякой истиной. Святой Дух является его наставником, открывает ему врага и передает ему свой свет («Восхождение на Кармель», кн. II, стр. 27). Душа, которой подсказано это поучение, узнает его истинное происхождение: «Когда душа любит со словами и с познавательными способностями, тогда», говорит Св. Иоанн от Креста, «это является признаком присутствия Святого Духа. Идя дальше в своих итогах, душа — как мы уже видели, — пройдет через мучительные испытания очищения и тут опять Святой Дух является её наставником. Дух — Дух-Пламя — действует на душу, ранит её, прожигает, как огонь проникающий в дерево, иссушает его, прежде чем воспламенить».

Св. Иоанн от Креста дает нам в картинах прекрасное изображение Святого Духа, приучающего душу к молитве, иллюстрируя таким образом утверждение Святого Павла Римлянам: «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших, так как мы не знаем о чём молиться, как должно» (Послание к Римлянам VII, 26).

Вследствие этого мучительного очищения, душа будет подвержена уже не ранящему огню, но «пламени, которое воспламеняет не причиняя страдания» («Песнопения», стр. 58). Чтобы указать на чувства, испытываемые очищенной душой, Св. Иоанн от Креста сравнивает действие Святого Духа с «нежностью ветерка», с «ароматом цветов», с «живой водой», наконец, с «божественным огнем, который изменяет душу, воспламеняя её любовью».

Таким образом, ведомая Духом, душа будет созерцать Троичную жизнь; даже больше, чем созерцать — буде жить ею. «Душа может любить Бога, как Бог любит её... той же любовью, что её любит Бог, который является Святым Духом («Духовная Кантата», стр. 37). Душа находится в области, где слова не могут её настичь, и этими словами кончается «Живое Пламя Любви»: Святой Дух переполняет эту душу добром и славой, любовью, которая превышает все слова в Божественных глубинах, которым будут честь и слава во веки веков («Живое Пламя Любви», строфа IV).

Св. Иоанн от Креста познал на опыте эту любовь «выше всякой меры». Он не описывает, как Св. Тереза, свой собственный мистический опыт. Наоборот, тот, кого можно назвать «самым рациональным из мистиков» всегда старался предостеречь от поисков особых чувств или милостей, и он не щадя укоряет тех, кого можно обвинить в иллюминизме. Послушаем его: «То, что происходит в наши дни, ужасно. Стоит какой-либо душе достигнуть хотя бы немного медитации и услышать несколько внутренних слов во время своего сосредоточения, как она начинает считать, что всё это от Бога. Она думает, что это так, и повторяет: «Бог сказал мне то, Бог ответил мне это». «На самом деле это не так: как мы уже заметили, чаще всего эти души говорят сами с собой» («Восхождение на Кармель», кн. II, гл. XXVII). Однажды он сделал признание: когда Анна Иисусова спрашивала его про страдания в заключении в Толедо, он доверился ей: «Дочь моя, Анна, даже долгие годы, проведенные в заключении, не могут искупить одну из многих милостей, которые Бог мне послал». (О. Брюно — Жизнь в Любви Св. Иоанна от Креста, стр. 179).

Житие Св. Иоанна было иллюстрацией его доктрины, а его доктрина была откровением его опыта. Его действия, его слова, его учение составляют одно полноценное целое. Сверх этого физические и моральные страдания, которые он должен был переносить или которые он взял на себя добровольно — «я насыщен страданиями» — и его душа, чудесным способом освобожденная, воспевает любовь до предела, где всякое песнопение, будь оно самое прекрасное, самое чистое, должно умолкнуть. Если он был наставником полного опустошения: «*nada*», он был также наставником абсолютной целости: «*Todo*» и пройдя сам путь любви, он мог указывать его душам ищущим Бога.

(Продолжение следует)

В. Я. ВАСИЛЕВСКАЯ

УЧЕНИЕ К. Д. УШИНСКОГО О ВОСПИТАНИИ

“Камень, который отвергли строители,
сделался главою угла”.

(Марк 12,10)

Введение

Имя Константина Дмитриевича Ушинского единогласно признается в наше время как имя крупнейшего гениального педагога, идеями и опытом которого и по сей день широко пользуются во всех областях воспитания и обучения.

И действительно, кто так хорошо, как Ушинский, разработал вопросы дидактики и методику первоначального обучения; кто так тонко и разносторонне осветил важнейшие вопросы воспитания; кто так глубоко понял значение родного языка, кто дал такие продуманные пособия и руководства для начальной школы, сочетав наглядное обучение с развитием логического мышления?

Труды К. Д. Ушинского являются подлинной педагогической энциклопедией, которая не утратила своей актуальности и в наши дни, и являются, как и прежде, настольной книгой для учителя, методиста и психолога.

Очень многое в его мыслях и практических указаниях остается непревзойденным, а во многом, как это сознают и сейчас наиболее вдумчивые из теоретиков и практиков педагогики, мы значительно отстали, во многом нам далеко еще до Ушинского.

Мы имеем академию имени Ушинского, ряд педагогических учебных заведений его имени, есть библиотека имени Ушинского, премия имени Ушинского. Ни одна работа в области педагогики и педагогической психологии не обходится без ссылки на Ушинского. Казалось бы, настало время, когда идеи великого педагога найдут достойных преемников, а посеванное им семя на ниве народного просвещения принесёт обильные плоды. Однако, это далеко не так. Подлинного прогресса в деле воспитания и обучения у нас нет.

Школа наша и теперь болеет многими из тех болезней, от которых Ушинский стремился исцелить и предостеречь современную ему школу. Наши учебники для начальной школы во многом уступают учебникам, составленным Ушинским. Практика воспитательной работы в наших легких учреждениях нередко оказывается беспомощной. Педагогическая пресса, которой Ушинский придавал такое большое значение, суха, схематична и малосодержательна.

Отчего же дерево, посаженное педагогом и мыслителем, огдавшим всю свою жизнь великому делу «Воспитания человека», оказалось бесплодным именно в то время, когда даны все внешние условия для его расцвета? в чём искать причины?

Не в том ли, что сорвав плоды с живого дерева творческой мысли Ушинского, наши современники обрубили его корни и бросили их, как ненужные. Дерево засохло и не дает больше плодов.

В данной работе мы хотели сделать попытку разобраться в этом вопросе. В чём сущность, в чём правда учения Ушинского? Какая мысль лежит в основе его педагогической системы? Почему оно оказалось столь плодотворным не только для той эпохи, в которую он жил, но и для ряда последующих?

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, напомним вкратце основные моменты биографии Ушинского.

Родился Константин Дмитриевич Ушинский в 1824 году. Умер в 1870 году. Основной период его деятельности относится ко времени царствования Николая I-го (эпоха реакции) и Александра II-го (эпоха реформ).

Ушинский рос и воспитался в городе Новгород-Северский Черниговской губернии. По окончании гимназии он поступил в Московский университет в период его расцвета (1840 год). Ближайшим учителем его был Грановский. Окончив университет, он в 23 года был уже профессором юридических наук.

Очень скоро Ушинский стал одним из самых крупных учёных своего времени, обладая большими знаниями в различных областях науки, в особенности в философии, психологии, педагогике, а также политической экономии, естественных и юридических науках. Творчество Ушинского не ограничивалось научными трудами, его очерки и художественные произведения, которые печатались в различных журналах, получили высокую оценку со стороны И. С. Тургенева.

Все свои знания, все свои творческие дарования Ушинский направил к одной цели — изучения и усовершенствования теории и практики воспитания.

Он выступил как борец-преобразователь. В 50-х годах, в период реакции вышел Ушинский на бой с «педагогической лётаргией», по выражению одного из его современников.

О том, какой переворот совершил Ушинский в практике воспитания современной ему семьи и школы, свидетельствуют многочисленные воспоминания учителей, родителей и самих воспитанников учреждений, в которых работал Ушинский. Недоверие со стороны правительства и реакционных кругов общества не могли остановить рост популярности и влияния идей Ушинского. Несмотря на неоднократные запрещения его сочинений, книги Ушинского проникали в самые отдалённые уголки России, на них воспитывались целые поколения.

Обаяние личности Ушинского было исключительным. Внешне он, по свидетельству современников, напоминал Рафаэля, но он был красивей его. Внутренний же облик его лучше всего характеризуют слова некролога (журнал «Вестник Европы», февраль 1871 г.): «Он шёл прямым путём, не зная окольных дорог и не отступая ни на шаг от своих убеждений».

Мы отнюдь не ставим своей задачей рассмотрение всей педагогической системы Ушинского, что представляет собой грандиозную задачу.

Сотни книг написаны об Ушинском, но прав современный исследователь его трудов Лордкипанидзе, говоря о том, что педагогическая система Ушинского «еще не изучена во всём её величин».

В данном очерке мы имели в виду коснуться лишь наименее изученных и наиболее существенных с нашей точки зрения для понимания системы Ушинского в целом вопросов о философских основах воспитания, а также о понимании Ушинским нравственного, эстетического и религиозного воспитания. Трактовка этих вопросов Ушинским представляет, как мы пытаемся показать, не только исторический, но исключительно живой и глубокий интерес и для нашего времени.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ

1. Сущность и задачи воспитания

Как понимал Ушинский сущность и задачи педагогики? Какова центральная идея, которая является связующей нитью всех его мыслей и побуждений?

Вопрос о задачах воспитания не ограничивается для Ушинского вопросом о приспособлении молодого поколения к участию в жизни данного общества, на определенном этапе его исторического развития, как это делается в наше время.* Для Ушинского этот вопрос совпадает с вопросом о назначении человека. «Воспитание, — говорит Ушинский, — величайший вопрос человеческого духа. Педагогика — первое и высшее из искусств, потому что она стремится к выражению совершенства не на полотне, не в мраморе, а в самой природе человека».

Ушинский имеет в виду не абстрактное совершенствование, не неопределенное и всегда относительное понятие прогресса, который сам по себе без истинной цели и руководства ведёт лишь к гибели человека.

Ушинский решительно предостерегает от такого понимания. «Из стремления к совершенству, — говорит он, — вырастают и величайшие добродетели и величайшие пороки. Новые поколения появляются на свет Божий, растут, требуют от нас воспитания, а воспитание требует определённого направления, цели, убеждений».

Каким путём вести человека к совершенствованию? Ушинский отвечает на этот вопрос со свойственной ему ясностью и определённостью: «Только христианство может вести человека по этой великой и опасной дороге, указывая на живой идеал совершенства — Христа». «Для нас, — говорит Ушинский, — **нехристианская педагогика — вещь немыслимая**, предприятие без побуждений позади и без результатов впереди. Всё, чем человек как человек, может и должен быть, выражено вполне в божественном учении, и воспитанию остаётся только прежде всего и в основу всего полож-

* «Основное назначение воспитания — обеспечение преемственной связи между поколениями в производстве и в других сферах общественной жизни. Педагогика изучает организованное влияние на подрастающих людей, определённое потребностями развивающегося общества» (Учебник педагогики. 1953 г. Есипов. Предмет педагогики. Сущность воспитания).

живь вечные истины христианства. Оно служит источником всякого света и всякой истины и указывает высшую цель всякому воспитанию. Это неугасимый светоч, идущий вечно, как огненный столб в пустыне — «впереди человека и народов».

2. Природа души

Ушинский глубоко изучил как современные ему философские системы, так и историю философии. Однако, он не оставался учеником или подражателем. Во всех своих философских сочинениях Ушинский самостоятельно ставил и разрешал важнейшие философские вопросы.

В решении вопроса о первичности материи или сознанья он не становится ни на сторону идеализма, ни на сторону материализма. «Спор между идеалистами и материалистами, — говорит Ушинский, — идёт о том, что для обеих сторон одинаково неизвестно, потому что, если трудно сказать, что такое дух, то ещё труднее сказать, что такое материя в существе своем. Зачем же с обеих сторон не сознаться откровенно в недоступности первых начал?»

В то же время, если материя, как субстанция есть гипотеза, то сознание есть факт, от которого отправляются все другие наши знания о каких бы то ни было предметах. Слово «душа» образовалось раньше слова «сознание», но несомненно, что человек употреблял слово «я» ещё прежде, чем изобрёл слово «душа». И если научная психология по необходимости останется в пределах дуализма, то воспитание, как важнейшая из всех отраслей практической деятельности человека, имеет дело с его душой в её сущности. Воспитание имеет своим непосредственным предметом образование души. «Душа человека, — говорит Ушинский, — божественна по своей природе, она принадлежит вечности». «Море, небо, звёзды говорят о бесконечной мудрости, бесконечном могуществе и тем удовлетворяют высшему духовному стремлению. Что заставляет человека любоваться могуществом, силой, мудростью? Это врождённое свойство души человеческой, печать той мастерской, из которой вышла душа, и если эта печать и легла на кусок материи, то на печати начертано слово «Бог».

Божественная природа души проявляется во всех формах духовной жизни человека, в том числе в свойственном ей стремлении к совершенству нравственному и эстетическому.

Жизнь души состоит в деятельности. Если материя инертна и стремится сохранить состояние покоя (закон инерции), то душа,

напротив, стремится к деятельности; бездеятельность означает смерть души. Поэтому восточные учения о душе, которые видят идеал душевной жизни в бездеятельности, противоречат действительности, противоречат основному закону психологии человека. Только в христианстве находит Ушинский истинное понимание свойств и путей души человеческой. Евангелие ставит перед человеком определённую цель: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен». Присущее душе человеческой стремление к деятельности есть в то же время и стремление к совершенствованию. Подвергнув внимательному изучению различные учения о душе, Ушинский говорит: «Такого глубокого понимания души и её коренных свойств мы не встречаем нигде: ни в философско-религиозных системах Востока, ни в философских системах дохристианского Запада».

В словах Спасителя: «Приидите и научитесь от Меня и найдёте покой душам вашим» слово «покой» не означает бездеятельности. «Покой», который обещает Христос, Ушинский понимает как осуществление нравственной жизни. «Прийти ко Христу и научиться от Него», не значит ли, — пишет Ушинский, — принять на себя деятельность, пренебрегающую не только наслаждением, но и величайшими страданиями». Понимая деятельность как закон жизни души, Ушинский очень близко подходит к учению святых отцов о «делании духовном».

Это понятие по существу является ведущим во всём учении Ушинского о воспитании, как в общем понимании путей нравственного воспитания, так и в отдельных конкретных указаниях по вопросам руководства ребёнком в процессе его развития.

Внимательно присматриваясь к различным сторонам учения Ушинского о воспитании, мы видим, что одна особенность наиболее ярко характеризует это учение и делает его столь жизненным и плодотворным. Он «строит на камне». Его основной труд не случайно носит название «педагогической антропологии». Всесторонне изучая человека в его сущности и в его проявлениях, он на основе этого изучения возводит величественное здание своей педагогической системы.

«Величие Ушинского, — пишет один из современных нам исследователей, — состоит в том, что он умел уловить проблемы, в разрешении которых нуждалась современная ему школа, и показать, что, как и почему надо делать».

Глубокая жизненность, реалистичность характерны для всего учения Ушинского. Понимание Ушинским отношения между тео-

рией и практикой соответствует тому пониманию, какое мы находим у святых отцов:

«Ведение недеятельное ни в чём не разнится от мечтательной фантазии, не имея подтверждения в действительности, а деятельность неосмысленная то же, что идол, не имея юдешевляющего ее ведения» (Добротолюбие, том III).

Отделение теории от практики было для Ушинского нравственно невозможным. И вся педагогическая система Ушинского, в которой сознательность выделяется как основной дидактический принцип, направлена на то, чтобы пробудить в ребёнке потребность в осмысленной деятельности, которая является в одно и то же время и целью, и методом воспитания и обучения.

Нет ни одной идеи, ни одного теоретического положения в системе Ушинского, которые бы не находили своего применения и оправдания на практике, хотя в ней полностью отсутствуют как элементы утилитаризма и прагматизма, так и игра отвлечённостями и схоластика. Наука стремится только к истине, а истина всегда полезна. И в воспитании, как и в науке, Ушинский не терпит никакой предвзятости, лжи или фальши. Он больше всего протестует против каких бы то ни было подделок в области духовной жизни. Этот протест красной нитью проходит через всё его учение о нравственном и религиозном воспитании.

Ушинский ни в какой степени не отрицает объективности внешнего мира, его независимости от сознания человека (утверждение, которое в настоящее время по какому-то недоразумению считается прерогативой одних только материалистов). Ушинский не сомневается в том, что причиной ощущений является внешний мир, действующий на нас через посредство внешних чувств.

Душа человека подчиняется тем же законам, что и внешняя природа, но форма бытия уже иная. «Обращаясь к душе человеческой, — говорит Ушинский, — мы находим в ней те же законы, которые вложил Творец во всё своё создание, только находим их в живой нерукотворной форме живого духа, бессмертной уже и потому, что она составляет одно с ним содержание. Но этот живой бессмертный дух как самостоятельное, свободное и живое существо соединяется в нас с материей, со всеми бесчисленными её законами».

Душа существует как индивидуальность. «Христианство ставит индивидуальную душу выше всего мира», — говорит Ушинский. Он напоминает читателю слова блаженного Августина: «Есть только один предмет выше души человеческой — это её Создатель».

Индивидуальный строй души развивается постепенно.

Душа не только испытывает все ощущения, идущие от внешнего мира, — она перерабатывает и организует их. Постепенно все душевные движения объединяются воедино и приобретают индивидуальный отпечаток.

В чувствах выражается субъективное отношение души к ощущениям. В памяти сохраняются не только следы представлений, но и следы тех чувств, с которыми они были восприняты душой. Каждое звено, которое вплетается в сеть представлений, вызывает у человека особые душевые чувства, которые могут достигать такой степени индивидуальности, что один человек не может вполне передать другому то, что он чувствует.

Чувства наши, как и мысли, могут противоречить друг другу. Каждому знакома борьба между различными чувствами в одной и той же душе.

Совокупность выработанных жизнью желаний, наклонностей, чувств и страстей и составляет то, что мы называем **строем души**.

Содействовать образованию в душе ребёнка того, коренного строя, который достоин человека — величайшая задача воспитания и воспитателя.

3. Проблема свободы воли и её отношение к воспитанию

Необходимой философской предпосылкой возможности воспитания является, согласно учению Ушинского, признание свободы воли. Это признание основывается на внутреннем опыте, на самом факте наличия духовной жизни у человека.

«Как существо, обладающее способностью к духовной жизни, — пишет Ушинский, — человек свободен».

«Свободы воли нет у Бэна, нет у Спинозы, нет у Гегеля, но **есть она в душе**». Свобода воли для Ушинского — психологический факт, без которого нельзя понять душевной жизни человека.

«Неужели, — спрашивает Ушинский, — сам человек не принимает никакого участия в образовании собственного характера?» «К такому безотрадному и унизительному выводу должна прийти всякая психология, отвергающая свободу воли в человеке».

Эти мысли Ушинского имеют самое непосредственное отношение к нашей современности, когда психология и педагогика строятся на несовместимой с ними по существу теории полного датерминизма, при которой нет места ни для воспитания, ни для нравственной жизни.

Отвергнув реальность души, её духовную природу, отвергнув свободу воли, — материалисты навсегда утратили ключ к разрешению вопросов воспитания человека.

Там, где душа понимается, как «моральный облик человека», а личность как «совокупность общественных отношений», учение о воспитании превращается в бесполезную сколастику.

Недаром все нашу научно-исследовательские институты госятся за «нравственным воспитанием», как за синей птицей, которая неизбежно становится черной от одного их прикосновения.

«Христианство, — говорит Ушинский, — внесло в человечество великий и животворящий принцип личной свободы. Над человеком не тяготеет неотразимая судьба древнего мира, **перенесённая учением материалистов с мифологического неба в законы материи**».

«Убеждение в свободе воли было до сих пор и, без сомнения, будет всегда источником прогресса в практической и нравственной жизни человека».

4. Понятие свободы и его значение для воспитания

Понятие свободы имеет очень большое значение для всех областей социальной жизни человека. Трактовка этого вопроса является одним из основных моментов, характеризующих ту или иную педагогическую систему. Однако, слово «свобода» может иметь различное значение.

Понятие свободы предполагает признание ценности и прав человеческой личности. Такое понимание свободы предполагает и равенство людей. Исторически эти понятия принесены христианством. В дохристианском мире существовали отдельно понятие «человека» и понятие «лица». «Христианская религия, — говорит Ушинский, — навеки слила эти понятия».

В Риме независимость была связана с понятием гражданина, в мире же христианском достаточно быть человеком, чтобы иметь право требовать признания своей личности. Произведя огромный переворот во взглядах на человека, христианство самую личность человека, его душу сделало целью всей истории человечества. Христианский взгляд на человека исключает возможность насилия над человеком, угнетения человека. «Раб может, оставаясь рабом, быть христианином, — говорит Ушинский, — но истинный христианин не может быть владельцем рабов».

Однако, признание величайшей ценности человеческой личности не есть индивидуализм. Индивидуализм чужд христианской религии, цель которой не разъединение, а соединение «да вси едино будут».

«Без развития человек не будет человеком, — говорит Ушинский, — но лишь тем, что могло бы быть человеком, тем, чем был человек, пока Господь не вдохнул в него вечно-развивающейся жизни». Но развитие вне общества невозможно, а, следовательно, вне общества невозможно и исполнение закона Божьего человеком.

«Могли бы человек, — говорит он, — живя уединенно, преследуя только свои личные интересы, выполнить закон, который завещала ему Божественная Любовь — быть подобным Творцу нашему?» Подлинное духовное развитие без свободы невозможно. Врождённое стремление к свободе следует отличать от склонности к своёволию или произволу.

«Спаситель Своему Кровью освободил каждого христианина, — говорит Ушинский, — и христианская свобода состоит не в рабском подчинении необузданным страстям, но в ограничении себя законами религии, нравственности и разума».

Христианская свобода основана на познании истины и подчинении себя ей. «Познайте Истину и Истина сделает вас свободными». Отсюда задача воспитания — оберегая врождённое стремление ребёнка к свободе развития своей личности, вести его к высшей свободе, которая заключается в добровольном подчинении себя Истине.

5. Знание и вера

Всестороннее рассмотрение вопроса об отношении между верою и знанием занимает большое место в учении Ушинского. Этот вопрос имеет исключительно важное значение для мировоззрения, а следовательно и для разработки основ воспитания и обучения.

С какими тенденциями пришлось столкнуться Ушинскому среди своих современников? С одной стороны, материалисты, основываясь на успехах естественных наук, пытались показать, что существуют непримиримые противоречия между верою и знанием, что религия является чем-то отжившим, несостоятельным по сравнению с «новым» научным мировоззрением.

С другой стороны, представители официальной церкви, выступая против материализма, видели причину его распростране-

ния в изучении естественных наук и требовали запрещения преподавания естествознания в школах и усиления изучения классической древности. «Думая предохранить своих питомцев от материализма, — говорит Ушинский, — их напичкивают грубейшими материалистическими понятиями древних».

Смелый и самобытный мыслитель, никогда не искавший ничего кроме правды, Ушинский выступил против материалистов на защиту вечных истин религии и, одновременно, против официальных гонителей просвещения на защиту естественных наук.

а) Защита естественных наук Ушинским.

«Многие боятся естествознания, как проводника материалистических убеждений, — писал Ушинский, — но это лишь слабодушное недоверие к истине и её Источнику — Творцу природы и души человеческой. Истина не может быть вредна — это одно из самых святых убеждений человека, и воспитатель, в котором поколебались эти убеждения, должен оставить дело воспитания — он его недостоин». (В настоящее время мы часто имеем возможность наблюдать «боязнь истины» у материалистов, которые признают вредным всё, не уладывающееся в предложенную ими схему).

«Пусть воспитатель, — говорит Ушинский, — заботится только о том, чтобы не давать детям ничего кроме истины. Пусть смело вводит воспитанника в действительные факты жизни души и природы, нигде не прикрывая незнания ложными мостами, — он может быть уверен, что знания, какими они являются в фактах, а не в совпадениях самолюбивых теоретиков, не извратят нравственности воспитанника и не поколеблют в нём благоговения к Творцу вселенной.

Мы думаем, что воспитание не выполнит своей нравственной обязанности, если не очистит сокровищ, добытых естествознанием, от всей ложной шелухи, остатков процесса их добывания, и не внесет этих сокровищ в массу общих знаний каждого человека, имеющего счастье употребить свою молодость на приобретение знаний.

Материалистические гипотезы и утверждения могут смутить только того, кто никогда не брался всерьёз за изучение естественных наук». Именно в недостатке серьёзного естественно-научного образования видит Ушинский причину того, что многие невежественные или полуобразованные люди так легко попадают на удочку глашатаев материализма. «Молодого человека, голова которого с детства не привыкла работать над предметами и явлениями при-

роды, смотрит на них как на что-то новое, таинственное и ждет от них гораздо более того, что они могут дать, приучайте с детства обращаться с идеями естествознания, и они потеряют свое вредное действие. Школа должна внести в жизнь основные знания, добытые естественными науками, и тогда основные законы явлений природы улягутся в уме человека вместе со всеми прочими законами, тогда как по новости своей они сулят удовлетворение тем духовным требованиям, которых они удовлетворить не могут.

Естественные науки дают многостороннее развитие всем духовным способностям, сближая человека с природой, они дают мысли движения к высшим философским выводам, развивая глубокое чувство красоты и наполняя религиозным благоговением».

б) Наука укрепляет веру.

«В каждом явлении как вешней природы, так и душевной жизни, мы непременно встречаемся с бесконечностью, потому что она везде и во всем». «Наука укрепляет веру потому, что увеличение познания творений ведёт к возрастающему прославлению Творца».

Эти высказывания Ушинского невольно приводят на память слова основателя современного естествознания Роджера Бэкона: т. е. недостаточность знания, полуобразованность уводят от Бога, настоящая большая наука приводит к Богу.

Вспоминаются также слова Ломоносова, написанные под впечатлением изучения астрономии и размышления о бесконечности вселенной:

«Скажите ж, сколь пространен свет
И что малейших дале звезд?
Неведом тварей нам конец,
Скажите ж: сколь велик Творец!»

Современные нам материалисты утверждают, что признание существования объективных законов природы и общества служит обоснованием материализма. Но объективность этих законов, их независимость от сознания и воли человека говорит с другом. Ученый исследователь, изучая ту или иную область явлений реального мира, действительно непрерывно наталкивается на наличие объективных законов, иными словами, на разумность всего существующего.

«Рассматривая каждое явление природы, — говорит Ушинский — мы находим в нем всегда две стороны: идею, закон, по которо-

му явление происходит, и субстрат — материал, в котором он проявляется. Если науке удастся разложить этот материал на несколько составных элементов, то каждый из этих элементов снова представляется нам явлением, имеющим свой закон и свой материал, и так далее, в бесконечность — в бесконечную глубину сознания Божьего.

Обращаясь к изучению самого пуги, по которому мы шли к постепенному раскрытию законов природы и истории, мы открываем, что в этой системе опять есть строгие законы.

Везде, куда бы мы ни обращались, везде, куда только могла проникнуть пытливость наша, мы нигде, ни в одном творении Божьем не находили отсутствия мысли, отсутствия идеи, отсутствие закона. Рассматривая микроскопическое животное и изучая законы движения светил небесных, заглядывая в дух человека и разлагая камень, вынесенный водой или выброшенный огнем из недр земли, проникая в седой мрак времён давно протекших, спускаясь в глубину морей, науки везде, хотя в разных выражениях повторяют радостное восклицание царя-псалмопевца: «Камо пойду от Духа Твоего и от Лица Твоего камо бежу?!» (Псал. 138).

в) Наука предполагает веру.

«Для непредубеждённого человека, — говорит Ушинский, — должно быть ясно, что без веры наука существовать не может». Принцип опытной науки — вера в разумность мира, в «объективные законы», которые принимаются даже сторонниками диалектического материализма. Всякое рассуждение первоначально покоятся на вере, и допущение этой первоначальной веры есть необходимое условие познания. Весь процесс математических доказательств состоит в том, чтобы привести самое сложное умозаключение к простой аксиоме, то есть к такому положению, истина которого очевидна и которое не только не нужно, но и нельзя доказывать. «Вера, — говорит Ушинский, — ингредиент науки. Вера движет науку. Знание всегда предполагает незнание и граничит с ним. Наука сделала много, но бедна та наука, которая хочет закрыть от нас священную бездну бесконечности незнания, бездну, по которой знание плавает только по поверхности и которую мы никогда не исчерпаем.

Несмотря на всю нашу науку мир остается чем-то неисповедимым, полным чудес для всякого, кто о нём думает».

В отношении между верою и знанием есть еще один психологически очень важный момент.

Познавательный процесс включает в себя момент сомнения: «Во всём следует усомниться» Декарта остается в силе для всех областей научного знания. Но Декартовское сомнение не ограничивается скептицизмом. Скептицизм разрушает науку, делает её невозможной.

Поэтому Ушинский ставит перед педагогом задачу — воспитать сомнение в человеке, не поколебав в нем уверенности.

Заметим кстати, что сам Декарт позволяет себе сомневаться во всём кроме бытия Божьего и реальности своей душевной жизни. «*Cogito, ergo sum*» (я мыслю, следовательно я существую).

Психологическая наука не может обойтись без веры. Скептик, который бы ни во что не верил, оказался бы в невозможности построить науку.

г) Антиномии рассудочного познания.

Для того, чтобы уяснить место веры и знания в жизни человека, Ушинский обращается к анализу процесса познания. Попытаемся вкратце изложить ход его мыслей.

Процесс познания реальной действительности есть ничто иное, как рассудочный процесс отвлечения понятий, образования из понятий суждения и из суждений понятия. В состав науки входят понятия, очищенные от случайных признаков предмета, причем понятия меньшего объёма подводятся под понятия большего объёма.

Рассудочный процесс у человека не останавливается на первых ступенях развития, как это имеет место у животных, но стремится итти всё дальше и дальше. На своём пути рассудок человека неизбежно встречает противоречия, которые он тщетно стремится удалить или примирить.

Удалить противоречия не всегда во власти человека, а примирение часто бывает кажущимся и времененным и остаётся лишь до тех пор, пока человек не откроет противоречий в собственных своих примирениях.

На этой особенности рассудочного процесса в человеческом сознании основывается **диалектический метод**, существовавший ещё во времена Сократа и поставленный на первое место в философии Гегелем.

«Можно отвергать выводы Гегеля, — говорит Ушинский, — но самого метода мы отвергнуть не можем, потому что он соответствует особенностям сознания человека».

Мыслитель-диалектик, исследуя какое-либо понятие, открывает его противоречивость, примиряет эти противоречия в высшем

понятии, которое в свою очередь при анализе распадается на противоречивые понятия. (Примерами таких антиномий рассудка могут служить противоречия причинности и свободы, монизма и дуализма, явления и субстанции и т. п.).

Для того чтобы объяснить происхождение и смысл этих антиномий, Ушинский обращается к вопросу об основных особенностях человека.

«Три основные элемента составляют человеческое существо, — говорит Ушинский в своей «Педагогической антропологии», — тело, душа и дух».

«Дух переделывает на свой лад животный организм человека».* Духовые особенности человека вносят серьёзные изменения в его физиологию, так что только внимательный анализ может открыть в процессах человеческого организма сходство с тем же процессами, совершающимися в животных. Глубокий знаний теории Дарвина, Ушинский отверждает, что развитие приспособлений человека, в отличие от животного, идёт совсем иным путём, не по линии только органической наследственности, но исторической преемственности.

«Ход приспособления к условиям жизни принял у человека совершенно новое направление, чужлое другим организмам земного шара. Только человек может пренебрегать своими органическими стремлениями. В человека есть особая, чуждая всему остальному миру точка опоры. Только у человека возникает антагонизм и к самой борьбе за существование.

То же и в области психологии. Рассудочный процесс сознания соответствует животной природе человека. Но деятельность души питается потребностями духовными. Именно они возбуждают беспрестанную деятельность души и вносят противоречия рассудочной деятельности. Против вечного движения вперёд и вперёд к неведомой цели возмущается животная природа человека.

К чему стремится примирение непримиряющихся противоречий и вечное нахождение новых? Цель этого процесса **вне человеческой жизни и вне человеческого сознания**. Рассудок часто отказывается следовать за таинственными указаниями духа, который не щадит ни нашего самолюбия, ни нашей нетерпеливости, и это нередко заставляет человека отказаться от дальнейшего движения.

* По существу то же имеет в виду современное нам учение физиологии о регулирующей роли второй сигнальной системы.

Рассудок хочет привести весь материал рассудочного процесса в полную ясность, выбросить всё противоречащее и вследствие того необъяснимое, расстаться наконец, с мучительными вечными противоречиями и сомнениями» (именно это делают современные нам материалисты).

«Что же выходит из такой решимости? — спрашивает Ушинский. — Временные всеобъемлющие теории, которые в данный момент кажется удовлетворяют всех, в следующий же рушатся, оставляя пустоту в душе, которую человек спешит заполнить новой теорией. Подобные теории: или создания ограниченного ума, который не видит противоречий, или неограниченного самолюбия, которое не хочет их видеть. Сущность рассудочного процесса в уничтожении противоречий. **Разум сознаёт эти противоречия и видит их неизбежность**. «А жизнь идёт всё вперед, колебаемая, но не сбивающая с пути временными увлечениями рассудка. Наука руководится рассудком, но жизнь руководится разумом. Наука только средство, но не цель жизни.

Стремясь к неведомой цели и **именно потому**, что оно стремится к этой неведомой цели, и **настолько, насколько** оно стремится к **ней**, человечество достигает по пути множества временных целей: наука идёт вперед, материальный и общественный быт совершенствуется».

Вера, которая ведёт человечество к неведомой цели, делает возможным и прогресс рассудочного познания и достижение других побочных целей нашего временного существования.

В этом процессе раскрывается, указывает Ушинский, и глубокий смысл Евангельского изречения: «Ищите прежде всего Царства Божия, и всё остальное приложится вам».

Изречение это относится не только к апостолам. Оно может быть отнесено как к каждому отдельному человеку, так и ко всему человечеству в его историческом развитии.

(продолжение следует)

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ИЗ СБОРНИКА «ЗЕМНОЕ ВРЕМЯ» (1978 г.)

ПЕРЕДЕЛКИНО

На луковицах пегухи
или кресты? Овраг и долы.
Бориса юные стихи.
Трёх сосен слитные верхи,
соцветья, чешуя и смолы.

(Подумать, десять лет тому:
всё было кончено. Однако,
ещё не знали, что к чему,
и шли, болтая про сурьму
грозы и мыслящих иначе).

Кусок земли, где Сетучь с нить,
где наши старые шакалы
умеют мёртвых хоронить.
Где мужикам нельзя не пить,
а бабам — не ворочать шпалы.

Г.О.

1.

Всё вместе, всё рядом:
летучие пятна теней
и всплески под градом
жемчужно-зелёных ветвей.

Смолистые свечи,
сосновый розанчик сухой.
И поезд далече
дымит по мосту над Окой.

Пора в каталажку,
в калужском ржаветь тупике.
Ты ландыша плашку
сжимаешь в прозрачной руке.

Люблю твои слёзы
за то, что они холодней
коры у берёзы,
когда мы одни перед ней.

Ветер приоткрывает
листвы голубиный испод.
И сердце не знает,
что время земное идёт.

2.

За тучами скрылось
жемчужное солнце — сожглось.
Лицо увлажнилось
от всплесков плакучих берёз.

За зиму в кладовке
пропах маринадом листок.
Толстовцем в толстовке
в лесу задремал ветерок.

Счастливец сдувает
со стебля прозрачный пушок,
когда подбивает
себе в полусне сапожок.

Возлюбленной речи
волненье во всём естестве,
как синие свечи
сирени в глубокой листве.

Она замирает,
крыла расправляя, — в излёт
зовёт и не знает,
что время земное идёт.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОЛГЕ

Прибрежные долы в сангине заката,
в смуглееющей зыби река.
Послушай, как просится сердце куда-то
во плавкое — под облака!

Схватил бы я в цепкие руки гитару,
напенил цимлянским бадью
и гнал бы всю ночь из Симбирска в Самару
под парусом крепким ладью.

Так много призыва в заутреннем звоне,
что хочется прямо сейчас,
прощаясь, прижать к задубелой ладони
холодный персидский атлас.

И видеть песок, засинённый зарёю,
где чаек разносится крик
и пахнет смолистой лиловой корою
медвежьих углов патерик.

О Волга! Всегда твоему благолепью
сродни атаманская стать.
Убей меня, Волга, мазутною цепью
и выброси на берег спать.

ВЕЧЕР

1.

Там — указал Кирилл.
Елочный горизонт
в блеске вечернем плыл.
Да — сказал Ферапонт.

И песнопенья стай,
что в облаках с весны
— от монастырских свай
до островов Шексны.

2.

Елей, осин, осок
зелень темна, темна.

Послеиюльский ток.
Пепельный ворс гумна,
Келарня и казна.
Что на киот поник,
сноп васильков и льна.
Кроткого Спаса лик.

3.

Страшно тебе одной.
Лучше в далёкий путь
тихо пойдём с тобой,
так, чтоб тебе на грудь
луч опустился вдруг
в цвет твоего лица,
— не разжимая рук,
верных и без кольца.

Из цикла «Девять стихотворений»

...Как осьминожьих пней
в печке трещат обрубки.
Жёлтые мхи с камней
пористы, точно губки.

О, земляной покров!
Ягода, вереск, змеи.
Ветер до облаков
и смоляные реи.

Дай, потушу свечу,
сплюшив фитиль рукою.
Дай, к твоему плечу
тихо прижмусь щекою.

Ягель среди берёз
снится, упруг и нежен.
Вот бы таким зарос
путь от Кремля к Манежу!

Лосю бы там бродить
в красных руинах важно,
— чтобы и там любить
было тебя не страшно.

Куева Губа
16 августа

В густоморской листве
густо красна рябина
самых простых кровей.
Просека и трясина.

Лучше любить, уснуть
прямо на хвойных лапах.
Весь комариный путь
по большаку на запад,
верно, пришёл к концу,
что ему делать с нами?
Ляжем лицом к лицу.
Тихо прильнём губами.

«Первый... один... родной...»
Высь с реактивным гулом.
Буду водить рукой
по волосам и скулам.

Плакать и жить в страстях,
преображая в слово
осени тёплый прах.

Груздево и Дюдьково
31 августа

От Воздвиженья до Покрова
свет листвы, умирающей жадно.
Над Загорском ещё синева.
И всегда под снежком Александров.

Это дни, когда ждать и просить
ни о чём Иисуса не надо.
Ведь Ему полюбить
нелостойного тоже отрада.

Так бывает — пугают Судом,
угрожают, что грешен.
Но теперь не о том.
Слаб, зато безутешен!

Я не брезговал вонью сеней,
проходя в раззорённые дома.
По углам одичалых церквей
видел, как паутины весомы.

И на красную ложь
наложил своё слабое вето...
Уповаю. Так что ж,
разве против Завета?

3 сентября

КРАСНОЕ КОЛЕСО

*Из Узла II,
«Октябрь Шестнадцатого»*

25'

(Кадетские истоки)

Как две обезумевших лошади в общей упряжи, но лишённые управления, одна дёргая направо, другая налево, чураясь и сатанея друг от друга и от телеги, непременно разнесут её, перевернут, свалят с откоса и себя погубят, — так российская власть и российское общество с тех пор, как меж ними поселилось и всё разроссталось роковое недоверие, озлобление, ненависть, — разгоняли и несли Россию в бездну. И перехватить их, остановить —казалось, не было удальца.

И кто теперь объяснит: где же это началось? кто же начал? В непрерывном потоке истории всегда будет неправ тот, кто разрежет его в одном поперечном сечении и скажет: вот здесь! всё началось — отсюда!

Эта непримиримая рознь между властью и обществом — разве она началась с **реакции** Александра III? Уж тогда не верней ли — с убийства Александра II? Но и то было седьмое покушение, а первым — каракозовский выстрел.

Никак не признать нам начало той розни — позднее декабристов.

Есть любители уводить этот разрыв к первым немецким преодеваниям Петра, — и у них большая правота. Тогда и к соборам Никона. Но будет с нас остановиться и здесь.

При первом сдвиге медлительных многоохватных, дальним глазом еще не предсказуемых реформ Александра II (**вынужденных**, как обзывают у нас, будто бывают полезные реформы, не вынужденные жизнью) — почему так поспешно вскричала «Молодая Россия»: нам некогда ждать реформ!, и властитель дум Чернышевский позвал к топору, и огнём полыхнул Каракозов? Почему такое совпадение, что эти энергичные, уверен-

ные и безжалостные люди выступили на русскую общественную арену год в год с освобождением крестьян? Кем, чем так уверены были они, что медленным процессам не изменить истории, — и вот спешили нарушить постепенность разрушительным освобождением через взрыв? **На что** отвечал Каракозовский выстрел? Всё-таки же не на освобождение крестьян, как оно ни опоздало? Или несчастное подавление польского восстания убедило их всех, что никогда не исправится российская власть? Разве молодое пылкое может пождать поглядеть или додуматься, что **их**-то потомки, после всех освобождений будут гнести эту Польшу еще и через сто лет?

Через два года после Каракозова уже сплёлся союз Бакунина с Нечаевым — а дальше перерыву не бывало, среди нечаевцев гостила уже и «Народная Воля».

Один Достоевский спрашивал их тогда: — что они так торопятся? Торопились ли они обогнать начатки конституции, которые готовил Александр II? В самый день убийства он утвердил создание преобразовательных комиссий с участием земств — действительно, **дни** оставались террористам, чтобы сорвать рождение русской конституции.

В 1878 Иван Петрункевич пробовал на киевских переговорах убедить революционеров временно приостановить террор (О, не отказаться от него, конечно!): де, погодите, не постреляйте немного, дайте нам, земцам, открыто и широко требовать реформ. Ответил ему — выстрел Засулич из Петербурга. Да через год созрела и «Народная Воля», а в чьей-то голове уже складывалось из будущего ультиматума:

цареубийство в России очень популярно, оно вызовет радость и сочувствие.

Накалялся общественный воздух, и больше никто уже не смел и не хотел поперечить бомбистам.

Без терпеливого мелкого шрифта нам между собой не объясняться о собственной уворованной истории. Мы снова зовём в такую даль лишь самоотверженных читателей, главной частью — соотечественников. Этот уже постыдивший, а в объёме немалый материал, как будто слабо связанный с обещанным в заглавии Октябрём Шестнадцатого, не утомит лишь того читателя, кому живы напряжённые Девятысотые годы русской истории, кто может оттуда извлечь уроки сегодняшние.

ИЗ УЗЛОВ ПРЕДЫДУЩИХ

НОЯБРЬ 1904

ИЮЛЬ 1906

На что рассчитывали они? Как могли они ждать, что убийством монарха получат уступки от его наследника? Только разве если бы он раскисляй. Но никакой нормальный человек не может простить убийства своего отца. Да за 13 лет царствования был ли хоть один важный закон подписан Александром III без воспоминанья: отец мой дал свободу, дал реформы — и его убили, значит путь его был неверен. Как аукнется... За бомбистов получило всё русское общество реакцию 80-х годов, обратный толчок в до-севастопольское время. Охранные отделения только тогда и были созданы, в ответ. (Да впрочем, чего они стоили-то, по-нашему?)

Группа, готовившая теперь убийство и Александра III (1 марта 1887), объясняла свою платформу так:

Александр Ульянов: Русская интеллигенция в настоещее время только в террористической форме может защищить своё право на мысль. Террор создан XIX столетием, это единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное лишь духовной силой и сознанием своей правоты... Я много думал над возражением, что русское общество не проявляет сочувствия к террору, даже враждебно относится к нему. Но это — недоразумение.

И оказался прав: уже через 10-15 лет русское общество видело в терроре свою весну.

Осипанов: Мы надеемся, что правительство уступит, если террор будет применяться нами систематически. Мы надеемся террором пробудить в массах интерес к внутренней политике. В народе образуются свои боевые группы для борьбы со своими частными угнетателями, постепенно всё это сольётся в общее восстание. А уж когда оно наступит — мы будем сдерживать жертвы и насилия, насколько можно...

Как аукнется... Ведь и группа Ульянова-Осипанова образовалась в ответ на разгон митинга в память Добролюбова. (Хоть и к Добролюбову вернуться; тоже и он — не первый! — выдыхал в ветер этой ненависти.)

И оружием высказанная ненависть не утихла потом полстолетия. А между выстрелами теми и этими метался, припадал к земле, ронял очки, подымался, руки вздевал, уговаривал — и был осмеян неудачливый либерализм. Однако заметим: он не был третеец, он не беспристрастен был, не равно отзывался он на выстрелы и окрики с той и другой стороны, он даже не был и либерализмом сам. Русское общество, давно ничего не прощавшее власти, радовалось, аплодировало всем им. Чем далее в девяностые и девяностые годы, тем гневнее направлялось красноречие интеллигенции против правительства, но казалось недопустимым увещать революционную молодежь, сбивавшую с ног лекторов и запрещавшую академические занятия.

Как ускорение Кориолиса имеет строго обусловленное направление на всей Земле, и у всех речных потоков в северном ли, в южном ли полушарии так отклоняет воду, что подмываются и осыпаются всегда *правые* берега рек, а разлив идет *налево*, — так и все формы демократического либерализма на Земле, сколько видно, ударяют всегда *вправо*, приглаживают всегда *влево*. Всегда левые их симпатии, налево способны переступать ноги, клеву клонятся головы слушать суждения — но позорно им раздаться вправо или принять хотя бы слово справа.

Если бы кадетский (и всемирный) либерализм имел бы оба уха и оба глаза развитых одинаково, а идти способен бы был по собственной твёрдой линии — он избежал бы своего бесславного поражения, своей жалкой судьбы (и, может быть, с крайнего лева не припечатали бы его «гнилым»).

Труднее всего прочерчивать *среднюю* линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, кулак, бомба, решётка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твёрдого мужества, самого расчётливого терпения, самого точного знания.

Земство, как можно это слово понять наиболее широко, есть общественный союз всего населения данной местности; ёже — лишь тех, кто связан с землёю, владеет ею или обрабатывает её, не горожан. В земской реформе 1864 года, тогда понимавшейся лишь как первая стадия, слово было истолковано наиболее узко: это было местное самоуправление, и главным образом помещичье.

Но оттого ли, что дворянство при добровольности земской работы пошло на неё не сплошь, корыстное не шло, именно потому, что не видело там себе корысти, а шли те, кто были проникнуты общественными заботами и жаждою справедливости; или, как напоминает виднейший и первейший земец Дмитрий Николаевич Шипов, оттого, что не в русской традиции отстаиванье интересов групп и классов, но совместные поиски *общей правды* — земская идея проявилась выше обычной муниципальной: не просто самоуправляться, но служить требованиям общественной правды, постепенно ослаблять исторически сложившуюся социальную несправедливость. Члены земского союза создавали земские средства пропорционально своим доходам, расходовали же их — для классов недостаточных.

Первоначально созданное земство еще не срослось с коренным *НИЖНИМ* слоем — не имело волостного земства, которое бы стало подлинным крестьянским самоуправлением; еще не распространялось и *ВШИРЬ* — на нерусские имперские окраины; и *ВВЕРХ* не подымалось выше губернских земств, не имея законных прав на межгубернские, всероссийские объединения. Однако, все эти три направления роста были заложены в alexandровской реформе, — и при терпеливом безреволюционном развитии мы может быть

могли бы уже к концу XIX века иметь, при монархии, беспартийное общественное самоуправление с этическою окраской, отличающей его от западного муниципального.

Увы, Александр III, предполагая во всякой общественной само-деятельности зародыши революции, тормозя большинство начинаний своего худовозблагодаренного отца, остановил и исказил развитие земства: ужесточил административный надзор за ним и сузил ведение его; вместо постепенного уравнения в нём сословий напротив выразил резче сословную группировку, еще поволил дворянству, просвещённостью своей отворотившемуся от самодержавия, и оставил в униженном положении, даже с телесными наказаниями, — крестьянство, которое одно только и быть могло естественною опорой монархии. Однако земство и в этих условиях еще долго оставалось верю идеям великих реформ — совместной работе передового общества с исторической властью. Постоянно обставленное недоверием власти, подозрениями в неблагонадёжности, земство всё более изоцялось (и раздражалось) в избежании, обходах и хитростях против правительственныех помех. Но надежды общества всё же дождаться от власти понимания и сотрудничества еще теплились и пеплились, и едва воцарился Николай — к нему с верой обратились многие земства в верноподданных адресах. Земцы предполагали, что молодой государь не знает настроения общественных кругов, незнаком с нуждами населения и охотно примет предложения и записки.

И таких моментов, когда вот, кажется, доступно было умирить безумный раздор власти и общества, повести их к созидательному согласию, мигающими тёпло-оранжевыми фонариками немало расставлено на русском пути за столетие. Но для того надо себя придержать, о другом подумать с доверием. Власти: а может, общество и доброго хочет? может, я понимаю в своей стране не всё? Обществу: а может, власть вовсе и не дурна? привычная народу, устойная в действиях, вознесённая над партиями, — быть может она своей стране не враг, а благодеяние?

Нет, уж так заведено, что в государственной жизни еще резче, чем в частной, добровольные уступки и самоограничение высмеяны как глупость и простота.

Николай II ответил своей знаменитой фразой:

в земских собраниях увлеклись беспочвенными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Я буду охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель.

Настолько незаконным считалось всякое межгубернское объединение земцев, что в 1896 новоназначенный перед коронацией министр внутренних дел Горемыкин запретил председателям губернских земских управ даже обсуждение: как бы вместо пустых трат на подносы и солонки (хлеб-соль) ото всех земств, сложиться на единое благотворительное дело. И большою льготою для земств разрешил им собирать совещания на частных квартирах, чтоб

только ни слова единого о тех совещаниях не попало в печать.*

Министр внутренних дел Сипягин натужно крепил приказный строй, как он понимал пользу своего государя и страны, был убит террористами в апреле 1902 и затем еще два года ту же линию вёл умно-властный Плеве, пока не был убит и он под растущее ликование общества. Вился между ними маккиавелистый Витте, слишком хитрый министр для этой страны: всё понимая, он ничем не хотел рисковать или пособить. Он составлял докладную записку государю, что земский строй несовместим с самодержавием, и весь тон её был — нельзя же подрывать самодержавие, а глубинный смысл, рассчитанный на сто ходов вперёд: нельзя же самодержавию и дальше сдерживать земство! — но об этом должны были догадаться другие, не он.

Всё тою же цепенеющей неподвижной идеей — как задержать развитие, как оставить жизнь прежнею, переходила российская власть в новый XX век, теряя уважение общества, возмущая бесмыслицей порядка управления и ненаказуемым произволом тупеющих местных властей. Расширение земских прав было остановлено. Студенческие волнения 1899 и 1901 резко рассорили власть и общество: в буйных протестах молодёжи либералы любили самих себя, не устоявших так в свое время. Убийство министра просвещения студентом (в 1901) стало для общества символом справедливости, отдача мятежных студентов в солдаты — символом тирании. 1902 еще более обострил разлад между властью и обществом, студенческое движение бушевало уже на площадях, а напористый Плеве при извилах Витте отнимал у земства даже коренные земские вопросы — даже к «совещаниям о нуждах сельско-хозяйственной промышленности» не хотел допустить земских собраний. Он-то имел в виду обойтись особенно без «третьего элемента» земств — наёмных специалистов в земских управах, средь которых и правда устраивались многие приреволюционные люди, по выражению Плева:

когорты санкюлотов и доктриниров, чиновников второго разбора, чей стиль отработан в тюремных досугах.

Однако земство естественно было уязвлено и взбудоражено: ведь если оно устранилось даже от прямых сельско-хозяйственных вопросов, то — вообще быть или не быть земству дальше? В мае 1902 ведущие земцы собрали на квартире у Шипова, на Собачьей площадке, частное межгубернское (незаконное) совещание. Оно приняло очень умеренные, благоразумные решения: как, не бойкотируя правительственный губернских совещаний, суметь связать их с деятельностью земств и тем загладить грубую неловкость правительства. Но указывало, что для успешного решения всех частных сельско-хозяйственных вопросов необходимо

поднять личность русского крестьянина, уравнять его в правах с лицами других сословий, оградить правильной формою суда, отменить телесные наказания, расширить просвеще-

* А впрочем по понятиям 70-х годов XX века — конечно, лыгота, и немалая...

ние. И построить вне сословий свое земское представительство.

Необъятная груда задач заграждала России путь в новый век. Но терпеливое земство не кралось взорвать эту груду, а протягивало деятельные руки — разбирать. Для умных людей, озабоченных благообщением отечества, постепенность в изменениях неизбежна.

Шипов: Если желать успеха делу, нельзя не считаться со взглядами лиц, к которым обращаешься. Необходимость какой-либо реформы должна быть предварительно не только широко осознана обществом, но и государственное руководство должно быть с нею примирено.

Однако, глядя так, и действуя так, земцы всё равно не угодили верховной власти. По домоганию Плеве участники этого самовольного совещания на Собачьей площадке получили высочайший выговор и предупреждение, что могут быть устраниены от всякой общественной деятельности. Тем более было отказано земствам в их просьбе допускать их к предварительному — прежде государя — обсуждению законопроектов, имеющих местное значение. Высочайший манифест в феврале 1903 обещал глушить

смуту, посеянную отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечением началами, чуждыми русской жизни.

Самодержавие так и обещало: оно не поступится ничем! оно не прислушается и к самым доброжелательным подданным! Ибо только Оно одно (без народного Собора, с приближёнными бюрократами, обсевшими лестницу взаимных привилегий, с кругом мысли только своих карьер) ведает подлинные нужды России.

Но, теряя надежду на добрую волю российской власти, тем упорнее отставало и земство своё общественное понимание. Всё более складывается *незаконный* межгубернский общеземский союз; через личные общения легко добивались во всех губерниях и уездах — однотипных резолюций, однотипных ходатайств, однотипной неуступчивости, в свою очередь всё более раздражавшей и власть.

Тут — незаметно, нерезко, как и все истоки истории, началось перерождение земской среды: раскол земства, очень неравный, на разливанное большинство и крохотное меньшинство; и нарастающее общение, объединение этого большинства с не-земцами — кругами городских самоуправлений, кругами судейского сословия, особенно адвокатами, с интеллигенцией профессиональной — в общее формирование *конституционалистов*, а затем в июле 1903 в увлекательную игру, называемую «Союз Освобождения». Коль скоро деятельность не дозволялась — ей приходилось быть нелегальной. Коль скоро все революционеры успешно имели конспиративные партии — отчего бы такую партию не завести либералам? Но так как им не надо изготавливать бомбы и хранить их, то им не надо и покидать своей обычной жизни — не надо скрываться под чужими именами, не надо уходить из своих удобных квартир и эмигрировать не надо, и испытывать тяготы партийной дисциплины: всякий, кто сочувствует боевому «Союзу» — вот в нём уже и состоит, и никаких обязанностей тяжелей того с него не спросится. И вот всё общество

уже и состояло в Союзе, куда не требовалось формального приёма. Правительству не надо было трудиться узнавать состав Союза, потому что в се и состояли. Союз был нелегальный, а — почти просвященный, всем известный и как будто уже и не криминальный. Всё, что нуждались они сказать, но нельзя было по русским условиям, печаталось за границей в журнале «Освобождение» и с большой свободой распространялось по России.

Не-земцы были в курсе всех западных социалистических учений, течений, решений, всё читали, знали, об всём судили, могли очень уверенно критиковать и сравнивать Россию, и одного только не имели — практического государственного опыта, как делать и строить, если завтра вдруг придётся самим (да не очень к тому и тянулись). Напротив, земцы были единственным в России слоем, кроме царских бюрократов, кто уже имел долгий, хотя и местный, опыт государственного управления, и склонность к тому имел, и землю знал и чувствовал, и коренное население России. Однако по бойкости и эрудированности не-земцы брали верх, больше влияли и больше направляли.

Союз начал с программы из двух слов: долой самодержавие! Это всех объединит! Они полагали, что вся масса тёмного неграмотного народа только и жаждет политических свобод. Лишь бы свергнуть монархию! — а там дальше волшебное всеведущее Учредительное Собрание, состоящее из сверхлюдей, точно выразит волю народа, разработает всё осталное. Царствующий монарх должен быть уже отныне, прежде Учредительного Собрания, устраниён от всякого влияния на государственную жизнь. От существующего строя не требовалось ни перестраиваться, ни улучшаться, а только: сгинуть. *Освобожденцы* — то есть большинство российской интеллигенции, весь либеральный цвет её, и не хотели никакого примирения с властью, и тактика их была: нигде не пропускать ни одного удобного случая обострить конфликт. Они и не пытались искать, что из русской действительности и её учреждений может, преобразовавшись, войти в будущее: всё должно было обрубиться и наполнист замениться. Они мыслили (теоретически изучили) Конституцию с большой буквы — введенная в Россию, она решит все проблемы.

Прошёл год — оказалось, что программа «долой самодержавие» не увлекла ни крестьянство, ни рабочих. Тогда разработали программу обширнее, где тех и других завлекали практическими обещаниями по их области, а весь народ в целом, вероятно же изнывающий от страсти к политической жизни, — набором буйных свобод, которые её обеспечат. В трёх десятках пунктов было собрано всё необходимое, чтобы составить жизнь по лучшим западным образцам. (Против которых невозможно найти разумные аргументы, пока не испытаешь их на своей стране и на себе).

Принцип «долой самодержавие» как будто давал объединение со всеми, кто только хотел. Русский радикализм (он продолжал называть себя либерализмом) оказывался солидарен со всеми революционными направлениями, а поэтому не мог осуждать террор, даже порицал тех, кто порицает террор. Русский радикализм принял принцип, что если насилие направлено против врага — оно

оправдывается. Оправдывались все политические волнения, стачки и погромы поместий. Чтобы смести самодержавную власть, была пригодна, наконец, хотя бы и революция — во всяком случае меньшее зло, чем самодержавие.

Редактор «Освобождения», многоищущий П. Струве, к тому времени чем только не перевёлся, где только не перебывал: и основывал РСДРП (и манифест писал), и во Пскове совещался с Лениным-Мартовым об «Искре», и соглашался и расходился с Плехановым, и вот теперь в органе свободных либералов печатал:

Русскому либерализму не поздно ещё стать союзником социал-демократии.

А вот и поздно! — II съезд РСДРП оттолкнул либералов-освобожденцев, чем глубоко огорчил и уязвил их. В октябре 1904 ни большевики, ни меньшевики не поехали в Париж на I-ю (и последнюю) конференцию оппозиционных партий, где Милюков, Струве и князь Долгоруков по принципу социдарности с революционными течениями, заседали с эсерами, с Азефом и с пораженцами, кто на японские деньги закупал оружие и слал его в Петербург поднимать восстание, пользуясь войною. (Так как в борьбе с самодержавием все средства хороши, то хоть и узначь бы о японских деньгах — почему не взять?)

Императорское правительство ещё существовало, но в глазах освобожденцев как бы уже и не существовало. Чего они никак не представляли, это — чтобы между нынешней властью и населением кроме жестоких противоречий была ещё и жестокая связь гребцов одного корабля: идти ко дну — так всем. Чего Освободительное Движение вообразить не могло и не желало — это достичь, своих целей плавной эволюцией.

Но именно такой путь искало осуществить земское меньшинство — меньшинство утлое, однако вёл его Шипов — председатель московской губернской земской управы и как бы признанный глава ещё не созданного «всероссийского земства»; были тут два примечательных князя Трубецких и три будущих председателя Государственной Думы.

Миропонимание и общественная программа формулировалась Д. Н. Шиповым так.

Смысл нашей жизни — творить не свою волю, но уяснить себе волю міродержавного начала. При этом, хотя внутреннее развитие личности по своей важности и первенствует перед общественным развитием (не может быть подлинного прогресса, пока не переменится строй чувств и мыслей большинства), но усовершенствование форм социальной жизни — тоже необходимое условие. Эти два развития не нужно противопоставлять, и христианин не имеет права быть равнодушен к укладу общественной жизни. Рационализм же повышенno внимателен к материальным потребностям человека и пренебрегает его духовной сущностью. Только так и могло возникнуть учение, утверждающее, что всякий общественный уклад есть плод естественно-исторического процесса, а стало быть не зависит от злой или доброй воли отдельных людей, от заблуждений и ошибок целых поколений; что главные стимулы общественной и част-

ной жизни — *штатересы*. Из отстаивания прежде всего интересов людей и групп населения вытекает вся современная западная парламентская система, с её политическими партиями, их постоянной борьбой, погонею за большинством, и с конституциями как регламентами этой борьбы. Вся эта система, где *правовая* идея поставлена выше *этической* — за пределами христианства и христианской культуры. А лозунги народовластия, народоправства наиболее мутят людской покой, возбуждают втягиваться в борьбу и отстаивать свои права, иногда и совсем забывая о духовной стороне жизни.

С другой стороны неверно приписывать христианству взгляд, что всякая власть — божественного происхождения и надо покорно принимать ту, что есть. Государственная власть — земного происхождения и так же несёт в себе отпечаток людских воль, ошибок и недостатков. Власть существует повсюду — из-за слабости человеческой природы: неспособности человека обойтись без организованного порядка жизни и принуждения. Но и сама власть носит в себе ту же человеческую слабость, тем сильнее, что именно власть разворачивает человека, — и тем сильней, чем духовно слабее властвующий. Власть — это безысходное заклятье, она не может освободиться от порока полностью, но лишь более или менее. Поэтому христианин должен быть деятелен в своих усилиях улучшить власть и улучшить государство.

Но борьбой интересов и классов не осуществить общего блага. И правда и свободу — можно обеспечить только моральной солидарностью всех. Борьба за политические права, считает Шипов, чужда духу русского народа — и надо избегнуть его вовлечения в азарт политической борьбы. Русские искони думали не о борьбе с властью, но о совокупной с ней деятельности для устроения жизни по-божески. Так же думали и цари древней России, не отделявшие себя от народа. «Самодержавие» это значит: независимость от других государей, а вовсе не произвол. Прежние государи искали творить не свою волю, но выражать соборную совесть народа — и ещё не утеряно восстановить дух того строя. Шипов утверждает, что когда у нас собирались земские соборы, то не происходило борьбы между царём и соборами, и не известны случаи, когда бы царь поступил в противность соборному мнению: разойдясь с собором, царь только ослабил бы свой авторитет. Для государства, где и правящие и подчинённые должны прежде всего преследовать не интересы, а стремиться к правде отношений, Шипов находит наилучшей формой правления именно монархию — потому что наследственный монарх стоит вне столкновений всяких групповых интересов. Но выше своей власти он должен чувствовать водворение правды Божьей на земле, своё правление понимать как служение народу и постоянно согласовывать свои решения с соборной совестью народа в виде народного представительства. И такой строй — выше конституционного, ибо предполагает не борьбу между государем и обществом, не драку между партиями, но согласные поиски добра. Именно послеалександровское земство, уже несущее в себе нравственную идею, может и должно возродить в новой форме Земские Соборы, установить государственно-земский строй. И всего этого достичь в духе терпеливого убеждения и взаимной любви.

Увы, задача эта очень трудна, ибо на переломе XIX-XX века в России носители власти утратили веру в себя. А с другой стороны

это м у обществу — лишённому нравственной силы и способности к дружной работе, власть и не может доверять. В обществе преобладает отрицательное отношение и к вере отцов, и к истории, быту и пониманиям своего народа. Либеральное направление так же должно и крайне, как и правительственные. А всё же можно устранять и устранить недоверие между властью и обществом, и достичь их живого взаимодействия.

Власти должны перестать считать, что самодействительность общества подрывает самодержавие. Общество уже сегодня должно самостоятельно заведывать местными потребностями и не быть под административным произволом и личным усмотрением. Проекты государственных учреждений должны быть доступны общественной критике до утверждения их государем.

Всего-то, для начала! Неужели — много, ваше императорское величество? Шипов не предлагает же Конституции, он не зовёт к политической борьбе, — но лишь к моральной солидарности с народом. Неужели земцы устроят в своей местности хуже, чем из Петербурга укажут бюрократы, никогда не знавшие земли?

Так думал и действовал Шипов четыре срока в своей земской должности, и в начале 1904 был избран на пятое трёхлетие. Авторитет его не только в московском, но и всероссийском земстве был уже таков, что даже при нарастающих спорах и расколе, его оппоненты голосовали за него первого и постоянно желали видеть председателем именно его. (Душевная чистота, внимающая мягкость, основательность мысли и твёрдость поведения — обдают и современного читателя со страниц его медлительных записок). В том же духе любви, внимания и добра пытался Шипов стоять перед министром Плеве, и был им — сначала обманут, затем подвергнут притеснениям, перлюстрации писем, затем — неутверждению в пятом избрании:

самозванец «всероссийского земства»; его деятельность по расширению компетенции земств и объединению их вредна в политическом отношении.

Весной 1904 Шипову осталось уйти от земских дел, удалиться в свое волоколамское имение. А 15 июля Плеве был убит террористом.

Это известие произвело на меня угнетающее впечатление. Моему мышлению и чувству всегда было непонятно, как можно, стремясь к переустройству уклада жизни на началах добра и высшей правды, идти путём преступного убийства.

А Струве и давно пророчил так:

Жизнь министра внутренних дел застрахована лишь в меру технических трудностей его умерщвления.

От убийства непримиримого Плеве — надежды либералов вспыхнули багряным протуберанцем, по всей России наступило ликование, политическая весна. А шла экз

ещё и японская война — начатая без ясной причины, чужая, далёкая и позорно-неудачная, настолько чужая и настолько позорная, что оскорблении от неё уже перешли меру, стало даже приятно позориться и дальше, и *жаждать* поражений, чтобы в них крахнуло самодержавие и должно было бы пойти на внутренние уступки. В эти месяцы родилось слово *режим* вместо «государственный строй», как нечто сплетённое из палачей, карьеристов и воров, и в столичном театре публика кричала балерине, любовнице великого князя Алексея Александровича, возглавлявшего морское ведомство: «Пошла вон! На тебе висят наши броненосцы!» «Освобождение» писало: «господа военные, нам не нужно вашей бессмысленной храбрости в Манчжурии, а ваше политическое держание в России; обратитесь против истинного врага, он в Петербурге, Москве, это самодержавие!» В обществе не было никакого страха перед властью (да теперь-то хорошо видно, что и *нечего* было им бояться), на улицах произносились публичные речи против правительства, и считалось, что террористы — творят *народное дело*.

Правительство сразу сдало, сразу размякло и ослабло, как будто на одном Плеве держалось, как будто никогда не имело никакой самодвижущей программы (да и вправду не имело), а лишь рассчитывало силы: пока держишься — дави, а рука расслабнет — улыбайся и уступай. Революционеры цедили сквозь зубы, что эта либеральная сволочь опять пожнёт плоды их революционного пота, оиять смажет революцию в реформы.

И снова замигала на русском пути тёплая точка возможного соглашения. Летом 1904 министром внутренних дел был назначен князь Святополк-Мирский, хотя и мало подготовленный к этой деятельности и не сильный, но искренно заявивший в первой же речи в сентябре:

Плодотворности правительстваенного труда основана на благожелательном и доверчивом отношении к общественным учреждениям и к населению. Без взаимного доверия нельзя ожидать прочного успеха в устройении государства.

Да это и была программа Шипова и его меньшинства! Но уступку министра подхватило и всё земское большинство, посыпались телеграммы ему — и тут же стали готовить давно задуманный общеземский (видных, но никем не уполномоченных земцев) съезд. Именно уступчивость Святополка-Мирского толкнула земцев требовать большего, чем они хотели раньше: получить не обещания очередного министра, но правовые гарантии. Всё оргбюро земского съезда были конституционисты, почти все — члены Союза Освобождения и проголосовали против одного Шипова (впрочем, прося его оставаться председателем): снять предполагавшиеся робкие вопросы о недостатках земских учреждений, об условиях сельского быта, о народном образовании и поставить вопрос об общих условиях нашей государственной жизни. Доверчивый Святополк-Мир-

ский по прежнему представлению Шипова ходатайствовал перед государем разрешить съезд, посвященный *местным* вопросам, а между тем съезд уже превращался в подобие желанного заветного Учредительного Собрания — и всё общество стихло, напряжённо ожидая его. А тут государь был занят более важными военными парадами, и когда Святополк доложил ему о своей ошибке, о невольном обмане — было уже поздно: уже съезжались в Петербург сто земцев. В последнюю минуту изнехотя им разрешён был статут частного совещания. 6-9 ноября они совещались на частных квартирах, меняя и тая адреса, впрочем полиция вежливо охраняла их собрания и доставляла им приветственные телеграммы с разных концов страны, даже от политических ссыльных. (В кулуарах сновал с программой Союза Освобождения Милюков, воротившийся с поражёнческой парижской конференции. Но Союз еще не увлёк этого съезда). Шипов не уклонялся председательствовать, надеясь повлиять примиряюще на совещание, начатое с убеждением:

Если не дано будет правильно обоснованных начал, Россия пойдёт с неизбежностью к революции.

Ненормальность нынешнего государственного управления... Общество устранило... Централизация... Нет гарантий охраны прав всех и каждого... Свобода совести, вероисповедания, слова, печати, собраний, союзов... Неприкосновенность жилища... Независимая судебная власть... Уголовная ответственность должностных лиц... Уравнение сословий и наций... — весь этот реестр из программы Союза не вызвал расхождений в земском съезде. И все же произошел раскол: оговорить ли и требовать, чтобы народное представительство было *законодательное*, утверждало бы бюджет и контролировало администрацию (большинство)? Или только *участвовало в законодательстве*, для чего Государственный Совет превратить в Государственно-Земский, а его бюрократический назначенный состав — многостепенно выбранными, от волости до губернии, земскими представителями (меньшинство)?

Аргументы Шипова звучат особенно интересно ныне, когда все мы приняли точку зрения его противников, когда всем нам прямые равные тайные выборы кажутся верхом свободы и справедливости. **Шипов** указывает:

Народное представительство должно выражать не случайно сложившееся во время выборов большинство избирателей, а — действительное направление народного духа и общественного сознания, опираясь на которые власть только и может получить нравственный авторитет. А для этого надо привлечь в состав народного представительства наиболее зрелые силы народа, которые понимали бы свою деятельность как нравственный долг устроения жизни, а не как проявление народовластия. При всеобщих прямых выборах личности кандидатов остаются избирателям не известными, и избиратели голосуют за партийные программы, но по сути не разбираются и в них, а голосуют за грубые партийные лозунги, возбуждающие эгоистические инстинкты и интересы. Все население, лишь ко вреду, втягивается в

политическую борьбу. Да и неверно это предположение современного конституционного государства, что каждый гражданин способен судить обо всех вопросах, предстоящих народному представительству. Нет, для сложных вопросов государственной жизни члены народного представительства должны обладать жизненным опытом и глубоким миросозерцанием. Чем менее просвещён человек умственно и духовно, тем с большей самоуверенностью и легкомыслием он готов разрешать самые сложные проблемы жизни; чем большим развитием ума и духа обладает человек, тем осторожнее и осмотрительнее относится он к устроению жизни общественной и частной. Чем менее опытен человек в жизни и государственном деле, тем более он склонен к восприятию самых крайних политических и социальных увлечений; чем более человек имеет сведений и жизненного опыта, тем более сознёт он неосуществимость крайних учений. — А кроме того народное представительство должно вносить в государственную жизнь знание местных потребностей, назревающих в стране. Для всего этого лучшею школой является предварительное участие в местном — земском и городском, самоуправлении.

И потому вместо всеобщих прямых выборов западно-парламентского образца Шипов предлагал трёхстепенные внесословные общие выборы хорошо знакомых избирателям достойных способных местных деятелей: в волостях избирается уездное земское собрание, в уездах — губернское, в губерниях — всероссийское, каждый раз — с особым учётом крупных городов, и с правом кооптации до одной пятой состава на каждом уровне,

чтобы не были упущены весьма полезные деятели, не избранные по случайным причинам: перевеса числа достойных кандидатов над числом допустимых гласных, неблагоприятные личные обстоятельства и т. д.

И во всех стадиях выборов обеспечить пропорциональность, так чтобы представители меньшинств нигде не были заглушены или исключены.

Затем: министры назначаются государем, но из числа народных представителей; Государственно-Земский Совет может давать им запросы, но *ответственны* они — лишь перед государем. На возражение большинства:

Так, значит, остаётся абсолютизм монархической власти? народному представительству — лишь совещательный голос?

Шипов отвечал:

Да, с *правовой* точки зрения — так, если считать, что цель народного представительства — ограничение царской власти. Но если иметь в виду их *тесное единение*, если над монархом тяготеет тот же нравственный долг, что и над народным представительством, — тогда как же мог бы монарх не посчитаться с ним? и тогда избыточен вопрос

— решающий или совещательный голос у народного представительства.

Увы, ни монарха такого не было на Руси в 1904 году, ни таких народных представителей не дало бы избрать шумливое образованное общество.

В том-то и дело, что раскол земского совещания был глубже вопроса о форме выборов или правах народного представительства, глубже практического и организационного, а уходил к корням мировоззрения. Шипов указывал большинству, что класть в основу реформы идею *прав и гарантий* значит вытравлять и выветривать из народного сознания еще сохраненную в нём религиозно-нравственную идею. Оппоненты из большинства за то назвали его славянофилом, хотя в отличие от «славянофилов» не признавал он ни божественного происхождения самодержавия, ни превосходства православия над другими христианствами, — но уж так усвоено было полу веком раньше (да полу веком и позже), что всякий, кто хочет уклониться от прямого следования западным образцам, всякий, кто допускает, что путь России (или другого какого континента) может оказаться своеобычным, — есть *реакционер, славянофил*.

Этот раскол на квартире Владимира Набокова, еще не до конца осознанный присутствующими, как будто спор об одном пункте из дюжины, раскол на земцев-конституционалистов и собственно земцев, так сказать, если выругаться, на земских большевиков и земских меньшевиков (игра событий, мало запомненная в нашей истории), тем отличался, однако, от раскола РСДРП двумя годами ранее, что тут большинство настаивало непременно включить в резолюцию параллельно также и мнение меньшинства. И тем, что большинство (а это и была уже партия кадетов, но еще себя не осознавшая) желало мирных реформ, желало эволюции.

Святополку-Мирскому была подана записка об этих желательных реформах.

Нынешняя война вскрыла язвы бюрократического строя глубже, чем севастопольская... Старый порядок осуждён человеческим и Божеским судом... Как в эпоху освобождения крестьян, правительство должно стоять впереди, а не позади общества...

Так мигала, миганием уговаривала новая тёплая точка. Хотя съезд переступил свои полномочия и границы, но кажется, приотворялась давно потерянная возможность доброжелательного соглашения общества и власти. Святополк-Мирский, рискуя постом министра внутренних дел, представил государю необходимость начать реформы, с искренним намерением далеко в них пойти. Да государь как будто и не возражал, только мялся, только не сразу соглашался, по своей недоверчивости и скрытности.

А тем временем окрылённые победители — земское большинство, кинулось по России рассказывать о победе и, тут сливаюсь с упомянутым Союзом Освобождения, по его директивам из-за границы, и пользуясь Святополковым же облегчением собраний и слова, (над которым они же и смеялись), раскатили в единый месяц по

всей России *банкетную кампанию*: в каждом крупном городе собирались многолюдно, шумно, в смешанном случайном составе, вскладчину, белоснежные скатерти, духи, шампанское, и, раскачивая друг друга все большею смелостью тостов, седовласый профессор о заветах Вольтера, копопатый землемер о программе с-д, привозглашали во торжество общеземского съезда уже не то, что он предлагал, но — долой самодержавие! но, наполняя лёгкие радостью — да здравствует Учредительное Собрание! — как если бы страна *уже* корчилась в развалинах и надо же было учредить хоть какую-нибудь власть.

Что за праздник смелых либералов! Что за радость — выйти перед длинным белым столом и, немного уже пьяному, говорить против власти, ничего не боясь, и почтить своим тостом отважных революционеров, принесших России такую свободу!

А с трона *увиделось*: вот чего на самом деле земцы хотят, лишь притворяются о соглашении. Уступить сейчас этому шуму — значит скоро потерять всё. (Да ведь и правда).

И 12 декабря Николай II отменил пункт о всяком вообще, каком бы то ни было народном представительстве, хоть совещательном, хоть законодательном. Остальная программа земцев, по сути, принималась, но обществу это уже не годилось, тем более, что сбираща были осуждены и запрещалось обсуждать государственные вопросы. И Святополк подал в отставку.

Точка накалилась до багровости и лопнула в темноту.

А события быстро катились. 9 января в Петербурге расстреляли рабочую демонстрацию (впрочем, не такую уж кроткую, как описывается сейчас). 5 февраля был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. И сразу — новый язык и новые понятия появился у российского монарха. Если 12 декабря писалось:

Земские и городские учреждения и общества обязаны не касаться тех вопросов, на обсуждение которых не имеют законных полномочий,
то в Указе 18 февраля вдруг:

В неустанном попечении об усовершенствовании государственного благоустройства... признали Мы за благо облегчить нашим верноподанным возможность быть Нами услышанными. Совету Министров рассматривать и обсуждать поступающие виды и предположения от частных лиц и учреждений...

За что карали 12 декабря, за то благодарили 18 февраля. И — начинали подготовку Государственной Думы. Так отступала сила, признающая только силу.

А в открывшуюся калитку хлынул Союз Освобождения, который *полнее* представлял Россию, чем остальные земцы — и вот уже ворота разносил! Союз не имел дисциплины, организации, но все замыслы его тотчас подхватывались сочувствующей интеллигенцией, и в этом была его сила. По его директивам стали создаваться в стране союзы профессий, сперва только интеллигентных — адвокатов, писателей, актёров, профессоров, учителей, — но не

для защиты профессиональных интересов, а для подачи трафаретных единых предложений: о всеобщем избирательном праве, Учредительном Собрании, конституции. Это раскинулось и на все и на всякие другие профессии, какие только можно было словами назвать — Союзы ветеринарный, крестьянский, еврейского равноправия, — и все подавали одни и те же предложения, а вот слились и в единый Союз Союзов, — который и явился уже собственно *волей народа* (Милюков) — а чем же другим? (Разве что по Троцкому: «земской уздой, накинутой освобожденцами на демократическую интеллигенцию»). Главная задача была — раскальть общественную обстановку! Сам Союз Освобождения давно уже потерял внутренний паритет между земцами и не-земцами, всё больше затоплялся левыми интеллигентами и разрастался налево, налево, налево. В апреле 1905 состоялось еще одно общеземское совещание — всё под влиянием освобожденцев, банкетов, резолюций, *превосходное в радикализме, устанавливая НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕКОРД*. (Милюков).

Неповоротливая группа Шипова ушла с совещания, сметена с дороги истории.

Что за изумительное сладчайшее время наступило для мыслящей русской интеллигенции! Самодеятельный кружок седовласых законоведов — Муромцева, Ковалевского, вместе с учёной молодёжью сидел, под тяжелую пальбу Цусимы вырабатывая будущую русскую конституцию (где предпочитались выборы *прямые*, чтобы избранные были меньше связаны с местными условиями, меньше обязаны своим избирателям, и оказались бы не деревенские, а свободные высоко-культурные люди). Уже собирались пожертвования на будущую партию интеллигенции от богатых дам и широкощедрых купцов. В лучших особняках разряженная богатая свободная публика с замиранием сердца слушала новых модных смелых лекторов, среди них — полулегендарного, очень революционного Милюкова, чья учёная карьера десять лет назад прервалась предвещанием российской конституции. С тех пор он жестоко преследовался: ссылался так далеко, как в Рязань; за лекцию студентам с выводом о неизбежности террора стеснён был в петербургском жительстве, лишь на день присаживал в столицу, а жил в Удельной, но более всего ездил по границам, читал лекции в Англии и в Америке об извечных пороках России и бушевал в «Освобождении» под псевдонимом. Он много повидал и читал заграничного, сокасался с социализмом (и даже с Лениным), и вот — как всегда в истории приходит на нужное место нужный человек и в нужном возрасте — сорокапятилетний Милюков спустился в Россию перед созданием новой партии, чтобы стать её лидером, в лекционных гастролях по Москве и провинции выдвигал увлекательную идею *примирить конституцию и революцию*, либералов и революционеров, и если университетский друг его Гучков обвинял Милюкова в книжности, неорганичности, беспочвенности для России, то, справедливо отмечает Милюков,

общие симпатии были, конечно, на моей стороне.

Обстановка призываемой, приближаемой, изо всех интеллигентских сил нагнетаемой революции — *сипуляции революции* (её еще

нет, но вести себя так, как будто она уже началась и освободила нас!) всё больше и больше нравилась передовому русскому обществу. Союз Союзов проводил съезды чуть не по два раза в месяц и призывал своих членов повсюду в стране не просить свободу, а брать её, явочным порядком, как тогда говорилось: раздвигать локтями, искать поводов для демонстраций, для политической борьбы, устраивать совещания, собрания, митинги. Председателем одного такого съезда вынесло Милюкова, и он возвзвал:

Надежда, что нас услышат, теперь отнята. Все средства законны против нынешнего правительства! Мы обращаемся ко всему, что есть в народе способного отзываться на грубый удар — всеми силами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на её место Учредительное Собрание!

Эту *разбойничью шайку* не зря спустил с пера расчётливый Милюков: она помогла ему прочно восстановить свою репутацию слева, — а то обвиняли его уже, что он — *примиритель направо*, а с таким клеймом в такое время невозможно было жить. Эта «разбойничья шайка», как сам он считает, и провела границу между ним и Гучковым, между смелым *кадетизмом* и соглашательским *октябрьизмом*. Милюков убеждался всё более, что делать современную историю — лестно, интересно и ничуть не трудней, чем изучать минувшую.

Симуляция революции принимала всё большее правдоподобие. В начале июля собралось в Москве, в громадном княжеском дворце Долгоруковых в Знаменском переулке новое земско-городское совещание, уже без шиповского меньшинства. Полиция, пришедшая распустить «явочный» съезд, была отвергнута, ибо собравшиеся «выполняли царскую волю» от 18 февраля:

облегчить Нашим верноподанным возможность быть Нами услышанными.

А резолюция их была:

войти в ближайшее общение с народными массами для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы.

А понималось — просто собрать Учредительное Собрание тоже *явочным порядком*. Эти конституционалисты особенно рассчитывали разжечь народные массы на аграрном и рабочем вопросе. Да еще и все виды социалистов в те же самые недели занимались *развязыванием* революции в массах, а боевые эсеровские дружины по разным губерниям и сельским местам убивали околоточных, урядников и даже губернаторов, — и массы всё более сознательно откликались забастовками и поджогами помещичьих усадеб — «иллюминациями», как шутил Герценштейн. Всё шло таким образом к Учредительному Собранию. Однако некоторые конституционалисты (имевшие в скромных и даже нескромных размерах весьма приятную, николько не обременительную собственность) как будто начинали пугаться и отшатываться — и Павел Николаевич Милюков со всею принципиальностью должен был резко отповедать им:

Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к *физическими средствам* борьбы, то я боюсь, что наши планы организации партии окажутся бесплодными. Несомненно, все вы в душе радуетесь известным актам физического насилия, которые всеми заранее ожидаются и историческое значение которых громадно.

Собрание устыдилось, приняло нужные резолюции, и распространило их по России.

Всего полгода назад упрямая власть не хотела удовлетворить и самых малых требований — теперь уже и большие уступки не насыщали общества. В июле царь собирал тайно в Петергофе совещание высоких приближённых вырабатывать проект Думы. (В то совещание был допущен и Ключевский. Милюков мило рассказывает, как

они открыли перед Ключевским все свои потаённые планы, и В.О. не без лукавства, ему свойственного, ежевечерне в петербургской гостинице всё передавал своему далеко пошедшему ученику). 6 августа был издан новый манифест — об учреждении законосовещательной Думы. Появясь он при Святополке, она может быть и удовлетворила бы. Но теперь не силу, а слабость показывало правительство, идя на реформу не из устойчивого доброго намерения, а под угрозами; каждым словом и каждым шагом выявляло правительство, что не понимает оно положения страны, настроения общества, и не знает, как лечить их и делать что. Все умеренные элементы стихли и отодвинулись, все рассерженные не покидали митингов и разливались в газетах. Предложенная Дума была отвергнута не только большевиками — даже и милюковская группа колебалась (очень чутко оглядываясь почему-то на Троцкого), а тут еще эту группу на месяц посадили в «Кресты» — всё делая нелепо, всё делая как власти хуже, и через месяц выпустили без единого допроса, только прибавив ореола. Уже вступила Верховная власть России в тот безнадёжный круг, когда разум отнят Богом. В тот же нагнетённый август правительство уступило и объявило автономию высших учебных заведений — но только создало острова революции, неприступные для полиции: беспрепятственно бушевали студенты на митингах, и к ним собирались всякая публика, желающая послушать и побраниться. И кому теперь была нужна законосовещательная Дума? Новый общеземский съезд в сентябре хотя и не бойкот её объявил (как раз *их* и должны были выбрать туда), но идти в эту Думу, чтобы взрывать ее изнутри. После ухода шиповского меньшинства еще новое малочисленное гучковское меньшинство тщетно спорило с интеллигентскими теоретиками Союза Освобождения. А Союз всё более заливался социал-демократией, даже прятал на частных квартирах преследуемый Совет Рабочих Депутатов.

Так и отлилась — *конституционно-демократическая* партия — *кадетская*, как вскоре же, по общей фамильярности революционных сокращений их назовут и примут они. (И эта кличка *кадеты* смешается с прозвищем военизированных юнцов, слегка различая их в падежном склонении, смешается сперва невинно, а через 13 лет уже и порочно — когда тем самым мальчикам достанется об-

ронять этих самых интеллигентов, от этой самой революции бежавших, и весь котёл их обречённый так и будет зваться *к а д е т ы*). Правда, скоро схватится новая партия, что сочетание «ка-дэ» очень мало объясняет российскому обывателю, и на ходу они сменят свое полотно на Партию Народной Свободы — как будто и звучно и народное что-то добывая, опять-таки несчастливо упустив, что о *свободе* много пекутся интеллигенты, а для народа она — наименее нужное, он её и не просит, и не понимает. И так без употребления будет трепыхаться полотно, а язык прилепит «кадетов». Впрочем, подмена была не манёвром, но верою их: кадетские лидеры так и верили, что их устами и мыслями выражает себя весь огромный народ, с трибун так часто и обмолвливались о себе, как о прямых и точных выразителях народных чаяний, им хорошо известных.

Учредительный съезд партии собрался в Москве («первопрестольная — родина кадетизма», плохо по-русски говорил Милюков, да впрочем кадетские лидеры не выражались хорошим русским) при растущей железнодорожной и общей забастовке, так что даже не могли приехать три четверти ожидаемых делегатов. Нелегальные подпольные партии уже много лет существовали в России — и в общем раскале 05 года сами вышли на поверхность, но легальная от рождения — это была первая партия. А в программе был у неё все тот же сворот головы налево, обязательный для радикалов во всем мире, многие лозунги и оттенки, не вытекавшие из собственного их осознания, но чтобы сохранять питающую связь с левизной. Нововзшедший лидер партии Милюков оттенял с гордостью, что они — самые молодые из европейских либералов, и что программа их

наиболее левая из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы.

Очень резко отъединяясь ото всех, кто остались *справа*, как от преследующих классовые интересы, Милюков при полном согласии съезда вызывал к *союзникам слева*. Да новая партия сама настолько слева, что её

учредительный съезд заявляет свою полнейшую солидарность с забастовочным политическим движением! Члены к-д партии решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти.

Съезд не успел еще кончиться, как вбежал сотрудник «профессиональных» «Русских Ведомостей», в изнеможении и восторге потрясая непросохшим корректурным листком с Манифестом 17 октября.

Радость! Победа! Но — верить? не верить? Хитрость? оттяжка? Противник пал духом? Делегаты валили на Большую Дмитровку на банкет, там в игорном зале подбросили Милюкова на стол говорить, и он, уже смерив, возгласил:

Ничего не изменилось! война продолжается!
Надо было и дальше вести Россию, как пришла она к Манифесту: соединением либеральной тактики с революционной угрозой. Мы хорошо понимаем и вполне признаём верховное право Революции...

Стало модно повторять Вергилия — *flectere si nequeo superos Acheronia movebo* — если не смогу склонить Высших — двину Ахеронт (адскую реку).

И почему ж бы нет, если союзницу-революцию можно будет использовать против власти, перепугать, — а когда нужно, всегда остановить? Как иначе, если в эти первые дни конституции висит в консерватории плакат «На вооружённое восстание» — и под ним с интеллигентов собирают деньги? Если публично читаются доклады о сравнительных достоинствах брауинга и маузера? Столько лет бесплодно бывший о неуступчивую, безмыслю-тупую бюрократию — как в горячности трибунальных прений не окрылиться алыми крыльями революции? Если мордам неподатливым ничего доказать нельзя — где набраться терпения на тягучие бесконечные уговоры? как удержаться от желания ахнуть их дубиною по башке?

Сразу после Манифеста пригласил Витте кадетов в формируемый новый кабинет. Едва создалась партия — и сразу открылся ей путь — иди в правительство и ответственно искать, медленно устраивать новые формы государственной жизни. Казалось бы — о чём еще мечтать? не этого ли добивались — перенять власть и показать, как надо править? Но нервные голосистые кадеты на этом первом шаге выявили: они не были готовы от красивых речей по развалу власти перейти к серой работе правительства. Насколько почётней и позависимей быть критикующей оппозицией! (Через 12 лет на скольких мы это еще увидим: при крайнем политическом задоре — самоотказ от реальной власти). Их делегация к Витте во главе с молодым идеологом и оратором Кокошкиным сразу приняла вызывающий тон, требовала не устройства делового правительства, но — Учредительного Собрания, но — амнистии террористам, не оставляя нынешней власти ни авторитета, ни места вообще. Да иначе — что бы сказали *слева*? пойдя на малейшее сотрудничество с Витте — чем бы тогда кадеты отличались от правых?

Увы, левым не угодили всё равно... Едва только учредили кадетскую партию, как московские «освобожденцы» стали из неё выходить, а петербургские, не попавшие во время на поезд, теперь и вовсе — не входить. Союз Освобождения хлестал налево и шёл едва ли не за Советом Рабочих Депутатов. Даже самые отрицательные переговоры с Витте социал-демократы признали

постыдным шагом, сделкой буржуазии с правительством за счёт народа

и стремлением уцепиться за министерские посты.

Напротив **Д. Н. Шипов** объяснял кадетов так:

Эта партия объединила лучшие умственные силы страны, цвет интеллигенции. Но политическая борьба для них являлась как бы самодовлеющей целью. Они не хотели ждать пока жизнь будет устраиваться, постепенно обсуждаемая в её отраслях специалистами со знанием и подготовкой, — но как можно быстрей и как можно жарче вовлекать в политическую борьбу весь народ, хотя бы и непрорвавшийся. Они торопили всеобщие выборы — в обстанов-

ке, как можно более возбуждённой. Они не хотели понять, что народным массам чуждо понимание правового начала, проблем государственной жизни, да и самого государства, и тем не менее спешили возбудить и усилить в народе недовольство, пробудить в нём эгоистические интересы, разжечь грубые инстинкты, пренебрегая народным религиозным сознанием.

К религии кадеты были если не враждебны, то равнодушны. Их безрелигиозность и мешала им понять сущность народного духа. Из-за неё-то искренно стремясь к улучшению жизни народных масс, они разлагали народную душу, способствуя проявлению злобы и ненависти — сперва к имущественным классам, потом и к самой интеллигенции.

А Гучков:

Я никогда не скрывал своего безусловно отрицательного отношения к партии к-д. Я считаю, что эта партия сыграла роковую роль в истории нашей молодой политической свободы. Я присутствовал при её зачатии и рождении и сказал ей в своё время слово предостережения. Эта партия ловко подсела на запятки русской революции, приняв ее за ту триумфальную колесницу, которая довезёт их до вершин власти, и не заметив, что это просто дрянная телега, которая вконец завязла в кровавой грязи.

* *

Манифест 17 октября был вырван не потому, что у власти не было физической силы, она была, и проявлена через два месяца при лёгком подавлении московского вооружённого восстания. Но коснеющая царская воля имела перерывы неуверенности, и в такие перерывы от неё бралось всё, что угодно. А в месяцы, следующие за Манифестом, такими же неуверенными выкрадываниями отбирали из Манифеста что могли — назад. Но вот наконец были изданы Основные Законы, по которым власть разделялась впредь между Государем, Думою и Государственным Советом, — и после этого в тронной речи было объявлено, что день открытия Думы есть день обновления нравственного облика русской земли.

Увы, он стал днём нового разгара ненависти. Дума, избранная по «пробному» виттевскому избирательному закону (и частью — из людей, чуждых всякой законности) — никак не пыталась сама себя сдерживать, и требовала не меньше, как в сё и ни пол-вся, ни четверть-вся. Вопреки конституции I-я Дума впала в соблазн представлять всю волю народа и государственную волю — одной собой, как новая самодержица. И Кокошkin доказывал, что Дума не обязана выполнять ничьих в стране постановлений.

Лишь через 30 лет, поздним умом эмиграции вспоминал — да не типичный кадет, а умнейших из них

В. Маклаков — В 1906 году Революции не было. Начиналось выздоровление. Монархия уступила свою главную привилегию — Самодержавие. Она отказалась и от другого «стоя», который тяжёлым ярмом давил на всю русскую жизнь, от сословного строя. В программе правительства появилась старая программа либерализма. И постепенный переход земли к крестьянам, и развитие повсюду самоуправления, законность, независимый суд, просвещение. Общество в лице Думы получило возможность контролировать проведение этой программы, ставить преграду реакционным уклонам, даже брать на себя инициативу реформ. Почему же с самого *первого* дня, даже раньше первого заседания Думы, она вместо сотрудничества объявила власти войну? Вместо того, чтобы взять на себя неблагодарную, но почётную роль умерять безрассудное нетерпение общества, сама его подстрекала. Ни о какой постепенности реформ она не хотела и слышать. Радикальное изменение ещё не испытанной конституции, установление полного народоправства, единовременное и массовое отчуждение частных земель, образование правительства из представителей Думы и ей подчинённого — были её *первыми* требованиями. Уступить им — значило бы приблизить революцию на 11 лет.

Правда, с-д меньшевики с колебанием, остальные левые вполне уверенно, зовя и понукая революцию вернуться, объявили бойкот I-й Думы. От этого кадеты, внезапно для себя, оказались с голым левым боком, оказались очень левыми. Единственные, кто беззастенчиво владел европейской тактикой выборов, они захватили больше трети Думы, стали в ней самой многочисленной фракцией — но не клонились помышлять о нормальной, законодательной работе: левый ветер резко обдувал и сшибал их, запрещая им позорную умеренность. Кадеты и не хотели долгой думской работы, победа на выборах затмила им глаза, обещала так же легко свалить и власть. Они не хотели быть осмотрительными и тратить 4 года на то, чего можно натиском достичь в 4 недели. И когда Милюков, на предддумском кадетском съезде впервые проявляя свои сильные копыта торможения, попытался свернуть партию с крылатого революционного пути на скудный парламентский, он получил отпор сокадетников: игнорировать правительство! игнорировать законы, изданные после 17 октября! игнорировать Государственный Совет! провести программу в форме *ультиматума*! если правительство не уйдёт — *возвывание к народу!* умереть за свободу!

Элоквентный Родичев:

Дума разогнана быть не может!.. Сталкивающийся с народом будет столкнут в бездну!

Кизеветтер — Если Думу разгонят — это будет последний акт правительства, после которого оно перестанет существовать!

В духе того и седовласый неповоротливый председатель I-й Думы Муромцев, уже готовясь стать первым русским президентом, не желал общаться и разговаривать с министрами и даже запретил называть их правительством. (Маклаков объяснил Муромцева так:

Тип, которому нужен парламент. Для формулирования своих убеждений им нужны постановления коллективов: защищать своё мнение с яростью, пока не состоялось решение, а потом повиноваться беспрекословно. Полемическое кра-сноречие сходит у них за государственный ум. Такие могут требовать в речах того, что заведомо невозможно — и создают иллюзию (и сами верят), что реакция помешала им дать нужное благо. Личной ответственности на них не лежит никакой. Оценку себе ищут в газетных отзывах).

В первом же адресе на имя монарха эта неврастеническая Дума разговаривала с Верховной Властью ультимативно, та отвечала Думе наставительно, как подчинённому учреждению. Друзья слева, сплочённые кавказские социал-демократы, разжигали кадетов, и Дума требовала амнистии террористам и цареубийцам, сама отказываясь вынести моральное осуждение террору. И так это прочно сидело в кадетах, что Кадетский патриарх И. Петрункевич, с мировоздействия которого начата эта глава, воскликнул:

Осудить террор? Никогда! Это была бы моральная гибель партии!..

Однако этой I-й Думе и этому кадетскому большинству всё еще серьезно предполагалось поручить сформировать правительство и дать вести Россию. Шли тайные переговоры при дворе, сновали и встречались министры, так же тайно встречался с ними Милюков, «управлявший Думою из буфета и журналистской ложи», ибо не был депутатом её. Милюков уже рвался получить премьера, да не менее жаждал того и маститый Муромцев, но переговоры оказались тщетны, кадеты отказывались отречься от всеобщего принудительного отчуждения земли, роспуск Думы всё более проступал — и на эту роль, заменить Горемыкина на посту премьера и распустить I-ю Думу, Верховной Властью был определён... Шипов.

И что ж? Противник конституции, всех партий вообще, а кадетской в частности, заявил Государю, что роспуск уже собранной, пусть агрессивной, Думы представляется ему несправедливым и даже преступным. С 17 октября он, по высочайшему повелению, как и все подданные, принял конституцию, и считает нужным быть верным ей, и ничего другого не ждёт и от самого Государя. По его мнению, Дума была бы много умиротворена, если бы правительство продолжало развивать начала Манифеста, а не отступало от них. Равно не может Шипов принять на себя и руководство предлагаемым коалиционным правительством, но считает, что очень отвечало бы духу времени правительство, возглавляемое кадетами: оно вырывало бы их от антигосударственных элементов, из безответственной оппозиции и делало бы государственной партией. Пусть кадеты попробуют вести Россию и доведут, до чего доведут: сами и опомнятся. Может быть, они сами тогда распустят Думу, чтоб освободиться от левого крыла. На вопрос Государя о возможном главе такого правительства, Шипов ответил, что самым влиятельным, талантливым и эрудированным среди кадетов надо признать Милюкова, однако в нём слабо развито религиозное сознание, то есть, сознание нравственного долга перед Высшим Началом и перед людьми, а потому, стань он премьером, его поли-

тика вряд ли способствовала бы духовному подъёму населения. Кроме того он слишком самодержавен и будет подавлять товарищей. Шипов рекомендовал Муромцева.

И что же вынес из того разговора царь, кому напряженiem таким доставались все эти государственные обременительные беседы? По свидетельству Ключевского, если оно верно, пришёл в семейный круг и:

Вот говорят, Шипов — умный человек. А я у него всё выспросил — и ничего ему не сказал.

Скрытность — признак ума? Предоставлялся монарху редкий случай беседовать с воплощением русской совести, а он тужился в ложном соревновании с ним.

Так и не доводилось долго мигать оранжевому огоньку надежды.

Впрочем, захваченные резким левым вихрем и с лево-свернутыми головами, способны ли были кадеты взять на себя то государственное бремя? Министр внутренних дел Столыпин уверен был, что — не смогут, что свалят под откос. Человек действия, он не мог допустить такого опыта: пусть несут, куда понесут, когда все вместе разобьются — тогда поймём.

Под влиянием Шипова государь как будто и склонился создать кадетский кабинет, но лишь неделю думал так. Тем временем, террор продолжался. Тем временем встревоженные кадеты осудили Милюкова, до сих пор скрывавшего от фракции свои тайные переговоры с министрами. Тем более вздыбилась фракция против тормозных усилий Милюкова задержать такой нео-парламентский приём, как *воззвание к народу* по аграрному вопросу (в постоянной заботе кадетов будоражить крестьянство): обратить в их пользу земли казённые, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и принудительно отобрать частновладельческие.

Теперь Дума приняла такое воззвание-жалобу к народу, и решила свою судьбу. 66-летний премьер Горемыкин, умеренный, вяловатый, со спокойствием, отработанным долгой службой, ничему не удивлённый, ничем не взволнованный, ибо всё в истории повторяется, и сила одного человека недостаточна, чтобы её повернуть, — все эти месяцы видел, что с Думой работать никак не удастся, но продолжал невозмутимо работать, поскольку так сложились обстоятельства и пока того хотел Государь. Теперь же Дума переступила через край, а у Государя, как видел Горемыкин, было желание, но не хватало решимости Думу разогнать: мелькали ужасные видения 1905 года, которые могли взметнуться с еще большею силой. И тогда старик решился на самое большое усилие своей жизни: с фамильным образом он приехал на приём к Государю и вместе с ним молился о Господнем содействии и просил повеления себе — распустить Думу, уйти в отставку, а бразды передать из своих усталых рук в твёрдые руки молодого решительного Столыпина. Тем легче Горемыкину было решиться, что сам он уходил, дальше — не его заботы.) И получив таковое повеление, он отправился к себе, отдал распоряжение о распуске, сам же сказался в нетях и не велел прислуге искать и звать себя ни по какому вызову. Действительно, в тех же часах Государь усумнился

в отчаянном решении и вызывал Горемыкина передумать — а Горемыкина нигде не было.

Столыпин же успокоил Думу, встревоженную слухами (распугают? останемся в креслах сидеть, как бывало римский сенат! апеллируем к стране, вся страна поднимется! да никогда не посмеют!) — в субботу успокоил, что выступит с декларацией в понедельник, а в воскресенье 9 июля расставил солдат близ Таврического дворца, повесил большой замок на двери, а по стенам — царский манифест:

Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного...

И — что же теперь было кадетам? И — как же им перед революционною Россией? С воскресного утра кинулись собирать депутатов, а тем временем в запертой квартире на пыльном рояле набрасывали новое Воззвание, и Винавер находил, что в проекте Милюкова

нет стихийной негодящей силы, а надо, чтобы крик возмущения прозвучал как блеск молнии.

Окончательно составили воззвание Винавер с Кокошкиным. Но из воззывов Милюкова так и осталось: не платить податей! (впрочем, прямые налоги составляли ничтожную часть бюджета) — и не давать государству рекрутов! (впрочем их набор наступит лишь в ноябре).

А уж раньше было задумано у них на случай разгона: всем ехать на вольную финляндскую территорию, в Выборг. Оглядчивые депутаты-крестьяне, к кому и было всё милюковское воззвание, увы, не поехали, ни один. Поехало около трети Думы, самые пылкие (из них человек тридцать скрылись потом). В тот же воскресный вечер открыли заседание в отеле Бельведер, и председательствовал всё тот же благообразный непременный Муромцев. Приехали и трудовики (легальные эсеры), и социал-демократы (однако, резервируя *вооружённое восстание*).

Выступали — Кокошkin, бессменный Петрункевич, Френкель, Герценштейн, Иоллос, и лидеры трудовиков, Брамсон, Аладын, — и все пылали негодованием, и никто не мог предложить разительной меры, убийственной для правительства. Такой манифест, какой получался, — за него народ не прольёт крови, увы.

Объявить себя Учредительным Собранием? Присвоить себе функции правительства? Считать себя полной Думой и отсюда не расходиться?

Жордания (с-д) — Хотя здесь — третья Дума, но именно те, которые по праву являются...

Рамишвили (с-д) — Ещё недавно мы были уверены, что вернёмся домой без земли и воли. Но (презрительно) взы на решительные средства не пойдете.

(Трудовики): Дело народа — в руках самого народа! Армия с оружием в руках... защищать дело свободы! Правительство — больше не правительство! Повиноваться властям — преступно!

Но — ч т о же делать? Опять оставалось: не платить податей и не ставить рекрутов. (Не замечая, что эти удары — по всему государству, а не по правительству.)

— Всеобщую забастовку?

— Вооружённое восстание?

— Мы не можем призывать к восстанию, это будет провал конституционализма в России.

Винавер (к-д) — Ехать назад в Петербург и пусть нас там целиком арестуют — это будет хороший символ и возбудитель для общественной борьбы.

Настроение падало.

Гредескул (к-д) — В конце концов мы не призываем ни к чему страшному: пассивное сопротивление, вполне конституционно. Есть ещё мера: призвать народ воздерживаться казённого вина...

(Кто знает русские привычки, хорошо посмеётся).

Нет, падало настроение. До разгона казались себе и противниками страшными. А вот — ощущение банкротов. Усилий разногласия. Обсуждали постатейно. И, может быть, никакого Выборгского воззвания принято бы и вовсе не было, не явясь в гостиницу губернатор: господа, надо немедленно закончить заседание, ведь Выборг — крепость, в любую минуту могут объявить на военном положении...

Да, да, да! Нельзя злоупотреблять гостеприимством финских друзей. Что ж, подчинимся непреодолимой силе...

Поспешно надевал пальто и уходил из президиума несбывшийся президент или премьер-министр России

Муромцев — Многие из тех, кто подписал Выборгское воззвание, совсем не согласны с ним...

Уже спорить времени не осталось, а проголосовали чохом всё как есть, и приняли:

НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

ГРАЖДАНЕ ВСЕЙ РОССИИ!..

КРЕПКО СТОЙТЕ ЗА ПОПРАННЫЕ ПРАВА! ПЕРЕД ЕДИНОЙ
И НЕПРЕКЛОННОЙ ВОЛЕЙ НАРОДА НИКАКАЯ СИЛА
УСТОЯТЬ НЕ МОЖЕТ.

Выборгское воззвание никого не увлёкло; никого не испугало и даже жалкостью своей успокоило власти: они-то ждали революции.

Так закончился первый экзамен новосозданной Партии Народной Свободы — проигранным первым русским парламентом, где кадетам так легко досталось и так легко упустилось большинство.

9 ПИСЕМ М. ЦВЕТАЕВОЙ к ЛЬВУ ШЕСТОВУ

Все письма Марины Цветаевой к Льву Шестову относятся к периоду их совместного сотрудничества в журнале евразийского движения «Вёрсты». Журнал выходил под редакцией кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрана и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова, с 1926 по 1928, по одному номеру в год.

1.

Париж, 25-го января 1926 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Не вините ни в забывчивости, ни в небрежности, — вчера неожиданно приехал из Праги один из редакторов «Воли России», завтра уезжающий в Америку. Необходимо было с ним повидаться.

Если не раздумали видеть, с удовольствием приедем в другой раз. Почему не были 23-го (в субботу) у Ремизова? Мы все Вас ждали и до половины 12-го часа берегла для Вас бутылку шампанского.

Прилагаю приглашение на вечер.

С сердечным приветом от нас обоих.

Марина Цветаева

2.

Париж, 8-го февраля 1926 г.,
понедельник.

Дорогой Лев Исаакович,

Когда — в котором часу завтра — быть у Вас? Забыла тогда спросить.

Вы дружите с Бунином? Мне почему-то грустно. Может быть, от тайного и сильного сознания, что с ним, Бунином, ни Вам, который его знает десять лет, ни мне, которая его видела раз, никому — никогда — до последней правды не додружить.

Человек в сквозной броне, для виду, — может быть худшая броня.

До свидания до завтра. Жду ответа. Спасибо, что пришли на вечер. Вам я больше радовалась, чем доброй половине зала.

Преданная Вам

Марина Цветаева

3.

Париж, 23-го апреля 1926 г.,
пятница.

Дорогой Лев Исаакович,

Не пришла вчера, потому что завтра еду. Мне очень грустно уезжать не простившись, — Вы моя самая большая человеческая ценность в Париже — даже если бы Вы не писали книг!

Но Вы бы не могли их не писать, Вы бы их все равно — думали.

Никогда не забуду Вашей (плотиновской) утренней звезды, затемняющей добродетель.*

До свидания — осенью.

Из Вандеи напишу, и буду счастлива увидеть на конверте Ваш особенный, раздельный, безошибочный — нет! непогрешимый почерк (графический оттиск Вашего гения).

Целую Вас и люблю.

М.Ц.

4.

Париж, 1.10.1926

Дорогой Лев Исаакович,

Мы живем в чудном месте, — парк и лес. Хочу, пока листья, с Вами гулять. Назначьте день и час — заранее.

* Речь идет о статье Шестова "О добродетелях и звездах", посвященной Плотину, опубликованной 7.3.1926 г. в газете "Дни" № 548.

Маршрут: по метро до Javel и там, пересесть на электр. дорогоу Pont Mirabeau — направление Versailles. Сойдете Meudon, Val Fleur, перейти железную дорогу и спросить Boulevard Verd.

Наш дом с башенкой, в саду несколько корпусов за старой решеткой. Только непременно предупредите.

Целую Вас и люблю.

М.Ц.

Почтовый адрес:
Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd.

5.

2.4.1927

Дорогой Лев Исаакович,

Вот две копии. Надеюсь — не опоздала. Второй день на новой квартире, переезд был трудный, целый день — пелые дни! — возили вёзти на детской коляске (сломанной).

Но у меня отдельная комната, где можно говорить, и отдельный стол, где можно писать, и отдельная плита, где можно готовить.

Лес близко — 5 минут. Летом будем гулять, есть озёра.

Целую Вас и люблю. Добрый путь!

М.Ц.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
2-го апреля 1927

6.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
6-го июня 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за приглашение, буду непременно, а может быть и С.Я.* Привезу мундштук, который в прошлый раз опять забыла (зажала!)

* Сергей Яковлевич Эфрон.

Пишу Вам на лекции Ильина «Евразийство как знак времени» и вспоминаю строку Рильке:

«Ueber der wunderlichen Stadt der Zeit» —
(Правда, — Вавилон встает?)

и свои собственные:

Ибо мимо родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь. Калиф на час —
Время! — я тебя миную.*

и еще кузьминское:

«Что мне до них!» —
(в моем примечании — времен)

Простите за карандаш, но лектор наверное думает, что я записываю — неудобно просить чернил.

До свидания!

М.Ц.

Да! А Вы не можете меня звать просто — Марина?

7.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
28-го июня 1927 г., вторник

Дорогой Лев Исаакович,

1. В субботу, 2-го мы с Вами обедаем у Путермана, — хотите поедем вместе? Буду у Вас в 7 часов, не позже, вместе отправимся. Отвечайте только, если не можете.

2. Внезапно вспомнила, что Свят[ополк] Мирский переводит мою Поэму Горы** для какого-то французского журнала, — не для Commerce ли? Если да, С[ув]чинский в Вашем разговоре с ним неизбежно на это сошлется, — так имейте в виду: Поэма Горы

* Последняя строфа из стихотворения «Хвала времени», напечатанного в сборнике «После России».

** Поэма Горы была опубликована в сборнике «Версты» № 1, 1926 г.

всего навсего 200 строк, при половине гонорара Мирскому мне останется в лучшем случае — франков 300, 350 фр. По сравнению с возможностями прозы это мало и скорее походит на испорченную возможность.

Должна Вас предупредить, дорогой Лев Исаакович, что С[ув]-чинский моей прозы тоже не любит, хотя не так воинственно, как Св[ятополк] Мирский. Когда Вы начнете о прозе, он сразу заговорит о стихах, прибегнет к отводу.

Было бы хорошо, если бы Вы заговорили о реальной вещи, а именно о прозе памяти Рильке, которую знаете, о вещи читанной и одобренной Вами, уже принятой *Nouvelle Revue Francaise*, но которую бы, в виду гонорара, желательно поместить в *Commerce*.

Нужно С[ув]чинского зарядить — либо именем Рильке, либо любмостью его французами, либо самой вещью, либо вопросом гонорара, — не знаю что для такого эстета действительнее.

Мне кажется, успех будет не из легких. Да! еще одно: он вещи не знает, будет и этим отговариваться.

Главная линия в разговоре: стихи не кормят, кормит проза, а проза у меня есть, — и она все равно появится, весь вопрос где.

Простите за скучное и тщательное, совсем не мое, письмо, — совсем не письмо!

Итак: 1. в четверг вижу С[ув]чинского и сообщаю о Вашем желании повидаться с ним перед отъездом.

2. В субботу в 7 ч., немножко раньше, заезжаю за Вами и вместе едем к Путерману, которого зовут Иосиф Ефимович, — на случай Вашего утвердительного ответа ему.

Мне же отвечайте только, если поедете не из дому.

Еще раз простите и спасибо за доброту и тяготу. Сердечный привет от С.Я. и меня.

М.Ц.

С[ув]чинский и М[ир]ский до того не выносят моей прозы (особенно М[ир]ский) что, даже не читав им, отдала прозу о Р[ильке] в «Волю России».

8.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
9-го июля 1927 г.

Дорогой и милый Лев Исаакович,

Разве Вы не знаете, что для меня дважды нет дождя 1) п. ч. есть, т. е. как всё в природе — люблю 2) даже если бы не любила, Вас — люблю и ни с каким ливнем бы не посчиталась.

Не приехала потому, что 5 ч. сряду сторожила, т. е. содержала под домашним арестом, ядовитую воровку и шантажистку, ошельмовавшую всю русскую колонию и пуще всего — меня. При встрече расскажу, но думаю, что до меня прочтете в газетах.

Рвалась к Вам каждую минуту, а шантажистка — ко мне, хватала за ноги и за руки, умоляя отпустить. Не отпустила и не жалею.

История ее двухдневного пребывания у меня — роман, за который дорого дали бы «Последние Новости».

Ошельмованы: Земгор (Руднев!) д-ра: Пасманик, Зернов, Вальтер, церковь Дарю, — кламарцы, шавильцы, мёдонцы, — всех не упомню и не перечислю. Гениальная актриса.

Спасибо за память о моих литер. делах, но Св. Мирский отвiliивает: он отлично переводит, — перевел очень большую и трудную вещь Пастернака для того же *Commerce*. Скоро напишу по-человечески, а пока — хорошего отдыха, хорошей погоды, бездумной головы и полного забвения всего парижского! (NB! я — Мёдона!)

Целую Вас, привет Вашим.

М.Ц.

9.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
31-го июля 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за весточку. Дела с Мирским и *Commerce* не двинулись. Произошла путаница: в след. № «Верст» идет не моя проза о Рильке (напечатана в «Воле России» и до сих пор — десятое письмо пишу! — не оплачена), а поэма к нему же. Прозы

Мирский и не видел. Кроме того, он лицемер: Вам говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака. Просто — он мою прозу, как я Вам уже говорила, ненавидит, и всячески будет отвиливать. («Худшая проза, которую когда-либо читал», — определение в каком-то английском журнале). Сейчас он в городе, меня не откликает.

— Бог с ним.

— Как у Вас погода? Надеюсь, что не медонская: ясные ночи, плаксивые дни, полная ненадежность и бестолочь, по три дождя в день. Было бы солнце, была бы втрое счастливее.

Ряд евразийских (тайных) отъездов в Россию, недавно провожали одного чудесного юношу, — и жаль и радостно.

Что еще? Меня недавно обокрали: чудный старинный браслет (курганный), другой браслет — недавний подарок Саломеи Пелье и ряд вещей. Вор — очаровательное женское существо, ошельмовавшее всю русскую колонию. При встрече расскажу, — случай стоящий, для меня до сих пор не разгаданный.

Вчера были мои именины, получила: фартук (от Али), ряд письменных принадлежностей от Сережи, от одной дамы рубашку (всё украдено!), от П. П. С[увчин]ского мундштук и от А. А. С[увчин]ской — роговые очки, в которых я пишу.

Простите за вздор, радость часто глупит (это я о подарках!), пишите, целую. Сердечный привет Вашим.

М.Ц.

МАНДЕЛЬШТАМ В ЗАПИСЯХ ДНЕВНИКА С. П. КАБЛУКОВА

Сергию Платоновичу Каблукову (1881-1919), учителю математики в женской гимназии А. П. Никифоровой в Петербурге, не исполнилось и 30-ти, когда в июле 1910 года судьба свела его с Мандельштамом, но рядом с этим «довольно безалаберным» и даже, как ему показалось, не очень образованным юношей он выглядел в своих глазах человеком большого опыта и рассудительности. Так оно и было, и не приходится удивляться тому, что в исторически-структурном воздухе той последней эпохи разница в 10 лет создавала встречу через поколение. И не так удивительно, что Каблукову сразу открылось в юноше сильное поэтическое дарование, связанное, как он пишет, с чуткостью и тонкостью переживаний, за которые он и полюбил его. Но ему было дано почувствовать в этом даре и нечто другое, что заставляло его потом ревниво заботиться о верности открывшегося таланта самому себе — в чем? — об этом можно судить по записи, где говорится о «лучших традициях «Камня» — этой чистейшей и целомудреннейшей сокровищнице стихов». Какие разительные слова! Мандельштаму предстоял тяжелый путь, мучительнейшее вхождение в новое уже, безысторическое и обездуховленное, состояние времени, для чего ему понадобилось выявлять в себе те стороны своей натуры, против которых предостерегал его Каблуков (см. эту запись); но когда в конце и в результате всего поэт, вздыхая, писал: «чистых линий пучки благодарные...» — он, наверное, возвращался мысленно к С. П. Каблукову.

Самый дневник ждет еще своего бережного читателя и разгадчика того культурно-исторического шифра, каким в сущности является всякий подобный документ. Публикуемые из него записи о Мандельштаме сообщают многое, чего без них мы бы никогда не узнали, — о Мандельштаме в десятилетие акмеизма, музыки Скрябина, мировой войны и начала крушения исторических дней. Но надо читать весь дневник, где день за днем помечен именами празднуемых святых мучеников, вчувствоваться в самый тон составляющих его записей, чтобы для нас ожил дух его автора, чтобы мы могли представить себе это редкое — до прекрасной наивности — чистосердечие, редкое даже для тех, не

насквозь еще пораженных политикой времен. Тогда и Мандольштам — человек острого и резкого ума и нередко вызывающего общественного поведения (с душой бродяги в высоком смысле этого слова и проклятый поэт по преимуществу, как замечает о нем Ахматова) — открывается с новой стороны, как способный с юных лет приникнуть к очагу светлого опыта, незамутненного отношения к жизни — и пронести свет от него через всю жизнь.

Что же все-таки известно о взглядах, занятиях, судьбе на конец, С. П. Каблукова? Его главные интересы относились к духовной музыке, он входил в число постоянных сотрудников журнала «Музыкальный современник», издававшегося в Петрограде в 1915-1917 гг., и напечатал две статьи в двухнедельной «Хронике» этого журнала. Другие его возможные статьи (например, в «Биржевых ведомостях» за 1917 год — вокруг церковного собора) не разысканы. Вопросы, связанные с духовной музыкой, вплетались для Каблукова в общую жизнь церкви. По всему, это был тип деятеля «последнего собора». Из того же, что напечатано в «Хронике», особенно во второй статье, под названием «О русской церковной музыке», написанной уже после Февраля (там говорится о «богослужебном пении народной и свободной от царизма и бюрократического засилья Церкви Православной»), видно, что он разделял сознание тех внутри- и околоцерковных и религиозных философских кругов, которые стояли в оппозиции к церковному ведомству императорской России и этим меряли свое отношение к императорской идее и государственной церкви вообще. Таково было знамение времени, и Каблуков не был здесь исключением. Мандельштам мог глубже оценивать конец имперского царства, видимо, неслучайно протягивая нить, ведущую к «позднему патриарху» от «неосвященного мира», но когда это писалось в ноябре 17-го года — все, и сторонники и противники патриаршества и народной теократии, находились в одном положении. На взгляды Каблукова очевидно влияли его личные связи в религиозно-философских кругах — особенно близким человеком он был в доме Мережковских. В 1909-1913 гг. он даже секретарствовал в Религиозно-философском обществе, направляемом ими, и его уход с должности совпал как раз с усилением в деятельности Общества специфически общественных моментов. Столь нечувствительно для многих и, видимо, неприметным образом для Каблукова здесь стирались грани национальной истории тем, что вопрос о самодержавии ставился как о некоей единовременной сущности и как о чем-то определяющем собой характер самого православия («резкие, но обычные у нас слова А. В. Кар-

ташева на излюбленную тему о связи самодержавия и православия», — пишет он между прочим В. И. Иванову, объясняя свой уход). Не могло его, учителя, не задеть и свободное допущение учащихся («вроде гимназисток и других школьников»), на что он тоже жалуется Иванову.

Впрочем, участие Каблукова в делах Общества не было значительным; помимо исполнения технических обязанностей оно определялось дружбой с Вяч. Ивановым и интересом, граничащим с пиететом, ко всему исходящему от писательской, особенно поэтической, мысли. Недаром он собирал книги поэтов и к ним рукописные добавления, просил их надписывать и каким-то особым образом переплетал — в бархат и парчу, за что и был удостоен стихотворного послания Вяч. Иванова в сборнике «Нежная тайна» («Сочувственник и друг! ты, с нежною заботой, духовным пурпуром и царской позолотой украсил саркофаг моих старинных дум»...). Из всего собранного им богатства не уцелело почти ничего в годы нового потопа, но надо было случиться тому, чтобы в числе единичных книг всплыл «Камень» издания 1916 года («Серию Платоновичу Каблукову с любовью»), и не один, а с многочисленными рукописными дополнениями — в списках Каблукова или самого автора, — охватывающими время с 1908 по 1917 год! Поистине это бутылка, брошенная мореплавателем в сознании своей судьбы, о чем писал Мандельштам, и то, что она дошла к читателю-адресату через руки Каблукова, только доказывает неизбывность сущего. Некоторые годы представлены здесь сводом всего написанного Мандельштамом в стихах, включая варианты.

Печальным, хотя и косвенным свидетельством последних двух лет жизни С. П. Каблукова, после большевистского переворота, могут служить отрывки из его писем к В. И. Иванову. В первом (письмо в канун нового, 1918-го года) он пишет: «Подлинно ведь мы в застенке, все обращены в каторжников». Во втором, 1918 года, взятом из письма, датированного «святой и великой неделей Пасхи», — спрашивает: «А что думаете Вы о поэме «Двенадцать» Александра Блока, где автор говорит: «пальнем-ка пулей в святую Русь», и об Андрее Белом, связавшемся с пресловутым «Разумником» и предателями из «Зпамени Труда», оно же ныне зовется «Знамя Борьбы»?» Увы, в числе «предателей», которых он не называет, сотрудничавших в газете левых эсеров, был и Мандельштам, и как же это должно было ранить Каблукова! Последние переписанные им стихи в «Камне» приходятся на ноябрь, и это стихи Керенскому и другие, — еще 31 декабря он

отмечает в дневнике в числе других «замечательных произведений» протекшего года («Котик Летаев» Белого и «Слово о погибели Русской земли» Ремизова) «многие стихи» Мандельштама. Затем уже ничего не последовало. Вряд ли общение между ними стало возможным, но Каблукова ждало еще горшее разочарование. 24 мая в «Знамени труда» появился знаменитый «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»), в котором назван «народный вождь», берущий «в слезах» (!) бремя власти. И хотя противоречие с тем, что пристало Ленину, здесь слишком невероятно, чтобы можно было толковать так, а не иначе, — звучать это не могло не так...

Значение людей, подобных Каблукову, выходит за границы любой конкретности. Оно неисследимо и лежит не в плоскости земного протяженного времени. Речь идет о чем-то связанном с тонкой и гармонической — музыкальной — организацией, возможной только на основе христианского понимания времени и существующей в том совмещеннем пространственно-временном измерении, где «духовное доступно взорам и очертания живут». Струочка принадлежит Мандельштаму, она взята из его раннего стихотворения об осени, напоминающего тютчевское «Есть в осени первоначальной...». Сам Каблуков перед смертью написал стихотворение (он был поэт!), которое на своем языке говорит нам о том же. Случайно оно оказалось вложенным в сборник «Камень» и одно только уцелело:

Какой прозрачный блеск! Печаль и тишина.
Как будто над землей незримая жена,
Весы хрустальные склоняя с поднебесья,
Торопит хрупкое мгновенье равновесья.

Но каждый желтый лист, спадающий с древес,
На чашу золота слагая легкий вес,
Спешит перекачнуть к могиле хладной света
Дары прощальные исполненного лета.

1910. С. Каблуков

На Никольском кладбище Александро-Невской Лавры — одинокий постамент, оставшийся от сбитого креста. Надпись: «Сергій Платонович Каблуков. 12 с. 1881 — 25 д. 1919».

Из дневника С. П. Каблукова

18 августа 1910.

«В полученном мною сегодня № 9 журнала «Аполлон» напечатаны 5 стихотворений молодого поэта-лирика Иосифа Емельевича Мандельштама, с которым я познакомился в Хангё в июле этого года. 24-го июля он уехал оттуда в Берлин для лечения. Мандельштам еще очень молод: ему 20 или 21 годов. Окончил Тенишевское училище, а затем поступил в Гейдельбергский университет (в Петербургский ун-т он не мог поступить, как еврей), где в течение полугода изучал романские наречия. В училище был с.р. или с.д., и даже говорил рабочим своего района зажигательную речь по поводу провала потолка в Государственной Думе. Теперь стыдится своей прежней революционной деятельности и призванием своим считает поприще лирического поэта. Его стихи были приветствованы Вячеславом Ивановым. Бывал он и у Мережковских и в Религиозно-Философском Обществе, членом-соревнователем которого числится и теперь.

Человек он несомненно даровитый и глубокий, но мало образованный и довольно безалаберный, легкомысленный по отношению к необходимым заботам «суетного мира». В Хангё я ежедневно и подолгу беседовал с ним о поэзии и эта его беззаботность вызывала во мне резкое осуждение, которое я не скрывал от него. Тем не менее я полюбил его за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашаюсь с некоторыми его суждениями об Анненском и Маллармэ, как о великих поэтах, о Бальмонте, как «поэте для толпы», новом Надсоне, о значении Баратынского и Дельвига.

Приходя ко мне, И. Е. много читал мне вслух стихов, и своих, и Брюсова, и В. Иванова, и Анненского, и Вл. Гиппиуса — своего учителя по Тенишевскому училищу.

Из его стихов, он переписал для меня 4 стихотворения (в числе их «*La chaire est triste*» St. Mallarmé), которые мне наиболее понравились. Эти его автографы, а также написанное им под диктовку с моих слов и неотправленное письмо Вяч. Иванову я помещаю здесь на обороте листов 330 и 331.

Из напечатанных в «Аполлоне» лучшее: «Она еще не родилась...». Хорошо «Имею тело», напоминающее мне некоторые стихи З. Н. Гиппиус.

Приложены автографы стихотворений: «Единственной отрадой...», «Когда укор колоколов...», «Вечер нежный, сумрак важный...».

В числе других эти стихи были посланы Мандельштамом В. И. Иванову в письме 5 августа из Целендорфа (пригород Берлина, куда он уехал из Гангё). В публикацию его писем к Иванову («Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 34) входит и то неотправленное письмо, о котором пишет Каблуков. Перевод из Малларме, подклеенный Каблуковым к сборнику «Камень», кажется, еще не был напечатан.

La chair est triste, hélas...

Плоть опечалена и книги надоели...
Бежать... Я чувствую, как птицы опьяняли
От новизны небес и вспененной воды.
Нет — ни в глазах моих старинные сады
Не остановят сердца, пляшущего, доле;
Ни с лампою в пустынном ореоле
На неисписанных и девственных листах;
Ни молодая мать с ребенком на руках.

Тенишевское училище Мандельштам окончил в 1907 г. (аттестат выдан 15 мая), но прежде чем поступить в Гейдельбергский университет осенью 1909 г. — провел длительное время в Париже (с октября-ноября 1907 по лето 1908 г.). Кроме письма к Вл. В. Гиппиусу оттуда (оно напечатано в № 97 «Вестника», но со многими искажениями, меняющими смысл), известно его письмо к матери 7/20.IV. 1908, в котором он пишет: «Не слишком ли преждевременно будет теперь думать об университетских хлопотах? Ведь их и невозможно начать раньше осени? А если меня не примут — то я поступлю в один из немецких университетов... и согласую занятия литературой с занятиями философией». Хлопоты или не увенчались успехом, или были оставлены, это тем более вероятно, что осенью (16.IX.1908) последовало высочайшее утверждение положения Совета министров о 3% норме для лиц иудейского исповедания в столичных учебных заведениях. Полугодие 1908/1909 г. Мандельштам проводит в Петербурге, готовясь к поступлению в заграничный университет (в частности, о его занятиях по возвращении из Парижа романской филологией — сообщает В. Парнах, см. в 3-м томе Собрания сочинений). К этому времени только и может относиться раннее участие Мандельштама в заседаниях Религиозно-философского общества, о чем говорит Каблуков. Если так, то, вполне вероятно, он был очевидцем памятных выступлений Блока («Россия и интеллигенция» и «Стихия и культура»), ознаменовавших этот сезон в Обществе. Тогда же состоялось его литературное крещение у Вяч. Иванова — на заседании поэтической «Проакадемии» 16 мая 1909 г. Об этом есть рассказ Пяста, и подробнее — вообще об отношениях с Вяч. Ивановым — говорится в упоминавшейся публикации писем к Иванову.

«Слава была в ц.к., слава была в б.о., и подвиг начинался с пропагандистского искусса», — так пишет Мандельштам в «Шуме времени». 2 марта 1907 г. рухнула штукатурка потолка в зале заседаний II Государственной думы, утром до прихода депутатов;

надо было увидеть в случившемся покушение на их жизнь — и вот 16-летний почти мальчик, еще не кончивший школы, говорит «зажигательную» речь рабочим своего района, о чем спустя три года рассказывает Каблукову уже стыдясь. От увлечения марксистской догмой через «очистительный огонь Ибсена» (письмо к В. В. Гиппиусу) к религиозному индивидуализму на почве эсерства, «ибо связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве» (там же), — все на протяжении одного года — 1906/1907! Что Мандельштам действительно ходил в эсерах, подтверждает изданный при его жизни словарь: «16-ти лет был с.-р. и занимался пропагандой на массовках» (Козьмин). В сентябре 1907 г. он со своим другом Борисом Синани поехал проситься в боевики в Райволу, но не был взят по малолетству, как пишет Н. Я. Мандельштам, и родители поспешили отправить его в Париж. Занавесив окна и двери, он отдаётся там «стихотворной горячке» (письмо к матери) и так уже бесповоротно вступает на «поприще лирического поэта», по старомодному, напоминающему о других временах, выражению Каблукова.

Память о пережитом революционном восторге не оставляла, однако, Мандельштама всю жизнь, просвечивая во многих его стихах. Вот некоторые более явные отрывки: «...То было в сентябре, вертелись флюгера, и ставни хлопали, но буйная игра гигантов и детей пророческой казалась...»; «...Булыжники и грубые мечты — в них жажда смерти и тоска размаха!», и тем выразительнее уже в советское время:

К царевичу младому Хлору
И — Господи благослови! —
Как мы в высоких голенищах
За хлороформом в гору шли...

24 октября 1910.

«Сегодня был у меня И. Е. Мандельштам, после долгих странствований с приключениями достигший отечества в середине октября (одно из приключений — потеря кошелька с железнодорожным билетом в Двинске и пугешествие до Петербурга «зайцем» в «конлукторском» купэ за 3 р. 50 к., уплаченных в Петербурге).

Я просил Зинаиду Николаевну Гиппиус обратить внимание на его стихи и дать ему рекомендацию в «Русскую Мысль», т. е. к Брюсову. Сегодня он читал мне ге из своих 44 стихотворений, которые он намерен послать ей. Их 10 — все мною одобрены. 2 из них — см. на обороте этого листа. Второе — написанное в Гангё — посвящено мне. Первое — написано в Лугано в 1910 г., 3-е — в том же роде — в Цейлендорфе:

Неумолимые слова...

(следует полный текст стихотворения)

Еще он сказал мне, что, живя в Берлине, он хотел ответить на мои письма стихотворением, которое не удалось. Помнит из него три строфы:

Я помню берег вековой
И скал глубокие морщины
Где, покрывая шум морской,
Ваш раздавался голос львиный.

И Ваши бледные черты
И, в острых взорах византийца,
Огонь духовной красоты —
Запомнятся и будут сниться.

Вы чувствовали тайны нить,
Вы чуяли рожденье слова...
Лишь тот умеет похвалить,
Чье осуждение сурово».

Приложены стихотворения: 1. «Когда мозаик никнут травы...» (автограф), 2. «Убиты медью вечерней...» (список Каблукова, на котором рукой поэта сделано посвящение: *С. П. Каблукову*). Первое (оно вошло в Собрание сочинений) написано в Лугано, вероятно, в начале года, к моменту посещения Италии во время вакаций в Гейдельберге; оно отражает религиозные переживания от первого непосредственного соприкосновения с католической церковью; ср. стихотворение «В изголовье Черное Распятье...», приводимое в записи от 21.II.1911.

Из записи Каблукова следует, что это он просил З. Н. Гиппиус рекомендовать Брюсову стихи Мандельштама и что Мандельштам не пошел к ней со стихами, а послал их. Между тем, вот что писала Гиппиус Брюсову через день после этого, 26 октября:

«Некий неврастенический..., который года два тому назад еще плел детские лапти, ныне как-то развился, и бывают у него приличные строки. Он приходил ко мне с просьбой рекомендовать его стихи вашему вниманию. Я его не приняла (уж очень он устанный), но стихи велела оставить, прочла и нахожу, что «вниманию» вашему рекомендовать я их могу, а что вы дальше с ними будете делать — это меня уже не трогает, и вы лучше знаете. У него в прошлом году были в «Аполлоне» тоже ничего себе стихи. В этих, на мой взгляд, много невыдержанностей, и «роковисто», но попадаются недурные строки». (Приходится переводить: «устанный», т. е. надоедливый, утомительный; «роковисто» намекает на частое употребление Мандельштамом в стихах той поры слова «роковой», что справедливо.)

Оставляя в стороне оценку стихов, все остальное — очевидная мистификация Гиппиус, вплоть до «ошибки памяти», когда именно были напечатаны стихи Мандельштама. Еще более выдуманные подробности, начиная с портрета, сообщает Гиппиус в своих воспоминаниях о Брюсове (однако при жизни Мандельштама!): «Кто-то прислал ко мне юного поэта, маленького, темненького, сутулого (!), такого скромного, такого робкого, что он читал еле слышно ... кто его прислал, не помню (может быть, он сам пришел) ... стихи его были далеко не совершенны, и — мне все-таки, с несомненностью, показалось, что они не совсем в ряд тех, которые приходится десятками слушать каждый день ... вызываюсь (в первый раз в жизни, кажется, без просьбы) где-нибудь напечатать стихи: «в «Русской Мысли», например; я пошлю их Брюсову» (в ее сборнике «Живые лица». Прага, 1925). Во всем этом нельзя было бы ничего понять, если бы не подлинный рассказ Н. Я. Мандельштам во второй книге ее воспоминаний. Вот он:

«Однажды Мандельштам без всякого предупреждения пришел к Мережковским. К нему вышла Зинаида Гиппиус и сказала, что, если он будет писать хорошие стихи, ей об этом сообщат; тогда она с ним поговорит, а пока что — не стоит, потому что ни из кого не выходит толку. Мандельштам молча выслушал и ушел. Вскоре Гиппиус прочла его стихи и много раз через разных людей звала его прийти, но он заупрямился и так и не пришел. (Точно передаю рассказ Мандельштама). Это не помешало Гиппиус всячески претендовать на Мандельштама. Она писала о нем Брюсову и многим другим...»

Известна и примерная дата этого первого и последнего визита Мандельштама. В письме к М. А. Волошину из Гейдельберга в 1909 г. он жалуется между прочим на Мережковского, «который на этих днях, проездом в Гейдельберг, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов». 2 октября Мережковские были уже в Петербурге, так что эпизод имел место где-нибудь в конце сентября. Имя Д. С. Мережковского здесь названо, очевидно, из вежливости перед Гиппиус.

Пример 3. Н. Гиппиус, позволяющей себе заочно мистифицировать реальные человеческие отношения, не единичен в кругу символистов. Когда-нибудь появятся в печати воспоминания М. А. Волошина, относящиеся к истории их разрыва с Мандельштамом в 1920 г., в которых картина происшедшего будет совершенно неизвестной. То же, увы, приходится сказать о некоторых, по крайней мере, страницах воспоминаний Андрея Белого (например — в «Начале века» — о том, что это он «сочинил» для Гумилева программу и название акмеизма). Объяснить это на основании личных свойств каждого, не входя в область «исторических феноменов», нельзя. Нелишне, может быть, высказать предположение, что разрыв Гумилева, Ахматовой и Мандельштама с символистами проходил и по линии всегда возможной фальсификации последними живого человеческого опыта («памяти»), в чем сказывалось действие сил, подрывавших индивидуальное самосознание интеллигентской элиты и ее способность к историческому сопротивлению. По отношению к этим силам «преодолевшие символизм» выступали прин-

циональными индивидуалистами. (Характерно оброненное однажды Н. Я. Мандельштам замечание: «По Бердяеву, элита отказывается от добра и зла, — символисты. Революционеры служат добру револютивно. Между ними стоят акмеисты.»)

26 октября 1910.

Под этим числом запись об участии в заседании Религиозно-философского общества, на котором был также Мандельштам. Доклад «Религия в границах человеческого» (о книге Наторпа) читал Н. А. Гредескул.

21 ноября 1910.

«Сегодня вечером ... был у Вячеслава Ивановича Иванова. ... Говорили и об Иннокентии Федоровиче Анненском, так мало оцененном при жизни. Был разговор и о И. Е. Мандельштаме, которого В. И. ценит».

24 ноября 1910.

Запись о вчерашнем посещении, вместе с Мандельштамом, репетиции духовного концерта, посвященного греческому распеву. Исполнял хор Ан. Н. Николова.

4 декабря 1910.

«Вчера был у меня И. Е. Мандельштам. Говорили о стихах его и Анненского, о Вяч. Иванове и о «Серебряном голубе» Б. Бугаева».

5 февраля 1911.

«Вчера И. Мандельштам сообщил мне, что шесть его стихотворений приняты в «Аполлон», и уже получена им их корректура, и что Брюсов сказал Ал. Н. Толстому, что посланные ему Зинаидой Николаевной сгихи Мандельштама он считает незначительными и печатать не будет. Такой отзыв Брюсова мне мало понятен, так как стихи Мандельштама не хуже стихов пресловутого Н. Морозова, которому почему-то нашлось место в «Русской Мысли». Не хуже они и психодрамы «Путник» (см. «Русскую Мысль», январь 1911 г.) самого Брюсова.

Вообще Брюсов стал безобразничать. Уж не метит ли он в Академию по разряду изящной словесности, куда уже помещен знаменитый «тоже писатель» Боборыкин. Недаром Брюсов просил Филосова написать хвалебно о «Бобо» («Русская Мысль», декабрь 1910 г.).

Я надеюсь, что Мандельштам устроится и без Брюсова, объявившего своими врагами и Андрея Белого и Вяч. Иванова».

6 февраля 1911.

«Вечером — свидание с Мандельштамом (Иосифом Емельевичем) у меня».

21 февраля 1911.

«Ненапечатанное (пока) стихотворение молодого поэта Иосифа Емельевича Мандельштама:

В изголовьи Черное Распятье,
В сердце жар, и в мыслях пустота,
И ложится тонкое проклятье —
Пыльный след на дерево Креста.

Ах, зачем на стеклах дым морозный
Так похож на мозаичный сон!
Ах, зачем мотчаны голос грозный
Безнадежной негой растворен!

И слова евангельской латыни
Прозвучали, как морской прибой,
И волной нахлынувшей святыни
Поднят был корабль безумный мой.

Нет, не парус, распятый и серый,
В неизвестный край меня влечет:
Страшен мне подводный камень веры,
Роковой ее круговорот».

Стихотворение написано в ноябре 1910 г. На автографе с этой датой, хранящемся в архиве поэта, сверху сделана приписка: *Каблуков*. Слова «подводный камень веры» взяты в кавычки со сноской: *Тютчев*. 2-я строка последней строфы читается: «С неизбежностью меня влечет».

Возможно, как раз это стихотворение было исключено Гумилевым из готовившейся подборки стихов Мандельштама в «Аполлоне» (см. запись 5 февраля и следующую).

6 апреля 1911.

«А сегодня Иосиф Емельевич Мандельштам сообщил мне, что стихотворный отдел «Аполлона» отдан в безраздельное ведение недавно вернувшегося из Абиссинии Н. Гумилева, что уже сказалось следующим фактом: предполагавшиеся к напечатанию в апрельской книге «Аполлона» стихотворения Мандельштама отложены на май с исключением одного стихотворения, а апрельская книга дает стихи жены Гумилева (рожд. Ахматовой), наивные и слабые в техническом отношении. Мандельштам указывает

на крайнюю невежливость Гумилева и имеет намерение взять стихи обратно, вернув деньги. А еще недавно он, Пястовский и Городецкий собирались издавать «Остров» вместе с Гумилевым. Я предсказывал, что они перессорятся. Это предсказание сбылось скорее, чем я думал».

Гумилев вернулся из Абиссинии на Благовещенье 1911 г. (уехал 14.IX.1910). Дома его ждало открытие. Вот что рассказывала об этом А. А. Ахматова: «...в сентябре он уехал в Африку и пробыл там несколько месяцев. За это время я много писала и пережила свою первую славу: все хвалили кругом — и Кузмин, и Сологуб, и у Вячеслава. ... Он вернулся. Я ему ничего не говорю. Потом он спрашивает: «Писала стихи?» «Писала». И прочла ему. Это были стихи из книги «Вечер». Он ахнул. С тех пор он мои стихи всегда очень любил» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. I. Запись 8.VI.1940). С Мандельштамом Гумилев, как известно, был знаком еще по Парижу и тогда уже ценил его стихи. В 1916 г. он писал, что «О. Мандельштама уже около десяти лет знают и ценят в литературных кругах» («Письмо о русской поэзии», «Аполлон», 1916, № 1). Вероятно, его, Гумилева, участию обязано первое появление стихов Мандельштама в «Аполлоне» в августе 1910 г. — во всяком случае, он уже тогда имел влияние на отдел стихов в «Аполлоне», о чем писал Брюсову 2 сентября того же года. О литературном дебюте Ахматовой (Каблуков принял ее псевдоним за подлинную фамилию) и, в частности, о ее первом знакомстве с Мандельштамом, состоявшемся на «башне» у Вяч. Иванова 14 марта 1911 г., т. е. почти накануне приезда Гумилева, — полное представление дает публикация Г. Суперфином и Р. Тименчиком ее писем к Брюсову («Записки Отдела рукописей ГБК», вып. 33).

Инцидент между Гумилевым и Мандельштамом был для их отношений случайным и, видимо, ничего в них не изменил: 2 апреля М. А. Кузмин застает Мандельштама у Гумилевых в Царском, а 4-го они все читают «много» стихов на квартире В. И. Иванова (дневник Кузмина). Планы Мандельштама, Пяста (у Каблукова его настоящая фамилия Пестовский приведена в ошибочном виде) и Городецкого возобновить издание «Острова» (два номера этого журнала, «посвященного исключительно стихам современных поэтов», вышли в 1909 г.) вместе с Гумилевым составлялись, очевидно, до приезда последнего и, как можно предположить, по инициативе Пяста, которому в январе 1911 г. не удалась попытка затеять символистский журнал с Вяч. Ивановым, Блоком, Аничковым и др. в качестве ближайших сотрудников — не удалась главным образом из-за несогласия Иванова. Новая группировка вокруг предполагаемого журнала возникла на подходах к будущему, осенью того же года, «Цеху поэтов», в котором первоначально участвовал Пяст и куда председателем был приглашен Блок. 13 апреля состоялось то заседание «Поэтической академии», на котором, как со слов Ахматовой рассказывает Н. Я. Мандельштам, Вяч. Иванов «подверг настоящему разгрому» вернувшегося Гумилева за его поэму «Блудный сын» и тем дал повод друзьям Гумилева объеди-

ниться в «цех» (правда отчет В. Чудовского о заседании, помещенный в «Русской художественной летописи», не подтверждает столь резкого вывода из выступлений Иванова).

18 сентября 1911.

«Сегодня продолжительный разговор с И. Е. Мандельштамом по телефону. Читал мне свои стихотворения, числом 5. Три из них — взяты в Альманах «Аполлона». На днях он будет у Ан. Ф. Кони, обещавшего передать ему письма Тютчева к Плетневой с неизвестными стихами. Мандельштам обещал доставить их мне. Бедный, он не может нигде устроиться: подвернулось было место секретаря «журнала для всех» с жалованием до 100 р., да отбил его Осип Дымов».

С А. Ф. Кони Мандельштам познакомился перед тем в августе, в санатории Конкала под Выборгом, откуда писал В. И. Иванову, спеша поделиться радостной вестью о тютчевских письмах. Сведения об этих пропавших письмах, которых Мандельштам так и не получил, содержатся в упоминавшейся публикации его писем к Иванову.

2 октября 1911.

«Был у меня И. Мандельштам, с которым я беседовал о современной литературе и его личном поведении, выражавшемся пока в безделии и нелепом мотовстве. Доказал ему, что прежде всего ему надо учиться, т. е. неуклонно бывать на лекциях в университете».

Студентом Петербургского университета Мандельштам был зачислен 10 сентября того года, поступив на отдел романских языков историко-филологического факультета (через год на то же отделение поступил Гумилев). К 1 мая относится документ о крещении Мандельштама по епископско-методистскому вероисповеданию, совершенном в Методистской епископальной церкви в Финляндии. Любопытно свидетельство, сохранившееся в его университетском деле: канцелярией управления петербургского градоначальника удостоверяется, что «неблагоприятных в политическом отношении сведений о Мандельштаме за время проживания в С.Петербурге в делах Управления не имеется». Так могло быть потому, что Мандельштам был приписан к Выборгскому округу; удостоверение же от окружного «коронного ленсмана» гласит, что он «к политическим партиям не принадлежал и не принадлежит».

Через шесть лет, 18 мая 1917 г., Мандельштамом было получено в университете выходное свидетельство, из которого следует, что он не кончил полного учебного курса, имея шесть зачтенных полугодий из восьми прослушанных, и государственных экзаменов не держал.

26 ноября 1911.

«Краткий разговор с И. Мандельштамом, сегодня вернувшимся из Мустамяк».

В Мустамяки Мандельштам должен был уехать не ранее 5 ноября, когда в Петербурге состоялись первины скрябинского «Прометея» с участием автора, описанные в «Шуме времени».

31 марта 1912.

«Вчера слушал «*Missa solemnis*» Бетховена, исполненную в Дворянском собрании хором Архангельского и оркестром С. Кусевицкого под управлением последнего. Исполнение было отличное.

.....
«*Missa solemnis*» — наилучшее из творений Бетховена. «*Gloria*», многие части «*credo*», соло скрипки в «*Benedictus*» и конец «*Agnus'a*» подлинно прекрасны. Я вспомнил «*Missa solemnis*» Бетховена из «*Корытных звезд*» Вяч. Иванова:

Ибо ты в сем громе пирном,
В буре кликов, слез и хвал,
Слисья с воинством эфирным
Человечество созвал.

И однако, как чужда, как далека эта музыка «православному», восточному христианству! Как чуждо восточному христианству дух, внутреннее западного христианства! Какой иной, непонятный и странный «католический» Бог, насколько от отразился в музыке западных мастеров!

Сравнение «нашего» и «иного» в области церковной музыки с какою неотразимою яркостью утверждает глубины церковного разделения Востока и Запада!

На концерте встретил А. Николова и Иосифа Мандельштама, приехавшего специально из «Мустамяк», где он почти постоянно живет после «тифа».

Атмосфера бетховенских концертов, приводящая на память будущую «Оду Бетховену». Время, когда Мандельштам болел тифом, неизвестно, но стихотворение «Как кони медленно ступают...» (1911 г.), как кажется, повествует об этой болезни.

26 октября 1912.

«Мандельштам вовсе пропал с моего горизонта, и я долго и тщетно его разыскиваю».

2 декабря 1912.

«Сегодня же (после трехмесячных бесплодных попыток) говорил по телефону с И. Е. Мандельштамом, живущим с осени оседло в Петербурге, посещающим усердно университет и проповедующим новое направление в поэзии, именуемое «акмеизм» (от ḥāmī — острье, вершина) вместе с Анной Ахматовой (жена Гумилева), С. Городецким, Н. Гумилевым и В. Нарбутом, которого книга стихов «Аллилуйя», печатанная в Синодальной типографии, уничтожена за стихотворение о жеребцах по 1001 статье (за порнографию). Акмеистические стихи печатаются в «Гиперборее» и с нового года в «Аполлоне». Валериан Чудовский готовит статью о стихах И. Е. Посмотрим, что из всего этого получится. Я обещал Мандельштаму пригласить его к себе в один из ближайших дней».

Программа литературного течения, названного Гумилевым «акмеизм» и направленного на разрыв с символизмом, в первую очередь с теорией Вяч. Иванова, была провозглашена на собрании «Цеха поэтов» 1 марта 1912 г. Присутствовавший на собрании М. А. Кузмин записал тогда в дневнике: «Городецкий и Гумми (Гумилев) говорили теории не весьма внятные». Этому предшествовало заседание «Поэтической академии» 18 февраля, на котором с докладом о символизме выступили В. И. Иванов и Андрей Белый, а оппонентами — Городецкий и Гумилев (на следующий день Кузмин записывает: «Был скандал в «Академии». Кого выбирать? Символистов или «цех»?»). Отношение Мандельштама в первое время, по-видимому, тоже колебалось (характерно его «Я не сторонник радости предвзятой...», написанное в мае), но стало бесспорным с написанием стихотворения «Нет, не луна, а светлый циферблат...», «с этой поры, — отмечал Гумилев, — поэт становится адептом литературного течения, известного под названием акмеизма» («Письмо о русской поэзии», «Аполлон», 1916, № 1).

Книга В. Нарбута «Аллилуйя» была набрана церковнославянским шрифтом и так и напечатана в апреле 1912 г. (в типографии «Наш век», как обозначено на титуле), что именно и вызвало гнев цензуры (причина сообщена М. А. Зенкевичем). О статье В. Чудовского других сведений не обнаружено.

6 сентября 1914.

«Был И. Е. Мандельштам, прочитавший некоторые свои новые стихи: «Европа» (сентябрь 1914), «Равноденствие», «Озеровутрагику» и «складень» «Рим» (3 стихотворения). Все они превосходны».

В дневнике есть запись прочитанного за сентябрь, где перечислены те же новые стихи Мандельштама, только «складень» складывается здесь не из трех стихотворений, а как и должно быть —

из двух, третье же названо отдельно, это — «О временах простых и грубых...». Какие же два остающиеся стихотворения? Складень, по объяснению Даля, двусторочная ракушка, в данном случае — прообраз «двойчаток» Мандельштама. Такой «двойчаткой» здесь могут быть только «Пусть имена цветущих городов...» и «Природа тот же Рим...» (они же как, очевидно, не прошедшие цензуру подклеены к стихотворению «О временах простых и грубых...» в сборнике, составленном Каблуковым на основе печатного издания «Камня»). Н. И. Харджиев, редактор «Стихотворений» Мандельштама, вышедших в серии «Библиотека поэта», неправ, отнеся эти стихи, и без всяких видимых причин, к 1917 году. Во втором стихотворении строчка: «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать...» по всей очевидности имеет своим содержанием сараевское убийство (15 июня) и подготовку мировой войны.

8 ноября 1914.

«Был И. Е. Мандельштам».

25 декабря 1914.

«22-го декабря И. Е. Мандельштам уехал в Варшаву, где по протекции Кузьмина-Караваева надеется попасть в санитары. Всякий его знающий поймет, сколь нелепа и глупа эта затея. 19-го он приехал ко мне внезапно, чтобы объявить о своем решении и проститься. Я начал с того, что нещадно изругал его «последними словами», ибо истерику иначе не одолеешь. Однако его «истерики» оказалась упрямой. Надеяться, что его не пустили в Варшаву, не приходится, но можно думать, что он, как несомненно умный человек, на месте увидит, что не ему быть санитаром, и скоро вернется к своим обычным обязанностям, и вернется, Бог даст, здоровым и целым. Уезжая, 21-го декабря, он по телефону прощался со мною и просил материальной помощи. Я — пусть это жестоко — отказался наотрез. Разговор был холодный...»

Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев — один из трех «синдиков» «Цеха поэтов» в сезон 1911/1912 г., — как будто бы даже большевик, но совмещавший это с национальными убеждениями, с начала войны был уполномоченным санитарного поезда. Позже, в эмиграции, стал католическим священником восточного обряда.

Вот отражение переживаний того месяца в стихах, написанных тогда же и, кажется, не бывших в печати:

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик.

Только святые умеют так
В благоуханном гробу лежать;

Выпростав руки, блаженства в знак,
Славу свою и покой вкушать.

Разве Россия не белый рай
И не веселые наши сны?
Радуйся, ратник, не умирай:
Внуки и правнуки спасены!

Какими бы «внущенными» ни были эти стихи, в любом случае они знаменуют резкий разрыв с римско-католической идеей. Больше Мандельштам к ней не возвращался, и переход на русскую историческую почву был совершен до конца (в то время как еще в ноябре писалась статья о Чаадаеве, «Посох мой, моя свобода...», 6 декабря — «Ода Бетховену»). Комплекс чувствований, вызвавших такой взрыв, можно примерно представить себе, читая, что вспоминала Е. Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) о своей реакции на войну: «Душа приняла войну. Это был не вопрос о победе над немцами, немцы были почти не при чем. Речь шла о народе, который вдруг стал единой живой личностью, с этой войны, в каком-то смысле, начинал свою историю. Мы слишком долго готовились к отплытию, слишком истомились ожиданием перемен, чтобы не радоваться наступившим срокам» («Встречи с Блоком», «Современные записки», № 62).

26 января 1915.

«Сегодня прочел в «Речи», что И. Е. Мандельштам читал вчера на благотворительном «вечере писателей» в Городской Думе свои стихи «Айя-София» и «Реймский собор». Позвонив телефоном ему на квартиру, узнал, что он действительно дома, и вызвал его. Сейчас же спросил, когда именно он вернулся из своей нелепой поездки в Варшаву в 20-х числа последнего месяца прошлого года. Оказалось, что он уже около 20-ти дней пребывает дома, пробыв в «санитарах» не более 2-х недель и без всякой чести возвратившись «восвояси», и скрывает свое возвращение и неудачу. Чувствует себя нездоровым и сегодня уезжает на покой и отдых в санаторию д-ра Рабиновича в Мустамяках. Вернется на 1-ю седмицу Великого поста. Я пригласил его в среду 4 февраля обедать. Таким образом, все мои предсказания сбылись даже раньше, чем я ожидал. Что же! Он дал себе хороший урок. Подождем его рассказов: они всегда бывают умны и интересны».

Среди стихотворений Мандельштама 1915 года есть одно, которое, очень возможно, дает символическую картину этой его поездки на войну: «От вторника и до субботы...». Ахматова пишет в воспоминаниях, что «в Варшаву О. Э. действительно ездил и его там поразило гетто» (Варшава и место рождения Мандельштама).

6 февраля 1915.

«Вчера днем был у Мережковских. ... Главная же цель моего посещения — пристроить в «Голосе Жизни», редактируемом Философовым, некоторые стихотворения И. Мандельштама. Гиппиус берет «Египтянина», «В морозном воздухе», «Я не слыхал рассказов Оссиана», «Неумолимые слова», «Посох мой...», «Казанский собор», «О временах простых и грубых».

Уведомил об этом Мандельштама, спрашивая, согласен ли он отдать эти стихи «Голосу Жизни» по 50 к. за строку».

Все стихотворения были в «Голосе жизни» помещены (1 апреля и 14 июня), за исключением «Я не слыхал рассказов Оссиана...», которое раньше в марте напечатал еженедельник «Наши дни».

24 июня 1915.

«Сегодня был у меня И. Е. Мандельштам, на днях уезжающий в Коктебель близ Феодосии, в пансион г-жи Волошиной, матери Максимилиана Волошина, хорошего поэта и художественного критика. ... Мандельштам привез 3 своих новых стихотворения: «Евхаристия», «Имя божие», «Свобода» и прочел мне одно из прежних — «От вторника и до субботы».

Мандельштам приехал в Коктебель 30 июня и пробыл там до конца августа. До середины июля в Коктебеле гостила и М. И. Цветаева, это была их первая встреча.

7 июля 1915.

В 1910 году, живя в Гангё, я познакомился с Максом Емельевичем Мандельштамом, известным в Киеве окулистом и популярным в еврействе общественным деятелем, ныне уже умершим.

В Киеве он пользовался большой любовью и глубоким уважением и евреев и русских.

В том же году жил в Гангё его однофамилец, еврей же, Иосиф Емельевич Мандельштам, даровитый и известный ныне поэт.

Я познакомился с ним тогда же в Гангё и скоро подружился.

Мы оба познакомились с д-ром Мандельштамом и в разговоре с ним нередко защищали новые литературные течения и школы. Д-р Мандельштам оказался в этом вопросе очень отсталым и консерватором. Он указывал на критику известного М. Нордау, и назвал его фельетоны «перлом». Фраза была сказана и звучала так:

Эташперла! = «Это же перл». Трудно передать особую интонацию и акцент, с каким это было сказано.

В первый миг ни И. Е. ни я не поняли этого слова, затем, поняв, стали безудержно и вполне невежливо смеяться в лицо милому старику, делая тщетные усилия прекратить смех, все усиливавшийся.

И сейчас, вспоминая об этом с И. Е. Мандельштамом, я почти никогда не могу заставить себя не смеяться. То же и мой соучастник И. Е.».

1 октября 1915.

«Был И. Е. Мандельштам, 29-го сентября неудачно сдавший экзамен по латинским авторам у Малеина.

Малеин требует знания Катулла и Тибулла, Мандельштам же изучил лишь Катулла. Тибулла переводить отказался, за что и был прогнан с экзамена. При этом у него похитили чужой экземпляр Катулла с превосходными комментариями.

4 октября 1915.

«В № 6-7 «Аполлона» с интересом читал сегодня превосходную статью И. Е. Мандельштама «Петр Чаадаев».

В изящном, стилистически изощренном и вполне безукоризненном изложении с совершенной отчетливостью и прекрасно размеченной краткостью рисуется образ первого совершенно свободного Русского, который одним фактом своего бытия оправдывает и свой народ и свою родину».

Статья была предложена «Аполлону» еще в ноябре 1914 г., о чем 8 мая Мандельштам писал С. К. Маковскому.

2 ноября 1915.

«Не пора ли пересмотреть традиционно школьную точку зрения на т. н. ложноклассические трагедии Расина или нашего Озерова?»

Запись приходится на время, когда создавались «Как этих покрывал и этого убора...» и «Я не увижу знаменитой «Федры»...». Второе было послано Каблуковым своему другу Д. В. Знаменскому 18 ноября.

18 ноября 1915.

«Сегодня 2-ой концерт Кусевицкого, посвященный Скрябину. Исполнены: 1. 3-я симфония («Божественная поэма»), 2. «Прометей» («Поэма огня»). Дирижер Кусевицкий провел оба эти сложные сочинения в высшей степени одушевленно, искусно, тонко, художественно. ... Был Мандельштам».

В сентябре в Петрограде начались и продолжались до конца года «недели о Скрябине», связанные с первым посмертным исполнением его вещей и посвященные его памяти. Концертировали, соревнуясь в силе исполнения, все лучшие дирижеры. О Кусевицком писали: «В «Божественной поэме» г. Кусевицкий достиг огромной силы и моцзи звукового и психологического образа. Это — лучшее исполнение симфонии... грандиозный стихийный образ, с моментами необычайного упоения, растворенности в чарах звуковой магии, с моментами такой необычайной испульсивной силы, таких «молний воли», от которых буквально становится страшно...» «Напряженный интерес к искусству, ныне наблюдаемый, — писал другой рецензент, — повысил значение музыкальных событий до небывалых пределов...»

Это — атмосфера мандельштамовской «Федры» («Когда бы грек увидел наши игры...») и статьи о Пушкине и Скрябине («Дух греческой трагедии проснулся в музыке...»).

30 декабря 1915.

«Вчера был И. Е. Мандельштам, привезший экземпляр нового — второго издания сборника своих стихов («Камень»). Это издание — его собственное, по внешности оно не очень удачно: жидккая и дряблая бумага типа плохого «верже», невыдержаный шрифт, более чем достаточно опечаток, иногда явно безобразных. Книга пострадала и от цензуры: два стихотворения «Заснула чернь» и «Императорский виссон» не разрешены. Кроме того, собрание вышло не довольно полным, до 27-ми стихотворений отнюдь не плохих, а иногда и превосходных, не включены автором отчасти по мнительности, отчасти по капризу. В сборник вошли около 80-ти пьес. Цена 1 р. 25 к.

В подаренном мне экземпляре мною восстановлены пропуски».

Надпись на подаренном экземпляре: «Сергию Платоновичу Каблукову с любовью. Осин Мандельштам. 21 дек. 1915» (книга хранится в архиве поэта).

Второе издание «Камня» готовилось еще перед войной. Оно было даже начато печатанием, и притом за счет издателя М. В. Аверьянова, как это видно из распоряжения М. Л. Лозинского 15 апреля 1914 г.: «Разрешаю поставить на втором издании книги стихов О. Мандельштама «Камень», печатаемом на счет М. В. Аверьянова, марку издательства «Гиперборей». Причины, заставившие Мандельштама выкупить издание и печатать его, как раньше первое, за свой счет, неизвестны.

10 января 1916.

«Был И. Мандельштам. Свое издание «Камня» он решил продавать, сдав его книжному магазину Ясного на Невском. Как бы ни было неудовлетворительно это издание с внешней стороны, это решение правильно».

12 января 1916.

«Сегодня Мандельштам читал свой превосходный «Дифирамб Миру», вчера написанный (см. прибавление к 2-му изданию «Камня»)».

Написанное стихотворение связано очевидным образом с впечатлениями, полученными от «нездешнего вечера» (каким он описан Цветаевой) у Канегиссеров в самом начале января. Цветаева, приехавшая в Петербург на Рождество, читала там свою «Германию» («в первую голову», как она пишет) и: «Я знаю правду! Все прежние правды — прочь! Не надо людям с людьми на земле бороться!... Стих Мандельштама: «Славянский и германский лён» — она назовет позже «гениальной формулой нашего с Германией отродясь и на век союза».

Брошенное Мандельштамом взвывание к миру напечатано было, под заголовком «Зверинец. (Ода)», уже при Временном правительстве — 18 июня 1917 г. в газете «Новая жизнь», — и тогда это совпало с началом июньского наступления Керенского.

7 февраля 1916.

«Сегалов уехал сегодня в 8 ч. в Москву с моими поручениями. Перед этим он обедал у меня вместе с Мандельштамом, вернувшимся из Москвы после свидания с Вяч. Ивановым, признавшим его «Камень».

Особенно В. И. понравились «Имя божие», «Бессонница. Гомер...».

Мандельштам уехал в Москву вместе с М. И. Цветаевой или вслед за ней (ее отъезд приходится на 20 января). Там он посетил В. И. Иванова.

5 марта 1916.

«Был Мандельштам, прочитавший свое новое стихотворение «Москва» — отличное».

Стихотворение «В разноголосице девического хора...», первое обращенное к М. И. Цветаевой, написано в феврале, уже во время второй поездки Мандельштама в Москву. Это было время, когда Цветаева, по ее словам, «дарила ему Москву». Тогда же она пишет первые из посвященных Мандельштаму стихотворений: «Никто ничего не отнял...» (12 февраля), «Собирая любимых в путь...» (17), «Ты запрокидываешь голову...» и «Откуда такая нежность...» (оба 18 февраля).

.....
Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными иностранцами
Проходим городом родным.
.....

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

В феврале же Мандельштам вторично посетил В. И. Иванова в Москве.

6 марта 1916. Письма:

1. Вячеславу Иванову с благодарностью за пересланные с Мандельштамом стихи «Два Града» ... и с новой просьбой — устроить Мандельштама в сотрудники «Русской Мысли».

2. Т. Е. Сегалову — с просьбой устроить Мандельштама переводчиком «Универсальной Библиотеки».

С. П. Каблуков — В. И. Иванову: «Рассказ Мандельштама о том, как Вы отнеслись к его поэтической работе, очень меня утешил. Я давно слежу за развитием его дарования, несомненно очень значительного, рост которого происходит на моих глазах и которое меня очень радует. Тем более я был счастлив узнать, что и Вы признали его стихи и что я не ошибался, выделяя его из среды иных «акмеистов», и никогда не признавал «акмеизма». Мне обидно только, что в «Русской Мысли» ему предпочитают даже А. Черного (см. февральскую книгу). Может быть, Вы могли бы посодействовать изменению отношения к нему сего журнала».

Стихи Мандельштама так никогда и не появлялись в «Русской Мысли», хотя другие акмеисты в ней печатались. Хлопоты Т. Е. Сегалова (сведениями об этом человеке мы не располагаем) и его жены находят отражение в их письмах, под克莱енных к дневнику тут же. В «Универсальной библиотеке» был предложен путь переводной литературы, «уводящей от того, что гнетет»: Дж. Лондон, В. Локк, М. Прево, Мопассан. Рекомендовалось подобрать рассказ и предложить М. Р. Сегалова со своей стороны хлопотала о месте в банке, петербургском или московском, где требуется знание иностранных языков. 18 апреля она пишет: «Что до Мандельштама, то он у меня был несколько раз... Так как Осип Эмильевич хотел бы остаться в Москве, то я обещала ему узнать о месте для него в московском банке. ... В чем Вы его «наставляли и усовещевали»? Мне казалось, что он к вопросу о месте отнесся нормально и был бы месту рад. Если он так часто ездит из Москвы в Петербург и обратно, то не возьмет ли он место и там и здесь? Или он уже служит на Николаевской железной дороге? Не человек, а самолет». Все предложения остались очевидно нереализованными. Это время — «с февраля по июнь» — Цветаева вспоминала как время беспрестанных мандельштамовских «приездов и отъездов (наездов и бегств)».

15 июня 1916.

«Письма: ... Мандельштаму (Коктебель)».

Как известно, Мандельштам уехал в Коктебель (прибыв туда 7 июня) из Александровской слободы, где гостил у сестер Цветаевых. Возможно, из Коктебеля он послал Каблукову стихотворение «Не веря воскресенья чуду...», вызванное прощанием с М. И. Цветаевой. На автографе Каблуковым поставлены выразительные знаки впрочем к 1-му стиху, к стиху «С такой монашкою туманной» и другим. Кстати, в этом раннем автографе приведены стихи 6-7, и только слова «овиди степные» вписаны позднее Каблуковым со знаком вопроса, что отчасти, по крайней мере, опровергает утверждения Харджиева, — ср. его комментарий.

В Коктебеле Мандельштама застигла телеграмма о смертельной болезни матери, он выехал 25 июля, попав уже на похороны (в дневник Каблукова вклеено газетное извещение о смерти, последовавшей 26 июля).

12 ноября 1916.

«Были и обедали Мандельштам и Георгий Иванов — молодой поэт».

В конце тетради за 1916 год следует запись, что за истекший год «укрепились дружеские связи ... особенно с Мандельштамом, поэтическое дарование которого все развивается и углубляется».

2 января 1917.

«Новый год я «встретил» у себя за беседой с Мандельштамом, обедавшим у меня 31-го. Он уехал от меня час спустя полуночи. Темой беседы были его последние стихи, явно эротические, отражающие его переживания последних месяцев. Какая-то женщина явно вошла в его жизнь. Религия и эротика сочетаются в его душе какою-то связью, мне представляющейся кощунственной. Эту связь признал и он сам, говорил, что пол особенно опасен ему, как ушедшему из еврейства, что он сам знает, что находится на опасном пути, что положение его ужасно, но сил сойти с этого пути не имеет и даже не может заставить себя перестать сочинять стихи во время этого эротического безумия и не видит выхода из этого положения, кроме скорейшего перехода в православие.

Я горько упрекал его за измену лучшим традициям «Камня» — этой чистейшей и целомудреннейшей сокровищнице стихов, являющихся высокими духовными достижениями, и советовал обратиться за помощью к старцам Опгиной пустыни... Говоря об эротических стихах его, я разумею следующие: «Не веря воскре-

сенья чуду», «Я научился вам, блаженные слова» и «Когда, соломинка, не спиши в огромной спальне» — все три относящиеся к 1916 году — первое — к июню, остальные — к декабрю. Не одобрил я такие стихи «к слушаю», как «Камея» — княжне Тинотине Джоргадзе и мадригал кн. Андронниковой: «Дочь Андроника Комнена...».

Я не привожу их здесь, так как они будут скоро напечатаны.

Вместо этого запишу здесь другое новое его стихотворение, отражающее его нелюбовь, недоверие и неуважение к Англии, которую он считает высокомерной, гордой, самоуверенной и мещански-самодовольной нацией-островитянкой, по духу чуждой и враждебной Европе (континентальной). (Приводится стихотворение «Собирались эллины войной...»).

Я не согласен с этими мыслями об Англии, ибо люблю и уважаю ее».

Поворот к православию наметился у Мандельштама значительно раньше, в связи с общим выходом из границ римско-католического мира и обращением к России в декабре 1914 года. Он дает себя знать в стихотворениях «О свободе небывалой...» (с мотивом «вселенской») и «Уничтожает пламень...», написанных в первой половине 1915 г.

«Нелюбовь» Мандельштама к союзнической Англии не случайна, она уходит корнями в систему его историософских взглядов, сложившихся к 1916 году. Переводя на язык политической истории, здесь главенствовала идея союза с Германией как выражающего внутренние культурно-исторические связи обоих государств — двух стран континентальной Европы, замкнутых не на Рим, а на Элладу или, по крайней мере, на возрожденческую Италию (к Германии это может относиться как к родине Канта, Гёте и Гёльдерлина). Еще в отрывке 1915 года проскальзывает: «Рукопожатье роковое на шатком неманском плоту...» В июне 1917 г. он видит в союзе с Германией спасение для русской демократии, в своих культурных основаниях родившейся из исторического соприкосновения с Германией, — стихотворение «Декабрист» (написанное, видимо, в разгар июньского наступления), где 5-я строфа в редакции, сохраненной для нас Каблуковым, читается:

«С глубокомысленной и нежною страной
Нас обручило постоянство».
Мерцает, как кольцо на дне реки чужой,
Обетованное гражданство.

Еще важнее для Мандельштама роль Германии в выработке европейского культурного, в том числе языкового, сознания русского девятнадцатого века, в противоположность поверхностной англо- и галломании. В начале и в центре этого процесса, по Ман-

дельштаму, стоит Батюшков, 1813 год и вся эпоха «Александровских дней» — см. такие стихотворения, как «Когда на площадях...», «Батюшков» и «К немецкой речи».

2 апреля 1917.

«Сегодня был и обедал И. Е. Мандельштам, которого я возил на вечерню Пасхи в Александро-Невскую Лавру. Там поместил его на клиросе. Епископская служба и пение митрополичьего хора ему понравилось. Самое же богослужение впечатлило его своею чинностью и стройностью, и ему показалось, что оно совершалось и совершается в Лавре «для князей церкви», а не для народа».

Сопроводительный текст к публикации —

А. Морозова

РЕВОЛЮЦИЯ БЛОКА

(Из книги «Призрак при свете дня»)*

*«Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга.
Не видать совсем друг друга
За четыре за шлага!..»*

С расстояния в 60 лет виднее. И когда я думаю об октябрьском перевороте в судьбе России, пытаюсь найти логику в кажущемся безумии послеоктябрьских метаморфоз, два человека встают перед моим мысленным взором. Один — европействующий азиат, политик. Второй — азиатствующий европеец, поэт. Видимо, сходная по противоположности евразийность их духовных структур была необходима, чтобы постичь природу русской истории и создать два гениальных творения, ознаменовавших диссонансный XX век: социалистическую революцию и поэму «Двенадцать».

К. И. Чуковский рассказывал, что три с лишним года после «Двенадцати», до самой смерти, Блок всё пытался и всё не мог понять, что означает его поэма, что это у него написалось.

— Пасквиль на солдат революции. идущих якобы за Христом, — вразумляли слева.

— Пасквиль на Иисуса Христа, якобы идущего во главе банды насильников и убийц, — уточняли справа.

Новые времена — новые вразумления. Критики, несгибаемые от столбняка души, уступили место гибким интеллектуалам, не то чтобы свободно мыслящим, но научившимся пресмыкаться со свободным изяществом, превратившим пресмыкание в своего рода танец — «эстетически» преодолевшим свое холуйство. Один из них — некий Тархов — объясняет в предисловии к изданному в 1974 году однотомнику Блока: «Блок выводил в путь своих двенадцать крестьянских ребят, навсегда отрывая их от родной стихии ради высокого жертвенного-революционного призыва: на пути своего духовного обновления они должны стать сначала «городскими низами», затем превратиться в «рабочий народ», и лишь в конце всех испытаний они должны достичь желанной цели — быть, посвященными в Рыцарей Революции, превратиться

* Статья печатается в сокращенном виде.

в красногвардейцев. Красная гвардия — это конечная цель движения Двенадцати, и достигают они ее только в тот момент, когда вместо своих покинутых, низвергнутых или уничтоженных старых святынь обретают новую святыню — Красный Флаг; но этот акт и совпадает с финалом поэмы».

Об авторах подобных трактовок уже, конечно, не скажешь, что они «диалектику учили не по Гегелю», — они не закрывают глаза на «диалектические противоречия» движения Двенадцати к цели. А ведь мне, советскому либералу, ухватиться за диалектику — вроде как перехватить трешницу до получки. Однако, как говоривал не менее проницательный диалектик, «доверяй, но проверяй». Поэтому для очистки совести сверим «диалектическую» трактовку «Двенадцати» с текстом.

Поэма Блока поразительно кинематографична; она смонтирована из реалий времени: из обрывков лозунгов и мелодий, случайных фраз, документальных цитат, фотографически достоверных сцен — обломков, сколков, продуктов распада цивилизации. Империя рухнула, имена откололись от обозначавших ими вещей и потеряли значение; Блок перебирает осколки, пытаясь ремарками, ритмом и немыми догадками монтажных сопоставлений склеить из безымянных вещей и ничьих имен нечто осмысленное: художественную идею, образ. Конечно же, у Блока есть примерный «монтажный лист» — мистическая концепция смысла происходящих событий; но она у поэта — исследовательская гипотеза; поэма — реакция живых наблюдений на умозрительную гипотезу, а не ее иллюстрация.

Но — почитаем.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

Эти — сверхкрупный и общий — планы поэмы канонизированы и повторены затем в сотнях, тысячах фильмов, полотен, книг. Дальше у Блока следует крупный портретный план, который из поэмы не вырежешь, но во всех имитирующих Блока и создающих определенный стереотип восприятия книгах, полотнах, фильмах аккуратненько вырезается и на его место вклеивается пожилой положительный рабочий в кожанке и матрос с пулеметными лентами вперехлест. У Блока лица иные:

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Это, конечно же, не рабочие. Хотя ежели по диалектике, — близкие. «Социально-близкие», как звали эту публику, не щадя достоинства рабочих людей, чуть позже, в местах не столь отдаленных, где «близкие» на очередных этапах духовного обновления добивали каэров.

Итак, старый мир, по Блоку, разрушен до основания, до дна теми, кого он обездолил, заставил опуститься на дно: городскими подонками. В этом у нас нет никаких разнотечений с критиком. Он тоже называет красногвардейцев Блока «городскими низами». Правда, вопреки очевидному и не допускающему двух толкований тексту поэмы, критик считает, что красногвардейцами эти подонки не являются, а лишь станут, пройдя путь духовного обновления и обретя святыню во образе флага. Не буду спорить, ибо критик ответит, что в начале поэмы Двенадцать являются красногвардейцами лишь по званию, в конце — становятся таковыми по духу, то есть, что он имеет в виду внутреннюю эволюцию героев поэмы. Не в этом суть; она в том, что, по критику, уголовная вольница — только одна из фаз диалектического процесса превращения крестьянских парней в благородных Рыцарей Революции. Однако мне представляется, что если первая часть утверждения критика: из крестьян в люмпенпролетарии — правда, то вторая: из люмпенов в Рыцари Революции — ложь. Разоблачение этой лжи и дает, на мой взгляд, ключ к разгадке секрета русской социалистической революции.

Критик прав:

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить, —

в строках слышатся частушечные переборы еще не пропитой деревенской гармоники. Двенадцать — деклассированные крестьяне, выпавшие, выломившиеся из норм традиционной культуры, оказавшиеся вне моральных табу и быстро усваивающие городскую полукультуру, пополняющие слой люмпен-пролетариата. Что их влечет, какое «революционно-жертвенное призвание»?

Ага, вот оно:

В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить.

Что это: «и как один умрем?...» (Странно, что эти нотки сакраментального мотива «инстинкта к смерти» не подобрал в свою коллекцию И. Р. Шафаревич). Однако нету в этом мотиве ни «влечения к смерти», ни «революционной жертвенности». Ско-

рее, в нем звучит обреченность. Обреченность — не от сознания неминучей смерти в боях, а от преступления, чувства греха и вины, пробужденного нарушением табу; обреченность как отчаянная готовность заплатить скорой жертвой за самовольное краткое и хмельное «возвращение в рай». Этому иррациональному чувству счастья-отчаяния, смешанному с «грустной злобой» покинутых, потерянных в чужом и враждебном городе крестьянских парней, «святой злобой» обездоленных, «черной злобой» неудачников, чем-то со стороны придается «революционная формула»:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...

Почти незаметно частушечно-страдальческий напев переходит в маршевое скандирование слов, повторяемых Двенадцатью явно с чужого голоса. Только уточним: не двенадцатью, а одиннадцатью или десятью, потому что есть среди Двенадцати Некто, предлагающий цель, русло, матрицы энергии их невротического буйства, их классового, нравственного, культурно-исторического распада. Видимо, не случайно: на миг осознав смысл повторяемых с чужого голоса слов, кто-то из Двенадцати крестится:

Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Мне кажется, в этом «благословии» звучит: «спаси и помилуй». Возможно, я ошибаюсь. Но и буквальный смысл фразы: обращенная к милосердному Богу просьба благословить мировой кровавый пожар — достаточно красноречивый образ революционного сознания героев поэмы. Но, видимо, — это ведь только третья глава из двенадцати — обретение новой святыни — Красного Флага — и подлинное духовное обновление состоятся несколько позже. Об этом, кстати, нас и критик предупреждал...

Пока грозное обещание на горе буржуям раздуть мировой пожар оказывается не более, чем революционной риторикой. Реальный буржуй стоит, голодный, на перекрестке, а Двенадцать энергичным «революционным шагом» проходят мимо, готовясь к схватке с «неугомонным врагом». Этот враг — «буржуй», но только не тот, что на перекрестке в еще не подключеной, простите, не экспроприированной, шубе с воротником, — другой:

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!
— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Итак, «буржуем» Двенадцати оказывается Ванька. Смещение симметричное: Ванька в той же мере «буржуй», в какой Петька с товарищами — «рабочий народ». С Ванькой — вражда смертельная. И совершенно реальная: из-за проститутки Катьки. (Впрочем, тут следует сделать одно уточнение. Проститутка — фигура буржуазного общества, из-за нее не дерутся, ее покупают. Катька — удешевленная куртизанка; по-русски — шалава, блядь: дитя не буржуазного, а феодального общества, гибнувшее в русской феодально-социалистической революции). Не хочу спорить с критиком: можно ли видеть в Катьке «последнюю Прекрасную Даму Блока», «цыганскую вольную душу России» и т. д., и т. п. Мне кажется, подобные критические прозрения оскорбительны и для Блока, и для России. Притягательность Катьки — та же самая притягательность бездны, разрушения табу, предначального «рая». (Кстати, Блоком впервые угадывается и тот мотив, который на разные лады будет затем варьироваться в советской литературе и жизни: мотив сексуальной экспроприации, сексуальной компенсации комплекса социальной неполноты). У Багрицкого в «Феврале»: «Я беру тебя за то, что робок был мой век...». «С офицерами блудила... с юнкеръём гулять ходила»... — «послужной список» Катьки скорее лишь усиливает ее притягательность и для «буржуя» Ваньки, и для «революционера» Петьки). Между Петькой и Ванькой назревает кровавый конфликт. Разумеется, не собственнический, а «классовый», как это прямо следует из размышлений критика Тархова о том, что Катька — изменница, так сказать, в социально-историческом смысле: в лице Ваньки она изменила Двенадцати с мировою буржуазией, — «а за это пулью получай», как пели затем «социально-близкие» про красавицу Мурку, полюбившую «мента». Как можно не заметить в поэме этой гениальной и жуткой трагикомедии, зловещего карнавала идеологических стереотипов, пропагандистских клише, превращающих солдата — в буржуя, уголовников — в революционеров, как можно не заметить, что побоище из-за бляди — единственная реальная акция отряда красногвардейцев на всем их пути сквозь поэму — не знаю, пусть это останется на совести критика.

Меня сейчас интересует другое. Во мне живет жуткое подозрение: хоть Петька в седьмой главе и покается, что сгоряча загубил он девку, и хотя автор тоже называет Петьку «бедным убийцей», виновник убийства Катьки — не он. Конечно, полно-

стью реабилитировать Петьку я не могу, но все-таки вчитаемся в текст:

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забегай! ...

Совершенно очевидно, что не Петька — инициатор расправы: кто-то другой командует и Андрюхой, и им. Далее можно заметить, что Петька так увлекся погоней за соперником Ванькой, что вовсе потерял Катьку из поля зрения. И только когда Ванька скрылся из виду, Петька спохватывается:

А Катька где? — Мертвa, мертвa!
Простреленная головa!

Но ужас, еще до конца не осознанный, тут же подавляется злобным ожесточением:

Что, Катька, радa? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Вот так. А дальше — без перехода, без паузы, без отточия даже — следует:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Строки марша подчеркнуто не связаны с предыдущими, в их циническом диссонансе звучит дьявольская насмешка. Это — не внутренний ритм движения или воли Двенадцати. Это кто-то расчетливый, трезвый, жесткий, идущий вместе с Двенадцатью и пока не выделяющийся из них, не противящийся их преступным порывам, возможно даже — провоцирующий и поощряющий их, почувствовав миг, когда герои предельно деморализованы, когда им нужна спасительная чужая воля, навязывает им эту волю, этот электризующий ритм.

Между тем — заканчивается половина поэмы. Органического преображения уголовников в Рыцарей покуда не происходит. Двенадцать снова идут куда-то. Только Петька, погрузившись в мучительные раздумья, ведущие к раскаянию и духовному воскресению, идет не в ногу. Нет, он не отстает от Двенадцати, наоборот: «всё быстрее и быстрее уторапливает шаг», словно пытается вырваться, убежать. Однако катарсису не суждено состояться. Вмешиваются товарищи и увещевают Петьку в том смысле, что

убийство Катьки — еще не повод для дурного расположения духа. Товарищи просто недоумевают: отчего это у Петьки паршивое настроение? Неужто всего только из-за девки, пристреленной невзначай? Их сочувственное недоумение должно снять тяжесть с петькиной, а заодно — с их собственной совести (а быть может и помочь Петьке свыкнуться с его в истерике возникшей догадкой, что это именно он — убийца). Однако чисто эмоциональные доводы Петьку не пронимают, и тогда в беседу вступает тот самый Некто, кто всегда умел диалектически объяснить, что «мировой пожар в крови» ни в коей мере не противоречит лозунгу «мир народам» или что главным событием тридцать седьмого года является чкаловский перелёт. Этот Некто и вразумляет Петьку, что ликвидация Катьки — пустяк по сравнению с мировой революцией, ну, вроде, как пристрелить Аллилуеву — по сравнению с уничтожением большинства делегатов XVII партсъезда, по сравнению с «ликвидацией кулака как класса».

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

Нет, критики глубоко заблуждались, утверждая, будто Блок, изобразив революцию как стихию, недоотобразил роль партии как организатора и руководителя масс! Если бы не просторечное «потяжеле», я бы даже сказал, что Некто, называющий Петьку «товарищем дорогим», — грассирует.

Так или иначе диалектика Петьку приободрила; он снова приоравливается к строю:

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...
Он головку вскидывает,
Он опять повесел...

Хотя почему-то его возвращение в строй — в стихах сопровождается утратой рифмы. Но недолгая дисгармония тотчас преодолевается парной — как в случае «шаг — враг» — рифмой унисонного, строевого скандирования... Надо ожидать, Петька понял: не время вздыхать о Катьке, когда идешь до основания разрушать мир насилия. Ах нет. Диалектике Петька внял, но и выводы сделал диалектические:

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!!

Заметим: на этот раз никто и Некто не возражают; видимо, сочли планируемую экспроприацию целесообразной. Но последим за Петькой. Невротическая его веселость — Блок гениален и как психолог! — вскоре сменяется болезненной меланхолией, но не просто «черной», а с характерной краснотой:

Уж я семячки
Полушу, полуши...
Уж я ножичком
Полосну, полосну!...
Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

«Буржуй» тут уже не Ванька, а некий «буржуй вообще», необходимый Петьке, чтобы снять с души и переложить на него вину за убийство Катьки. Надо ли удивляться, если где-нибудь за чертою поэмы абстрактный буржуй отождествится с каким-нибудь нэпманом Завищем, Бухарином или же Чемберленом, которых Петька будет подсознательно ненавидеть за то, что некогда эти буржуи, контрики, уклонисты, еврейчики, фраера растлили и погубили чистую, невинную Катьку.

...Междуд тем заканчивается восьмая глава поэмы; духовного обновления покуда не происходит. Двенадцать всё так же идут куда-то, выискивая незримых врагов. Но некие новые нотки появляются уже в десятой главе. Инцидент возникает по пустяшному поводу. Петька крестится: «Ох, пурга какая, спасе». Нечаянный жест несомненно свидетельствует о том, что Петька еще недоизжил религиозные предрассудки. Это — опасно; ведь, как предупреждал нас критик, обретение новой святыни — Красного Флага — требует низвержения всех былых святынь. Поэтому Некто — возможно, не самый главный, а тот, что после убийства Катьки советовал: «Поддержи свою осанку!» — и не считал за грех «позабавиться», уважая петькино право на отдых, — теперь проявляет принципиальность:

— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?

И уже вовсе не грозно, даже ласково, по-отечески, а точнее сказать, по-пахански напоминает:

Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

Всё, брат Петька, попался. Право, я ничуть не злорадствую, я тебе, брательник, сочувствуя, потому что общей с тобой круговой виной скреплен наш державный колосс.

... Прочитано десять из двенадцати глав поэмы. Ни единой новой черты в характерах героев не появилось. Но нечто всё же меняется. Прежде всего — голос Некто. После процитированного напоминания о крови на руках Некто произносит всё те же слова про революционный шаг, но звучат они теперь, как мне кажется, по-иному.

«Революционный держите шаг! — это еще призыв.

«Шаг держи революционный!» — это уже приказ.

Видимо, Петькой — после напоминания о крови на руках — необходимость шагать осознана.

Но едва это произошло, Двенадцать вступают в полосу внезапных и головокружительных превращений. Подчеркну: сами по себе, так сказать, по отдельности, персонально, они вообще никаким образом не меняются, они все те же.

... И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.

Ко всему готовы.
Ничего не жаль... —

вот последняя их психологическая характеристика, содержащаяся в поэме. Зато резко меняется характеристика их строя — ритм их шага. Из энергично-свободного («революционный держите шаг!») он становится чеканным, регулярно-дисциплинированным:

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.

Возможно, это и символизирует предусмотренное критиком превращение городских подонков в сознательных Рыцарей Революции, обретших, наконец, подлинную святыню: красный флаг священной свободы? Тем паче, что и завершается-то одиннадцатая глава словами:

Вперед, вперед,
Рабочий народ! —

явной реминисценцией «Варшавянки». Но не будем спешить с выводами. Иначе мы не поймем, зачем Блоку понадобилось заменять кроваво пляшущий в глазах красный флаг пылящей в очи, залепляющей очи белым, вынуждой:

В очи бьется
Красный флаг...

И вынуждá пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Изменение, «расфокусирование» четкого ритма двух первых строк, казалось бы, специально приспособлено к тому, чтобы мерно марширующий строй с красным флагом, ощущив вынуждую, пылящую в очи, как вихри враждебные, веющие над ним, начал петь «Варшавянку». Имеющий уши да слышит:

И вынуждá пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

На бар-рика-дах буржуям нет поща-ды,
Марш, марш, вперед-од, рабо-чий народ!

Но Блок обламывает назревающую цитату, отчего она начинает звучать двусмысленно. Во всяком случае, очень легко представить себе, как погоняла подбадривает вслепую идущий строй: «вперед, вперед...». И — ухмыльнувшись криво, врастяжечку: «рабочий на-род!»

Не знаю. Возможно, я ошибаюсь, а критик прав. Возможно, всё происходит именно так, как он и предупреждал: с обретенной святыней — красным флагом в руках — регулярные Рыцари Революции мерным шагом вступают в заключительную главу.

Однако здесь, на самом пороге, их строй претерпевает новое превращение. Шаг, бывший — революционный, затем — регулярный, мерный, тяжелеет, превращается в державную поступь. Вот он — третий ритм, третий шаг Двенадцати:

...Вдаль идут державным шагом...

Самая глубокая и теперь уже окончательная метаморфоза свершилась: вольница, так и не претерпев духовного обновления, преобразилась в державу, подонки — в правителей, уголовники

— в оплот государства. Теперь понятней становится ироническая реплика Блока, прозвучавшая в начале поэмы:

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

Черта с два, дурачок, погибла! В кровавом буйстве Двенадцати Блок угадывает муки рождения отнюдь не интернациональной бесклассовой коммунистической общине, но социалистической российской империи. Блок еще не знает названия Советский Союз, но уже понимает: при определенных условиях, в частности, если все структуры старого мира разрушить до основания, Советским может стать и Союз русского народа, имеющий в своем составе национальные отделения и даже особо активную еврейскую секцию.

— Клевета! — возопит диалектический критик. — В том всё и дело, что органическая метаморфоза произошла с самыми подонками, простите, революционерами, святы, святы, — с Двенадцатью. Это они духовно обновились и превратились в сознательных Рыцарей Революции — представителей государства, «которое уже не есть государство в традиционном смысле». Ибо государство — это мы, то есть они, идущие в державном строю с Красным Флагом свободы.

Но дочитаем Блока. Мы ведь пока размыслияем не о реальности, а лишь о ее художественной концепции, о поэме. Критик вправе по-своему истолковать очень странный факт: почему это Блок шаг за шагом прослеживает, как герои падают, погрязают в преступлениях и вследствие этого утрачивают свободу, но не показывает их возрождения, оставляя, ежели такой процесс и подразумевается, догадываться о том читателю; почему «негативный» процесс Блок изображает, а «позитивный» лишь декламирует. Что это: «недоувидел»? «недоосмыслил»? «недоживописал»? Или всё же увидел, понял и показал, что становление державного строя — оборотная сторона духовной катастрофы героев, реальный результат отчуждения их преступной свободы, неизбежная социально-историческая реакция на революционное «обламывание палки» — насилиственное «возвращение» во внеисторический «рай».

Разумеется, критик вправе по-своему интерпретировать текст поэмы. Но одно кажется безусловным: интерпретировать сле-

дует все-таки текст поэмы; не собственные домыслы, и даже не дневники и статьи поэта, а прежде всего сам текст. Мне кажется, если не из любознательности, то хотя бы из вежливости, следует писать о поэме не раньше, чем прочитаешь ее до конца. Я не шучу. Вспомним каноническую трактовку поэмы, против которой ни словом не погрешил наш диалектический критик.

«Красная гвардия — это конечная цель движения Двенадцати, и достигают они ее только в тот момент, когда вместо всех своих покинутых, низвергнутых или уничтоженных старых святынь обретают новую святыню — Красный Флаг; но этот акт и совпадает с финалом поэмы».

Таким образом, если верить критику, финалом поэмы является одиннадцатая глава; и это логично, ведь если не обезглавить поэму, то ее нельзя будет уложить в диалектическое ложе концепции. Ибо в двенадцатой главе говорится:

...Вдаль идут державным шагом...

— Кто еще там? Выходи!

Так кто же там, интересно? Товарищ поп? Буржуй Ванька? Неугомонный и вот, наконец, проснувшийся лютый враг? А вот и не угадали...

Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Чертовщина какая-то! Что-то не получается с «обретением новой святыни». Флаг, в одиннадцатой главе вроде бы трепыхавшийся в руках у героев, застивший красным очи, оказывается впереди — у кого-то. Но, возможно, он просто воткнут в сугроб — в качестве путеводного знака, и ветер играет им, как он прежде рвал, мял и носил большой плакат «Вся власть Учредительному собранию».

Разобраться в загадочной ситуации нашим державным Рыцарям некоторое время мешает голодный пес, олицетворяющий старый мир. Пес, правда, не благородных кровей: безродный, шелудивый, холодный, он отстал от экспроприированного буржуя, ищет новых хозяев, таких же вроде голодных, холодных, безродных, но они — гнушаются, они ведь теперь — держава! Повозились, повозились с паршивым псом — махнули рукой: кототи-не колоти — все равно не отстанет, куда ему, доходяге, деваться; да и похож-то с голодухи на волка, пущай плетется — глядишь, со временем перевоспитаем в овчарку... Другое проис-

шествие, ненадолго упущенное из виду, заставляет их забыть о псе старого мира, насторожиться:

— Эй, откликнись, кю идет?
— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит **беглым шагом**,
Хоронясь за все дома?

Строхи насыщены до предела: красный флаг оказывается в руках у незримого знаменосца, идущего «беглым шагом» — не в державном строю. И коварен-то как: не лезет на барикады — изматывает державу несказанная контра, хоронясь за дома; все их теперь ночами обшуровать — надолго, поди, работенки хватит!

Тем не менее сознательные великодержавные рыцари начинают самозабвенно охотиться за невидимым знаменосцем:

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ...

...А как еще прикажете этого, который флагом размахивает, называть: не «буржуем» же!

... будет худо,
Выходи, стрелять начнем!
Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...

(там: «...всю ночь напролет жду гостей дорогих,
шевеля кандалами цепочек дверных» —
эхом блоковских строк звучат стихи Мандельштама)

Только выюга долгим смехом
Заливается в снегах...
Трах-тах-тах! —

...звучат выстрелы тридцать седьмого года. На секунду опредив их, «да здравствует Сталин!» — успевает крикнуть Якир. — Ха-ха-ха... — долгим эхом заливается выюга в Воркуте, в Норильске, на Колыме...

Трах-тах-тах... —

...звучат эхом выстрелов аплодисменты в кремлевском зале. Это, не потрудившись хоть для приличия инсценировать демократический ритуал отставки, пусть какого-никакого, формально-но-

минального, но все-таки главы государства, хозяева выносят из-за закрытых дверей на всенародное ликование политический труп... простите, оговорился: проект самой демократической конституции самой торжествующей демократии в мире. Торжественно, красиво выносят: вперед ногами.

...Так идут державным шагом...

Видит Бог, в моих вольных иллюстрациях к Блоку нет намека на то, будто Некто или его преемники предали революцию либо просто закружились и сбились с истинного пути. Напротив, я хочу подчеркнуть неукоснительную логичность всей советской истории. Не хотел бы я быть понятым и в противоположном карманокукишном смысле: что-де и все последующие столпы державы — такие же подонки, как и блоковские герои.

Конечно же, не подонки. (Ведь говоря о героях Блока «подонки», мы имеем в виду не моральный облик, а социально-историческое явление.)

И уж со всей очевидностью — не такие же. Ведь Двенадцать Блока — это подонки-апостолы. Блок не знает закона, по которому их можно судить: их ложь — их правда, их грех — их святость, их низость — их высота, их победа — их поражение. И Блок их вовсе не судит, он старается их понять. Блок не спорит с красными или белыми — Блок беседует с Богом, пытаясь выведать у него правду о силах, вознесших или низвергнувших Россию в социализм, постичь логику истории...

...Так идут державным шагом, —

повторяет Блок, вступая в финал поэмы, «формулу» строя Двенадцати. Формула — та же, которой начиналась двенадцатая глава. Только вместо звенящего, хранящего прощальный отзвук вольницы «вдаль», строка отмерена, как ударом кулака по столу, жестким, непререкаемым «так».

Идут ... за Христом?!

...Сколько всячины написано по этому поводу — одними, чтобы реабилитировать красногвардейцев, другими, чтобы обелить Христа. Христос с красным знаменем... Христос с крестным знаменем... Христос с красным знамением коммунистической веры... Кощунство, если глядеть справа: Блок пытается примирить Христа с красногвардейцами! Кощунство, если глядеть слева: Блок пытается примирить красногвардейцев с Христом!

Когда же мы станем глядеть прямо?

Красногвардейцы, конечно же, идут за Христом, ибо он и

есть тот хоронящийся за сугробами, за домами, тот незримый за вы沟ой и невредимый от пули таинственный знаменосец, за которым они охотятся. Двенадцать бывших апостолов с плетущимися сзади псом идут за Христом, но только не как последователи, а как преследователи его. И это преследование символизированной Христом идеи с каждым шагом делает всё тотальней, всё тверже их державную поступь.

Блок истинно написал, завершив поэму: «Сегодня я гений».

Почему? — вправе мы вопросить, дочитав ее теперь до конца. Мне кажется, всего очевидней гениальность поэмы обнаружилась в том, что, как правило, представляется критикам надуманным и алогичным в ней и даже — духовной капитуляцией Блока, запутавшегося в противоречиях времени; финал поэмы, явление Иисуса Христа.

Постараюсь объяснить эту мысль. Блок, конечно же, замечательно показал, как Некто осуществил свой замысел, «синтезировав» два начала: вольницу и организацию — в своеольную организацию — державную диктатуру. Это интересно, но не открытие. Со времен Платона и Аристотеля подмечалось, что кризис, люмпенизация, краткое всевластие черни, охлоса — прологтираний, использующий энергию социального и нравственного распада, преступную стихию, буйство дезориентированных и истеричных масс для создания деспотического «порядка» — режима, воплощающего внутреннюю несвободу толпы и даже — как стало понятно позже — являющегося для массы своеобразным священным таинством, «совестью» — авторепрессией преступивших табу. Итогом революций становились империи. Написал об этом сам Карл Маркс в философском памфлете «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». «Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт...»

Блок — образованный человек. Он, конечно же, знает эту дьявольскую банальность истории. И очень реалистически прослеживает процесс политической реакции, осуществляющейся не «справа», а «слева» — анонимными силами, порождаемыми самими низами от страха перед угрозой извне или же изнутри, то есть перед самими собой, измученными своей проклятой свободой и стремящимися к покою. (По Блоку — прежде всего, от страха перед самими собой. Блок не слеп: революция окружена не вы-

мышленными врагами; но Блоку важно рассмотреть механизм реакции в чистом виде, поэтому отряд красногвардейцев ни разу не встречается с реальным врагом, он все время охотится за каким-то призраком. «Их винтовочки стальные на незримого врага... в переулочки глухие, где одна пылит пурга...»)

Но эта социологическая, исторически реальная концепция октябряских событий не удовлетворяет Блока; происходящее в России представляется ему не обычным, хотя и грандиозным процессом разрушения старой и становления новой империи, или пусть даже — политического режима радикально новой, небуржуазной формации (в конце концов Луи Бонапарт тоже представлял защитником массы, укротителем буржуа), но гораздо более глубоким, сверхисторическим, беспрецедентным процессом — проявлением не логики истории, а ее Логоса. Взаимодействие этих двух планов, двух концепций поэмы — социологического и эсхатологического — и образует глубинный сюжет поэмы. В плане реального отражения — подонки идут за Некто к державной власти. В плане отражения символического, философского — апостолы (в том числе и Некто — один из них) следуют за пределы истории, влекомые призраком коммунизма, внезапно, но не случайно воплощающемся в знаменосце-Христе.

Поразительно, но явление Иисуса Христа в последней строке поэмы не кажется неожиданным. Точнее: мы и удивлены, и нет, потому что подсознательно ощущали его присутствие в каждой строке поэмы. Предчувствие Иисуса Христа — в самом замысле, в мистической символике Блока: в апостольском «штате» отряда красногвардейцев, в апостольском же числе глав поэмы. Двенадцать — символ завершения, круга, конца-начала, креста. Совершенно понятно, почему Блок пытается постичь Октябрь, постичь «антихристово» наваждение — большевизм — с помощью мистического христианского символа. Разрушение России столь глубоко, что представляется не концом одного исторического этапа, но концом истории. (Так ведь это представляется и марксисту, считающему всю, что до коммунизма — предисторией человечества, коммунизм — началом истории подлинной. Различие — в терминах.) Распад столиц чудовищен, что кажется завершением, искуплением и исходом изгнанников за пределы истории и ее законов. Житие стало призрачным и «двойным»: в отчаянья дышит счастье, безвременны — вечность. (Не случайно сходный мотив выпадения из истории в вечность звучит у многих больших художников, в частности, у Булгакова. Ясно улавливается он и сознанием, ориентированным совсем по-иному, чем у Булгакова или

Блока: «...И коммунизм уже так близок, как в восемнадцатом году...»)

Таким образом, пугем к этому «коммунизму» — освобождению от исторического проклятъя, возвращению в предисторический «рай» — оказывается разрушение всех традиций, преступление всех запретов: не святость, а тотальное грехопадение. Это и заставляет Блока предположить в подонках оборотней-апостолов, а в октябрьской судьбе России — осуществление «круга» христианской эсхатологии или «спирали» коммунистического, ностальгического архетипа сознания. При всем внешнем различии этих мифов, Блок отчетливо видит их глубинное структурное сходство. «Большевизм (стихия) — к «вечному покоя»... — пишет Блок в дневнике. — Буйство идет от вечного покоя и завершается им...» Тезис-антитезис-синтез; изгнание-искупление-возвращение. Иными словами: предположение в подонках апостолов есть предположение, что октябрьская судьба России — возвращение, реальное бытие Христа.

Такова «исследовательская гипотеза» Блока; ощущение призрака Христа-коммунизма не позволяет Блоку удовлетвориться реалистической и весьма прозаичной концепцией революции как «буйства», идущего не к «вечному покоя», а всего лишь к «порядку» — военно-бюрократической диктатуре государства как анонимного совокупного собственника.

Упокой, гоподи, душу рабы твоея...

Скучно!

Блок не хочет понимать Россию умом, мерить общим аршином — он пытает ее судьбу ностальгическим христианско-коммунистическим идеалом.

Но трагедия в том, что в реальной действительности этот идеал неосуществим. В реальной действительности — он всего только призрак, имеющий лишь негативное бытие, существующий лишь в разрушении, преступлении, отрицании. (Не случайно в «Немецкой идеологии» у Маркса с Энгельсом есть смутная, но вместе с тем очень интересная фраза, что коммунизм — не идеал, к которому надлежит прийти, а действительное движение, отрицающее сегодняшнее состояние.) Лишь разрушение, преступление, отрицание оказывается единственно мыслимой — негативной — реальностью коммунизма, а равно и бытия не ко времени явившегося Христа. Христос и символизируемая им идея свободы, «коммунистической» общности, гармонии и покоя в земном своем бытии предстают кровавым пожаром и разгулом темных

стихий. Поэтому — должны быть изгнаны: обуздание преступной стихии неизбежно оказывается изгнанием «призрака коммунизма», преследованием явившегося Христа. Только «развоплотившись», став неосязаемым идеалом, Христос снова становится чистым — идет в «белом венчике из роз», «нежной поступью надвьюжной», унося свое крестное знамя свободы, которое, будучи водруженным в мир, металось пожарами и потоками крови. И только преследуя незримого знаменосца, красногвардейцы освобождаются от кровавого ужаса, переставая быть и вольницей и апостолами...

Так реальность, заключенная в символ круга, отвергает исследовательскую гипотезу, обнаруживает свою враждебность к ней. Поверив действительность революции мифом, Блок демистифицировал революцию, первым показал ее трагический диссонанс с идеалом очень близким, во всяком случае по структуре, с коммунистическим идеалом «возвращения» к бесклассовой, не знающей насилия, отчуждения, несвободы безгосударственной общности.

Вероятно, Блок был потрясен проявившимся под его пером трагическим парадоксом. (Не трагедией — трагедия дарует катарсис, — а трагическим фарсом. Ибо трагикомично державное шествие с голодным псом позади за призраком коммунизма, витающим над сусальным, словно деревенской старушкой прибранным Иисусом Христом.) Возможно, Блок и вправду не понимал, что же это у него написалось: интуитивно постигнутое еще не имело рационального объяснения. Сегодня октябрьский переворот и все послеоктябрьские перевертыши могут быть не изображены, а интерпретированы логически — посредством однозначных понятий, — без поэтической мистики и гениальных метафор. Поэма — не аргумент при анализе объективной реальности, ибо эта реальность вполне логична и вполне постижима с помощью алгебры научной социологии; алогичной, парадоксальной она представляется лишь при поверке гармонией, в соотнесении с идеалом.

Однако существует явление, которое и сегодня трудно понять без Блока, потому что это явление, в отличие от объективной реальности, так сказать, изоморфно поэтической структуре поэмы, ибо оно и существует только как контрапункт документа и символа, только как постоянно воспроизводящийся диссонанс практики и теории, реальности и идеи, — как такой поразительный симбиоз, в котором практика и идея связаны взаимным мучительством. Это явление называется ленинизмом.

В. В. Вейдле

Прот. Александр ШМЕМАН

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕЙДЛЕ

1893—1979

Эти строки, посвященные памяти Владимира Васильевича Вейдле, я пишу в канадской глухи, вдали от книг и потому без ссылок и цитат. Поскольку я уверен, однако, что труды В. В. станут, рано или поздно, предметом тщательного изучения, сейчас, сразу после получения вести об его кончине, я хочу кратко сказать лишь о том, что я всегда ощущал, а теперь, после его ухода от нас, еще сильнее ощущаю как самое главное в его образе и в его творчестве, как то, чем он сам всегда жил и чему, в полном смысле этого слова, служил.

Имя этого главного — христианская культура. Действительно, можно без преувеличения сказать, что все зрелые годы своей жизни В. В. провел в напряженных размышлениях об этом, на глубине своей — парадоксальном словосочетании, в стремлении понять и другим раскрыть сущность той реальности, которая в словосочетании этом названа и выражена. Как предмет размышлений и созерцания, реальность эту он постиг и ощущал, конечно, не сразу. Биографически первичным в его жизни был опыт культуры, опыт, кажущийся теперь почти легендарным, того творческого подъема и расцвета ее, которым отмечены были в России последние десятилетия перед революцией. Воздухом этого «серебряного века» В. В. дышал буквально с первых лет своего петербургского детства. Но знавшим В. В. показалось бы, я думаю, неуклюжим, да и просто смешным, определить его, как «культурного» человека (особенно из-за действительно смешного в своем напыщенном самодовольстве оттенка, который слова «культурный» и «культурно» получили в языке современной «образованщины»). Был он не «культурным человеком», а неким поистине чудесным воплощением культуры. Он жил в ней и она жила в нем с той царственной свободой и самоочевидностью, которых так мало осталось в наш век начетчиков, экспертов и специалистов. Для В. В. культура была не профессией и не специальностью, а, прежде всего, прекрасным и светлым домом, в котором, потому что он родился и вырос в нем, потому что дом этот был **его** домом, он знал, любил и своими ощущал все комнаты. Комнат было много, одна прекраснее и богаче другой, но назывались ли они — итальянской, французской, немецкой, английской, испан-

ской, русской — были они все комнатами одного дома, частями прекрасного, неразделимого и неразрушимого целого, той единой и единственной европейской культуры, что родилась из встречи античного, греко-римского мира с христианским благовестием.

Вот об этой встрече, о христианских корнях и изначально-христианском вдохновении этой культуры, о сущности его как культуры христианской, начал задумываться В. В., когда после счастливой молодости, отданной простому насыщению культурой, стал он, как и все его поколение, свидетелем в России и с России начавшегося страшного распада того мира, в котором культура эта жила, который она собою, своим светом и глубиной, животворила. И этой темой, повторяю, так или иначе, объединено все то, что написано им за долгие годы изгнания (он покинул Россию в 1924 г.) — будь то о России или Западе, будь то об отдельных писателях, поэтах, художниках или же о судьбе европейской культуры в целом. Опытом этого распада — любование оказалось претворенным в служение, любовь к культуре в борьбу за подлинную ее сущность.

Чему же учит, что всем своим творчеством утверждает В. В., в каком смысле главное в этом творчестве, изнутри объединяющее и направляющее его видение, мы вправе назвать темой христианской культуры? Выше я назвал это словосочетание парадоксальным. Действительно, и В. В. знает и всегда помнит об этом, не для культуры, не для ее строительства, как и вообще не для какого-либо земного «строительства», вошло в мир христианское благовестие, остающееся на все времена «сногсшибательно для иудеев, а для эллинов — безумием». В своей небольшой книге *Крещение искусства*,* посвященной росписи первохристианских катакомб, В. В. хорошо показывает чуждость раннему христианству, его эсхатологической — к Царству Божьему всецело устремленной, вере, какого бы то ни было интереса к искусству, к культуре как таковым. «Да приидет Царствие Твое и да прейдет мир сей!...». И, однако, именно из этого отрицания «мира и всего, что в мире», из так сказать «стопроцентности» этого отрицания, как раз и рождается новое искусство, новое изнутри вдохновляющее его, новым опытом, новым видением мира, человека и жизни. Ибо, присущее христианской вере, отрицание мира не есть отрицание дуалистическое, манихейское. Оно укоренено, напротив, в опыте новой

* вышедшей на английском языке (*The Baptism of Art*) и русскому читателю почти совсем неизвестной, хотя русский текст ее и был напечатан в одном из номеров журнала Парижского Богословского Института *Православная Мысль*.

или, по ап. Павлу, «обновленной» жизни, в опыте причастия уже **здесь, уже сейчас** — грядущему Царству, как спасенному, восстановленному, преображеному творению Божию. На стенах узких и темных катакомб, в по-детски беспомощных, но и детской радостью начертанных изображениях: рыбака, рыбы, цветов, хлеба, чаши — уже светит тот свет, что не только воплотится в великом религиозном искусстве христианского средневековья, как восточного, византийского, так и западного, но и станет тайным жаром, глубиной, животворной силой европейской культуры в целом. Культуры, родившейся из только христианством внесенного в мир антиномического знания человека, одновременно и в божественной высоте его «горнего звания» и в ужасе его падения, в свободе и порабощении, в красоте его, как «образа неизреченной славы», и в изуродованности его грехом...

На эту христианскую культуру (христианскую не в том смысле, что все творцы ее были непременно верующими христианами, ибо было среди них сколько угодно и неверующих и нехристиан, а из-за лежащего в основе, христианством привитого человеческому сознанию восприятия человека) и были направлены все внимание и вся любовь В. В. Литературный критик, искусствовед, историк и философ культуры, каждый из этих призваний искал он в конце концов того, как в о п л о т и л изучаемый им художник, поэт, зодчий эту, трансцендентную культуре и, однако, «исполняющую» ее, глубину знания и видения. И искал чем дальше и глубже, тем с все большей тревогой и болью. Ибо, как уже сказано выше, особенно сильно ощущал он распад этого целостного видения в современном мире и потому распад и умирание взрошенной им культуры. Свою главную, в частностях своих, возможно, и спорную, книгу он так и назвал: **Умирание искусства.*** В ней процесс этого умирания описан как постепенный отрыв искусства (как и всей современной цивилизации) от своих религиозных истоков, от воздуха веры, которым, пускай даже неведомо для себя, оно дышало и лишаясь которого иссякает в своей творческой силе. Так, один из главных симптомов смертельной болезни видит В. В. в постепенном иссыхании в и м с л а, в подмене его в современной литературе — «документом», дневником, монтажем, художественным репортажем и т. д., т. е. либо чистой «субъективностью», либо же безличной «объективностью»

* Изданная в 1938 г. в Эстонии Русским Студенческим Христианским Движением, она позднее была переведена на французский (*Les Abeilles d'Aristée*) и английский (*The Dilemma of Arts*) языки.

(как во французском, теперь уже постаревшем, «новом романе»). В том-то, однако, и все дело, что в вымысел в искусстве это не произвол, не «выдумка», а присущие искусству способность и сила творить жизнь, быть, каждый раз по-новому, неповторимо — откровением самой ее «жизненности» и потому, как заметил когда-то Ф. Мориак, «только в вымысле нет лжи». Он рождается из глубокого, не рассудочного, не научного — а по-детски целостного, знания и опыта мира, буквально из «детской веры». В отрыве же от этого опыта искусство замыкается в себе, становится «оборотом на себя», знанием и узнаванием себя, а не мира, не жизни, своего «уменья», а не того, что оно умеет. Тогда уже не из «пламя и света» рождается слово, образ, мелодия, а из бесмысленной, хотя компьютером и постигаемой, игры безличных «структур» и «форм»...

С этим распадом на глубине, с этой подменой, с этим, как раковая опухоль, растущим и изнутри и искусство и культуру разлагающим, **нигилизмом**, т.е. отрицанием смысла, чуда, духа и вдохновения, и боролся всю свою жизнь В. В. и не случайно их обличению посвящена его последняя, «заветная», теоретическая работа — о языке и слове — печатавшаяся по частям в «Новом Журнале»... И хотя был он в борьбе этой все более и более одинок, в прогнозах своих все более пессимистичен, никогда не дрогнула в нем вера в Божественный (не просто — «религиозный») источник подлинного искусства, подлинной культуры...

Но вот, утверждая и защищая очевидное для него **единство** европейской христианской культуры, единство, не только не нарушающее, но как бы являемое в многообразии ее национальных воплощений, оставался он всегда, сознательно и безоговорочно русским. Он владел в совершенстве главными европейскими языками, писал на них, но всегда признавался, что любит писать только по-русски. Он дружил с Т. С. Элиотом и П. Клоделем, был своим в блестящей плеяде, группировавшейся вокруг издательства Галлимар и журнала «Нувель Ревю Франсэз». Свою чувствовал он всю, как называл он ее, «крещенную землю» Европы, изнутри — из внутреннего знания и любви, свидетельствовал об ее душе (см. его книгу «Вечерний день»). А все же никогда не перестал он чувствовать себя русским изгнаниником, никогда не прервалась в нем кровная связь с Россией, верность ей, боль за нее. Ни о чем не вспоминал он с таким волнением, как о том августовском дне, когда и ему довелось нести к Смоленскому кладбищу гроб Блока, как о прощании своем, перед отъездом из России, с Анной Ахматовой. Словно тяжесть этого гроба, печаль это-

го прощания, ощущал он как завет верности России, неутолимости боли за нее... Нет, не было в нем разлада между его русскостью и его европеизмом. Напротив, все, что писал он о России (см. его французскую книгу *«La Russie Absente et Présente»* и русскую *«Задача России»*), направлено было на то, чтобы Россию убедить в неотделимости самой ее сущности от Европы, а Европу в том, что без России она — не полная, а ущербленная, увечная Европа. Но писал это человек, твердо знавший, что место его — внутри русской культуры, что служение его — служение русского писателя. В темные годы немецкой оккупации, читал он на частной квартире, почти «конспиративно», цикл лекций о русской поэзии. Я убежден, что никто из слушавших его, не забудет вдохновенного чтения им Пушкина, Баратынского, Тютчева, Блока, Ахматовой. Эти чтением совершил он некое светлое торжество России и нас, молодых, навсегда посвящал в него...

Несмотря на петербургский холодок и сдержанность, на полное отсутствие наклонности к личным излияниям, был он щедро открыт дружбе и общению. Сколько вечеров, в те молодые годы, провел я у него, на его маленькой, сплошь заставленной книжными полками квартире, слушал вдохновенные его импровизации — о русской литературе, но и о Прусте и Бодлере, о Риме, о Рембрандте, проще же сказать — о том большом и светлом доме, с которого мы начали, доме в котором он жил, которому радовался и за который благодарил... Нету, я убежден, более высокого и чистого дара, чем дар благодарения. И как хорошо, что *«Зимнее солнце»*, самая последняя его книга — о детстве, о молодости, о России этого детства и молодости, вся насквозь именно благодарностью пронизана, *«зимним солнцем»* ее светит и радует... А теперь наступило для нас время — благодарить за него.

август 1979 г.

Искусство и жизнь

Н. ТЕТЕРИАТНИКОВА

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВ. НИКИТЫ, БЫЮЩЕГО БЕСА

Среди многообразия сюжетов средневекового русского искусства особое место занимают изображения св. мученика Никиты, прозванного в народе «Бесогоном». Иконография его довольно однообразна — мы не встречаем здесь обилия местных редакций типа иконографии Богоматери или св. Николая.

Между тем, почитание св. Никиты было широко распространено в народной среде. Он являлся избавителем от недугов, болезней и всякого рода напастей. Главное же значение, присвоенное ему народным сознанием, заключалось в борьбе со злыми силами и Сатаной.

Известно что и другие святые: Георгий, Федор Стратилат, Дмитрий Солунский, Федор Тирон, Архангел Михаил, Ипатий Гангрский часто изображались сражающимися с нечистой силой в образе змея или дракона.

В начале XX века ряд исследователей, заинтересовавшихся особенностями почитания св. Никиты, пытались выяснить причину столь широкого почитания его изображений. И. Н. Окунева отмечала: «Почему эта особенность (демоноборца) относится к Никите, хотя и другие святые посрамляли дьявола, пока остается неизвестным». Н. Г. Добрынкин определял общее понятие сюжета (св. Никиты с бесом), как символ победы христианства. И. Д. Четыркин считал, что первоначально это изображение олицетворяло Голгофскую Победу. И. Евсеев, публикуя медный образок с изображением св. Никиты, усматривал истоки сюжета «в византийско-славянских народных представлениях о бесовских силах и борьбе с ними».

Все вышеназванные мною авторы, пришли к разным, интересным и взаимодополняющим друг друга выводам. И тем не менее никто из них не пытался рассматривать сюжет в связи с эволюцией иконографии св. Никиты, систематизацией памятников с его изображением.

Обратимся к литературным источникам сюжета.

Имя святого Никиты стало известно на Руси вместе с другими святыми мучениками. Перевод его жития, согласно исследованию В. М. Истриня, был сделан в Болгарии в XI-XII веках.

Медная иконка XVI в.
Гос. Исторический музей. Москва.

В византийской и славянской письменности существовало два жития св. Никиты. Причем одно из них «Сказание о мучениях св. Никиты» считалось апокрифическим. Среди греческих запрещенных книг «Никитино мучение» не упоминается. В славянский же список отреченной литературы оно входит. Но, как предполагал исследователь жития св. Никиты В. М. Истрин, «мучение св. Никиты» не заключало в себе ничего апокрифического. Отличие от текстов, внесенных в Прологи и Четы-Минеи в том, что

в апокрифе святой умирает по нескольку раз, оставаясь живым, несмотря на подчеркнуто страшные муки. Кроме того, в славянских Прологах и Четьях-Минеях часто вместо жития св. Никиты-мученика помещали житие св. Никиты Готфского — воина. Житие св. Никиты Готфского не имеет ничего общего с житием великомученика Никиты. Но, поскольку оба святых соименны и празднуются в один день (15 сентября), с течением времени вместо двух житий помещали одно. И поэтому очень часто этих святых путали. Св. Никита заменялся Никитой Готфским, который дьявола не побеждал.

В церковной гимнографии св. Никита предстает перед нами, как образ святого мученика, мужественного воина — «Победителя». Так о нем и повествуется в песнопениях на второй день праздника Воздвижения креста, в день памяти святого Никиты: «Достойно принял венец победы неувядающий», «Оружием честного креста оградився страстотерпец... Супротивны силы крепко победил есть и мучителей посрамил. И за Тя пострадал и с Тобою ХС кой всех Царю Никита сцарствует».

В церковной службе также придается большое значение имени Никиты: «Победы тезоимените показалася мучениче всечестне Никито. В подвize проповеда Христа Бога нашего». Значение имени, вероятно, было принесено в церковную службу под влиянием текста «Сказания о мучениях св. Никиты». Например, в Сказании (святого великомученика Никиты) византийского богослова Симеона Метофораста читаем следующее: «Победительных подвиг мученика Никиты торжествуем днесь... Ему же архиерейское достоинство вверено... Воистовав победу имени сего ради Христа...»

В народном сознании св. Никита выступает еще и как помощник от житейских невзгод и нужд, но главным его свойством считалась защита от дьявола, темных сил и бесовских козней. В роли демоноборца выступает он и в самом тексте апокрифа, чтению которого приписывалася способность облегчать болезни, вызванные наваждением дьявола. Так в заключительной части его указывается: «О у кого будет чтение сие святого славного мученика Никиты за шесть дней бежат от него грехи его, а за четырехдесят дней бежат от него демоны...», «Аще ли кто болит... и бесы мучим будет да избудется от них».

Большую роль в распространении почитания св. Никиты «Бесоборца» оказали посвященные ему молитвы и заклинания, сохранившиеся в русских и славянских списках. По предложению В. М. Истрина, они относятся ко времени появления

сюжета. В народных верованиях св. Никита надеялся такой же властью над бесами, как и печать Соломона. В восточных сказаниях о Соломоне повествуется о его власти над демонами.

Миниатюра Двинского
Апокалипсиса, XV-XVII в.

Гос. Исторический музей. Москва. (Прорись).

Популярность святого была так велика, что с течением времени оказала влияние на составление житийной литературы других святых. О влиянии жития св. Никиты мученика на житие Никиты Столпника Переяславского писал Арсений Кадлубовский и отмечал некоторые черты сходства. Согласно тексту жития Никиты Столпника, он молится св. Никите мученику, своему соименнику святому и аналогично житию великомученика Никиты претерпевает ряд искушений бесами: прогоняет беса крестным знамением. Верования святому Никите мученику оказали влияние и на заклинательную литературу о Никите Столпнике, возникшую

уже в XVI веке в связи с возросшим почитанием святого Никиты. Свидетельством популярности святого в монашеской среде являются сведения XVII века, исходящие из среды монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, о молении святому Никите об исцелении от бесов.

Поклонение святому Никите — «Демоноборцу» было столь распространено, что оказало влияние на почитание и изображение других святых. Как уже указывалось выше, почитание святого Никиты было перенесено и на св. Никиту Готфского. В результате подобной замены на некоторых иконах XVI-XVII веков святой мученик Никита часто изображался воином, а в некоторых каталогах и описаниях он так и называется Готфским.

Верования и изображения св. Никиты, по-видимому, стимулировали появление новых изображений других святых. Ипатий Гангрский в клейме иконы из ГТГ изображается держащим беса за вихор и замахивающимся на него крестом, несмотря на то, что по тексту жития он наказует змея. Св. Ульяна на псковской иконе XVI века «Параскева Пятница, Варвара и Ульяна в житии» аналогично св. Никите бьет беса в темнице, а затем выводит его на суд.

Да и сам факт строительства монастырей, посвященных не только святому Никите, но Никите «Бесогону» говорит о широкой сфере его почитания. Исторические свидетельства, связанные с постройкой Никитских церквей в XVI веке подтверждают нашу мысль о возросшей демонологической роли святого в народной и церковной жизни к этому времени. Архимандрит Макарий, описывая церковные древности в Новгороде, указывает на интересную особенность Никитской церкви, находящейся на торговой стороне, на Никитской улице. Церковь была построена в начале XV века на месте старой деревянной церкви XIV века. В XVI веке Никитская церковь пользовалась особым царским вниманием. В день памяти св. Никиты был учрежден крестный ход из Софийского собора в церковь Никиты мученика, где священник читал евангелие у Чудного креста. В Переяславле-Залесском над мощами св. Никиты Столпника по велению Ивана Грозного была выстроена церковь в честь Никиты «Бесогона», а самому Никите Столпнику в ней посвящен лишь придел. Известно, что Иван Грозный приезжал в Переяславль-Залесский в эту церковь молиться святому Никите. Естественно, что образ св. Никиты — Победителя зла приобретает особую популярность в XVI столетии. Именно в это время мы встречаем в иконописи интерес к мистико-дидактическим и нравоучительным сюжетам. Ведущую роль получает раз-

вение Богородичных и Христологических икон. Впервые на русской почве мы встречаем такие темы как на «Четырехчастной иконе» Благовещенского собора Московского Кремля, основной идеей которой является — Христос — Победитель Смерти. Широкое распространение получают такие сюжеты как «Апокалипсис», «Единородный сын — Слово Божие», «Во гробе плотски...», «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни», призывающие к духовному возрождению человека, к победе над злом. Эта тема борьбы со злом звучит остро и изображениях святых этого времени: св. Георгия, Архангела Михаила, Федора Тирона, Ипатия Гангрского, Дмитрия Солунского...

Указанные факты свидетельствуют о своеобразии почитания святого Никиты, особенно его демонологической стороны, а также его влияния на почитание и изображения других святых.

При изучении изображений св. Никиты естественно возникает вопрос: каковы же были истоки нашего сюжета и чем было обусловлено его появление в русской иконографии?

Впервые изображение св. Никиты встречается на рельефе правой закомары фасада Дмитровского собора во Владимире (1194-1197).

Рассматривая сюжеты рельефов, исследователи еще в конце XIX века определили один из них как изображение св. Никиты, бьющего беса. Позднее в своей работе о владимиро-суздальской скульптуре Ф. Халле определяет эту сцену как «Жертвоприношение Авраама». «как одно из ранних изображений св. Никиты». Н. Малицкий в рецензии на книгу Ф. Халле приводит следующие доказательства против подобного толкования сюжета: «Авраам никогда не изображался в таких одеждах, в такой короткой тунике и плаще-хламиде. И потом, для иконографии этого периода невозможно, чтобы Исаак был представлен в виде обнаженной фигуры». Вероятно Н. Малицкому не были известны западные варианты сцены «Жертвоприношения Авраама», широко встречающиеся как во фресках и миниатюрах, так и среди рельефов соборов. В них часто можно встретить изображения обнаженной фигурки Исаака. Более того, композиция «Жертвоприношения Авраама» действительно напоминает изображения св. Никиты с бесом. Авраам одной рукой держит Исаака за волосы, другой заносит над ним меч. Но кроме чисто внешнего сходства мы никак не можем связывать эти два изображения. И, конечно, мастера рельефов собора вряд ли могли заменить одно изображение другим, не связанным с ним по смыслу.

Тем не менее, в книге о рельефах Владимира и Боголюбова Г. К. Вагнер снова возвращается к мнению Ф. Халле и определяет изображение как «Жертвоприношение Авраама».

Подобное символическое толкование сюжета не уточняет его значения. Напротив, приводит к недоумению, поскольку данный сюжет во множестве встречается на русских крестиках, иконках, и образках XII века. На многих изображениях имеются надписи, уточняющие имя святого. Устойчивость и стереотипность иконографии очевидна. Отсутствие несохранившихся памятников более раннего времени еще не говорит об отсутствии сюжета. Как уже указывалось выше, перевод жития св. Никиты был известен на Руси уже в XI-XII вв.

Однако, в Византии и на Балканах, откуда происходит «Сказание о мучениях св. Никиты», мы не встречаем изображений св. Никиты с бесом. Почитание св. Никиты безусловно существовало и там, но изображения Никиты «Бесогона» мы находим только на русской почве.

Г. К. Вагнер, ставя вопрос о мастерах и строителях Дмитровского собора не исключает возможности работы балканских, в частности, болгарских мастеров, которые и могли способствовать появлению сюжета.

Среди памятников романской пластики, особенно каменной скульптуры и рельефов соборов, а также миниатюры, встречается много таких изображений, как например, Христос попирает дракона, святые сражаются с нечистой силой и т. д. Сам акцент демонологический сюжета типичен для искусства этого времени. Связь искусства домонгольской Руси с романским Западом была достаточно активной. По сведениям В. Н. Татищева, зодчие для строительства владимирских храмов были посланы Фридрихом I Барбароссой по приглашению Андрея Боголюбского.

Н. Н. Воронин указывал на близость планировки ансамбля Боголюбовского дворца и феодальных замков времени Барбароссы. И более того, на сходство архитектурных деталей памятников по Рейну и владимирских построек. Стилистическая связь рельефов Дмитровского собора с романской пластикой также очевидна. Но тем не менее Г. К. Вагнер пытается уйти от этой точки зрения и настаивает на стилистической преемственности искусству Балкан этого времени. В. П. Даркевич приводит обширный материал, свидетельствующий о широком бытования романских изделий прикладного искусства во Владимиро-Суздальском и Рязанском княжествах. Он также убедительно доказывает, что ремесленники, мастера-ювелиры, посланные Фридрихом I Барбароссой ко двору

Икона из музея Recklinghausen, XVI-XVII вв.

Андрея Богоявленского украшали храмы церковной утварью. Черты влияния романского искусства исследователи находят и в искусстве Киева, Новгорода и Владимира-Сузdalской Руси. Их можно заметить и в рельефах Дмитровского собора во Владимире. Однако уверенно говорить о западном происхождении сюжета не представляется возможным за отсутствием прямых аналогий.

Начиная с XII века, как указывалось выше, изображения св. Никиты с бесом становятся популярными в древнерусском искусстве.

Приведем названия памятников, на которых они встречаются:

- 1) На рельефе Дмитровского собора во Владимире.
- 2) На крестах, вместо Распятия.
- 3) Внизу крестов, под Распятием.
- 4) На отдельных образках, на обороте которых изображался змеелик или сюжет, связанный с крестом и Христом (образ Распятия, Воскресения Христа...).
- 5) На отдельных образках (медных, каменных, костяных, деревянных).
- 6) На панагиях.
- 7) На иконах, начиная с конца XV века.

Как правило, на образках, иконках и крестиках имеются надписи: НИКИ, НИКИТА, НИКИТАК, АНИКИТ. Одним из первых изображений (помимо указанного рельефа) были медные кресты и образки.

Наиболее ранний экземпляр креста с гравированным изображением сцены избиения беса известен еще по южнорусским находкам. Редкая форма креста в виде квадрифолия со скругленными концами, наличие именно гравированного изображения позволяют отнести его появление к I половине XII века. Кроме этого уникума от Киевской Руси до нас дошло одно меднолитое изображение св. Никиты бьющего беса на створке энколпиона с характерными квадратными клеймами по концам креста. Форма энколпиона и характер рельефа дают возможность датировать его началом XIII века. Таким образом, Киевская Русь оставила нам лишь два изображения Никиты с бесом. Добавим, что в обоих случаях изображениям придавалось отнюдь не второстепенное значение, поскольку художник помещал их в средокрестии.

Среди небольшой группы иконок — энколпionов, относящихся к Владимиру-Сузdalской Руси, мы также встречаем инте-

ресурсующее нас изображение. Это двухсторонние иконки, с лицевой стороны которых изображен Спаситель, на оборотной стороне редкое, очень своеобразное решение композиции нашего сюжета: Никита держит беса за ноги и бьет его цепями.

Оригинальное новгородское творчество проявляет себя в медном литье лишь к концу XIII — началу XIV вв., когда появляются сравнительно более крупные по размеру произведения. В XIV веке появляются кресты с плавно закругленными концами — местная переработка киевских энколпионов. В данной серии крестов аналогичного размера и формы варьируются лишь изображения в средокрестии и клеймах по концам креста. Среди них мы встречаем изображения Никиты с бесом.

Этим же временем (XIV-XV вв.) датируются и большая группа медных крестиков и образков, известных нам по раскопкам в Старице. Тождество некоторых из них с уже известными новгородскими позволяет объединить их в одну группу с новгородскими памятниками.

XV-XVI вв. оставили нам еще более значительное количество меднолитых изображений Никиты «Бесогона», причем важно отметить, что наряду с изображениями, присутствующими в качестве центральных или второстепенных на многосоставных памятниках типа крестов с клеймами, появляются собственно «Никитские» крестики и образки, с изображениями исключительно лишь сцены избиения беса Никитой. Все вышеперечисленное показывает особую и все возрастающую привязанность новгородского населения к изображениям св. Никиты, достигшую апогея к концу XV века. Судя по современным музеинм коллекциям, наибольшее число изображений св. Никиты, избивающего беса, присутствует на памятниках, происхождение которых связывается с территорией Северной Руси.

Приблизительно такую же преемственность мы наблюдаем и среди памятников мелкой пластики, изготовленных из материалов, требующих индивидуальной обработки — камня, кости, дерева.

В изображениях св. Никиты в мелкой пластике встречаются интересные подробности. На крестах, иконках и образках св. Никита наказует беса цепями, вальком или же неясным предметом в виде стержня с кругами на концах, что позднее было перенесено в иконопись из мелкой пластики, широко бытавшей в народной среде и вносившей в иконографию бытовые детали.

Как указывалось выше, на некоторых иконках и образках изображение св. Никиты с бесом было единоличным, аналогично

образкам с образами св. Георгия, Федора Тирона и других святых. Этот сюжет также совмещался с изображением змеевиков на оборотной стороне образков и «Никитских» складней с образами Христа и христологическими сюжетами...

Очень часто на оборотной стороне складней, где в среднике помещался образ св. Никиты с бесом, давались два изображения: св. Федора Тирона, побивающего змея и змеевика. Обычно на древних амулетах-змеевиках с лицевой стороны изображалась либо Богоматерь, либо Архангел Михаил. Они были защитниками от невзгод, бесовских сил, наваждений дьявола. В XIV веке появляются «никитские» образки со змеевиками, а в некоторых случаях еще и в сочетании с Федором Тироном, наказующим змея. Помещение на складнях и образках в XV и XVI вв. св. Никиты с бесом, Федора Тирона со змеем и змеевика придавало им, вероятно, особенное значение амулета-оберега, где главным защитником выступает именно св. Никита. Поскольку он всегда занимает центральное место с лицевой стороны складня или образка. Известно, что к XIV веку древний тип амулетов-змеевиков, распространенный в Киевской Руси, перестает изготавляться. И, по-видимому, изображения св. Никиты «Бесогона» продолжали выполнять их функцию, о чем свидетельствуют сопровождающие их молитвы и заклинания св. Никите от бесов и нечистой силы.

Среди широко распространенных образков и иконок св. Никиты с бесом с образами Христа и христологическими композициями, мы находим и совершенно неожиданные: изображение нашего сюжета на резной деревянной новгородской панагии XV века из собрания Исторического музея в Москве. Сам факт существования подобного изображения на панагии, на створке, где традиционно помещается «Распятие», на первый взгляд кажется совершенно необъяснимым. Но начиная с XII века изображение Никиты с бесом помещалось либо в средокрестии крестов, либо под композицией Распятия. Такая иконографическая система расположения сюжета на крестах свидетельствует о взаимосвязи св. Никиты с Христом. Более того. И. Евсеев, публикуя образок св. Никиты, приводит интересную надпись, сопровождающую изображение св. Никиты с бесом на образке: «Св. Никита Бог Господь и явися нам». Аналогичный образок с такой же надписью имеется в коллекции Гос. Исторического музея в Москве. Существовало также предание, согласно которому Сергий Радонежский, благословляя Павла Обнорского крестом, на котором была подобная надпись. Смысл надписи явно показывает на взаимосвязь образа св. Никиты и Христа.

В XVI веке появляются еще два новых типа иконографии св. Никиты в иконописи: 1) св. Никита сидит на троне с поверженным бесом у ног и 2) св. Никита, прямо стоящий в рост, с лежащим у ног поверженным бесом. Иногда он держит беса у пояса. Оба последних иконографических варианта имеют ре-презентативный характер. Внимание концентрируется уже не на борьбе св. Никиты с бесом, а на факте победы. Тем самым сцена св. Никиты с бесом трансформируется на иконе от конкретно исторической в сторону символической обобщенности. Св. Никита является собой символ Победы над дьяволом.

Казалось бы, что в изображениях св. Никиты нет ничего специфически оригинального. И тем не менее при пристальном изучении его изображений в иконописи мы находим немало интересных подробностей, раскрывающих смысл и значение образа.

На иконе из собрания Эрмитажа в среднике изображен животворящий крест, а под ним четыре клейма со сценами из жития св. Никиты. Средник окаймлен прямоугольной орнаментальной рамкой, по углам которой в круглых медальонах даны свастико-подобные фигуры, напоминающие известные змеевики, часто изображаемые на образках и иконках вместе с Никитой.

Изображение орнаментальных змеевидных композиций мы находим и на иконе св. Никиты с бесом из музея *Recklinghausen*: св. Никита одет в воинские доспехи по аналогии с Никитой Готфским — воином. Панцирь святого на груди и плечах имеет подобные эрмитажной иконе изображения типа змеевиков, трансформированные в орнаментальный знак, как охранный оберег на теле святого и, вероятно, имеющий не только орнаментальное значение. Само же изображение св. Никиты из музея *Recklinghausen* интересно тем, что оно совершенно идентично изображению Христа на миниатюре из Апокалипсиса XVI-XVII вв. из собрания Гос. Исторического музея. В указанном лицевом апокалипсисе, в Двинском лицевом Апокалипсисе и Апокалипсисе из собрания Большакова на слова: «Побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на Престоле Еgo», имеются миниатюры, где среди райских кущей изображен престол, с правой стороны которого восседает Бог Отец, слева Христос в воинском облачении с мечем и копьем в руках, ногами попирающий Сатану. Поза Христа совершенно аналогична изображениям св. Никиты с бесом на некоторых иконах XVI века. На иконе, которая была опубликована И. Н. Окуневой в указан-

ной выше статье, св. Никита представлен сидящим на троне с поверженным бесом у ног. Летящий к нему сверху ангел одевает ему царскую корону. В данном случае, здесь возможна аналогия с распространенными в XV и XVI веках такими иконографиями Христа как «Великий Архиерей», «Царь Царем»..., где подчеркнуто царственное значение Христа. Оригинальное изображение св. Никиты, безусловно связанное с народными верованиями, можно видеть на иконе св. Никиты «Бесогона» из частного собрания Н. Воробьева в Москве, где св. Никита обеими ногами разверзает землю и в открывшуюся адскую бездну загоняет скорчившегося беса. Ноги св. Никиты находятся в открывшихся проемах бездны, т. е. он как бы нисходит в нее, чтобы свергнуть нечистую силу. Такая своеобразность художественного мышления безусловно имела народные истоки.

Самой важной особенностью св. Никиты является его сходство с обликом Христа. И это не просто сходство. В Филимоновском иконографическом подлиннике читаем, что св. Никита должен изображаться «С лицом, брадой и волосы аки Спасовы». Эта особенность иконографии лика на иконах ясно видна. Подтверждением чему также служит образ св. Никиты в клейме «Явление св. Никите беса в темнице» на вышеуказанной житийной иконе из собрания Гос. Третьяковской галереи. В первых одиннадцати клеймах св. Никита представлен как обычно в облике юного мученика, безбородого. Но в двенадцатом клейме его облик меняется. Со сцены «Явления беса в темнице» происходит изменение в иконографии его лика, сохраняющееся далее во всех последующих клеймах вплоть до «Погребения Никиты»: Никита изображается с лицом «аки Спасовы», т. е. с присущим ему обликом в центральном изображении, в среднике иконы. Причем, в житии ничего не говорится о его возрасте, изменении образа в сцене явления беса в темнице. Эта черта не является определением изменения его возраста. В данном случае она еще более свидетельствует о том, что время понималось иконописцем как «духовная ценность». Значение клейма «Явление беса в темнице» заключается в том, что оно является той духовной ступенью, после которой изменяется лицо св. Никиты, т. е. он достигает главного, предназначенного ему Богом.

Особенности изображений св. Никиты в мелкой пластике и иконописи, т. е. надписи, сопровождающие образы св. Никиты, иконографическое сходство с обликом Христа, изображение св. Никиты на месте Распятия и под Распятием, изображение св. Ники-

ты с бесом совместно с христологическими сюжетами и образами Христа... — способствуют усилению их смысла.

Приведенные факты впервые свидетельствуют об аналогичных изображениях св. Никиты и Христа, а также связях между изображением св. Никиты с бесом и Распятием, что по-видимому не случайное совпадение. Сознание народа хранило веру в св. Никиту «Бесоборца» и создало кульп, с присущим русской религиозной жизни оттенком суеверия и обрядовости. Возможно, что в народных представлениях св. Никите придавалось высокое назначение в его победе над нечистой силой и в этом он выступал в роли Христа, победившего Сатану.

В ранний период с XII по XIV век, судя по сохранившимся памятникам мелкой пластики, кульп св. Никиты относился к народной среде, о чем и свидетельствуют изображения св. Никиты на крестиках и образах-амулетах, которые являлись самыми распространенными предметами почитания. Они служили оберегами, защитниками от разного рода напастей. Их брали с собой в дорогу и носили на груди, как амулет.

На основании вышесказанного возможно предположить, что образ св. Никиты — Победителя бесов, Демоноборца был как бы знаком Христа в его значении — Победителя Сатаны, злых сил и бесов. Он же, вероятно, означал и Голгофскую Победу, поскольку имя Христа — Победитель. А сами изображения носили знаковый характер, как христианские амулеты, обереги. Они, вероятно, были и знаком Голгофской победы Христа. Отсюда становится более ясной возможность изображения св. Никиты с бесом на панагии вместо Распятия. Ибо св. Никита, по христианским верованиям, явился как бы именем Христа в его противоборстве дьявольской силе. Этим и объясняется столь широкая популярность святого в изображениях.

В восточно-христианском богословии придавалось большое значение имени. ● в именах Божиих писали Иоанн Дамаскин, Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, которые на Руси в XI-XII веках, когда появились первые изображения, известны не были. Но практическое значение божественного имени в устной религиозной традиции из Византии, вероятно, было перенесено на Русь.

Само имя НИКИТА-ПОБЕДИТЕЛЬ (по-гречески) — присущее Христу, возложило на святого определенные функции. Известно, что начиная с христианского писателя Оригена, Христа почитали, как Доброго Самарянина, врачающего и восстанавливающего из-

раненную демонами человеческую природу. У Отцов Церкви Христос часто выступает в образе врача, исцеляющего раны своего народа.

Основной темой литургических текстов является тема Христа — воина Победителя, сокрушающего врата Ада.

Поэтому естественно предположить, что верования, связанные с Христом, могли быть плененесены в область почитания св. Никиты. Возможность принятия божественного значения имени образом святого вытекает из учения восточно-христианской церкви об «обоживании», об уподоблении Богу.

Толчок для широкого распространения такого рода верований, вероятно, исходил из образованной богословской среды, где и могла возникнуть идея взаимосвязи св. Никиты и Христа благодаря имени. В Византии эти верования безусловно имели место, подтверждением чему лежит резная византийская камея XII века из собрания Ватикана, где на одной стороне изображена Богоматерь и св. Никита, а на обороте резное изображение креста. На Руси эти верования приняли более широкий, массовый, скорее конкретно-обрядовый характер.

Из вышесказанного естественно вытекает вопрос, с какого времени происходит наделение образа св. Никиты свойствами, присущими Христу, выраженными иконографически? Вопрос этот опять-таки трудно разрешим. Поскольку нет источников, подтверждающих наше предположение о его происхождении. Но, вероятнее всего, эта взаимосвязь была с самого начала появления изображений и оставалась до позднейшего времени в силу консерватизма народной психологии.

По мнению И. Д. Четыркина, на развитие сюжета оказали влияние и приложные сказания на праздник Воздвижения Креста. Как указывалось выше, память святого Никиты приходится на второй день праздника Воздвижения Креста. В служебных песнопениях в первый день праздника повествуется, что император Константин по возвращении св. Елены из Иерусалима соорудил три больших креста из чистой меди и назвал «Иисус Христос побеждает». Далее говориться, что третий животворящий крест нареченный «Победа» Ираклием верным и Христолюбивым царем «Аникит наречен». Ниже указано, «что тыя три дня Аникиту обходя и кадя». В песнопениях на 15 сентября повествуется следующее: «На том бо кресте убив нас убившего». Характер изложения песнопений христианской службы свидетельствует о взаимосвязи имени Никиты с крестом, а также Христом, распятым

на нем. Песнопения кресту совмещены с песнопениями Никите, чередуются между собой, согласуясь друг с другом. Св. Никита называется «Победы тезоименитым», «В подвиге проповедал Христа Бога нашего», «Христе свидетельство исполнил ибо ин небесного Бога бысть».

Крест, как условие победы, также связан с Никитой, поэтому св. Никита с бесом часто изображался на кресте вместо Христа и на оборотной стороне иконок, с лицевой стороны которых помещалось изображение креста.

Таким образом, между св. Никитой, Крестом и Христом существует взаимосвязь, осуществляющаяся значением имени «Победитель». Иными словами само имя НИКИТА-ПОБЕДИТЕЛЬ «тезоименитый» связано с крестом и Христом, что и является ключом к пониманию значения, верований и широкого распространения изображений св. Никиты с бесом.

Судьбы России

Истоки духовного возрождения

К. ЛАЗАРЕВ

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ САМАРИН (1868-1932)

в воспоминаниях его дочери Елизаветы Александровны
Самариной-Чернышевой*

Имя Александра Дмитриевича Самарина уломинается обычно вместе с титулом обер-прокурор или же бывший обер-прокурор Святейшего Синода. Между тем, обер-прокурорство Александра Дмитриевича длилось чуть меньше двух с половиной месяцев: с 5 июля по 25 сентября 1915 г., в то время как общественная деятельность его охватывает почти тридцать лет. Это несоответствие, вероятно, утверждалось из-за того, что в советской исторической печати имя Самарина употребляется обычно в двух определенных контекстах: первый касается его отставки с места обер-прокурора, когда Самарин выступил против незаконной канонизации архиепископа Иоанна Тобольского, предпринятой епископом Тобольским Варнавой и поддержанной Распутиным. Второй: суд над Советом объединенных приходов в 1920 г., на котором Александр Дмитриевич — как председатель Союза — был центральной фигурой. В первом случае титул — естествен; во втором — употреблен для придания процессу значительности (ибо куда звучнее: суд над бывшим обер-прокурором Синода, чем просто: суд над А. Д. Самарином, контрреволюционером...).

Из воспоминаний Е. А. Самариной с очевидностью следует, что краткое пребывание Александра Дмитриевича в должности обер-прокурора было скорее замечательным эпизодом его жизни, чем значительным событием, к которому человек много лет идет и готовится и которое навсегда оставляет след в его жизни.

В «Записках» Елизаветы Александровны почти не рассказывается о конкретной деятельности ее отца, его идеях, замыслах,

* Отрывок из исторического сборника «Память», вып. 3. (Книга выходит из печати в издательстве YMCA-Press осенью 1979 г.).

проектах (таковых, как можно понять из «Записок», было немало, и многие записи сохранились у автора). Задача автора была заинсценировать любимый образ отца, донести до читателя его светлую, неповторимую личность, рассказать о его судьбе, но уж никак не писать историческое исследование. «Память сердца побуждает меня писать о тех, чьи дорогие образы для меня не тени прошлого, ушедшие далеко в небытие и подернутые пеленой всех наслаждений жизни; это живые, яркие, дорогие, всегда близкие образы людей, которые с годами открываются по-иному, во всей своей полноте», — такими словами начинает Е. А. Самарина-Чернышева свои «Записки».

С редкой теплотой рассказывает она о братьях Самариных, о своей матери Вере Саввишине Мамонтовой,¹ о ее сестре Александре, о многих других близких людях, но, прежде всего, конечно, о своем отце, чья личность выступает довольно отчетливо в немногих, но весьма ярких эпизодах и свидетельствах, разбросанных в рукописи. В первую очередь, Александр Дмитриевич предстает перед нами как деятель, неутомимый труженик, занятый с утра и до позднего вечера. Уже в студенческие годы светские знакомства и развлечения мало привлекали его. «Саша, если ехал на бал, — рассказывает брат Самарина, Сергей Дмитриевич, — то старался пройти в залу, не снимая калош, чтобы поскорее незаметно выскользнуть оттуда, а если видел издали на улице каких-нибудь светских знакомых, сворачивал в подворотню, чтобы не здороваться». Это не от гордости, не от робости, а потому что — лишнее, ненужное. «Позже, когда ему пришлось немало председательствовать на всяких торжествах, приемах и собраниях, — замечает Е. А., — как он просто держался! Трудно было подумать, что это было так чуждо его существу».

К моменту окончания (в 1891) историко-филологического факультета Московского университета² Александр Дмитриевич «как

¹ В. С. Мамонтова (1875-1907) — серовская «девочка с персиками», дочь известного богача-мецената С. И. Мамонтова. Е. А. рассказывает прегротательную историю женитьбы своих родителей: А. Д. Самарин долгие годы не мог получить разрешения на этот брак от своего отца, с точки зрения которого женитьба на дочери купца (только так воспринималась С. И. Мамонтов в семье родовых дворян Самариных) была мезальянсом для его сына. Пожениться А. Д. Самарин и В. С. Мамонтова смогли только после смерти Д. Ф. Самарина (1901).

² Е. А.: «После окончания гимназии все Самарины шли в Московский университет на историко-филологический факультет. Отец мой говорил, что у него было определенное желание пойти на медицинский факультет, но это было не в традициях семьи, мать ему это высказала, и он не решился пойти против воли родителей».

бы созрел внутренне для того, чтобы отдавать Родине и людям все силы и энергию своего существа. Твердые убеждения и чувство долга всегда были основой его поступков. Тут определяется и проявляется его талант общения с людьми самых разных слоев общества, разных интересов и возрастов. Этот талант развивался в нем с годами, и я всегда поражалась тому, как умел он живо общаться не только с людьми своего круга и уровня развития, но и с людьми простыми, неграмотными и особенно с детьми, которые всегда очень скоро к нему привыкали и обращались с ним, как со своим близким. Это было так в его молодости и до самого конца жизни.»

Отбыв годовую воинскую повинность как вольноопределяющийся в Гренадерской артиллерийской бригаде, Александр Дмитриевич в 1892 г. становится Земским начальником в городе Бронницы Московской губернии. Здесь он проводит семь лет; здесь — начинает выдвигаться как общественный деятель.

С 1899 по 1907 — Александр Дмитриевич — Богородский уездный предводитель дворянства.

В 1908 он избирается Московским Губернским предводителем дворянства и переселяется в Москву. О первых годах московской жизни Е. А. вспоминает так:

«Я не могу вполне обрисовать, в чем была суть его дела. Я была мала и только немногое могла воспринять из того, что слышала и видела. Знаю, что иногда решались серьезные вопросы, обсуждались единомысленными братьями Самаринами, готовились выступления отца, обращение к царю от Москвы — сердца России. Это было серьезно, но непонятно мне. А вот что было ясно моему детскому восприятию — это необычайная занятость отца прямой заботой о людях, об устройстве судеб отдельных семей, стариков, о создании каких-то приютов, богаделен, об обеспечении их средствами; о попечительстве его в учебных заведениях в Москве, причем он действительно был попечителем. Он входил в жизнь и интересы этих школ и детей, он с ними умел общаться и радовался, когда мог их порадовать чем-либо... Он привлекал к этой работе других людей, заставлял, убеждал их давать средства и своим примером учил, как надо трудиться на пользу людям. В эти годы отец с большой любовью строил храм в селе Аверкиево Богородского уезда... Он был освящен в 1915 г.

Отец был занят с утра до вечера, а иногда и до глубокого вечера. Мы, дети, видели его обычно утром в 9 часов, когда он пил два стакана почему-то остывшего чая и читал газеты... За

обедом он бывал не всегда, а вечером, если был дома, садился за пианино или фисгармонию, которую очень любил, и наигрывал что-нибудь по слуху, часто импровизируя... Он учил нас молиться на ночь и любил прийти в детскую, когда мы лежали в кроватях. В воскресение отец ходил с нами к поздней обедне в церковь Святителя Спиридония или Большого Вознесения на Никитской, где, по преданию, венчался Пушкин, а потом мы шли завтракать в Самаринский дом на Поварскую. Все это — раннее детство.»

В должности московского предводителя дворянства А. Д. Самарин пробыл 8 лет — до 1915. Но уже в 1914, с началом войны, он становится одновременно главным уполномоченным Всероссийского Красного Креста. По словам Е. А., «это была огромная административная работа для фронта и тыла. Бесчисленное количество лазаретов по всей России, санитарных отрядов и поездов, эвакуация раненых и иногда даже просто населения, — все это было подведомственно Красному Кресту и Земскому Союзу, и со всех концов нити тянулись к центру — Москве.

Вокруг отца объединилась группа новых для него помощников, ставших настоящими друзьями. Все они в эти трудные дни не щадили сил, не жалели времени, а отец мой обладал незаурядным административным талантом. Семья Самариных отдала свой большой дом на Поварской под Главное Управление Красного Креста, переселившись в комнаты нижнего этажа. С самого начала войны в нашем доме на Спиридовонке (ныне улица Алексея Толстого — К.Л.) чувствовалось напряжение. Отца мы видели еще меньше, он возвращался домой поздно, и дома еще подолгу горел свет у него в кабинете; он работал за письменным столом, по телефону решал всегда срочные вопросы о лазаретах, раненых, эвакуации.»

Работа в качестве Московского предводителя дворянства и Главноуполномоченного Красного Креста выдвинула Самарина в первый ряд русских общественных деятелей. Именно к этому периоду относится его поездка в Петербург с обращением к царю по поводу Распутина. Е. А. рассказывает: «Его обращение обсуждалось и подготавлялось братьями Самариними, всегда единомышленными в трудные минуты. Каждый из них вносил свою лепту: — страшный из братьев — Федор Дмитриевич — был мудрейший в совете, два других брата — Петр и Сергей Дмитриевичи, глубоко переживая и волнуясь, обсуждали предстоящее обращение: может быть, лучше других облекал мысль в словесную форму Петр Дмитриевич». И о самой поездке Е. А. сообщает некоторые подробности. «И вот, — пишет она, — в кабинете царя отец был

принят один. Царь выслушал его внимательно и, по словам отца, был как будто несколько удивлен тем огромным значением, которое парол придавал в то время гнусному влиянию Распутина. Это горячее обращение многих и многих русских людей, так смело и открыто высказанное перед царем, ничего не дало и не изменило в действиях правительства. Огей мой говорил, что Николай II был очень приятным, даже обаятельным в общении человеком как частное лицо/.../, но как глава государства — царь был совершенно беспомощен и безволен.»

Но вот происходит странная вещь: вскоре после поездки к царю, летом 1915 г., Александр Дмитриевич был вызван в Ставку Главнокомандующего армией великого князя Николая Николаевича. Здесь, в вагоне-кабинете царя, Николай II предложил Самарину занять место обер-прокурора Святейшего Синода. «Несомненно, — замечает Е. А., — это было влияние Великого князя/.../, который был убежденным и открытым противником Распутина...» Происходит долгий и «до предела откровенный разговор» — наедине. И вновь Александр Дмитриевич повторяет все, что было сказано им в Царском Селе — «о преступном влиянии Распутина в политике, о недопустимости его приближения к царской семье, о той страшной силе, которой он подчинил себе императрицу». Говорит он о своей неподготовленности к обер-прокурорской работе... Николай II слушал молча, видимо был взволнован. Потом сказал: «А я все-таки Вас прошу принять назначение.»

И еще один краткий штрих, относящийся к этому же времени. Запись Ф. Д. Самарина, брата Александра Дмитриевича, встречавшего его в Москве после назначения на пост обер-прокурора: «При выходе из вагона Саша показался мне чрезвычайно удрученным. Таким я его никогда не видел. Он все повторял, что вся его деятельность кончена, и не видел никакого исхода из трудного положения, в которое был поставлен. Когда все мы собрались к нему в дом, он сказал даже: все будто ко мне на похороны пришли.»

Это, как нам кажется, говорит о многом. Явное нежелание занять высокую должность нельзя объяснить ни отсутствием интереса, ни боязнью тяжелой работы, ни своей неподготовленностью. «Вся деятельность — кончена» — вот что испугало Александра Дмитриевича. Но разве обер-прокурорство не деятельность? Казалось бы, такому человеку, каким был Самарин, обер-прокурорство должно бы быть желаемо именно как широкая и нужная деятельность на благо России. Но этого нет. Отчего? Не от того ли, что уже безнадежно, поздно и невозможно что-либо

исправить?.. Автор «Записок» как будто придерживается того же мнения: «Революцию 1917 года отец предвидел. Самарины (имеются в виду А. Д. и его братья — Федор, Петр и Сергей — К.Л.) в эти годы были близки к идеологии старых славянофилов: они ясно понимали и с печалью видели всю безнадежность деятельности правительства в труднейших условиях царствования последнего из царей...» Безнадежно, потому что с правительством, потому что не имел сил бороться с руиной, не имел сил очистить ту грязь, которая забила все пазы государственной машины. Ведь летом 1917-го, когда неожиданно для многих Самарин был назначен кандидатом на московскую митрополичью кафедру, не снял же он тогда своей кандидатуры, не отказался баллотироваться, хоть и понимал прекрасно, что такое подвиг архиерейского служения. В общественном, в церковном делании можно, необходимо работать, в государственном — безнадежно, почти бессмысленно.

Прелучвствия не обманули А. Д. Самарина. Естественным следствием его непримиримой позиции по отношению к Распутину явилась быстрая отставка.³ А. Д. возвращается к работе в Красном Кресте, оставаясь в должности Главноуполномоченного вплоть до Февральской революции.

И здесь пора сказать об одной главной черте — без которой нет Самарина, — о его глубокой церковности. Это не просто личная религиозность (хотя, разумеется, и она тоже), но именно церковность, где главная тяжесть лежит не столько в личной религиозности, сколько в общественной, соборной церковной жизни. Косвенно указывает на это и Е. А., говоря об «исключительной любви, тонком понимании, я бы сказала, иронии и овени и в глубине церковного слова, церковной поэзии, самого богослужения... Он не только сам пел, руководил хором и слушал, но и сам создавал церковную музыку... Все это было его жизнью,

³ Е. А. передает следующий характерный рассказ слуги Александра Дмитриевича о первых днях пребывания нового обер-прокурора в Петербурге: «В Европейскую гостиницу, где жил мой отец, приехал к нему еп. Варнава в сопровождении Распутина (...) Отец просил принять епископа и при его входе, относясь к нему крайне отрицательно, но отдавая должное уважение его сану, — встал и подошел здороваться и принять благословение; когда же за епископом Варнавой выступила фигура Распутина с просфорой в руках, отец выпрямился, заложил руки за спину и сказал: 'А вас я не знаю и вам руки не подам'.» Не правда ли, как виден в этом эпизоде весь человек! И даже не так бросается в глаза гвердость Самарина по отношению к всесильному Распутину, как смиренение перед саном, который носит блудодей Варнава. Удивительное совмещение твердости и смирения...

это его согревало, живило, это было для него «слово жизни».⁴ В июне 1917 г., когда в Москве происходили выборы московского митрополита (вместо уволенного на покой Макария)⁵ Александр Дмитриевич неожиданно выдвигается на митрополичью кафедру Москвы — столь велика, оказывается, его популярность среди православного населения. Заметим — Самарин единственный ми-рянин среди баллотировавшихся; его соперники — четыре архиепископа и один епископ — прошли долгий путь церковного служения, их претендентство — естественно, в то время как фигура Самарина среди этих высокотитулованных и блестящих церковных деятелей кажется случайной, немного не на своем месте. Но нам это кажется — сейчас, через шестидесятилетнюю призму времени, а тогда виделось и чувствовалось совсем по-другому. Е. А. приводит отрывок из воспоминаний С. Н. Дурылина об о. Иосифе Фуделе, впервые решительно выдвинувшем кандидатуру Самарина. В глазах о. Иосифа Самарин «при несомненной своей, даже и для противников его, строгой, ясной и твердой церковности, ввел бы в русскую иерархию ту спокойную энергию, то ясное сознание задач церковной современности, ту чуждую всякой политике ревность к церковному делу, которые так редки в русской иерархии и так необходимы в русской Церкви. В Самарине можно было не бояться проявления застарелых недостатков русского духовенства как сословия, его сословных, исторически объяснимых слабостей. Строгая церковность и благоговение перед Церковью заставили бы его (Самарина) забыть сословность и того круга, из которого он вышел...» Е. А. добавляет: «Это был бы, по мнению о. Иосифа, епископ, лишенный недостатков и слабостей той среды, из которой обычно поставлялись русские епископы. Одно это, даже если бы не было ничего другого, было бы большим счастьем для русской иерархии. Это сознавали и некоторые противники кандидатуры Самарина. Помню отзыв одного видного и ученого московского протоиерея: «Самарин был бы для Церкви хорош, а для духовенства тяжел». О. Иосиф всегда лумал о Церкви, а не о духовенстве/.../».

⁴ Кратко в одну строчку упоминает Е. А. о самом заветном желании Александра Дмитриевича в последние годы его жизни — принять сан иерея.

⁵ Кандидатами на московскую митрополичью кафедру были: будущий патриарх Тихон (Белавин), архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Арсений (Стадницкий) и епископ Андрей (Ухтомский).

20 июня, после подсчета поданных голосов, Ярославский архиепископ Агафангел объявил в кремлевском Успенском соборе об избрании архиепископа Тихона. Мирянин Самарин, по количеству поданных за него голосов, оказался на втором месте.⁶

В том же 1917 г. А. Д. Самарин принимает участие в подготовке к Поместному Собору Русской Православной Церкви, затем участвует в работе Собора, первого за два века...

В том же году исполняется 25 лет его общественной деятельности. Деятельность эта — от уездного предводительства до московского губернского, а затем через эпизодическое обер-прокурорство к готовности занять митрополичью кафедру, стремление к широкой церковной деятельности, «которая, — замечает Е. А., — его привлекала и которой он был готов с радостью служить». Думается, что именно здесь, после Февраля, начиналась для Самарина действительно его работа, открывалась нестесненная, свободная, горячая деятельность по устроению свободной же, нестесненной Русской Православной Церкви.

Но накатывал Октябрь, и уже невозможно было за оставшиеся месяцы остановить, удержаться и спасти слабые ростки общественной и церковной демократии. Двадцатипятилетняя деятельность на благо России — и почти мгновенный разгром всего, что любил, что дорого было, чему отдал жизнь. Послеоктябрьская деятельность Александра Дмитриевича — целиком церковная — продолжается как бы по инерции, как бы по необходимости. В Самарине нет уныния (как будто бы и никогда не было), нет растерянности, он деятелен и активен, как и в прежние годы. Но нам, через шестьдесят лет после событий, хорошо видно, что — поздно уже, что это — конец, а начало конца лежит далеко, за пять, за десять лет до Октября. Оно в 1915 году, когда Самарин увольняется с должности обер-прокурора, оно в 1906, когда открылось Предсоборное Совещание, без надежды на открытие Собора...

*
**

⁶ Разница между голосами, поданными за архиепископа Тихона и А. Д. Самарина, была не в “несколько голосов”, как пишет Е. А., а довольно значительна (Тихон получил 481 голос; Самарин — 303 голоса). Тем не менее, тот факт, что Александр Дмитриевич был вторым, достаточно определенно указывает на то место, которое занимал он в церковной и православно-народной среде.

«Осенью 1917 г. отец перенес тяжелую болезнь и был близок к смерти», — начинает Е. А. повествование о послереволюционной жизни А. Д. Самарина. Поправившись, Александр Дмитриевич возвращается к работе на Поместном Соборе и одновременно, 30 января 1918, становится председателем Совета объединенных приходов — руководящего органа «Союза объединенных приходов Православной Церкви». Союз этот — впрочем, как и все подобные союзы и братства, повсеместно возникшие в ту пору, — характеризуются в советской антирелигиозной литературе не иначе как «специальная, политическая, контрреволюционная организация».⁷ Для подтверждения этого авторы почти всегда приводят цитату из постановления Союза (почти всегда в урезанном виде). Не откажем себе в этом и мы, правда, с иной целью: приводимый отрывок, вероятно, свидетельствует совсем не о «специальной» контрреволюционности Союза, а о стремлении защищаться от нападения. И то, прибегнув к силе только тогда, когда не помогут разумные доводы:

«При национализации церковных и монастырских имуществ священник должен объяснить пришедшему представителю нынешней власти, что он не является единоличным распорядителем церковным имуществом и поэтому просит дать время созвать церковный совет. Если это окажется возможным сделать, то приходскому совету надлежит твердо и определенно указать, что храмы и все имущество церковное есть священное достояние, которое приход и в коем случае не считает возможным отдать. Если бы представители нынешней власти не вняли доводам настоятеля храма или приходского совета и стали бы проявлять намерение силой осуществить свое требование, надлежит тревожным звоном (надвратом) созывать прихожан на защиту церкви. Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздавался тревожный звон, по коему население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своей многочисленностью дать отпор покушению на церковь...»⁸

«В эту зиму 1917-18 г., — вспоминает далее Е. А., — начались в нашем доме, как и во многих других домах, — обыски, приходили ночью анархисты-моряки, вооруженные и страшные своей неорганизованностью, а весной уже отец стал подвергаться персональным преследованиям». В марте 1918 Самарин, будучи главой делегации от Собора, беседовал в Кремле с наркому юстиции Курским по поводу январского декрета «Об отделении церкви от государства». Соборная делегация вручила Курскому декларацию, в которой, в частности, говорилось: «Да будет ведомо вам, что религиозное успокоение ста миллионов православного

⁷ В. Ф. Зыбковец. «Национализация монастырских имуществ в Советской России.» М., 1975, с. 60.

⁸ «Революция и церковь», № 35, 1919, с. 3.

русского народа может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры».⁹

«Летом 1918 года не раз приходили к нам в дом отца на Спирidonовку из ВЧК с ордером на арест отца, но его не бывало дома, и он оставался на свободе. Во второй половине лета, вняв просьбам близких, отец согласился уехать из Москвы, скрываться, а впоследствии, может быть, и перейти границу. Отцу все это очень претило, и трудно себе представить, как это удалось уговорить его на такой шаг. Уехав из Москвы, отец некоторое время был в Оптиной пустыни, куда он попал впервые. В трудные для него дни знакомство с этим удивительным уголком, с этой сокровищницей русской духовной культуры, не могли не поддержать внутренние силы отца... Оптинская пустынь была как бы подготовкой и укреплением перед грядущими испытаниями».

25 сентября 1918 года Александр Дмитриевич был арестован в Брянске, на вокзале, при проверке документов.¹⁰

«Личность отца была установлена. Он считал, что минуты его сочтены, и написал записку нам с московским адресом, бросил

⁹ См.: Б. В. Титлинов. «Церковь во время революции». М., 1924, сс. 132-133.

¹⁰ В советских исследованиях утверждается, что Самарин с фальшивыми документами пытался пробраться на Украину, к гетману. При обыске у него были обнаружены письмо Святейшего Патриарха Тихона, поручившего Самарину вести в Киеве переговоры по поводу автокефалии, и письмо самого Самарина к бывшему деятелю «Совета объединенных дворянских обществ» Карпову, уже уехавшему на Украину. Вопрос об автокефалии — вопрос чисто церковный, не дающий ни малейшей зацепки «историкам» обвинить Самарина в контрреволюции. И в самом деле — из письма Тихона, которое вез А. Д., мы не найдем ни где даже самого крохотного отрывка, изобличающего Патриарха. Из второго — самаринского — письма на процессе 1920 г. Крыленко все же процитировал кусочек: «Когда будете на Украине, если представится возможность, соберите там огнальных членов Совета и устройте совещание по вопросам, которые трактуются Патриархом Тихоном в его послании по поводу Брестского мира.» И все. А вокруг этого лоскутка раздул Крыленко на страницу обвинительной браны. Но, быть может, в горопях, в пылу государственный обвинитель пропустил что-нибудь, не учел, не углядел? Но вот солидное исследование следователя по особо важным делам Д. Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР» (700 страниц со всеми атрибутами научного труда вплоть до географического указателя). Но, допущенный во все спецхраны, Голинков приводит тут же цитатку, причем ссылается не на Крыленко, а на архив Октябрьской революции. А процитировав, уже от себя добавляет: «Таково было истинное лицо Самарина, выдавшего себя за аполитичного церковного деятеля» (с. 369). Спорить с особо важным следователем не беремся и остаемся при мнении: Александр Дмитриевич всегда и

ее в окно каморки при вокзале, куда его заключили. Эту записку какая-то добрая душа отправила почтой в Москву; в нескольких словах отец прощался с нами. Все близкие взрослые бросились разыскивать следы отца... Это было невероятно трудно, почти невозможно в те дни. Для проезда в поезде, да еще вблизи границы, требовались пропуска, разрешения, командировки, а о другом транспорте в то время и речи не было. Тетя Аня (Анна Дмитриевна, сестра Самарина — К. Л.) нашла отца в Орловской тюрьме-изоляторе (особо строгая тюрьма). Видимо, в Брянске не решились без санкции Москвы расстрелять отца. В ноябре он был перевезен в Москву на Лубянку, в ВЧК...

Надо было выстаивать иногда целый месяц в приемных ВЧК, чтобы передать что-то незначительное, а главное, через это узнать, что отец жив, если передачу приняли. Каждый день можно было ждать конца, и сколькие матери, сестры, жены, дочери уходили, узнав, что уже больше некому им нести передачу. Почему-то один раз в ноябре мне дали свидание с отцом. Это было неожиданно и необъяснимо, и, так как я была еще совсем девочкой, со мной, в самые недра ВЧК в Варсонофьевском переулке на Лубянке, пустили тетю Александру Саввишну. Это страшное и неизгладимое впечатление осталось у меня на всю жизнь. Нас провели через ряд дворов, среди высоких бывших квартирных домов. Там, в глубине двора, в огромном помещении бывшего книжного склада, все стеллажи и полы были заполнены людьми. Как в переполненном вокзале, стоял гул голосов. И вот оттуда, из этого шумевшего роя, вызывали в дежурное помещение отца. Он был крайне взволнован и испуган, увидев нас. Он очень изменился за те полгода, что я его не видела, и я была поражена его обликом. Впервые видела я его в таком возбужденном состоянии. Он не мог не сказать нам, что каждую ночь из огромного скопища народа, находящегося с ним вместе в этом бывшем складе, берут на расстрел, и назвал несколько известных нам людей. Расстреливают тут же, на дворе, по которому мы только что шли. Свидание длилось несколько минут. Никто не мешал нам. Конвоиры, молодые солдаты, болтали и смеялись рядом. Мы вышли, потрясенные, и пешком шли по темной

при любых обстоятельствах оставался именно церковным деятелем, аполитичным, не помышляющим, да и по складу всей своей личности не могущий помыслить о политической или вооруженной борьбе против новой власти. "Отец мой, — пишет Е. А., — всегда считал своим долгом исполнять требования закона, и учить других "неподчинению" власти он не мог".

Москве на Поварскую к Самариным. Помню, что всю дорогу у меня текли слезы.

Тут же после этого свидания отца перевели в Бутырскую тюрьму. Это считалось облегчением. Вели большую группу арестованных пешком, по мостовой, под конвоем, по темным улицам, и, пользуясь задержкой в тесных переулках, отец успел попросить проходивших мимо по тротуару людей сообщить родным на Поварскую об его переводе с Лубянки.

Не успели мы поделиться своими впечатлениями от свидания в ВЧК, как одни за другими стали приходить добрые люди с доброй вестью о переводе отца. А ведь в те времена телефоны бездействовали так же, как и транспорт, и надо было пешком пройти не близкое расстояние, чтобы исполнить просьбу заключенного. Помню, что отец со свойственным ему юмором любил вспоминать, как в этот вечер он слышал на улице вопрос маленькой девочки, обращенный к матери: «Мама, а кого это ведут?» И интеллигентная мать ответила: «Это преступники, те, которые убили или ограбили кого-нибудь».

Так прошла зима, а 19 апреля 1919 г. в Великую Субботу Александр Дмитриевич был отпущен по личному распоряжению Дзержинского. За него, пишет Е. А., просил С. С. Кедров, брат известного большевика, работавший с Самариной в Красном Кресте. Умирая, С. С. Кедров обратился к брату с последней предсмертной просьбой — ходатайствовать об освобождении Самарина. Это и было, по словам Е. А., причиной освобождения ее отца¹¹.

Перед своим освобождением, за два дня до него, Александр Дмитриевич прислал письмо о Страстной Седмице в Бутырской тюрьме. Приводим его полностью, как оно дано в «Записках» Е. А.:

«Бутырская тюрьма. Великий Четверг. 4/17, 10 вечера. Сегодня целый день прошел в хлопотах. Вчера вдруг решение начальства переменилось, и у нас в одиночном корпусе разрешена Пасхальная служба в 12 час. ночи. Все очень обрадовались, и всякий по своей части стал готовиться — пением, чтением, при-

¹¹ Не оспаривая приведенного Е. А. факта, напомним, что в тот же день была освобождена значительная группа духовенства. «К пасхальным дням, по распоряжению московской чрезвычайной Комиссии, из тюрем был освобожден целый ряд служителей культа с еп. Никандром во главе, как уже понесших достаточное наказание за свою враждебную октябрьским завоеваниям деятельность», — писал журнал «Революция и церковь» (1919, № 1, с. 9).

готовлением хоругвей, устройством стола для службы, икон и т. п. От вас все получено и все глубоко благодарят за хлопоты и все доставленное; теперь все пригодится. Сегодня в 5 час. у нас была всенощная, шла ровно 2 часа; служил Архиепископ Никандр, Н.П.Д. (Николай Добронравов — Е. А.), Сергей Иванович Фрязинов и еще два священника. Нели недурно, я читал антифоны и стихири. Во время службы начальник тюрьмы пришел и просил непременно после нашей службы еще идти на общие коридоры; конечно, мы не отказали. Удивительная перемена! То не позволяли, мы же предлагали начать с 3 1/2 ч. по разным коридорам. Во время же всенощной вызвали священника С. И. Фрязинова, к самому концу он вернулся сияющий, оказалось, что его, Н. П. Добронравова и Преосвященного Никандра освободили.

Это произвело большое впечатление в связи с только что окончившейся службой. Все подходили, обнимали их, и они, и многие плакали — ведь первые двое 9 месяцев просидели! Меня торопили в это время идти на вторую всенощную, и, к грусти для нас, выбыл лучший наш певец — тенор Сергей Иванович Фрязинов, да и Николай П. Добронравов отлично служит... Архиепископ Никандр, получив ордер на освобождение, сказал, что он не хочет разлучаться со своей тюремной паствой в эти дни, и просил разрешить ему остаться до 12 ч. дня Первого дня Приздника. Это ему разрешили в виде необычайного исключения, и он теперь уже не арестованный, а гость в тюрьме! Это, говорят, очень многих поразило, и ему за это воздается должная похвала... (В Пасху) в 12 ч. ночи у нас служба, и мы все надеемся приобщиться, а с 7 утра и до 11 часов все священники из общих камер и наши, и мы, певчие, с ними пойдем опять по общим коридорам, там будет Пасхальная утреня и Причащение желающих — два священника будут обходить с Чашей и будет общая исповедь. Вероятно, придется каждой партии обслужить три места...»

«Отец мой, — продолжает Е. А., — так же, как Преосвященный Никандр, не ушел из тюрьмы в Великую Субботу, он не мог оставить свой импровизированный хор в Пасхальную ночь. Общий подъем был велик. Пасхальный крестный ход шел по **всем коридорам** Бутырской тюрьмы, это было исключительное торжество! Воскресение Христово в условиях тюрьмы! Вероятно, больше это не могло повториться».

*
**

Лето 1919 Александр Дмитриевич проводит в Абрамцеве, в бывшем имении жены, где в это время начинается работа по устроению Абрамцевского музея, в котором он «принимал деятельное участие». Вместе с тем Самарин остается председателем «Совета объединенных приходов», т. е., вероятно (Е. А. ничего об этом не пишет), продолжает свою «контрреволюционную» деятельность. И, словно спохватившись, через четыре месяца после освобождения его вновь арестовывают.

«15 августа отец был вызван повесткой в Москву в Прокуратуру, и домой он не вернулся. Арестовано было много людей церковного круга, большинство из них были совершенно незнакомы моему отцу и не имели к нему никакого отношения. Только некоторые москвичи, священники о. Сергей Успенский (старший), о. Николай Цветков, Г. А. Рачинский, Н. Д. Кузнецов, были действительно членами «Совета объединенных приходов». Центральными фигурами дела стали мой отец — Председатель Совета и его заместитель присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов. Дело велось как будто по нормам юридической законности. Прокурором или государственным обвинителем был Крыленко. Были приглашены защитники. Председателем Суда был Смирнов, как говорили, бывший пекарь. Слушалось дело при открытых дверях в Октябрьском (малом) зале бывшего Дворянского Собрания — Доме Союзов, где еще недавно мой отец был хозяином. Арестованных приводили пешком под конвоем из Таганской тюрьмы. Мне кажется, не меньше недели тянулся процесс. Мы ходили туда ежедневно¹². Долго шли допросы всех обвиняемых и свидетелей, среди последних помню циничное выступление Демьяна Бедного, который никаким «свидетелем» несомненно быть не мог».

Далее Е. А. приводит отрывок из записи о процессе, которая принадлежит близкому другу семьи Самариных, А. К. Акинтиевской:

«Кроме Александра Дмитриевича, по тому же делу были привлечены еще какие-то духовные и светские лица, очевидно, для создания «организации». Процедура допроса свидетелей и обвиняемых в моей памяти не сохранилась. Помню только, что защитниками ставились вопросы, имеющие целью разбить связь дела Александра Дмитриевича с другими событиями... Крыленко, нару-

¹² Служение дела «Союза объединенных приходов» происходило в Московском Губернском трибунале 11-16 января. Всего перед судом предстало 12 человек.

шая основные правила слушания дела, своими издевательскими замечаниями с места и вопросами без разрешения Председателя суда старался сбить защитников и сорвать то благоприятное впечатление, которое складывалось в пользу Александра Дмитриевича от допроса свидетелей и других обвиняемых.

Наконец выступил с обвинительной речью Крыленко. Смысл его речи был цинически откровенен. Он сказал, что, конечно, не внешние обстоятельства дела инкриминируются Александру Дмитриевичу, все это не имеет существенного значения. Суть в том, что в то время, как мы — Советская власть и пролетариат — боремся за уничтожение здесь на земле всяческих предрассудков, сковывающих работу человека, в том числе и веру в «так называемого бога», он, Самарин, смеет противостоять революционному движению народных масс и своей деятельностью и личным примером противодействует ему. И напрасно защитники пытались здесь обрисовать «рыцарский» облик Самарина — тем хуже для него, он не «*quantité négligeable*» (незначительная величина), как прощие обвиняемые по этому делу. Тем-то он и социально опаснее их. А потому приговор может быть только один — высшая мера наказания.

Выступления защитников я не помню, возможно, они были бледны, а возможно, внимание сдало в этот момент. Но вот подсудимым дано было последнее слово. Александр Дмитриевич говорил после всех. Он сказал очень кратко. Звук его голоса, твердый, мужественный, отчетливый — сохранился в моей памяти. Вот содержание его речи:

«Государственный обвинитель совершенно верно и справедливо сказал, что вменяемые мне в вину нарушения закона — по существу только повод для привлечения меня к суду как тягчайшего преступника. Из всего сказанного им следует, что процесс, который здесь разбирался, — является не моим личным процессом, не процессом Александра Самарина, а процессом «за Бога» и «против Бога». И я, пользуясь предоставленным мне словом, открыто заявляю: «Я — за Бога», и какой бы приговор вы, граждане, народные судьи, мне ни вынесли, я приму этот приговор, как Приговор Свыше, как ниспосланную мне возможность делом подтвердить то, что составляет смысл и содержание всей моей жизни. И об одном лишь буду молиться, чтобы Господь послал силы всем близким мне по духу людям бодро и твердо встретить то, что мне по Божьей воле предстоит. И в их твердости и бодрости

я почерпну столь необходимое мне мужество и спокойствие в последние часы моего испытания».

Эти слова произвели огромное впечатление на слушающих (зал был переполнен), многие плакали. Было очень поздно. Суд удалился для вынесения приговора. Прошло часа 2-3, но никто не уходил. Все напряженно ждали. Говорили, что стараются затянуть оглашение приговора, чтобы в зале оставалось как можно меньше народа. Но это не удалось. Наконец, часу в третьем утра, суд появился... После долгого перечисления всех пунктов обвинения последовал приговор: Самарина Александра Дмитриевича к высшей мере наказания, расстрелу... (в зале раздался как бы общий вздох присутствующих), — была сделана длительная пауза, потом: «но ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами, суд находит возможным заменить эту меру заключением его в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом».

«После окончания всей длинной процедуры чтения приговора, — пишет Е. А., — нам разрешили подойти к арестованным. Мы кинулись к отцу, и многие с нами стремились подойти, приветствовать, выразить радость, глубокое уважение... Этот памятный день был 2-го января, день памяти преподобного Серафима, которого так особенно чтил мой отец...¹³ Хочется еще добавить, что очень многие, кто не был в зале суда, глубоко восприняли весь процесс как нечто очень значительное для всех православных людей».

Александр Дмитриевич был препровожден в Таганскую тюрьму, где провел два с половиной года. Первый его срок — «до победы над мировым империализмом» был заменен сначала 25 годами, потом пятью, а вскоре сокращен до двух с половиной.

«В начале его сидения в Таганке тюрьму как-то посетили члены Коминтерна, их провели в одинокий коридор, где в камерах

¹³ Е. А.: «У моего отца была иконка Преподобного, сопутствовавшая ему во всех арестах и изгнаниях; и если ее отбирали, то потом опять возвращали ей. Изображение было написано на частице доски гроба, в котором Преподобный Серафим лежал до открытия его мощей. Это была небольшая, но очень толстая простая дощечка. Икона принадлежала двоюродной сестре моего отца Марии Николаевне Ермоловой. Доска была распилена по ее желанию на две равные части, и на второй также написано изображение Преподобного Серафима, которое Мария Николаевна оставила себе, а первоначальную иконку отдала моему отцу, зная его особую любовь к Преподобному Серафиму. В день своей смерти отец благословил этой иконкой меня.»

было по два человека. С моим отцом помещался Владимир Федорович Джунковский, с которым они всегда раньше было в хороших отношениях, а сидение в тюрьме очень их сблизило. Заключенные сами приводили в порядок свои камеры, белили стены и затем устраивались по возможности «уютно», даже повесили фотографии. Члены Коминтерна, иностранные женщины, стали задавать вопросы заключенным, говорили по-французски. Моего отца спросили, какой у него приговор и срок, и тут произошел забавный диалог: на ответ отца о приговоре и сроке посетительница, член Коминтерна, с недоумением спросила заключенного: «*Et quand est-ce que ce sera, monsieur ?*»

В тюрьме все должны были работать, и отцу предложили быть воспитателем несовершеннолетних преступников, «беспрizорных», которыми переполнен был верхний этаж тюрьмы. Он просил избавить его от этой обязанности, заявив, что воспитывать детей без веры в Бога он считает невозможным. Причина была признана достойной внимания, и, вместо беспрizорных, отцу и Владимиру Федоровичу Джунковскому поручено было ухаживать за кроликами. Они хорошо исполняли свою работу, и кролиководство на участке вблизи Москвы-реки процветало. В том же коридоре по соседству с отцом помещались: митрополит Кирилл, преосвященные Феодор и Гурий (с которым позднее отец попал в ссылку в Якутск), отец Георгий, бывший потом известным духовником в Даниловским монастыре, а в это время долго сидевший в Таганке под смертным приговором, и многие священники. В своей камере архиереи совершали все церковные службы, и отец принимал в этом посильное участие — пением и чтением. Заключенные могли общаться, ходить друг к другу. Были там и многие знакомые отца. Каждое воскресение давались свидания. Мы приезжали из Абрамцева. Ходили, кроме нас, и многие близкие. Свидания бывали в благоприятных условиях, в конторе, где можно было сидеть подолгу вместе, но бывали времена, когда начинались строгости и свидания давались через загородки в коридоре и даже через решетки.

В Таганке, зимой, отец серьезно болел воспалением легких. Друзья окружили его заботой и постарались не отпустить его в тюремную больницу, где в те времена голода и холода были тяжелые условия. Помню, что как-то к нам на свидание, вместо отца, вышел митрополит Кирилл, чтобы рассказать нам об отце и успокоить нас.

В марте 1922 г. отец был освобожден без всяких ограничений, и опять перед Пасхой, к нашей огромной радости, он приехал в Абрамцево».

Следующие три года Александр Дмитриевич проводит в Абрамцево; церковно-общественная его деятельность кончилась, оставались — дети, Музей, пение в Абрамцевской церкви... «Три с половиной года прошли для нашей семьи без бурь. Отец много сил и энергии вложил в работу Музея; он водил экскурсии, и, конечно, это ему удавалось прекрасно. Дома он стремился во всем помогать и делал все так, как будто это было для него самым обычным делом: после чая он всегда мыл посуду (так и вижу его в очках, с полотенцем, перекинутым через плечо), он работал в огороде, колол дрова и чистил стойло коровы. Летом отец носил теперь парусиновые блузы, а в холод — суконный желтый пиджак, очень несовершенно сшитый мною, и на голове черную профессорскую шапочку. Много людей жило тогда по летам в Абрамцеве, состав летних жителей менялся; жили Кончаловские (Петр Петрович с семьей); артист Вишневский с семьей; С. П. Григорьев с семьей, он был тогда заместителем Троцкой, возглавлявшей охрану памятников старины; Сабашниковых (очень известные в Москве своими прекрасными изданиями); композитор Василенко; профессор Шамбинаго и многие другие. Отец со всеми легко общался, и даже помню веселый вечер в Поленовском домике, где жили Василенко и Шамбинаго. Ставились шарады, все принимали участие, и даже мой отец, к общему удовольствию, выполнял какую-то роль.

Музей устраивал выставки, особенно мне запомнилась посвященная памяти Е. Д. Поленовой, 25-летию со дня ее смерти. Для собирания материалов к выставке отец ездил в разные музеи, был в Бёхове у Поленовых, о чем впоследствии очень хорошо вспоминала Ольга Васильевна, говоря, что только в это время она поняла, как просто и интересно было общаться с моим отцом ей — тогда совсем молодой.

В Абрамцевской церкви в праздники бывала служба, и наш хор процветал, мы даже пели венчание Леонида Леонова, который женился на дочери издателя Сабашникова. Помню, что на свадьбе были И. С. Остроухов и Г. А. Рачинский.

Хочется еще сказать здесь, что в эти годы житья в Абрамцеве и будучи на свободе, а также и в заключении в Бутырской тюрьме, отец умел и любил общаться с подростками и молодежью. Мне говорили об этом теперь люди моего поколения, их удивляло,

что такой старый, по их мнению, и уважаемый в их семье человек оказывался таким простым и интересным собеседником. Алеша К. из семьи, которую отец мой очень любил, жил по летам в Абрамцеве, и, по его словам, именно отец мой уделял ему больше всего внимания, и он, мальчик 9-10 лет, проще чувствовал себя с ним. Отец много с ним разговаривал, дисциплинировал его. То же говорил К. Н. Г., бывший в то время юношей и попавший в Бутырской тюрьме в общие условия с моим отцом. Он был удивлен, как просто и интересно было разговаривать с моим отцом и как он умел своей манерой говорить, своим примером поднять дух...»

Но — не забыт Александр Дмитриевич Самарин, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, бывший Предводитель Московского дворянства, бывший руководитель Совета приходских общин...

«Была глухая, темная, бесснежная осень 1925 г. Земля замерзла, но не покрылась снегом. Ночи стояли темные и мрачные. В такую ночь раздался резкий стук в двери дома. Обыск... Чужие, чуждые люди пришли за моим отцом. Зажгли убогие керосиновые лампы, началось хождение по темному холодному дому. Мы жили тогда в разных концах дома, отапливались отдельные комнаты — оазисы. Музей занимал большую часть низа и на зиму был закрыт. Обыск... Что может быть отвратительней враждебных, чужих глаз и рук, имевших право пересматривать все самое дорогое и заветное. Кто не испытал этого, тот не поймет всей унизительности, которую чувствует человек при виде этих рук и глаз, проникающих в его жизнь... Ночь на исходе. Люди кончили свое «дело». Отец готов идти. Почему-то в памяти не сохранились минуты прощания в эту ночь. Может быть, потому, что мне разрешено проводить отца до станции Хотьково. Мы идем по такой знакомой, замерзшей дороге в Хотьково. Сколько раз ходили мы вместе, вдвоем, в столь любимый нами Хотьков монастырь... В эту ночь мы шли молча, окруженные конвоем, чужими людьми. Вот и станция. Сидим в столь знакомом с детства станционном «зале». Молчание. Подходит поезд из Сергиева Посада. Я отхожу в сторону. Что в это время в душе: расставание с отцом уже не первое... Знаю, что с этим поездом может приехать из Посада брат Юша, а его тоже хотели взять. Не отрывая глаз, смотрю на вагон, в котором скрылся отец... Стою, прячась, прижавшись к дереву у края платформы, и вижу быстро двигающуюся фигуру Юши. Он вышел из соседнего вагона и, к счастью, не видел отца. С его порывистостью, он кинулся бы к нему. Поезд отходит, и я бегу за Юшей по направлению к дому, чтобы сказать ему тяжелую весть. В этот

день, вернее, в эту темную, мрачную, ноябрьскую ночь отец ушел из дома навсегда, а для нас ушел из жизни родной, милый Абрамцевский дом. Все, что было после этой ночи, было как бы тяжелым эпилогом нашего милого Абрамцева...

Зима прошла в хождениях с передачами во внутреннюю тюрьму ГПУ — Лубянку и в Красный Крест, где была слабая надежда узнать что-то новое; тут был добрый гений — Екатерина Павловна Пешкова, она и все ее окружавшие стремились помочь приходящим к ним в горе, если не делом, что было часто невозможно, то словом утешения, надежды и добрым отношением.

Пришла весна, и с ее приходом дело сдвинулось с мертвой точки. В Красном Кресте помощник Пешковой юрист Винавер читал всем родственникам приговор, вынесенный арестованным по этому большому церковному делу, во главе которого были митрополит Петр Крутицкий (Полянский) и митрополит Кирилл, — Соловки, Туруханск, пески Средней Азии, а для двоих — холодная, далекая, тогда мало досягаемая Якутия, туда были назначены архиепископ Гурий, в то время Иркутский, и мой отец. Срок был дан три года. Наступает, наконец, перевод в Бутырскую тюрьму, и с ним и долгожданное свидание. Помню воскресное утро, переполненные ожидающими коридоры тюремной приемной. Множество знакомых лиц среди ожидающих, и, наконец, свидание с отцом, который пробыл 7 месяцев в недрах Лубянки. Свидание по всем правилам тюрьмы. Две деревянные перегородки тянутся вдоль длинного коридора параллельно, в них окна одно против другого. С одной стороны у каждого окна заключенный, с другой — пришедший к нему близкий, в узком пространстве между перегородками бдительный страж ходит взад и вперед. Срок свидания очень короткий. Все волнуются, хотят многое услышать и сказать. Стоит невообразимый крик и шум.

Как изменился отец! Бледный, отекший, землистого цвета лицо, обросшее широкой бородой. Глаза, полные напряженности. Он ничего о нас не знает. Ему говорили на следствии, что сын, брат, сестры — все арестованы. Сейчас снимается гнет, давивший сердце за близких. После допросов, видимо, наступало предельное изнеможение. Только твердая вера и обращение к помощи Божьей помогали в это время.

Приговор отцу известен. Я гвердо заявляю о своем намерении ехать с ним и слышу от него решительный протест. Только через несколько дней при свидании с дядей Сергеем Дмитриевичем,

вследствие их просьбы не огорчать меня, отец согласился, прибыв на место ссылки и огляделвшись, написать о своем решении.

Проводы были под Троицын день вечером. Такой знакомый с детства Ярославский вокзал, построенный когда-то моим дедом Саввой Ивановичем Мамонтовым, там всегда висел его портрет работы Цорна и такие значительные и знакомые северные панно Константина Коровина и Серова. Что-то было тоже свое и родное в этом вокзале, с которого ехали в Амбамцево. Сейчас напряженное ожидание целой толпы близких, пришедших ловить минуту отправки арестованных. Эшелон специальных «столыпинских» вагонов стоит прямо у перрона, как обычный поезд дальнего следования. И вот во дворе вокзала «черные вороны» выпускают одного за другим толпу арестованных, с мешками за плечами, с узлами в руках, в разных одеждах, часто зимних (в середине лета). Толпа эта выстраивается и под конвоем проходит мимо тех, у кого разрывается сердце от боли и стремления броситься к своему близкому узнику, увозимому в полную неизвестность. Вот идут архиепископ Гурий, строгий ученый монах, в черном подряднике и скуфье, в темных очках, еще не старый, небольшого роста, аскетически худой, а рядом папа — высокий, худой, благообразный старик, обросший седой бородой, нагруженный мешками, с взволнованным лицом, он ищет глазами в толпе нас — близких, а нас было много, и среди родных, на руках своего отца, был даже маленький Сережа (Сергеевич), 2-х лет. Видимо, это доставило радость отцу, потому что в первой открытке с пути он пишет: «Какой миленький Сергей Сергеевич, мне было так отрадно видеть его детский чистый привет» (25.6.26 — из Перми).

Вскоре мы увидели лица архиепископа Гурия и отца в окне вагона. Удается крикнуть несколько слов, и все... Дальше неизвестность, томительное ожидание.

Помню, с вокзала мы с тетей Шурой пришли к Васнецовым. Уже поздно. Летний, теплый вечер, ворота старого дома заперты. На наш звонок быстрым, легким шагом подходит к калитке и отпирает сам Виктор Михайлович. Он ждал нас, и столько любви и горячего порыва было в его вопросах. Виктор Михайлович любил и уважал моего отца и сейчас всей душой разделял его подвиг. Это было наше последнее свидание с Виктором Михайловичем. 10 июля 1926 г. он скончался».

Больше двух месяцев (с 20 июня по 1 сентября) продолжается этап Александра Дмитриевича — из Москвы в Якутск. Из

писем этого времени родные Самарина впервые узнают о тяжелом душевном состоянии его во время тюремного заключения. «По некоторым письмам этого периода, — пишет Е. А., — становится ясным, что во внутренней тюрьме на Лубянке были очень трудные дни для отца. Некоторое время после длительного одиночества в камеру был подсажен заключенный, по-видимому, «наседка». Этот человек был хорошо осведомлен в вопросах, интересовавших отца, и между ними возникли оживленные разговоры, и отец, увлекаясь, упоминал имена некоторых знакомых людей, связанных с церковными делами. На допросах после этих дней, по ряду задаваемых вопросов и упоминаемых имен, у отца создалось впечатление, что он подверг этих лиц преследованию и по его вине они арестованы. Возвращаясь с допросов в камеру, где он опять был один, он бесконечно ходил из угла в угол и вполне логично доказывал сам себе, что бывший с ним заключенный — «наседка», что отец подвел этих названных им людей, что все они по его вине арестованы. (Впоследствии выяснилось, что все было благополучно). А потом, продолжая хождения из угла в угол, он так же логически доказывал себе обратное: что соузник его — человек вполне порядочный, что упоминание этих лиц на допросах не связано с ним, и так далее...» 6 июля Самарин пишет из Омска, вспоминая эти свои переживания: «Кажется, я никогда в жизни так не страдал душой, но, когда Господь давал мне силу молиться, я так укреплялся, что сразу успокаивался и начинал верить, что если даже суждено этим людям и мне страдать, то, значит, такова воля Божия...» (Когда все эти волнения отпали, то «сыска» и все с ней связанное показалось мне таким легким по сравнению с тем гнетом, который тяготил бы меня всю жизнь. Велика милость Божия и какова сила молитвы! Благодарение Господу! Как рад я был, что самые тяжелые минуты по душевному настроению я был один!.. В одиночке я много молился и не замечал, как проходит время; я читал все церковные службы и утром и вечером утренние и вечерние молитвы (все по памяти — Е. А.), заканчивая день очень распространенной молитвой за всех родных, живых и умерших...»

Пермь, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск... «Во всех больших городах арестованных вели в тюрьму, в город, а через несколько дней опять на железную дорогу в вагоны, уже часто просто товарные... В вагонах, в тюрьмах, во время этапа отец был все время вместе с архиепископом Гурием. Несмотря на тесноту и шум, их окружавший, они вычитывали ежедневно вместе богослужение, многое по памяти. Отношение окружающих заключен-

ных было «предупредительным», как определяет отец; он среди всех был по возрасту самым старым, ему было 58 лет».

В Иркутске произошел трогательный эпизод, касающийся архиепископа Гурия, бывшего в то время Иркутским. Архиепископу Гурию не приходилось еще бывать в своей епархии (обстоятельство по тем временам самое обычное). «А тут, когда этап шел пешком по городу от вокзала до тюрьмы, он был встречен у каждой приходской церкви колокольным звоном. Это было не в часы, возможные для Богослужения, и первый же звон обратил на себя внимание шедших заключенных. Отец с уверенностью сказал: «Владыко, это ведь Вас встречают»; тот был озадачен и смущен. Все заключенные, в большинстве своем евреи (это было время постепенной ликвидации НЭПа), тоже поняли торжественный звон и с интересом отнеслись к необычной встрече заключенного. Никаких неприятных последствий из этого события не получилось. Владыка Гурий в Иркутске получил большие передачи от приходов и, конечно, делился ими с окружающими заключенными. В Иркутской пересыльной тюрьме Преосвященный Гурий и отец мой оказались вдвоем в маленькой одиночной камере и отдыхали «от ужасного шума, тесноты и ругани общих камер на этапе». Так всегда, спустя время, упоминалось о тех трудностях, о тех мучительных сторонах этого путешествия, которые сначала отец замалчивал, чтобы не волновать нас».

Из Иркутска до Лены (с. Качуг) Самарин и архиепископ Гурий едут на грузовой машине за свой счет — 300 верст. Затем 500 верст на лодках-дощаниках — по Лене до Усть-Кута. Вся партия, около 120 человек, идет до города Киренска (1000 верст от Иркутска). И только Самарин и архиепископ Гурий едут в Якутск. На всю партию — всего три конвоира.

От Усть-Кута на барже, которую тянет пароход, до Киренска, а оттуда в 3 классе того же парохода — до Якутска. От Киренска до Якутска ехали, вероятно, уже без конвоя.

С сентября 1926 по август 1928 Александр Дмитриевич живет в Якутске¹⁴. С августа 1927 вместе с ним жила и приехавшая

¹⁴ Об этом периоде его жизни рассказывают письма и отрывки из писем, которые мы даем в приложении. Кроме этого, Е. А. упоминает еще два события того времени, так или иначе коснувшиеся А. Д. Самарина: Якутское восстание зимой 1927/1928, проходившее под лозунгом «Якутия для якутов» и подавленное через несколько месяцев подошедшими из Иркутска войсками, и болезнь А. Д. в середине января 1927 — первый приступ кишечной непроходимости, от которой через пять лет он скончался.

из Москвы Елизавета Александровна. Летом 1928 в домике Самарина был произведен обыск, затем вызов в ГПУ, где последовало решение о расселении Самарина и архиепископа Гурия по разным местам. Поводом к этому послужили письма, привезенные Самарину из Москвы. «Письма были о церковных делах, о сложном вопросе местоблюстительства патриарха, о вступлении в эту должность митрополита Сергия и его обращениях, напечатанных в газетах.¹⁵ Владыка Гурий был отправлен в Вилюйск. Самарин — в Олекминск. Здесь прошли еще 10 месяцев ссылки, и хоть срок ее истекал в ноябре 1928, но выехать Александр Дмитриевич смог только в июне 1929. 10 июля он, вместе с Е. А., приехал в Кострому и остановился на квартире, снятой предварительно его сестрой. Здесь, в Костроме, прошли последние два с половиной года его жизни.

Об этом времени Е. А. пишет: «Жизнь в Костроме постепенно вошла в колею. День шел за днем, месяц за месяцем. Все было очень однообразно, и похож был один день на другой. Первые полтора года жили там отец и тетенька наша. Папа ежедневно по утрам уходил рано в церковь. Очень скоро по приезде он стал посещать храм Всех Святых, красиво стоявший в конце Муравьевского бульвара, высоко над Волгой. Там был чудесный священник о. Сергий Никольский, скромнейший, достойный всякого уважения иерей. По возрасту он был близок к отцу, но производил впечатление древнего старика, убеленного сединами. С моим

чался. И еще: в начале 1928 Самаринны узнали о событиях в Абрамцеве: «Еще при мне, осенью 1926 г., тетя Шура была отстранена от заведования музеем и оставлена хранителем. Появление нового заведующего было неожиданным. Это был весьма пожилой человек, весьма чуждый искусству, да и вообще чуждый культуре, но зато яростный атеист, священник о. Сергий Никольский, скромнейший, достойный всякого уважения иерей. По возрасту он был близок к отцу, но производил впечатление древнего старика, убеленного сединами. На которые он был способен. Но наступил момент, когда она стала ему не нужна, и 21 мая 1928 г. ее арестовали. Это было под Николин день, когда в Сергиевом Посаде и Хотькове были изъяты сотни людей. После недолгого пребывания в Бутырках тетю Шуру освободили с обязательством немедленно (не побывав в Абрамцеве) выехать за пределы Московской области. Мы были в большом горе, получив это известие об ее аресте. Я, конечно, не находила себе места... Оторванность, отдаленность, невозможность знать и принимать участие в ее судьбе были мучительны. Я колебалась в решении уехать, оставив отца. Но куда ехать — ни дома, ни работы впереди не было. Тетя Шура, выйдя из тюрьмы, уехала к брату своему Всеволоду Саввичу в Тульскую область».

¹⁵ Имеется в виду знаменитое ПОСЛАНИЕ ПАСТЫРЯМ И ПАСТВЕ митрополита Сергия, опубликованное 27 июля 1927 г. Письма к Самарину привез его близкий знакомый, П. В. Грунвальд, руководивший геологическими изысканиями в Якутии.

отцом они хорошо поняли и искренне полюбили друг друга. Отец стал незаменимым чтецом, певцом и регентом... Постоянное посещение храма, участие в богослужении, жизнь в церкви составляли суть жизни отца, он жил этой жизнью и горел ею.

Дома он делал всю физическую работу: носил воду из колонки, довольно далеко, колол дрова и приносил их на 2-й этаж, ходил в магазин, где бывали очереди. Так проходили будни; радостными вторжениями в эти будни были приезды из Москвы. Приезжал брат, один или с женой, своей Катенькой; приезжала я (работала в Москве и жила у Васнецовых), изредка приезжал кто-нибудь из близких, родных — тетя Аня, двоюродные мои сестры... Это была большая радость для отца. Он очень охотно и много говорил, рассказывая и вспоминая, и не менее охотно слушал приехавших; он любил и умел показывать приехавшим старую Кострому, с которой скоро сроднился. О себе я и не говорю, как радостно встречал меня отец, как умел выразить свою любовь, столько тепла никогда в жизни я не видела. Как было уютно в этих убогих комнатах, как надо было ценить то, что так скоро от нас ушло.

Отец жил в крошечной комнатке-каютке, отгороженной от общей кухни. Там было одно небольшое окно и едва помещалась кровать, она была деревянная с сеткой, наша абрамцевская. Против кровати к стене был приделан простой, дощатый, откидной столик, очень небольшой, это был его «письменный» стол, за которым он мог писать, сидя на кровати. Иконы были над кроватью. Над столиком на стене висели фотографии — моей матери, родителей отца и вообще самых близких людей. При входе просто на гвозде висела одежда и кой-чего из вещей, книги лежали на полу. Ничего больше поместиться в этой полутемной и полухолодной каморке не могло. За стеной, с дверью из коридора, была наша с тетей комната в два окна, квадратная. Она была значительно лучше и больше, но тоже небольшая, только много выше и светлей, чем папина каморка...

В эти годы, с 1929 по 1932-й, было очень много волнений и расхождений в церковных вопросах. Все это очень волновало отца, ему хотелось все знать. Он понимал и сочувствовал тем из духовных лиц, кто решался смело высказывать свои взгляды, не соглашаясь с заявлением митрополита Сергия — Местоблюстителя Патриаршего Престола. В это время углубился раскол: одни поминали митрополита Сергия и власть, другие продолжали поминать митрополита Петра, который был оставлен Местоблюстителем са-

мим покойным Патриархом Тихоном. Но митрополит Петр был все эти годы в ссылке, и было неизвестно, жив ли он. Было время, когда, остро воспринимая весь этот раскол, многие очень приверженные к Церкви православные люди переставали посещать храмы, поминавшие и подчиненные митрополиту Сергию. Тетя рассказывала, что после долгих колебаний и отец пришел к решению не ходить в храм. Но, как она говорила, «с первого же дня своего отхода он затосковал, впал в уныние (чего с ним никогда не было) и сказал, что без храма, без Богослужения он жить не может и будет ходить». Внутренне он был на стороне «непоминающих» (так тогда называли отделившихся, и их было очень много).

Весной 1931 г. мне дали знать в Москву (я тогда жила у Васнецовых и работала в Статистике), что и отец, и тетя арестованы. Я немедленно выехала в Кострому и нашла их обоих в Костромской тюрьме. Это было время многочисленных арестов «за золото». Изымали золото у прежних богатых людей, и ГПУ предположило, что мой отец и тетя скрывают какие-то ценности хозяев дома, в котором мы жили. Самих хозяев — Зузиных, уже не было в Костроме, он был выслан на Урал, жена и кто-то из детей уехали за ним, остальные рассеялись по разным городам. Я ходила в ГПУ, носила передачи в тюрьму и, приведя в порядок жилище наше, после обыска перевернутое вверх дном, поехала в Москву, чтобы уволиться с работы и переехать в Кострому. Все было оформлено очень быстро, но, к великой моей радости, в день моего отъезда из Москвы я получила телеграмму об освобождении моего отца и тети. Как же мой брат и я были счастливы! Все же я решилась не менять своего намерения, и, видимо, так было нужно. Бог привел меня пожить около отца последние месяцы его жизни, с июня 1931 г. по январь 1932 г. До сих пор принимаю и понимаю это как великую милость Божию ко мне, да и не только ко мне, но и ко всем нам...»

«В ноябре 1931 г. кончился трехгодичный срок «-б», данный отцу после Якутии, и мы стали ждать с нетерпением дальнейшего сдвига. Я все надеялась, что папа получит разрешение приблизиться к Москве. Его вызывали неоднократно в ГПУ, вызывали и меня, и, по-видимому, ждали каких-то указаний из Москвы. Помню, как один раз я развивала какие-то мечты и планы о переезде в скором времени, и папа, слушавший меня, вдруг сказал с грустью: «Ну, вы поедете, а я уже здесь останусь». Я разгорячилась и стала возмущаться такими словами, говоря, что он прекрасно

понимает, что мы без него никуда не поедем и т. д., а он грустно умолк. Было ли у него какое-то предчувствие? — Не знаю...

В это время церковь Всех Святых на Муравьевке была уже закрыта, и о. Сергий, а с ним и отец мой перешли неподалеку, тоже над Волгой, в церковь св. Бориса и Глеба. Иногда в будничные дни мы с отцом пели вдвоем, если мне удавалось пойти до работы. Особенно помню, как любил он две Херувимские песни: одна называлась «На разорение Москвы» (другого названия ее я не помню) — печальная, минорная, тягучая, и вторая «Софроньевская» — очень красивая по мелодии и простая. Я-то была далеко не первостепенной певицей, но на фоне его прекрасного голоса и опоры — получалось. И как я это любила! Еще часто пели мы канон Божьей Матери «Скорбных неведение» московским распевом...

Приезд моего брата на Крещение был последним при жизни отца, и как он радовался свиданию с сыном, как был оживлен, как много говорил. Никто и подумать не мог, что всего несколько дней остается ему жить на земле».

30 января 1932 г., в 11 часов вечера, проболев всего два дня, Александр Дмитриевич скончался в Костромской больнице на руках у Александры Саввишны и дочери Елизаветы Александровны. Похоронен он был тут же, в Костроме, на старом городском кладбище.

ПИСЬМА И ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ А. Д. САМАРИНА
ИЗ ЯКУТСКОЙ ССЫЛКИ. 1926-1927 гг.

«Милые, все дорогие мои, в день приезда сюда я накоротко написал два слова с отходившим обратно пароходом, надеюсь, что вы получите это письмо и посланные раньше из Иркутска, Качуга, Жегалова, Усть-Кута, г. Киренска. Приехали мы сюда 2/IX — 20/VIII; у парохода были встречены высланной лошадью в пролетке от церковной общины. В тот же день я послал телеграмму, по-видимому, она попала неудачно, когда повреждена была линия; я долго ждал ответа и только в среду 8/IX получил перевод на 100 рублей. В день приезда мы были в здешнем ГПУ; прием был очень любезный, нам сказали, что мы, верно, утомились после долгой дороги и потому можно и неделю отдохнуть и устроиться, а через неделю, когда мы приедем, — сказали, «установятся наши взаимоотношения». Казалось, что как будто имеют в виду возможность оставить нас здесь. Когда мы пришли третьего дня, нас опять-таки приняли очень любезно, и по тону разговора (необходимость раз в неделю являться, право Владыки служить в церкви, предоставление нам права поступать на службу или искать других занятий, обещали платить кормовые деньги — сколько, еще неизвестно)казалось, что, значит, мы останемся здесь. Но вдруг, под конец разговора, было сказано очень категорически, что один из нас должен будет отсюда уехать и будет поселен не в глухи, не в деревне или селе (по-здесьнему, «наслег» или «улус»), а в городе, где есть храм, медицинская помощь и другие культурные условия; может быть, отправка произойдет еще с пароходом, а может быть, по первому санному пути, т. е. примерно во второй половине октября старого стиля. Здесь нет вообще колесной езды по трактам, летом ездят верхом и вещи возят во выюках на лошади, а зимой езда на санях. Так как к северу по реке Лене и Виллюю только один город Виллюйск, в который могут отправить, назад же по Лене только город Олекминск, в который, говорят, не пошлют, а другие города, Верхоянск и Колымск, не имеют связи по реке с Якутском, то нужно думать, что намечен город Виллюйск, в расстоянии 550 верст от Якутска, но только туда бывают три пароходных рейса по Лене и Виллюю; теперь же больше не будет отсюда рейса в Виллюйск, и, значит, во всяком случае нужно думать, что до половины октября мы останемся здесь, хотя тут же было сказано, что о том, кто из нас должен будет уехать, куда и когда,

нам будет об этом объявлено в недалеком будущем, но заблаговременно до отъезда, чтобы мы имели возможность как следует собраться. Слухов о нас здесь ходит много; наш приезд сюда, по-видимому, возбуждает интерес, тем более, что здесь уже давно (с революции) не было ссыльных, а мы к тому же персонально обращаем на себя внимание. По этим слухам, будто бы вышлют Владыку, а меня оставят. Я лично совершенно не боюсь дальнейшей отправки: вижу, что Господь не оставляет нас своей милостью в сюду; в сюду посыпает нам добрых людей в помощь, так что в Вилюйске я не пропаду, а быть от вас за 8 000 верст или на 550 верст дальше — уже мало разницы, но скорбно очень, что будем мы оба разлучены; я лишусь не только ценного спутника, но и ценного в нравственном отношении союзника, а что еще важнее, лишусь ежедневной совместной молитвы и богослужения домашнего. Правда, здесь я могу ходить в церковь, но домашняя будничная служба больше дает поддержки. Ну, что же делать, так Богу угодно! Так как почему-то нам еще не объявили окончательно, кто куда и когда должен уехать, то мы думаем, что, может быть, этот вопрос еще не решен окончательно, и, по слухам, оно так и есть, т. е. будто бы в советских кругах мнение об этом расходится. Здесь, между прочим, есть ряд учреждений научного характера — музей, архив, исследовательское общество. В этом обществе есть лица, знающие Владыку по Казанской духовной академии; они охотно поддержат нашу просьбу о представлении нам занятий в архиве. Владыка по своей службе имел близкое отношение к изучению калмыков, бурят и отчасти якутов, я же, конечно, мог бы попасть только в сотрудники по технике архивной работы, и как будто мне легче, чем ему (мешает сан), получить небольшую должность с 1 октября; он, впрочем, и не хочет иметь должности, а хочет просто работать безвозмездно. Я бы очень рад был иметь заработок, но одно меня смущает, что я в большие Праздники, на Страстной, лишен был бы возможности бывать в церкви по утрам. Вопрос о том, разрешит ли нам местная власть работать в архиве, решится на днях, так как мы уже подали официальное заявление о допущении нас к работе. Со стороны ГПУ препятствий нет, но вообще Советская власть очень строго относится к допущению кого бы то ни было в Архивы, так что, может быть, к нам та строгость будет еще больше. Другое, что мне представляется и что, конечно, мне больше по душе — это служба при церкви в качестве псаломщика. Здесь 4 открытых церкви: собор, два прихода и на краю города кладбищенская.

Первый — самый лучший храм во всех отношениях, но там нет, кажется, такой нужды в псаломщике, так как эту должность исполняет один сельский батюшка, здесь живущий, а в двух других священники как будто склонны к новшествам, хотя, правда, открыто не переходят в обновленчество и, говорят, от него отрекаются. Здесь, между прочим, нет ни одного диакона, и был разговор обо мне на эту должность. Ждут сюда нового викарного Епископа, который, по слухам, посвящен в Нижнем и уже едет, а настоящий здешний архиерей был в Соловках, по отбытии наказания жил в Москве, а теперь, по слухам, опять выслан в Тобольскую губернию. Владыка Гурий служил 26-го попросту, а сегодня, с разрешения ГПУ, данного ему и общине, служил всенощную и завтра будет служить обедню. Собор здесь очень хороший, поместительный, светлый и в большом порядке, благодаря священнику и Приходскому Совету и, конечно, особенно, женщинам. От Екатерининских времен иконостасы синего цвета, а орнаменты золотые, очень стильные. Жалко, что я не умею рисовать: думаю, что Шуре понравился бы этот стиль. Мы были в церкви на следующий день по приезде. Вы поймете, что я испытал, войдя в церковь и стоя за службой (обедня) после всего пути, в Усть-Куте, в Киренске и Витиме, мы не ходили в церковь, хотя и была служба, так как там все обновленцы. На другой день, в субботу 22-го я причастился, и так на душе было хорошо, легко и отрадно, а еще более хотелось молиться за вас всех... Служат здесь очень усердно, можно упрекнуть в слишком большой тягучести, особенно в праздники, из-за певчих; хор довольно хороший, руководит им очень умело настоятель собора, такой любитель этого дела, что все и вся забывает, когда поет, и готов без конца петь. Заботу о нас здесь проявляют самую горячую и прямо трогательную добрые люди; все исходит из Соборной общины; сразу нам предоставили помещение, правда, временное, но и дальше уже намечается постоянное. Живем мы при ресторане, т. е. на одном дворе с рестораном, в верхнем этаже; под нами амбар и погреба, а у нас только что отделанные летние номера, очень простые, но вполне чистые. Отопиться там совсем нельзя, так как нет печей, а пока можно жить, так как погода стоит удивительно теплая; днем прямо жарко, а ночи свежие, но без морозов. До сих пор нам все готовили в ресторане, а продукты доставляются разными лицами через Соборную общину; хозяева ресторана принимают участие в этой организации. С сегодняшнего дня готовить начала Елизавета Ивановна Кочеткова, сопровождающая Влады-

ку Гурия его племянница. Теперь забота наших благотворителей достать нам теплую одежду. Ведь здесь зима очень суровая и длинная; с половины октября бывает уже санный путь, а с декабря до марта стоят крепкие морозы 30-40°, но говорят, что в 20-25° здесь совсем не чувствуется резкости воздуха. Во всяком случае, без меховых шапок, рукавиц, шерстяных чулок, меховых сапог и шубы или дохи здесь выходить зимой нельзя, а тем более куда-нибудь ехать. И вот, по-видимому, все это подыскивается и, может быть, даже нам будет дано так же, как продукты. Сегодня вечером я получил уже два громадных сладких пирога (один с черносмородиновым вареньем, другой торт бисквитный) по случаю моих именин, и, говорят, завтра будут еще пироги. Таким образом, можете быть совершенно спокойны за мое здесь существование, и я думаю, что имеющихся у меня денег хватит надолго, во всяком случае до марта-апреля. Если же я получу платную службу или буду при церкви, то, несомненно, я в деньгах на жизнь нуждаться не буду. Вот было бы счастье, если бы хоть в этом я не причинял вам хлопот и забот. Достать здесь все можно (одежду, обувь).

После исключительно красивых видов по Лене мы здесь попали в совершенно плоское место. Тут Лена разделяется на много протоков, образуемых песчаными островами с тальниками, как на Волге, и береговые горы отстоят очень далеко; в расстоянии не менее 10 верст один берег от другого; на низком плоском берегу стоит Якутск, весь деревянный город, каменных домов не более 10-15, ни одной мощенной улицы, дома все почти одноэтажные, улицы широкие с деревянными тротуарами, по которым днемходить можно, а в темноту не безопасно. Есть телефон, и во всех домах, даже в самых убогих, электричество, еще дореволюционное. Почва здесь вся мерзлая и оттаивает летом не более как на 2-3 аршина. Что здесь любопытно, что все пьют круглый год ледяную воду, т. е. из оттаянного льда. Правда, настоящая Лена отошла от города за песчаные острова версты на 1-1,5, а около города остались протоки почти стоячей воды, которую нельзя пить, но говорят, что и раньше, когда Лена протекала у самого города, пили всегда оттаянный лед, чем возить воду с реки, а хранить его ничего не стоит: зимой он лежит на дворе в глыбах, а летом до нового года легко хранится в погребах, которые есть у каждого хозяина. Холода прекращаются с марта, в конце апреля появляется зелень; в июне и особенно в июле бывает сильная жара, благодаря которой здесь все дозревает: есть арбузы,

томидоры и картофель, но всего почему-то мало, так что цены на все высокие... Хозяйка здесь опытная повариха и великолепно готовит; особенно они гордятся своими пирогами с рыбой; в сущности, это не пирог с рыбой, а рыба в пироге, но действительно очень вкусно... Рыба здесь отличная, стерляди, но особенно в ходу нельма, бывают сиги и нечто вроде селедки — «омуль» с Байкала.

В городе не более 8-10 тысяч жителей и громадное большинство якуты, ходишь точно в Монголии или Японии, и почти на одно лицо, особенно женщины и маленькие дети, последние бывают очень милы, я в них всегда вижу тети Шурины милую японскую куклу. — Это письмо придет к вам не раньше конца октября». (11 сентября 1926)

..Обедня была очень торжественная, первое архиерейское служение Владыки Гурия, да и здесь уже более 5-ти лет не было архиерея; народу было много, особенно много якутов. Они очень религиозны и преданы церкви и с уважением относятся к духовенству. Здесь есть чтимая икона Корсунской Божией Матери, но гораздо хуже по письму, чем Хотьковская, а я эту икону всегда помню и еще на Лубянке видел ее всегда перед собой /.../, знаешь ли ты, что при приеме во внутреннюю тюрьму у меня отобрали все — и крест, и иконку деревянную преподобного Серафима (теперь это все при мне), а чехольчик на икону, который ты сшила мне с вышитым на нем крестиком, оставили, и я все время пользовался им как дорогой мне во всех отношениях святыней... Письма, говорят, идут в лучшем случае 2 месяца, а в весеннею и осеннею распутицу около 3-х месяцев.

Так давно ничего не знаю, как вы живете; ведь последнее письмо было получено мною в Иркутске 1-го августа нового стиля...

Радуюсь, что так скоро собрали выставку Виктора Михайловича, ведь в Абрамцеве, собственно, не так много его работ. А Верушкин портрет был ли выставлен?

Добрые люди ищут для нас подходящее помещение, но пока еще нет подходящего, где бы можно было поместиться всем вместе и иметь возможность молиться. Благодаря теплой погоде еще можно жить в нашем теперешнем помещении. По-прежнему мы ни в чем не нуждаемся, благодаря удивительной доброте и заботам добрых людей... Говорят, что могут нас обоих оставить

здесь. Буди воля Божия! Здесь есть хорошая библиотека при музее Географического общества, городская, а кроме того — в Соборе». (Сентябрь 1926)

«В понедельник 20/9 мы переехали на другую квартиру, там, где мы жили, помещение было летнее. Удалось получить помещение в квартире, занятой семьей (частный дом), нас приняли охотно. Размеры комнаты 8×5 аршин, одно окно на улицу, два — во двор, окна большие, так что свету много, освещение электрическое, отапливается голландской печкой. Говорят, зимой бывает тепло. Порядок во всей квартире, в том числе и в кухне, удивительный. Елизавета Ивановна помещается вместе с хозяйствами... Пока живем так: встаем рано, в 6 часов утра, начинаем молитву, в 8 1/2 часов пьем чай в своей комнате, затем занимаемся чтением и выходим в лавки или для прогулки. Обедаем около 2-х часов, потом отдыхаем и опять занимаемся, между прочим, английским языком, потом читаем и изучаем книги по Священному Писанию; в 6 часов вечера бывает вечерняя служба, в 8 часов иногда немного едим и пьем немного чаю, затем вечерняя молитва и в 10 часов ложимся спать... Предлагают уроки с детьми». (23 сентября 1926)

«...Почты отсюда на Иркутск больше уже не будет, отправлять почту будут около 1-го ноября старого стиля. Говорят, пойдут еще два парохода вверх, но без почты, так как ее не рискуют посыпать: пароходы из-за морозов и ледоходов могут остановиться где-нибудь в пути... Живем по-прежнему, слава Богу, благополучно и пока без перемен. Ходят слухи, что Владыка Гурий будет отправлен по санному пути в Вилюйск или в Верхоянск, а меня будто бы здесь оставят... Не помню, писал ли я вам, что Владыка Гурий через одного педагога, бывшего ученика его по Казанской Академии, подавал заявление работать по архивным материалам для изучения Якутского края и, в частности, якутского языка и что я мог бы быть у него сотрудником. Это заявление поступило в здешнее Общество по изучению Якутии; там признали, согласно указанию власти, что мы еще ничем не проявили своей способности к научной работе и поэтому это Общество не может пока принять нас под свое покровительство. Вот мы и решили, чтобы проявить свою работоспособность, проделать такую работу. Мы узнали, что в области изучения якутского

языка, что теперь вопрос здесь очередной, очень важно иметь старинное ученое исследование академика Бётлинга: *Boehtlingk Otto. Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St-Petersburg, 1851.* Так как оно считается и теперь капитальным трудом. Мы его здесь достали в библиотеке Географического общества, оно на немецком языке, и мы его переводим. Дело идет, хотя и не очень быстро, так как много всяких примечаний и ссылок на разные восточные языки. По классификации академика А. Н. Самойловича, якутский язык — один из восточно-сибирских представителей тюркской группы языков. В силу исторических условий настолько отличается от других тюркских языков, что иногда подвергали сомнению самую связь с ними якутского языка. Однако отдельные черты якутского языка, по-видимому, были свойственны и другим тюркским языкам (ныне вступившим в другую фазу развития), но в них Гурий имеет некоторые познания. На днях мы закончили один отдел, перепишем и через знакомого Владыки, который принимает деятельное участие в этом обществе, представим свою работу. Посмотрим, в какой мере она будет сочтена интересной и как будет оценена по качеству исполнения. А перевод делать мне нравится и интересно. Я вижу, что еще не все забыл из немецкого языка... У якутов не было своей письменности, т. е. не было алфавита. Впервые якутский язык запечатлелся на бумаге благодаря Церкви и миссионерским трудам лет 100 тому назад...

До сих пор, кроме первой телеграммы и письма-телеграммы, не имею от вас писем». (3 октября 1926)

«Продолжаю письмо, которое не отсыпал, так как почты все еще нет и неизвестно, когда она пойдет. Река стала, но снегу почти нет, так что путь еще не установился. Погода все время стоит хорошая: после двух дней тепла, когда пароходы успели вернуться сюда, но не только без барж, но даже без всяких других грузов, в том числе и без почты, — опять установились морозы градусов в 15°, а вот сегодня, говорят, 30°. Но ветру почти нет, и воздух не резкий, так что по нашему самочувствию не верится, что так морозно, правда, до 50° еще далеко, но все же я надеюсь, что даже в сильные холода мы не будем очень страдать; в доме же у нас совсем тепло, так что я сижу в летней рубашке, правда, на ногах шерстяные носки и сапоги (а по-здесьнему, чулки) из заячьего меха, покрытые бумажной материей... В городе, даже при малом снеге, гораздо больше стало видно

приезжающих из деревень якутов. Все они в оленьих мехах и таких же шапках и меховых сапогах (по-здесьнему, кимасы), привозят мороженое мясо и такое же молоко, на вид это круги, вроде сыра, но меньшее». (8 октября 1926)

«Зимний путь до сих пор еще не установился, были морозы 10-15°, замерзали озера и протоки Лены, на главном течении шел сплошной лед — «Шуга идет». Замерзали, не дойдя до Якутска 600 верст, пароходы со всей почтой, верно, там и посылки, посланные (вами) в августе. Всего на пароходах и баржах до 100 тысяч пудов продовольствия и мануфактуры. Это составляет здесь злобу дня, так как до весны уже более такие транспорты не прибывают... Уроки пока еще не начинались, а вот перевод с немецкого научной грамматики якутского языка, который мы начали делать вдвоем, был рассмотрен в здешнем правительстве Обществе Просвещения, работа признана нужной, и нам предложено продолжать. Может быть, этим определится наше оставление в Якутске, так как эту работу можно выполнить только здесь, где есть библиотека и нужные материалы и пособия. Кроме того, по-видимому, за этот период нам будут платить деньги. С завтрашнего дня опять примемся за это дело... Каждый день за службой, вместо причастного стиха, читаем «Получения Аввы Дорофея», по вечерам — Священное Писание с толкованием; днем переводим с английского из одной христоматии и отдельно еще читаю «Историю христианской церкви» Лопухина». (24 октября 1926)

«Сегодня, когда я по обычаю пришел на регистрацию (в ГПУ), мне объявили постановление местное от 26 сентября о высылке моей в Вилюйск, с обязательством невыезда оттуда, и сказали, что постановление не объявлялось, пока не было пути, а теперь можно ехать; повезут на санях за казенный счет и дадут для тепла на дорогу доху. С отъездом не торопят, так что можно собраться. Я подал вчера же заявление в правительство Общество «Возрождение Якутии», по поручению которого мы делали перевод, с просьбой возбудить ходатайство об оставлении меня здесь, так как работа признана необходимой». (10 ноября 1926)

«...Ходатайство Общества уважено, и я оставлен **временно** здесь, что значит «временно» — неизвестно...

Сегодня идет снег, и, значит, в ближайшие дни пойдет почта. С нетерпением жду от вас писем, теперь они будут приходить правильно». (16 ноября 1926)

«Морозы 45° Реомюра. Одежда есть: меховая оленья шапка и полу-пальто оленье, заячья рукавицы. Расписание дня: 6-6,5 начало службы: утренние молитвы, полунощница, часы, литургия — все продолжается 2 1/4 часа. Пьем чай — берем у хозяев; все это при электричестве. Затем начинаются занятия, чтение; я переписываю в двух экземплярах наш перевод с немецкого, что требует много времени, так как приходится срисовывать много слов татарских, а Владыка вписывает монгольские и калмыцкие слова. Он знает шрифт, а я просто срисовываю. По средам и пятницам — я хожу после чая к обедне в Собор, где помогаю пением и чтением; по четвергам ходим на регистрацию, иногда хожу в лавки, изредка на почту. В 2 часа обед, питаляемся хорошо, но без мяса, зато изобильно рыбой — нельма, налим, караси, омуль, стерляди и все очень крупного размера, все это получаем очень легко. В 4 часа хожу на урок, а по возвращении около 6 часов, начинается всенощная, которая идет около двух часов. Затем чай, чтение Толкования на Священное Писание, вечерние молитвы. Спутники мои идут ко сну, а я сижу еще один до 10-10 1/2 часов. Забыл сказать, что перевод мы делаем от 12 до 2-х часов, требуется точность, прибегаем к словарю, а иногда задумываемся над смыслом фонетических размышлений автора». (13 декабря 1926).

«Письма не теряют цены... самое письмо, самый вид его, сознание, что оно писано вами, мои дорогие, доставляет мне громадное утешение и дает поддержку... Прочитываю я всегда сразу быстро все письмо от начала до конца, а потом еще раз перечитываю и вечером, когда все кругом уже спит, доставляю себе удовольствие еще раз почувствовать себя через письмо с вами.

Не подумай, что я вообще в унынии и мрачном настроении, слава Богу, я бодр духом, а мысли мои всегда несутся к вам...» (25 декабря 1926)

«Дорогие мои, пользуюсь возможностью отправить это письмо с одним отъезжающим отсюда лицом и надеюсь, что благодаря этому вы получите эти строки гораздо скорее, чем по почте, во всяком случае, не позднее, как через месяц, а может быть, и раньше моего большого письма, посланного по почте, кажется, 6/XII нового стиля.

...Мы уже провели три дня Праздника так: в Сочельник начали часы в 8 часов утра, после небольшого перерыва была обедня, которая окончилась в 12 1/2 часов, напились чая и затем вскоре пообедали. В 6 часов вечера мы пошли ко всенощной в Собор; там было очень много народа, особенно много якугов; служил местный Епископ Синезий, приехавший сюда 8-го сентября; служба окончилась в начале 11-го, пока мы вернулись домой и напились чаю, было уже около 12-ти; я лег в 12 1/2, а в 1 1/2 мы уже встали и в два часа начали у себя по своему обычному уставу: утренние молитвы, полунощницу и утреню (без Великого Повечерия); канон пели и читали полностью, так что 48 раз пели ирмосы; после утруни — часы и Литургия, все кончено было в 6 часов. Было очень хорошо: в 3 часа ночи, во время нашей утруни, начиналась всенощная в Москве (6 часов вечера), и я опять думал о всех, кто там молится. Напившись чая и разговевшись, мы полежали с полчаса и в 7 часов пошли к обедне в Собор. Там опять было очень много народа, очень светло (в паникалиах электричество) и много свечей у иконы Праздника. Служба кончилась в 10 1/2 часов; поздравили Епископа, который живет в бывшей ризнице при Соборе, и пошли домой. Здесь пропели Рождество лява раза, в двух семьях, живущих в нашем доме, и у них по очереди пили чай, а затем мы с моим спутником были в трех домах; вернулись в 4 1/2 часа, поотдохнули, а в 6 часов, по обычая, начали свою всенощную. В общем, поутомились изрядно. На другой день была у нас, по обычая, Литургия, но с опозданием, не в 6 1/2, а в 7 1/2 часов. Я еще сходил в Собор, потом был в одном доме, а в два часа к нам пришел Епископ, обедал у нас; в 6 часов я пошел ко всенощной в Собор (дома без меня читает и поет Елизавета Ивановна). Сегодня, по обычая, я отпел сначала у себя Литургию, а затем опять был в Соборе; обедня там очень затянулась, и я вернулся домой около 1 часа; вдруг, совершенно неожиданно, пришли соборные певчие (все любители и любительницы) пропеть к нашим хозяевам, а потом попросили разрешения пропеть и у нас; потом их всех угостили хозяева чаем вместе с нами.

После обеда я немного отдохнул, а затем был в одном доме, так что пропустил в первый раз за все время свою обычную всенощную. Теперь все у нас уже спят, а я вам пишу и мысленно с вами. В эту ночь я так ясно представляю все, что было 19 лет тому назад, как будто все это происходило вчера! Дети, естественно, не могут так чувствовать всего, чего лишились мы, как мы с тобой, дорогая моя Шура: я знаю, что и они скорбят по-своему, печалятся, что они не испытали в сознательном возрасте материнской любовной ласки. — С завтрашнего дня опять при myself за работу по переводу и возобновлю немецкий урок, который я на неделю прерывал.

Из того, что я написал, вы можете видеть, что у нас есть дом, куда мы можем ходить, но мы нигде обыкновенно не бываем и сделали исключение для Великого Праздника. Ведь с самого начала об нас здесь стали проявлять исключительную трогательную заботу разные лица, прикосновенные к церкви, стали снабжать теплыми вещами, продуктами, и все это продолжается до сих пор, а к Празднику еще усилилось, так что нас завалили пирогами, пельменями (все своего изделия); неизвестные нам лица ежемесячно помогают и денежно; за квартиру с нас не берут ничего, просто мы не знаем, как будем расплачиваться за все то добро, которое нам оказывают, за ту любовь и сочувствие, которое к нам проявляется! Вот почему пока я не нуждаюсь ни в чем, тем более, что из ГПУ я получаю 6 руб. 25 коп. в месяц; урок мне дает 20-25 руб. в месяц (1 рубль 50 коп. за урок), да обещают нам платить за наш перевод, сколько еще неизвестно, но все же, я думаю, рублей 20 в месяц на каждого придется. Отрадно в особенности видеть, что все это добро делают с любовью к нам». (10 января 1927)

«Хозяйки уже начинают поговаривать о приготовлениях к Пасхе: предстоит генеральная мойка и чистка в нашем доме сплошь всего, побелка печей и проч., а затем заготовка всякого рода яств к разговению. По-видимому, будет что-то грандиозное. Мы будем ощущать это, так как обычное течение жизни несколько нарушается, а главное, у многих такая суeta сопровождается «повышенной нервозностью». (20 марта 1927)

«Около 6 часов утра начинается служба чтением утренних молитв, затем следует полунощница и непосредственно за ней

утрена полностью, со всеми кафизмами и чтениями из св. Ефрема Сирина. Удивительно глубоко по мысли и просто по выражению и проникнуто высоким настроением. Утреннее богослужение идет три часа. В 10 1/2 начинаем часы, которые также совершаются без пропусков со всеми кафизмами, а также два раза бывает чтение св. Ефрема Сирина. Часы с вечерней идут 2 1/2 часа. Вечером бывают мефимоны, которые продолжаются 1-3/4. В общем довольно утомительно за день и для ног, и для голоса, хотя и читаю и пою витолголоса; но зато отрадно для души». (10 марта 1927).

«Служба Страстной: все чтения и пения, которые выполнялись мною в условиях нашей жизни, давали особенно благоприятную возможность для восприятия не только умом, но и сердцем, их глубокого и трогательного содержания. В Пятницу и Великую Субботу, так как часы нашей службы не совпадают с Соборной, я имел возможность быть и тут и там. В Соборе нет совсем чтенов — мое чтение ценится. А для меня чтение в такие дни — великое утешение, и, значит, я имел счастье дважды перечувствовать красоту службы..., певчие совершенно неожиданно вынесли мне ноты 3-го голоса, когда вышли к Плащанице петь три «Воскресни, Боже». (26 апреля 1927).

«Событие в здешней жизни — вскрытие Лены, все этого ждали, следили по местной газете за холом льда выше Якутска. Вода стала прибывать в субботу 8/21 мая. К сожалению, главное русло Лены далеко и отделено от Якутска островами, так что самого сильного ледохода мы не видели, но и здесь, когда вода залила все острова (остались только кое-где верхушки тальника), и когда образовалась такая громадная масса воды, по которой плыли льдины, получалась очень внушительная картина; ведь от набережной Якутска до другого берега, где тянется горный кряж, около 15 верст. Погода это время стояла прекрасная, тихо, ясно и прямо жарко. В этом отношении совсем не похоже на ледоход на реках в России, там они бывают, когда в полях лежит снег и еще совсем холодно, здесь же с 20-25 апреля уже совсем сухо. К сожалению, здесь совсем не чувствуется наступления весны, да ее и не бывает. Снег сходит быстро, его немного, в общем, за зиму — сразу сохнет, а зелени никакой; вель в городе совсем

нет деревьев и травы почти совсем не видно... Сушь страшная, пыль летит при ветре целыми тучами. 9-го, в Николин день, был уже полный разлив, все острова были залиты, это хорошо, так как там сенокос. В городе же ничего не залило, кроме лощины против нашего дома, где в этот день ездили на лодках. В дни разлива город стал неузнаваем — на берегу большое оживление, катанье, гулянье, все как-то принарядились... Впрочем, приходы пароходов и приезды «новых лиц», конечно, будут составлять разнообразие в тихой и ровной жизни Якутска... Как мне досадно, что мое «Пасхальное красное яичко», мой подарок, заботанный мною, пришел в Москву только сейчас, а мне так хотелось, чтобы Лиза к Пасхе купила цветок на Пасхальный стол». (30 мая 1927).

В передовице к «Вестнику» (№ 126) мы обещали ввести постоянный отдел, посвященный истории и вопросам русской эмиграции. В 127 номере Михаил Геллер впервые подробно описал все обстоятельства высылки в 1921-22 гг. 250 представителей интеллигенции. Недавно найден дневник, который отец Сергий Булгаков вел с момента высылки и в первые месяцы пребывания в Константиноополе. Эти записи освещают душевную драму вольных или невольных эмигрантов первой волны. Горестные размышления над участью России, упование на Запад, первые разочарования, тягость изгнания, беспраirie и разлука с близкими — эти мотивы, общие для всех эмигрантов, нашли в записях о. С. Булгакова особо напряженное и глубокое выражение.

Перед лицом катастрофы, постигшей Россию, и, в частности, русскую Церковь, расколотую на два враждующих течения, о. Сергий Булгаков соблазнился твердостью и незыблемостью «Рима». Еще будучи в Ялте он написал диалоги «У стен Херсонеса», в которых защищал примат и непогрешимость Римского папы, а также Флорентийскую унию (диалоги, по желанию автора, остались ненапечатанными). В эмиграции о. Сергий быстро преодолел эти взгляды: «даже до Праги не довез я своих наивных восторгов и вдохновений». Впоследствии он подверг строгой богословской критике и Ватиканский догмат («Путь» № 15 и № 16) и другие догматические отклонения католической Церкви. Однако в «Римском соблазне» была и положительная сторона: тяга к кафоличности, к универсальности, к преодолению всего ущербного, провинциального в историческом Православии.

«Дневник» представляет собой записную книжку из 16 в кожаном переплете. Первые страницы написаны карандашом, остальные — пером, быстрым, мелким почерком. Некоторые слова остались неразборчивы. Имеются и другие дневниковые записи о. Сергия Булгакова в Ялте, до высылки, и в Праге. В недалеком будущем все имеющиеся в нашем распоряжении дневники о. Сергия будут изданы отдельной книгой.

Н. Струве.

ИЗ «ДНЕВНИКА»

18 (31) декабря 1922 г.

Черное море между Севастополем и Константинополем, итальянский пароход «Jeanne».

Итак, на пути на чужбину, изгнанный из родины, к древнему Царьграду! Так дивно и по-человечески неожиданно совершается над нами воля Божия! Рука Промысла взяла меня и извлекла из тупика, в котором я оставался в Ялте. Тяжелы были последние испытания, хотя, когда они миновали, и в них вижу милующую руку Божию. Разве можно было легко и безбоязненно покинуть родину и разве можно было ее оставить, не испытав самому ни ареста, ни чрезвычаек. Эпопея моей высылки началась еще 7-го сентября, когда был у меня произведен обыск, но, несмотря на ордер об аресте, я не был еще арестован, — канун Рождества Богородицы. Затем я был подвергнут аресту в канун Покрова Божьей Матери 30 сентября, был перевезен в Симферополь и там получил свой приговор. В день Казанской Б. М. получил извещение о требовании выехать. 3-го декабря был отправлен в Севастополь, где промучился до 17, когда выехали в море. Все пережитое за эти три месяца было и настолько кошмарно по своей жестокой бессмыслице и вместе так грандиозно, что я сейчас не могу еще ни описать, ни даже до конца осознать. Но это дало последний чекан совершившемуся в душе и облегчило до последней возможности неизбежную и — верю — благодетельную экспатриацию. Страшно написать это слово, мне, для которого еще два года назад, во время всеобщего бегства, экспатриация была равна смерти. Но эти годы не прошли бесследно: я страдал и жил, а вместе и прозрел, и еду на Запад не как в страну «буржуазной культуры» или бывшую страну «святых чудес», теперь «гниющую», но как страну еще сохраняющейся христианской культуры и, главное, место святейшего Римского престола и вселенской католической церкви, — «Россия», гниющая в гробу, извергла меня за ненадобностью, после того, как выжгла на мне клеймо раба. Положение русской церкви в настоящее время безысходно: она развалилась и медленно логнивает под гнетом большевистского гонения и деспотизма, в существе же дела из-

живает последние дни своего обосабления. Дело России может делаться сейчас, кажется, только на Западе, — и путь в «Третий Рим», сейчас подобно Китежу скрывающийся под воду, лежит для меня через Рим второй и первый. Мне 51 год, а мне опять кажется, что новые страницы жизни открываются для меня (а во мне и для России; ибо всё-таки во мне и Россия), в ясности, с яркими просветами открывающейся уже смерти. Со мной семья, кроме Феди,* который, надеемся, к нам присоединится. Пусть они поживут по-человечески и, если не поздно, воспитаются и поучатся, в России это уже невозможно. Конечно, знаю, что ждут всякие испытания, тоска по родине, разочарование, всему этому и надлежит быть, и положение наше без средств в неизвестность могло бы смущать в другое время, но сейчас во мне по-человечески одно чувство — радости освобождения и благоговейное чувство удивления и благодарности перед милостью Божией. Господи, благослови путь наш!

— Вечер надвигается. Плыем среди открытого моря — свобода. Мысли о России, о родине. Россия, как ты погибла? как ты сделалась жертвой дьяволов, твоих же собственных детей? Что с тобой? Никогда не бывало загадки загадочнее, непонятнее. Загадку эту дал Бог, а разгадывает дьявол, обрадовавшийся временной и кажущейся власти. «О, недостойная избрания, ты избрана» (так пели славянофилы), а теперь приходится говорить: ты отвергнута, проклята, но ведь Бог никогда не отвергает и не проклинает, почему же Россия отвергнута? Раньше я все понимал и толковал, а теперь этой судьбы России я не понимаю и не берусь истолковывать. Богу я верю, п. ч. верю в Бога, значит, верю, что и происшедшее с Россией нужно, совершилось не только по грехам нашим, но и да явятся дела Божии. Только чудо может спасти Россию, так, как мы не знаем, и то, что нужно и можно спасти, но чудо нельзя предвидеть. В Россию надо верить и надо надеяться, но то, что я вижу, знаю и понимаю, не дает ни веры, ни надежды. Я не могу даже любить ее, могу только жалеть, а между тем, есть долг верности России. Вернее сказать, то, что лежит между Северным и Черным морем и занимает шестую часть света, не есть Россия, по крайней мере, для меня, я даже не чувствую русскую землю, даже от нее без боли отрываюсь, действительно,

* Федор Сергеевич, старший сын о. Сергия, так и не выехал из России. Художник, женат на дочери М. Нестерова, живет в Москве. О. Сергий выехал вместе с женой, дочерью Марией (Муной, умерла в Париже в 1979 г.) и младшим сыном Сергеем.

а не по большевистской только бумажке экспатриуюсь. Но где же Россия и есть ли она, если в себе ее не чувствуешь? есть ли и я сам? Я ощупываю себя как после обморока или глубокого сна, не понимая, где я, жив ли я и что со мной, как если бы я потерял свой вес или объем. Что со мною? Не понимаю, не понимаю. Пойму, если надо, если Господу угодно, а, м. б., и не пойму, тогда это смерть, потому что смерть для живого непонятна. А ведь я жив и хочу жить... Я не могу даже сказать, что у меня есть боль о России, нет, боли нет, как не болит отрезанная нога, отекшее тело, утратившее чувствительность. Я не хочу быть неблагодарным, свиньей, эгоистом (хочу и нахожу, что, раз мне дана жизнь, я могу радоваться этой жизни), я не дам пинка копытом несчастной родине, но я не буду ни лгать, ни сентиментальничать у одра гноящегося Иова да не возгримит с неба Вышний на горе [?].

Я туп и растерян, я не знаю и не понимаю, что случилось, и это не личное мое непонимание и ограниченность, это — так есть. Бог понимает и знает, что Он делает, когда движет и сталкивает ледяные глыбы, движет землю и сотрясает ее, но мы не понимаем. Произошло погружение Атлантиды, хотя по человечьему разумению, она и могла не погружаться, и непонятно, почему она погрузилась. Бог понимает, не мы... Разумеется, я могу видеть и учитьвать и ошибки, и заблуждения, но и при всех них той гибели, того погружения Атлантиды, смерти России могло не получиться, а оно получилось. Смерть непонятна, по крайней мере, для нас, остающихся по сю сторону смерти, живых, не умеющих подняться выше различия жизни и смерти. Россия спасена, раздалось в моем сердце перед большевистским переворотом в 1917 году как откровение Богоматери (во Владимирской Ее иконе) и я верен и верю этому завету. Но в ответ на это исторически Россия погибла, значит, она спасается через гибель и смерть, воскресая, но воскресение нам непонятно, оно — чудо. Так толпятся в уме и сердце неисходные противоречия. Она поражена смертельно и навечно разорвана и ранена. Она исцелится? — благодатью Духа Св., но тоже чудом, новым созданием, а это сердце неисцельно ранено и болит. Конечно, на крайний случай, можно обойтись и без родины, когда есть Родина — Церковь, но и от родины я не должен, не могу и не хочу никогда отказаться, и, значит, умираю всю оставшуюся жизнь, пока Господь не исцелит бесноватую Россию. Его воля да совершится.

19.XII.1922 (1.I.1923).

Утро в море. Сегодня ночью на пароходе встречали новый год, гудели, стреляли...

Когда я оглядываюсь назад, на «Россию», я чувствую себя таким жалким ничтожеством, которое даже не замечая вымели случайно и выбросили в роль прихлебателя Зап. Европы, и такое обидное и горькое чувство бессилия. А вместе с тем чудесное спасение из пещеры львиной, — недаром мы отъехали 17 декабря в день Даниила пророка и Трех отроков. Под звуки празднования нового года я опять задумался над своей постоянной мыслью о соединении церквей, и снова стало страшно трудностей этого соединения. Разность стилей, — не даром за нее так упрямо держатся латиноненавистники! Ведь это горько, невыносимо объединившись жить по разным календарям, по разному времени праздновать св. Пасху и четыредесятницу. И в темных массах народа, в которых пробуждается теперь темная ревность о православии, изменение стиля и церк. календаря вызовет наибольший протест, как наиболее осознательное: наследие старой ненависти и отчуждения! И эти в сущности бытовые, обрядовые различия оказывались и могут еще оказаться сильнее догматического единения! Как трудно быть на грани двух эпох, на историческом рубеже, ни здесь, ни там. Но что делать? Когда я думал и набрасывал в Ялте свои *Jaltica*, я ни о чем не думал, кроме истины и самого вопроса, и то, что об этом придется говорить и свидетельствовать пред всем миром, показалось бы мне тогда нелепой и несбыточной сказкой. Но нет ничего тайного, что не становилось бы явным, и что говорится шепотом, возглашается на сонмищах. Сейчас меня ждут впечатления Цареграда и «восточных патриархов», надо себя проверять еще и еще новыми испытаниями.

22.XII.1922 (4.I.1923).

На рейде в Ковани.

Вот уже мы достигли таинственных вод Босфора и уже третий день стоим в карантине у входа в Царьград. Проза и скука карантина притупили первое впечатление, но оно было царственное и прекрасно. К вечеру по летнему морю в лунную ночь мы подошли к Босфору, в стене берега открылись ворота, и мы вступили в тихие воды, обрамленные мягкими берегами, скользя как по стеклу. Напор дум волновал мою душу, а глаз радовали эти

дивные берега. Здесь ключ Европейской и мировой истории, здесь Иустиниан, здесь Константин Великий, здесь: Иоанн Златоуст, Фотий, Византия и ее падение, здесь узел политических судеб мира, и доныне не распутанный, а еще сильнее затянутый! В ум вмещается такое богатство воспоминаний и такой напор чувств, теряется мысль. На рейде стояло несколько пароходов. Наш пароход, полный эмигрирующих евреев, печальных, карикатурных, но старозаветных и симпатичных, тотчас вступил в сношения с другим пароходом, стоявшим на рейде из Румынии: он был полон евреев, переселявшихся в Палестину. У нас тоже оказался ревнитель этого дела, начался разговор на древнееврейском языке, а затем многочисленный, хотя и не очень стройный хор с того парохода долго пел свои национальные песни, и с гаснущим днем тихо гасли слова песни. Господи, как все это поразительно: из большевистской Палестины в эту Палестину. И всюду они! А на следующий день к ним явились уже свои из Константинополя, затем еврейское общество прислало подарки (уделило и нам, — анекдот!), и здесь они — свои. Какая всепроницаемость, какая нерастворимость у этого народа: едут — старики и дети, зимой, в Америку и Палестину, уверенные в себе, не теряющиеся, шумные, смешные и трогательные. Избранный народ, вместе и отверженный, и *sacer* в двойном смысле слова.

Однако нам не долго пришлось погружаться в мистику и созерцание, на другой же день начался санитарный контроль и карантин. Самое прискорбное его последствие то, что может быть, нам придется провести здесь и день Рожд. Хр. или же приехать в самый его канун. Я с тревогой думаю, неужели же это имеет прообразовательное значение и для будущей моей жизни, и я буду лишен возможности служить... Но Господь так был милостив ко мне во все дни живота моего, неужели я буду лишен того, что для меня жизнь? Настоящее рассматриваю как эпитетию, на меня налагаемую. Думаю, как юная душа Феди будет впитывать все впечатления, если Господь его сюда приведет.

23.XII.1922 (5.1.1923).

Кованы.

Стоим на карантине, томимся. Говорят, завтра выедем, если так, то Рожд. Хр. встретим на суще, в Константинополе. Иногда охватывает тревога перед многими трудностями, разочарованиями, мне предстоящими, но гоню это малодушное чувство как грех пе-

ред Богом. Думы мои, конечно, о родине. За что и почему она отвержена Богом и обречена на гниение и умирание? Грехи наши тяжелы, но не так, чтобы объяснить судьбы, единственны в Истории. Не повторю друзей Иова и с ним вместе стану прекословить Богу за родину! Такой судьбы и Россия не заслужила, она как будто агнец, несущий бремя грехов европейского мира, и она заклана и растлена. Здесь тайна: верою надо склониться и надеяться, но человеческому уму недоступно. Все исчадия адово-слетелись и душат Россию и [строчка неразборч.]... Господи

24 декабря 1922.

Навечерие Р.Хр. Пароход *Jeappe*, Ковани.

Итак, день Р.Хр. встречаем в безбожной международной прозе пароходного карантина. Не удостоил Господь сладостной молитвы в этот день. Сегодняшний день ознаменован для меня тяжелым испытанием: утром в каюте поскользнулась и упала моя дорогая Неличка* и повредила себе ногу. В первое время казалось, что если не перелом, то вывих, бедная страшно страдала, и остро стала вся безвыходность положения и в карантине, когда требуется немедленная помощь, и в незнакомом мировом городе К-ле. И вся радость от предвкушения его созерцания погасла, и новое бремя жизни легло на усталые плечи. В середине дня Неличке стало легче, вывих отрицают, хотя положение и неясно. Господи, благослови завтрашний день, рожденный в Вифлееме, смилийся над нами.

25 декабря 1922.

Рождество Христово. Ковани. Пароход *Жанна*.

Вот и великий наш праздник, но — увы, без богослужения, без церковной радости, на чужбине, на пароходе, в карантине и, главное, в тревоге за мою любимую, не говоря уже о безвестном будущем, о котором нет возможности даже думать. Она мучилась ночь и лежит, прикованная к постели. С вечера я чувствовал удивительную, единственную, сердцу слышную тишину Христовой ночи, когда Господь явил безмерность любви своей к миру, а ночью тосковал о Вар. Ив. и как будто слышал сердцем ее

* Елена Ивановна Токмакова жена о. Сергея, автор романа "Царевна Софья", скончалась в 1945 году.

тоску. На пароходе день, серый и туманный, развертывается обычно.

Говорят, сегодня будем в К-ле, но мне не суждено будет увидеть его с моря. Что-то даст Господь при высадке! Господи, благослови!

26 декабря.

Собор Пресв. Богородицы. Яеппе. Политический карантин.

Вчера был полицейский контроль, мне было обещано, что я буду спущен сегодня в 10 ч. утра, но сегодня прошел весь день, а между тем пропуска прислано не было. Уезжали один за другим, за всеми были приезжающие, кому позаботиться, но мы оставались одни, холодные, голодные, сиротливые. И был такой час, что я несколько раз плакал, глядя на детей, и все будущее представлялось мне в безнадежном свете, тем более что лиры мои быстро тают. Это были часы испытаний веры, когда малодушие входило во все фибры души. Но затем полегчало и отошло. Появилась надежда на выгрузку хотя завтра. День сегодня непогожий, дождливый, Неличка в постели, не знаешь куда деться в этом огромном городе-пустыне. Помощь оказали опять евреи, их комитет будет нас и высаживать, одиноких и сирых, беззащитных. Здесь на каждом шагу видишь и убеждаешься, какие это мировые силы и какие провинциалы мы, русские, по сравнению с ними! Во всяком случае завтра надеемся спуститься на турецкую землю. Господи, благослови и облегчи путь детей и Нелички, да будет Твоя святая воля!

2 (15) января 1923 г.

День преподобного Серафима. Константинополь.

Целая вечность протекла за эти дни и, конечно, трудных и изнурительных впечатлений, чтобы не сказать разочарований. К-ля я еще не видел, из-за трудностей устроения, непрерывной беготни, сломанной ноги Нели и страшных дождей и грязи. Первые впечатления были тягостны: мы ездили по городу из места в место (с пресловутых подворий, где нас не приняли), добрым ангелом явились Н. А. Власенко и Ю. Н. Рентицкая.* Сразу же в душу полезли, как едкие туманы, впечатления от разлагающейся

* Докторша, см. конец дневниковых записей.

эмиграции: нужды и нищеты, тоски и уныния, неизбежная, но печальная картина. Я, конечно, еще не в состоянии в этом разобраться, но вижу и чувствую, как все тяжело и еще: как **силен** большевизм и здесь, и вообще за пределами России. Однако самое тяжелое и трудное ждало меня в области церковной, — острое и совершенно старомодное, миссионерское столкновение с католиками, которые тоже применяли здесь миссионерские приемы. Настроение и отношение к вопросу о соединении церквей арх. Анастасия и всего его клира **ничем** не отличается по существу от Антониевского, они **ничего** не пережили и **ничему** не научились, никакого духовного движения и никаких сил, а ожесточение и от бессилия, и от агрессивного образа действий здешних иезуитов. А я несчастный до такой степени чувствую свое безволие и бессиление перед этой стеной, что в глубине души уже думаю о капитуляции и сознаю лишь свою немощь. Боже, помоги, научи, укрепи... Я чувствую себя таким бездарным, беспыльным и робким... А в то же время и самые вопросы приобретают трагический характер: я **обязан** в **верность** своей церкви: — неверный бессилен и ненужен, как снявший рясу поп, и плодить смуту и новый раскол в эту страшную минуту я не могу и не должен. А в то же время не могу и погасить загоревшийся во мне свет. Может дойти до того, что вопрос станет: или-или, а я этого-то и не хочу, не допускаю, не могу, я хочу: и-и. Но, м. б., это моя природная бесхарактерность и безволие, стремление сесть между двух стульев. Но я не могу иначе. Насколько легче было Вл. Соловьеву в сравнении со мною: он не был священник и не жил в это страшное, ответственное время. А я связан канонической дисциплиной, и вместе с велением совести. Господи, помоги мне, Матерь Божия, осени Своим покровом.

Материально Господь помог и мы устроены, но все здесь так мучительно трудно...

7 (20).I.1923.

Вот уже вторая неделя идет в К-ле, и та же смута и туча в душе. Я чувствую себя совершенно бессильным перед надвигнувшимися вопросами. С одной стороны, каждый день и час приносит с собой новые черты крушения православия вместе с Россией и совершенную неподвижность здесь пребывающих, а тем **еще** местных этнографических церквей. Все они равнодушны

взаимно и слабы, так что, в сущности, речь может идти только о соблюдении привычных отношений, а не о поддержке, и русская церковь влечит жалкое существование беженства. А с другой натиск воинствующего католицизма, уверенного, умного, сильного, победа которого также неотразима, как дреднотов над ручными триремами. Остров православия смывается, и всякая попытка его оградить только свидетельствует никчемность. Национальная церковь держится не православием, но некультурностью, косностью и национализмом. В России был натиск лишь советского, живоцерковного насилия, а здесь лютого, разлагающего бессилия. Я чувствую себя парализованным во всех своих действиях и начинаниях. Я здесь нужен и за меня хватаются как за авторитет, а я ношу в душе бурю неутешную. Господь оставил меня изведать всю мою слабость и несостоятельность. И в то же время слезное зрелище здешнего беженства: какие овцы рассеянные без пастыря, какая скорбь и какая беспросветность! Я уже теперь по ночам просыпаюсь от боли за родину и о родине, за семью, за церковь. Это какая-то тоска последних дней! А между тем нужно находить себя, нужно устраиваться к новой жизни. О том, чтобы выступить здесь вслух со своими идеями диалогов «У стен Херс. [онеса]» не может быть и речи: это — не литература, но ответственное действие. И однако путь один перед Богом и перед людьми: поставить честно и прямо вопрос о соединении церквей и условиях этого соединения. Но когда я реально соприкасаюсь с православием, то видишь такую толщу косности и предубеждений, что является совершенно отчетливое сознание своей утопичности и безнадежности. Или оставить мертвых погребать своих мертвцев или преступно плодить новый раскол и смуту, когда церковь изнемогает. Нельзя бездействовать, нельзя и действовать, и эта *èpoχή* порою дает какое-то чувство смертной безысходности. Снова повторяю и сознаю, что я не могу жить в разрыве с родной церковью и вне ее, и вместе с тем, перерос ли я ее или не дорос, но кризис ее и во мне совершился и меня обессилел. Боже, помоги мне, не ведаю пути... и как противовесственна, смертна жизнь эмиграций, как безрадостна. Когда думаешь, что это на годы, м. б., до конца, то просто теряешься. Или это первое время? Только за детей, им там, там... дома — ведь одна смерть.

Вчера я имел счастье посетить Св. Софию, Бог явил мне эту милость — не умереть, не увидев Св. Софии, и благодарю Бога моего. Я испытал такое неземное блаженство, в котором потонули как незначащие, все мои скорби и туги, прошлые и будущие. Душе открылось нечто абсолютное, непререкаемое и очевидное. Из всех виденных мною дивных храмов, из которых самое чарующее впечатление оставили на меня св. Марк и *Notre-Dame*, это есть храм, *deг Dom* в абсолютном и непререкаемом смысле, храм вселенский. Это непередаваемая на человеческом языке легкость, ясность, простота и дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть, — тяжесть купола и стен, это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим пространством, замкнутым и свободным («Возвели очи твои, Сионе, и виждь, яко прийдоша к тебе от запада, севера и моря и от востока чада твоя»), эта грация мраморного кружева и красота колонн, эта царственность — не роскошь, но именно царственность золотых стен и дивного орнамента — пленяет, покоряет, умиляет, убеждает... Исчезает ограниченность и тяжесть маленького страждущего я, нет его, душа растекается по этим сводам и сама слидается с ними, становится миром, я — в мире и мир во мне. И это чувство растаявшей глыбы на сердце, это ощущение крылатости, как птица в синеве неба, дает не счастье, не радость — но блаженство, — какого-то окончательного ведения, всего во всем и всего в себе, — всякого всячества, мира в единстве. Это, действительно, **София**, актуальное единство мира в Логосе, связь всего со всем, мир божественных идей, *κόσμος νοητός*. Это Платон окрещенный греческим гением Византии, это его мир, его горняя область, куда возносятся души к созерцанию идей. Языческая София Платона смотрится и постигает себя в Христианской Софии, Премудрости Божией, и поистине храм св. Софии есть художественное, следовательно наглядное доказательство иоказательство явления св. Софии, софийности мира и космичности Софии. Это не небо и не земля, свет небесный над землею это не бог и не человек, но сама божественность, божественный покров над миром. Как понятно стало чувство наших предков в этом храме, как правы они были говоря, что не ведали они, где находятся, на

* Размышления о храме св. Софии были опубликованы в **Русской Мысли** за 1924 г. (оттуда перепечатаны в книге "Автобиографические Заметки", в изд. YMCA-PRESS, Париж 1946 г.,) с рядом изменений как литературного порядка так и богословского (Римская тема уже изжита).

небе или на земле: они и на самом деле были ни на небе и ни на земле, но между, в св. Софии: это *μεταξύ* было философским провидением Платона. Св. София есть последнее и молчаливое откровение греческого гения о св. Софии, жест векам, которого уже не смогли и до конца не умели осознать и выразить богословски гаснущие византийцы, и однако она жила как высшее откровение в душах их, зарожденная в эллинстве и явившая себя в христианстве. И здесь, в Софии, для Софии, в связи и по поводу Софии зазвучала божественная софийная симфония православного богослужения...

И здесь с новой силой, убедительностью, самоочевидностью понимаешь неведомый ему самому смысл слов св. Иустина Философа о том, что Сократ и Платон были христиане до Христа, и Платон есть пророк Божий о Софии в язычестве. Мне никогда не приходилось слыхать или думать, что св. София есть платоновское царство идей в камне, восставшая над хаосом небытия и его победившая илея, актуальное в се, все как единое, всеединство. Оно явлено и показано миру. Боже, как свято, как дивно, как неоцененно все это доказательство...

Входишь... И отовсюду, сверху и снизу, со всех сторон душу наполняет это чувство пространства и свободы, безмерности и ограниченности не борьбы границы — *πέρας* — с безмерностью *ἄπειρον* но светлого радостного согласия — тайна св. Софии... Останавливаешься до купола: он впереди. Со стен звучит тихо и гармонично это золото, оттененное дивным и благородным орнаментом. Разве могут быть не золотыми, не сверкающими нетленным, нержавеющим золотом стены Храма? Разве могут быть не золотыми стены и здания небесного Иерусалима, спустившегося на землю? Это само собой разумеется и здесь это показано. Перед глазами эти колонны справа и слева, вдали высится алтарь, а свод зовет к себе, под себя, пережить его небесность, и входишь, становишься под ним, в самой его середине, он тихо и властно объемлет душу и входит в нее... Запрокидываешь голову насколько можешь, чтобы глотнуть этого свод полной грудью, напиться его и раствориться в нем, и душа уплывает в его безмерности, теряется чувство тяжести, телесности, летишь, летишь, как птица. Но снова опускаешь голову и снова изумленно смотришь на висящийся алтарь, на боковые колоннады, на колонны хоров с их кружевом мрамора, с непрекращающимся звучанием золота стен, и снова улетаешь к своду... О, я знаю, я не раз в жизни испытал это чувство блаженства, перед великими создателями искусства,

боговдохновенными творениями, и каждый раз это было свое, неповторяющееся — тоже блаженство, но всегда различное и индивидуальное. И здесь, после **рабства**, рабства самым суэтным и презренным стихиям мира, эта свобода в Софии, этот полет в лазури. Приближаешься к алтарю, опустевшему и лишенному своего престола. Здесь мысль невольно несется к прошлому: как здесь все было, если ограбленный скелет храма так дивен... Что было здесь, когда Патриарх и Царь со всем клиром и синклитом, в златых одеждах, в золоте небесного Иерусалима священное действовали в этом алтаре, и храм наполнен молящихся, и курился фимиам: когда была полнота живой Софии, а не омертвевшее тело ее. Какой был замысел богослужения в этом храме... Не было на земле подобного по красоте софийности — богослужения. А ныне... ныне храм Бога, но не христианского, отнят у Христа и отдан Лжепророку. Но и ныне здесь молятся и молятся достойно, достойнее тех, кому принадлежит храм... Бог сдвинул светильник и отдал храм чужому народу. Они молились. Как прекрасна, благообразна, чинна была эта молитва, как красивы были они сами, мерно и благоговейно то склонявшиеся, то полнившиеся в молитве, как благородно звучали их восточные напевы в молитвословии. Они, пленив Храм, обарабили его, дали ему свое лицо, свою душу. Конечно, они не заметили, не знают св. Софии, ограничили ее до мечети, но они явились и являются благоговейными «местоблюстителями». И их молитва, их благочестие производят чарующее, успокаивающее душу впечатление: «из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу». Они — младенцы и сущие. Храм отнят от недостойных и до времени вверен местоблюстителям. И невольно подумалось: они достойнее нас, тех, которые недавно еще собирались «воздрузить крест на св. Софии», что бы безобразничать гам безвкусием и рабством своим... Но София этого не допустила, отвергла непрощенных, и осталась у прежних детей. И да будет...

София есть Храм, вселенский, абсолютный храм вселенского человечества и вселенской Церкви, имеющий для христианского мира в его истории значение аналогичное Иерусалимскому Храму, интегральное значение. Иерусалимский храм принадлежит Ветхому Завету, началу истории, посему он должен был упраздниться, Храм Новозаветный принадлежит вселенскому будущему Церкви, а сейчас пока не входит вселенской Церкви в ее исторической силе и славе, после раскола церковного, после Фосия и Веттулария отнят у христиан и отдан местоблюстителям. И снова: какая слепота какая детскость у нас, когда мы считаем себя,

Россию Николая II и Распутина, св. Синода, Плеве и Победоносцева, достойной и готовой воздвигать крест на Софии: говорят, приготовили даже в Питере, с какого-то приходского храма, крест на Храм... думали как Магомет окровавленными сапожищами вступить в Софию и наложить и в ней на стене свою лапу, синодальным хором пленить эти стены. Но в гневе воззре Господь, и посмеялся нам... И правы пути Твои, Господи! Но — или София есть археология, памятник прошлого, музейная ценность, — но против этого говорит... она сама: пусть судит и свидетельствует об этом имеющий очи видеть и уши слышать, — здесь носится Дух Божий, благодать Божия, зов Божий, веление Божие, непреложность обетования, **София живет** божественной, бессмертной жизнью, София есть, потрясающий факт для сознания и современного и всех времен христианства; или — София — символ, пророчество, знамение. У старообрядцев есть мудрое, как вижу теперь, поверье, что София будет восстановлена в конце мира. Если освободить эту мысль от эсхатологического испуга, ее окрашивающего, то это значит, что София осуществится, станет возможной лишь в полноте христианства, в конце истории, когда явлен будет ее самый зрелый и последний плод, когда явится Белый Царь, и ему, а не политическому «всеславянскому царю» откроет свои врата Царьград, и он воздвигнет Св. Софию, а освятит ее не распутинский ставленник, но вселенский патриарх, папа Римский. И посему история не кончена... Мы еще в «средних веках» в смысле варварства и идем к новому средневековью в смысле вдохновения Истории — впереди, хотя мы уже видим и чувствуем ее конец, к чему она идет, но история внутренно не окончена, она на полном ходу, и прочь туман и испуг, навеянный тяжелым часом истории, внемлите гласу Св. Софии, ее пророчеству, она не в прошлом, но в будущем, она зов векам и пророчество, история окончится внутренно в Царьграде и лишь тогда станет возможно, без испуга и не от утомления говорить об «эпилоге истории», Соловьев рано об этом заговорил... Есть история, история внутренно не закончилась, пока нет в мире христианской св. Софии, пока она не стала хотя на мгновенье победным фактом истории, вот что говорила мне св. София.

Разумеется, обыденное «православное» сознание считает, что время Софии в прошлом, когда был православный царь и патриарх в Царьграде. Но это до очевидности не так: то была **Византия**, оп-

* В журнальной публикации: «не вселенский патриарх, но в сознании своем иерарх вселенский».

ределенная, местная и по отношению ко всему остальному миру на-
сильственно тираническая, как и по отношению к местной, во-
образившей себя вселенской церкви. Но св. София, хотя и создана
Византией, точнее всем эллинством, но возвышается над визан-
тизмом, есть его отрицание. Как возможна оказалась св. София
в Византии? Как могла она иметь своим строителем Юстиниана,
так уже отразившем на себе черты византийца? Это — загадка,
нет, это — тайна. Или это значит, как всего естественнее думать,
что София адекватно выражает Византию, но тогда она должна
была бы погибнуть с нею, а она живет, так же как живет Платон,
хотя нет уже эллинов (а есть лишь этнографические их срод-
ники)? И разве Византия, это зрелище церковных разбоев и на-
силий над Церковью, а вместе и непрестанного надмения помест-
ной церкви, может быть признаком достойной Софии? Конечно,
только гений эллинства, живший в византийстве, мог родить оди-
наково — богословие вселенских Соборов и св. Софию, и вне
эллинства нигде — менее всего в Риме, также не знаяшем и не
понимавшем себя, своей собственной природы, и служение Все-
ленского Первосвященника смешавшего с земным владычеством,
— было бы это возможно. В этом свидетельство непререкаемое
самобытности восточной церкви, от Византии преданной
России, она не может и не должна быть утеряна и под водитель-
ством вселенского первосвященника, — непониманием и небре-
жением этой истины питалось и питается разделение церквей, ее
восстановлением — и только им одним — может быть оно прео-
долено (иначе попытки унии будут иметь такую же судьбу, как
и доселе). И об этом свидетельствует св. София. Невольно мысль
несется в наши русские, домашние, семейные храмы, полные
такого тепла и уюта. И тот же небесный купол над ними, но
этот купол над «домашней церковью», небо в клети, в доме...
Это тоже купол небесный, но не тот свод над всей вселенной, о
котором говорит св. София, он есть его *prius*, ему предшествует
и во времени, и в истории, его предполагает. Это — интимность,
— первохристианство, катакомба, монастырь, домашняя церковь,
но это не мировая история, не Человечество Конта-Вл. Соловьева,
а св. София есть это Человечество...

И медленно переходишь из места в место, из точки в точку,
причем все в новых переливах, в новых перспективах открывается
этот свод небесный; время остановилось, а между тем зовут, надо
уходить. А там молятся, поют, припадают, кланяются мусуль-
мане на месте святе, ныне опустелом, у св. Престола... Как благо-
родно, как величественно лицо молящегося турка, как красивы

движения... Нет, сейчас рано освобождать и воздвигать крест над св. Софией, когда снимаются кресты с наших домашних русских храмов, пусть пока там благочестиво молятся местоблюстители; своими щитами с арабскими молитвами заградившие наши священные изображения. Боже, до чего таинственна история [неразб.] человека...

* *

Русские славянофилы всегда относили пророчество о Византии к русскому православному царю, всеславянскому (Тютчев). Но этого мало для Софии. Что для космоса Россия? — провинция. — Славянство? этнографическая группа. Но София всенародна, она не национальная, местная, но в селенская церковь, все народы призывавшая под свой купол. А ее хотят сделать по-местною, народною, приходскою церковью, ее, кафедрал мира... А вместе с тем заветы царства отданы востоку, восточной церкви, Византии и России. Но как София была создана, когда не было еще разделения церквей, так и возвращена христианскому миру лишь когда его не будет: как этого не понимали наши славянофилы, что нельзя церковной провинции иметь храмом Софию. Единственная церковь должна породить единого Белого Царя, но этот царь есть историческое задание и мечтание востока, которое трагически не удавалось до сих пор, и под развалинами царства рассыпалась и церковь, за вторым Римом рушится Третий, но воскресает новый Рим, который в едином древнем Риме получил свои бармы, а Москва только промежуточная точка в пути...

10 (23).I.1923.

Опять испытание для моей смертной воли: молодая женщина, католичка, никогда не знавшая католической веры, но жившая всегда с русскими, хочет присоединиться к православию, — исповедаться и причаститься. И я опять перед той же трудностью, которая год назад стала передо мною, когда я присоединял Е. К. Ракитину (в том же смысле). Вспоминая тогдашнее свое состояние, я вижу, как я далеко за это время продвинулся к католичеству. Я спрашиваю себя: не лигы ли я пред Богом, «присоединяя» ее, ибо присоединение в обычном понимании означает отреченис от высшей церк. власти, которую гайно и я признаю? Разумеется, она не понимает, что делает, для нее присоединение будет прео-

бражение, погому что она присоединится к таинствам, но я при этом чувствую свой паралич все яснее. Как было бы легко, ясно и радостно, если бы я мог искренне ниспровергать ересь латинства и присоединять к единой истинной церкви. А между тем теперь у меня сознание, что я от полноты церковной увожу ее в ущербное состояние, в провинцию. Изнемогаю от бессилия... Что будет со мною, если жизнь будет ставить предо мною эти же вопросы все в новой и более острой форме? Господи, Ты помоги, укажи, научи... Я не знаю, не могу...

В день Богоявления зашел, наконец, разговор об этом у арх. Анастасия: он, конечно, заволновался, хотя я говорил только о желательности соединения церквей, но не о доктринах... Кругом меня, в церковных кругах, среди духовенства и «мирян» все остается неподвижно, косно, они ничего не нажили и не перечувствовали. Но гораздо хуже, что то же самое и в католических кругах, и здесь поместное заслоняет всеяенское, иезуитский фанатизм здесь в Константинополе неразборчив в средствах, создалась атмосфера тяжелая. И я чувствую, что я ударяюсь о каменную стену равнодушия, непонимания и оголтелости (м. Антоний). А в то же время я среди них авторитет, за мною ухаживают, со мною носятся, а я... ношу в сердце измену: как будут меня поносить, как будут опечалены, когда это раскроется... Я не имею покоя даже среди богослужения. Ко мне ходит о. Глеб В.*, католик. С одной стороны, я ему не верю, инстинктивно сжимаюсь перед ним, как перед змеей, чувствуется какая-то лживость, задняя мысль, лукавство, «иезуитизм» во всей его повадке, а в то же время в церковном сознании я с ним, я к нему ближе, чем ко всем нашим (кроме далекого и — увы! — для меня теперь немого о. Павла**), я вслушиваюсь в его речи, выспрашиваю его с тайным сочувствием. Вероятно, он и сам не подозревает, насколько я к нему близок, хотя, конечно, поражен (и, наверно, отписывает кому следует) переменой, во мне произшедшей с 1917 г., когда мы виделись. В сущности, мы единомышленники, но боюсь, не одинок ли и не так же ли бессилен и он в своей церкви, как и я в своей. Мы оба вывишнуты, он в католицизме, в которое теперь и обращает (увы! он может то, чего я уже не могу!), а я в схизму, которой уже не разделяю. Оба мы — уроды, опередившие свое время.

* Отец Глеб Верховской, вероятно из окружения католического экзарха Феодорова.

** Флоренский (1882-1943(?), известный ученый и богослов, самый близкий друг о. Сергея Булгакова.

Слышал за это время рассказы о творившемся в Карловацком соборе, об его атмосфере: даже я не думал что это так тяжело, так страшно, так безнадежно. Там и не интересовались делами церковными, — митр. Антоний* с обычным цинизмом заявлял: «кто теперь интересуется религией: два архиерея, 4 священника, да 6 мирян, [неразборч.], правой или левой партии они служат» — все было поглощено политиканством, — ищут нового барина, устроиться по-старому... И это в такое время, когда поля побежали от жатвы... При полной свободе, единственное место русской церкви, они ничего другого не нашли, кроме обычных банальных миссионерских резолюций. А затем и этот собор был отвергнут патриархом, и наступила смута. В России церковь погибает от советского гнета, а здесь от внутреннего бессилия. И разве возможно, разве мыслимо при этом противодействовать католической пропаганде? Это то же, что сравнивать дреднот с триремой. И нечего отгораживаться благочестивым жестом о силе Божьей, в немощах совершающейся, для оправдания слабости и равнодушия... Боже, укажи путь, научи!

11 (24).I.1923.

Получил письма: пишут из Белграда, из Праги и Софии, и везде одно: как нужен мой приезд для блага церкви, какие надежды на меня возлагаются... Если бы знали, что у меня на душе... Но что же? или я обманщик, который обманывает всех и вся, или же на самом деле посыает меня Бог для важного и нужного дела и для него спас меня из пасти львиной? Здесь православие уже есть нечто иное, чем было, до известной степени и есть в России: не общий и основной факт жизни, как бы сам собою разумеющийся для всех, и внутренних и внешних, но принадлежность общины в изгнании, национальная церковь: кроме католичества здесь только и есть ведь национальные церкви. Этим становится по-новому и дорого, и жизненно православие, но этим оно и развенчивается, низводится в этнографию. Этнографически по-видимому, являются здесь и остальные местные православные церкви, безучастно, а то и враждебно относящиеся друг к другу. И в этой жизненной переоценке православия как **русской** веры — не в России, великой, необъятной и практически безгра-

* Митрополит Антоний Храповицкий, б. Киевский, один из трех кандидатов на Патриарший престол. В эмиграции возглавлял т. н. Зарубежную часть Церкви до своей смерти в 1936 г.

ничной, но в рассеянии, в изгнании. Только одна национальная вера была в то же время и вселенской у народа рассеяния, но ведь это и был избранный народ, и ему были даны все обетования. И его рассеяние было особое, как и его нерастворимость. Но теперь это умаление православия до уровня национальной веры испытывается как унижение и умаление: как какие-нибудь копты, марониты, армяне, караимы... С этим умалением не может мириться ни русское сердце, ни русское церковное сознание. Или у русской церкви должен быть свой особый мессианизм, как и у русского народа, или она отжала, потому что влечь национальное, этнографическое существование она не может. Вселенское чувство должно быть удовлетворено. Вот почему меня заранее раздражают эти обратившиеся в православие чехи, уже запросившие себе автокефалию, — эти националисты-мещане, которые продали свою веру за чечевичную похлебку церковного национализма, и то же чувство внушают все эти микроскопические национальные церкви с их мегаломанией вместо вселенской. Православие есть, несомненно, интегральная основа русской народности, теперь и здесь более чем где-либо и когда-либо, и вместе с тем русская душа совершенно неспособна к мелкому, этнографическому национализму: для этого она и слишком избалована величием своей истории, грандиозностью своего национально-исторического процесса, который тем самым практически принимался и за вселенский, и слишком рыхла и неоформлена, и слишком богата. Для своего национального чувства русскому нужно вселенское ядро, — это аксиома, а без этого он быстро утеряет и последний вкус к церковности, то есть подвернется самой существенной, внутренней денационализации (а я скажу: пусть лучше так, чем этнографическое православие чешского или даже греческого образца). Итак, рассуждая чисто отвлеченно: то, что содействует поднятию кафоличности в русской вере, в русском православии, то содействует и духовному сохранению русской народности. Таковым, в известном смысле является воссоединение с католичеством, сверхнародным и всенародным. Спрашивается поэтому, не угрожает ли католичество, как это до сих пор всегда и несомненно угрожало в образе полонизма, германства, русской народности? Как патриоты несомненно правы были и св. Александр Невский, и св. Ермоген, отрицавшие пополновения ливонства и польщины (хотя этого национального оправдания нельзя уже приписать св. Ионе и др. русским епископам, отвергшим флорентийскую унию). Итак, содействует ли уния с католичеством интеграции русского духа, сохранению русского народа, по крайней

мере заграницей? Разумеется, с религиозной точки зрения ложна даже самая постановка этого вопроса, как и всякий религиозный утилитаризм, но в плоскости культурной, исторической, так сказать, вторичной, он вполне уместен. И несомненно, что уния означала бы внутренний напор латинства на православие, просто в силу его внутреннего и внешнего превосходства и культурности. Но ведь этот напор контрабандно был уже сыздавна, и ему конкурирует напор протестантский (арх. Анастасий, столь непримиримый к католикам, соизволяет на обучение приближенных, даже клирика в amer. рел. инст.). В конце концов, или нашему богословию придется снова проходить школу, это даже неизбежно, но вместе с тем, в конце концов, безопасно: настолько я верю и в глубину, и в богатство, и в даровитость русской натуры, ей всегда нехватало школы, оформления, того, чего хотел Петр Великий и нужен религиозный великий Петр, т. е. просто Петр, наместник Христов. Но для русской души нужна опора, гранитные грани: она расплескалась, разболталась. Одним словом, сейчас соединение церквей, уния с Римом патриотична, нужна для избавления России от хаоса, для спасения России. И здесь снова невольно возникает великий и роковой вопрос: подавляет ли католичество национальности или их сохраняет? Здесь, конечно, следует различить возможные компликации в самом католичестве: Польша, несомненно, пользовалась католичеством для своих целей, а католичество Польши и окатолichение России через Польшу означало и означает и ополяжение России, православие есть барьер для полонизма. Подобным же образом неизбежно денационализируется каждый отдельный русский, попадающий («сворачаемый») в католичество, просто потому, что он остается лишен своей национально-церковной среды. Но в Галиции уния, то есть, католичество, — восточный обряд, несомненно сохраняло малороссов от поглощения Польшей. Итак, речь идет прежде всего о том, является ли присоединяющееся церковное общество достаточно обширным, чтобы вести свою собственную национально-культурную жизнь? Отсюда следует, что обширное, массовое, групповое присоединение не сопровождается опасностью денационализации, напротив, для нее может предохранить (*sic!*). И отсюда как будто следует, что уния с Римом, при отчаянном положении церкви в России, при рассеянии русской эмиграции, является патриотическим актом самосохранения, как и сохранения обряда от вольностей и искажений, а церкви от окончательного распыления, анархии, автокефализации...

Все это так, но, говорят, дух католичества, т. е. латинства, так тлетворен и чужд, что он разложит, отравит ядро нашего национального духа. *That is the question* — семь раз примерь — один раз отрежь. Я этого не вижу, м. б. по ограниченности своей.

14 (27).I.1923.

Сегодня благословенный день --- 25-летие нашего брака, се-ребряная свадьба! Немею в благодарности перед милостью Божией! Какое благословение Божие на мою всю жизнь было дей-ственнее и очевиднее нежели то, что Бог свел меня и дал мне ангела-хранителя, подругу жизни, которой я никогда не стоил и которая всегда была для меня верной опорой. Поистине браки делаются в небесах, и наша встреча с разных сторон мира — я из Ливен, она из Крыма — сама была чудом. Когда я вспоминаю тот блаженный вечер 25 лет назад в милом и родном Олеизе, то вижу, какими глупыми и наивными мы тогда были, какой даль-ний путь жизни нам предстоял. А на этом пути и Ивашечка, и священство, и радость, и горе. И теперь, на чужбине, мы оба вместе, Господь сохраняет ее чистую душу и жизнь. Нет с нами Феди, и далеко все близкие родные, а многих уже нет в живых. Как воздух, как свет, как солнце, такова в жизни моей Неличка. Господи, благодарю тебя, сохрани и продли нашу жизнь. По человеческому разумению, кажется, вся жизнь моя сложилась бы по-иному, если бы мы не встретились или же не сошлись тогда. Я лишился бы опоры, счастья и чистоты и погрузился бы в без-характерную хандру, а, может быть и спился бы. Но перед нами стоит трудная и нами неразрешенная задача жизни: воспитание детей, в котором мы пока явились несостоятельны в это трудное время. Конечно, я совершил грех, согласился на Олеиз, и через это освободил свою семью и себя, но мог ли я поступить иначе? И теперь, несмотря на старость, на то, что горения пола давно уже по милости Божией прекратились, оба мы юны душой и свежи и идем навстречу новым, м. б., последним испытаниям, — передо мной страшный и трагический вопрос о последнем церковном самоопределении, пред нею — быть со мною, меня сдерживать (однако не удерживая). Когда обозреваю глазом нашу 25-летнюю жизнь, вся она есть постепенное просветление и спадение по-вязок с глаз... Первые годы — 1898-1900 заграница и упоение счастьем, однако с угрозой грозной болезни (туберкулеза), 1901-1906 г. — счастливые годы Киева, с рождением двух сыновей,

но с начинающимся изломом жизни в революции. С 1906-1909 г. я окончательно вернулся в церковь. Жизнь в Москве переходная до 1909 г., когда раздался гром с неба: кончина Ивашечки,* и с нею переворот всей жизни... Молодость, без знания горя, окончилась, кое-что было бесповоротно сломано, сердце было ранено, казалось, навсегда и непоправимо, но вместе с тем в нем зародилась новая жизнь, которая созрела в волю к священству. Так шло до войны и революции, которая, наконец, помогла моему священству. Затем большевизм и испытания: потеря Феди, обнищание, опасности, приходская жизнь и изгнание: ряд ступеней, по которым Господь нас возводит к уразумению воли Своей... Лишь бы дал Господь силу и мудрость воспитания детей и указал мне правый путь церковный!...

16 (29).I.1923.

Вчера я служил с архиепископом в греческой церкви Панагии (Введение во храм на Пере). Прежде всего внешнее впечатление: большой храм с колоннами и отгороженным какими-то стеклянными стенками (как кассы в магазинах) пространством перед алтарем, масса электричества (тоже вроде иллюзиона), икон мало и плохие, даже на иконостасе грубая и безвкусная позолота, но в общем самый храм производит скорее благоприятное впечатление своими размерами, и он был переполнен. Когда мы пришли, царские врата были открыты еще от ранней литургии (здесь и боковые приделы имеют одни общие царские врата). Катапетасма кроле тяжелого щита, не доходящего до земли, была отодвинута. Говорят, что обычно царские врата представляют собою большую дорогу, по которой все, даже не исключая женщин, шляются к алтарю. Мы, конечно, заперли. Самый престол удлиненный, на католический манер (говорят, что обычно на востоке алтарь **бывает** и совсем у стены — явный знак древности этого обычая), под киворием на столбах, с занавесами, окружен приступкою. На нем крест, что-то вроде двух рипид и свечи, большая дарохранительница. Крестов у них своих на престоле нет, были наши. Антиминс без плитона, часто бывает и без мощей. Жертвенник также под навесом и с занавескою, справа и слева, общий для двух престолов. Толпится беспорядочно народ, хотя, видимо, стесняются и на нас смотрят наивными, дикарскими глазами, светские

* Средний сын С. Н. Булгакова Иван, умер в Крыму от нефрита, 4 лет.

и попы в характерных камилавках и с косицами пучком. Стали облачаться. Не сразу определил, где я нахожусь. И лишь позднее я понял, что это был боковой алтарь, а стол, около которого мы раздевались, был св. престол. Я был в совершенном ужасе, когда рассмотрел: на престоле было навалено: какой-то чемодан, две рясы, нашими клириками, быстро подчинившимся общим нравам, складывались ризы. У другого придела на престоле были навалены какие-то богослужебные книги и опершись в фривольной позе стоял служивший священник, и нам протягивали — на запивку после причастия — по рюмке красного вина. Относительно главного престола сдерживались, только было по бокам положено несколько книг. Это был такой ужас, что и сейчас с тяжелым отвращением вспоминаю про этот базар в алтаре, и это благополучие, совершенно исключительное. Вчера мне рассказывали, что люди, приходившие в греческий храм на Страстной к Страстям, со слезами уходили, не вынеся безобразия в храме. Говорят, что это — турецкое иго. Но разве турки сами так молятся и ведут себя внешне и внутренне в храмах? Это внутренне одиличие, утрата благоговения к святейшему, к алтарю и престолу, не может быть объяснено игом. Им может быть еще с натяжкой объяснено невероятное безвкусие и отсутствие своего (оказывается, нет своих риз и парчи, все из России, нет иконных лавок и под., и это при богатстве, при торгаществе), но им не может быть объяснено это отношение к храму, даже не языческое, даже не [неразборч.], а какое-то этнографическое, фольклорное. Для греков вера стала национальной феской, и понятна слепая, тупая ненависть к католичеству (мне рассказывали, что на какое-то их торжество с патриархом приглашаются представители **всех** вер, даже раввины, **кроме католиков**). Вот от этого-то отрыва от всеянской церкви они и стали такими, так выродилось великое и величественное православие! Это так ясно, как простая гамма! Как бы то ни было, но даже при русском служении с архиепископом я ушел совершенно неудовлетворенный, и должен сказать прямо, что я не могу и даже не должен служить с греками. Это не нравы, это — разная вера, это богослужебная ересь (как справедливо заметил о. Леонид К.). Ведь если говорят, что дух православия в богослужении, что именно этот дух соединяет и отличает нас от инославных, то какое же единство духа, молитвы, тайнодействия соединяет нас с греками? Повторяю, это — другая вера, это национальный обряд греков, который имеет величайшую национальную стойкость (характерно, что у греков так стойко держатся их разные обычай), но духовное содержание выпарилось.

У них и монастырей здесь нет, кроме Афона. Правда, там есть подвижники, и держится знаменитый афонский устав, но и там тот же национализм (не пускают теперь старейшего первоиерарха русской церкви митр. Антония, куда идти дальше!). Одним словом, несмотря на то, что служба была наша, впечатление от вчерашнего дня было потрясающее. И это новый, неожиданный и неотразимый аргумент в пользу того, что для мирового православия жизненную необходимость составляет разделение церквей, и византийская церковь действительно изнемогла и иссохла за грех отпадения от вселенской церкви! Подобный же варварский характер, немножко лучше, немножко хуже, имеют и балканские церкви: сербская и болгарская. Неудивительно, что здесь, как и в греческой (а говорят, что Константинопольская церковь стоит еще выше афинской) на нет сошла исповедь. Если у нас духовенчество есть самая слабая сторона, то что же здесь! Поэтому фактически исповедь иногда выходит из употребления (в Сербии!). Я пока еще ничего не знаю, но я и не мог предполагать, что на востоке дело стоит так плохо. И этот-то обскурантизм составлял и составляет главный оплот «православия», за что восхваляют греков (как я прав оказался в «У стен Херсонеса») и главное препятствие к соединению церквей. Вероятно, так было это и при Марке Ефесском!

.....

31.I (13.II).1923.

Боль о происшедшем с М*** упала и затихла сама собой, — от лености духовной и силой низости Карамазовской, и я перестал спорить с Богом, и ко мне вернулся дар Его — служить Ему и молиться Ему. Но Феди нет, и нет никаких вестей. Пароходы еще не пришли, и есть возможность надеяться. По ночам болит и рвется душа, в дневной суете затихает. Предаю себя и его на волю Божию. Ведь человеческим разумом действительно не решить, что для него нужнее, быть с нами или оставаться, — ведь мы не знаем, что будет завтра, и вся обстановка такая вулканическая в Европе, что мы и не воображали этого, из нее выезжая. И русская скорбь так неутолима и неизбывна здесь, как мы тоже не воображали. Разумеется, мы по-прежнему желаем и ждем его сюда, п. ч. слишком ясно то неутешительное, что ждет его там, — без нас будет еще хуже, чем в Ялте. Молим Господа, да вернет он нам чудесно возвращенного уже им мальчика. Внешне моя жизнь, благодарение Богу, устраивается. Зовут в Прагу, зо-

вут и в другие места (Берлин, Париж, Вену). Особенно ценишь это, когда видишь, как боятся и мучаются другие. Но, конечно, основной тон жизни — это на беженском положении, ~~в~~езде из милости других, только терпимы. Однако это состояние диаспоры, я и сейчас это вижу, для нас нужно и спасительно.

Католическая драма в моей душе столь же безысходна, хотя и нет такого мрака в ней, какой был самые первые дни. Я набрался духа — сообщить арх. Анастасию* свои теперешние взгляды и настроения (хотя, разумеется, в очень смягченном виде, однако сколько мог по совести, а не по малодушию) и через это я сильнее еще почувствовал всю неподвижность и злобную непримиримость в нем (да и во всем епископате, без исключений, не все так [неразборч.] как м. Антоний, но это лишь дело темперамента и характера, а не мировоззрения). Во всяком случае, у меня нет того камня на душе, который был сначала, — утаивания чего-то, обмана. А между тем здесь междувероисповедный вопрос принял безнадежный характер грызни и подсиживания. Разумеется, вся сила и преимущество в борьбе литературной на стороне католиков, хотя они (включая Тышкевича,** Голь) не выходят за предел т. наз. коренного католицизма, но это никогда не имело решающей силы. К сожалению, образ действий здешних католиков в уловлении душ помошью стипендий и виз подает большой повод к тому, чтобы говорить об «иезуитских» приемах и об этом здесь все говорят без различия оттенков. Я многое нахожу сказать в их защиту и оправдание и, разумеется, не испытываю никакой горечи при этих «совращениях» от распущенного нигилизма в католичество. Но непосредственному впечатлению, которому здесь и надо доверять, это претит, противно. И слушая рассказы о новых и новых случаях «душехватства», спрашиваешь себя об этой ревности: что же действительно представляет собой реальное, живое католичество? Не есть ли это чуждая и несоединимая стихия, как это думают, например, о. Павел,*** и немудро, бесмысленно стремиться соединить несоединимое? Другая биология, другие легкие, как у рыб и у птиц, дышащих под водою и на поверхности? Но как я могу узнать католичество, интимно не приближаясь к нему, не соединяясь с ним? А между тем, это невозможно при теперешнем характере вероисповедных отноше-

* Анастасий (Грибановский), впоследствии митрополит, преемник митрополита Антония в возглавлении «Зарубежной» Церкви.

** Тышкевич, польский граф, иезуит, проповедовал историю русской духовности в Восточном Институте в Риме, умер в 50-х годах.

*** Здесь, как и дальше речь идет об о. Павле Флоренском.

ний, п. ч. такое приближение было бы истолковано как ренегатство, которое я во всяком случае считаю прямой изменой в страшный час испытания и вообще шагом ложным. А в то же время остается непреложной догматическая основа существа церквей, а в частности, и примат Петра, от которого исступленно отрицаются наши иерархи (м. б., и по привычному своему автократству: правда, они ссылаются на связь с бутафорскими «восточными патриархами», но для того, чтобы на практике с ними не считаться, и здесь они сразу попадают под железную руку). А из этой догматической основы вытекает и сознание единства церкви... Получается заколдованный и безвыходный круг, о который я ударяюсь и который все снова, в бесплодном изнеможении, пребегаю. Догматически отрицать католичество нельзя, *ergo?* А этого *ergo* тоже сделать нельзя, п. ч. оба мира слишком далеки и чужды. Воинствующие католики решают вопрос просто «совращением», воссоединяя *separatos*, т. е. уничтожая вопрос, да и действительно, нельзя как будто практически видеть иного исхода, п. ч. о соединении церквей никто не мыслит и слышать не хочет. Да и кому слышать? в России «живая церковь», большевизм, гниение, протестантизм, здесь иерархическая косность, явленная в Карловцах и всюду, а у католиков сокнутая рать иезуитов, готовых к бою и действующая как один человек. Но пред лицом этой рати, этой земной силы и мирского могущества, я чувствую себя в православии и православным более чем когда-либо. Новым здесь для меня еще является некоторое, хотя и малое, знакомство с греческой церковью: понятно, почему и как она устояла от католиков. Это националистическая церковь, в которой мысль и сознание понизились до уровня провинциальной мегаломании. Их богослужение ужасно: все различие от католического обряда не больше, чем то, что отделяет нас от греков при единстве обряда. Я не мог бы с ними служить и не могу молиться с ними. Они сделали православие своим национальным знаменем и в карикатурных формах осуществили византийские предания. Для нас это пустое место (я даже не говорю об археологических и восточных патриархах, которые совсем никому не нужны). Нет более очевидного подтверждения утверждения католиков о том, что православие находится в национальном окостенении, как греческая К-льская церковь с притязаниями на «вселенскость» своего папы. Пародия и карикатура! При том в отношении к русской церкви — полное равнодушие: мы нужны были лишь пока были богаты. Поэтому о вселенскости православия не может быть и речи, есть лишь русское православие, в этом приходится убеждаться все

сызнова, но есть ли и оно? Трагизм моего положения в том, что я, находясь в такой апории, переживая такую *époque*, не могу выскажаться решительно ни о чем, я скован и в параличе, а в то же время от меня ждут все опоры и утешений, слова. Бердяев обращается ко мне с приглашением в «Вехи», в журнал и пр., и он прав, ибо это нужно. Всюду зовут меня и ждут для укрепления православного дела, и всех ждет разочарование и скандал. А я в трагической *époque*, я по совести не знаю, куда и как идти, *metacès* ибо я по совести говоря, вышел уже из догматического православия, но жизненно остаюсь в нем. Иногда мне кажется, что я должен, будучи в православии, исповедовать католические догматы Флорент.[ийского] собора. И логически как будто что так. Но не есть ли это лишь малодушие и непоследовательность, которая способна лишь породить церковную смуту и соблазн? С одной стороны, признавая папу, я должен его и слушаться, т. е. перейти в католическую от него зависимость, стать католиком, чего я не хочу; с другой стороны, если православные, в силу своей аморфности и недисциплинированности и потерпят от меня такой раскол, то сам-то я понимаю всю трудность и ложность своего двойного подданства, и католичество-то уж более серьезно и взыскательно и помириться с этим разве в порядке *reservatio mentalis*, по двусмысленному примеру Соловьева, с разрешением скрывать католичество, данным от папы... Криптокатолик... бр!.. Всегда в истории, когда выступал этот вопрос о соединении церквей, он раздавливал плечи того, на кого он своею тяжестью ложился (J. [неразб.] и др.). А теперь этот вопрос лег на мои плечи, и притом в роковую минуту истории... Но, м. б., не он лег, а это моя бесхарактерность: я слишком слаб, чтобы внутренно выдержать испытание для православия, и спасаюсь бегством? Ищу нового барина? дарового спасения чужой ревностью, чужими руками? Но в тоже время когда я сталкиваюсь с тупым, невежественным, недобросовестным трактованием католичества à la м. Антоний, во мне подымается все существо. Я считаю грехом против Духа Святого мириться с этим, с этим во всяком случае надо бороться. Здесь есть прямо граница духовного возраста, которую я раз навсегда перешел и обычное в православии отношение к католичеству для меня отжило.

Ах, о. Павел! Всегда он был для меня загадкой, а теперь больше чем когда-либо в своем молчании. Что же он думает? Ведь он-то чужд предрассудкам, ничего не боится и судит по существу. И он знает, что католичество есть подлинная церковь

Христова, знает ее силу и правду, знает и границу (историческую) православия. Что же он думает? или опять свою идею православия бестрепетно противопоставляет рушащемуся миру, катастрофе православия? Спасает ли пророчествованием? Я не могу и не должен. Для меня пророчествование — стихия, но одно пророчествование — дилетантизм жизни, несостоятельность. Надо найти себя в истории, реализовать себя в священстве. И стучусь об стену. Боже, помоги мне грешному, Ты укажи мне путь мой!

6 (19).П.

Чистый понедельник. Константинополь.

Вот и Великий Пост, первый на чужбине. Застыл в переходном состоянии, не имею церкви, хотя благодарю Бога, что имею, где служить и сослужить. Семейное положение без изменений, Феди все нет и нет. Католическая боль тоже без изменений, все думаю ту же думу и жду, что Господь укажет мне явно свою волю. В России антихристове владычество все явственнее и над церковью. Готовятся к собору, но, очевидно, он погрузит русскую церковь уже не только в рабство, но и в ересь. А здешняя церковь, по справедливому суждению русских церковников, не имеет законного возглавления, п. ч. им не могут быть беглые епископы, хотя бы они и собирались на соборы. Получается какое-то состояние оторванности и одиночества церковного, в котором можно быть лишь временно. Впрочем, пока что, над собой законного епископа я буду иметь в лице Евлогия, поставленного патриархом. — В прошлом году я встречал и проводил вел. пост холодно, — приходская обстановка, привычная для клира, и «вторая роль» мешали мне и связывали. С восторгом вспоминаю первый вел. пост в священстве в Олеизе, когда я, после отъезда о. Василия, был при большевиках там один. Но теперь нет там великого поста, который мог быть прежде, все оплевано и загажено, м. б. только крадучись и с позволения начальства. Но и сам я не чувствую уже того восторга, который бывал прежде. Что это значит? Охлаждение ли веры и молитвы? Или же изменение тона и характера религиозной жизни? Все-таки устаревает обряд, что ни говори, и постепенно выходит из употребления. Вернее, жизнь делает свой отбор. Конечно, никогда не устаревает литургия, Страстная неделя, Пасха, но тот огромный, громоздкий и не осуществимый при не-афонских, не исключительных условиях жизни — он остается все больше и больше лишь в книгах, как священная археология. Пока это еще недостаточно осознано

благодаря обычной косности православных, и однако надвигается неумолимо и закономерно. Вот и даже «Мефимоны» классические, — они перестали меня почти духовно радовать. Вся невыносимая риторика, искусственность и напыщенность лезут в глаза, рядом с упоительным и богоодхновенным — ненужные, головные, натянутые сопоставления, и только сладкогласие «Помощника и покровителя» скрашивает. А ведь это одна из вершин великопостного богослужения. Бояться этого нечего, п. ч. это естественно. Разумеется, на мой век хватит, я до конца жизни буду совершать великопостное богослужение в прежнем диапазоне, но не думаю, чтобы это удержалось уже так в следующем поколении. И особенно это гаснет без помощи чарующего фольклора, весны, звонов, быта, всего очарования великопостной атмосферы, которая отсутствует за границей, но разрушается теперь и в России. И как все-таки даровита русская натура, как богата русская душа даже и в богослужении, здесь это яснее видишь. Как заново, по-своему, претворила она греческий оригинал, утраченный самими греками...

13 (27).II.1923.

Третьего дня в неделю православия я был в знаменитом Фанаре на служении греческого патриарха Мелетия, бывающем раз в год. Место историческое: врата, ныне закрытые, на которых в начале прошлого века повешен был патр. Григорий V (не спасло и анафематствование восставших греков), и гордый византийский герб, — нам хорошо знакомый двуглавый орел и на царских вратах (!) и у него на груди, и «фанариоты» современности. (Греческий патриарх еще недавно, вместе с поднявшими голову и впавшими в мегаломанию греками, демонстрировал свое византийское величие и никогда не умирающие у них претензии.) В храме так же грязно и отвратительно, как и в других греческих храмах, но облачение патриарха было царское, даже не византийское, а ассирийское, так гармонировавшее с его бородой и восточным стилем, и сонм (8) архиереев, тоже в хороших и красивых облачениях, словно сошедшие с старинных греческих икон (я, разумеется, говорю про контуры лишь, а не про воплощение [?], это было поистине великолепно по своей живописности). Служба была тоже приличная и своею простотою выгодно отличалась от нашего архиерейского сумасшествия. Но обычных греческих мерзостей было и здесь сколько угодно, хотя к ним и принюхиваешься: и патриаршее пенсне с футляром на престоле

подле Св. даров, и небрежно брошенный крест, который потом взял с престола какой-то мужик, сунул в карман и понес патриарху, и спешно разоблачающиеся тотчас же после причастия архиереи, и возня в царских вратах с сором и на престоле сторожа по окончании службы. Тем не менее, сам патриарх был величествен в роскоши своего облачения и очень живописен. Кажется, это и все, что осталось от прежнего византийского величия. По окончанию службы я наблюдал языческий обряд, здесь распространенный (я наблюдал его и во Влахернской церкви накануне): к иконе приклеивают монету, чтобы узнать, услышана ли молитва. Держится — да, не — нет. Монета со звоном упала внутрь ризы Богоматери. Н. К. Клуге говорил мне, что у них до сих пор есть жергвы. После службы были приглашены на прием к патриарху (он именинник). Глубокий восток. Сели. Молчание. Впрочем, архиереи болтают по углам и, конечно, курят. Принесли шербет, из общей чашки, по ложке, затем вода. Затем по чашечке кофе, — не всем хватило. Посидели в молчании минут 15, и прием окончился. После был еще на приеме у его викария. Для меня интуитивно стало ясно в этот день, в чем дело: почему греки, наши единоверцы, и особенно их духовенство, нам чужие, несмотря на единоверие это — восток (о котором мечтают евразийцы), они — не европейцы, а мы Европа, окончательно и решительно, люди европейской культуры, т. е., католики, западные по истокам культуры. Вот почему всякий западный христианин, а тем более католик, нам ближе и роднее, чем восточные бонзы с их лукавством, фанатичным национализмом, скорлупой которого оказался и обедневший и обездуховившийся у них обряд, с их особым примитивизмом. Это — мулы, ближе к ним, чем к нам. Была *fuīt* — великая византийская культура, ранее европейской, и она [неразб.] была живым христианским благочестием и породила тот византизм, который как *хτὴρα εἰς ἀεὶ* вошел в историю церкви и лег в основу русского церковного сознания. Но Византия и ее культура умерли с падением Царьграда, и теперь греки, кичливо несущие византийский герб, не византийцы, они восточные варвары, так же, конечно, или еще больше, чем другие «восточные патриархи». Вот почему мы, православные русские, остаемся им чужды, и единство церкви есть отвлеченная идея, фикция. И вот отчего умерла заживо греческая и восточная церковь в своей тупой ненависти и зависти к католикам, т. е. к Европе, которую они поэтому берут еще более внешне, утилитарно, протестантски, чем великий Петр. Одно будущее спасение для русской культуры и церкви, которая не может жить одними

своими силами, это мир востока и запада. На прошлой неделе я осматривал мечеть Кахриэ-Джами с ее чудными мозаиками и фресками, полупогибшими и погибающими. Восторг смешивается с удивлением перед теперешней греческой мерзостью и безвкусием, — никакой связи, поразительно. Были и во Влахернах, — одни развалины. Храм, построенный русскими, — с двумя русскими же иконами [неразб.]. Там я видел и этот турецкий пистастр на древней иконе Богоматери.

— За это время читаю записки Витте, письма Государыни, — этот потрясающий, единственный в своем роде документ — святость и безумие! И как становится ясно, что помимо интеллигентшины, произошло самоубийство самодержавия в лице лично почти святого царя. Трагедия! Их жизнь и мученическая праведная кончина возносят их на высоту, небывалую в истории, не бывало в ней и подобных событий — такой страшной гибели целой царской семьи и целого царства. Какие мещане по сравнению с ними эти Вильгельмы германские, австрийские и прочие! И поистине Бог возлюбил Россию. Над самодержавием произнесен мене-такел-фарес и Николай II был обречен, чтобы осуществить его собою. Он совершил политически это самоубийство с первого дня царствования, которое было ему вверено Богом, не взято хищением, но затем началось самоубийство церковное, главы церкви, «цезарепапы». Распутин — вот яд или меч, которым поражено было изнутри самодержавие. Но что значит Распутин? как возможен Распутин? Он возможен потому, что существующие представители Церкви не авторитетны, ибо они ему фактически (если не канонически) подвластны, и в то же время не обладают учительным авторитетом... В деле императора он несколько не стесняясь перешагивает через постановления синода по указанию Распутина и повелевает пересмотреть это дело. И архиепископы безмолвствуют перед Распутиным не только потому, что боятся за себя или за династию, но и потому, что ни один из них не обладает полнотой церковной власти и ее непогрешимостью, ни каждый в отдельности, ни синод в (им же называемый и фактически возглавляемой) совокупности. Распутин — это символ разложения цезарепапизма изнутри, — это безблагодатный, ибо неканонический цезарепапа, поставляющий выше учавшей церкви «пророка», прельщенного и прельщающего. Я спрашиваю себя: возможен ли был бы Распутин, если бы Государь имел бы над собою абсолютную церковную власть папы? Очевидно, нет, п. ч. Распутин, запрещенный папой, был бы тем самым запрещен и Церковью, и он даже не мог бы появиться. Т. о. еще

раз и в этом кризис самодержавия с Распутиным (а эта его роль теперь выяснена бесчисленными документами) был в сущности кризисом православия как цезарепапизма. У восточных народов цезарепапу заменяет национализм. Поэтому автокефализация национальных церквей есть рок «схизматиков», непреодолимая для них граница. Относительное цветение православия возможно было лишь в рамках великодержавности великого народа, возглавляемого цезарепапою, или же на место его приходит мещанство мелкого национализма. Цезарепапизм или филетизм, таков удел схизмы, *tertium non datur*.

23.II (8.III).1923.

За это время получено, наконец, известие о моем назначении в Прагу. О Федином же приезде все нет известий, хотя казалось бы, что он должен быть со дня на день. Одновременно из Праги получил более точное известие о гамошных церковных настроениях. Мухомор чешской автокефалии пышно расцвел шантажем «нового Рима». «Вселенский» посвятил чешского архиепископа и ему обрек на [неразб.] и разграбление чешскую русскую церковь с храмами, имуществом и, главное, душами. Роль греков оказалась и здесь столь же роковой для русской церкви, как и ранее. Т. е. я попадаю в свежеиспеченную «схизматическую» церковь, в которой религия, по-видимому, и не почевала, но действуют националистические интриганы типа пресловутого Гетвинка, главы неогуситства. Наши шлют сюда жалобы и разъяснения, но какие же разъяснения помогут у этих политиков восточных. И снова камни волпуют одно и тоже: схизма наказуется внутренним разложением. А у нас как умиляются о новой чешской православной церкви, да и на самом деле как это эффектно выглядит со стороны. Мое положение сугубо трудно: я с своими идеями попадаю в атмосферу доносов, сыска, атеизма, национализма и враждебности к католичеству. Как осторожно надо себя вести, чтобы не подать против себя оружия врагам, а в то же время надо делать работу Господню. Т. о. из Праги наперед для меня вынута радость, сду с отвращением к мысли об этих Четвирках и пр. Вместе с тем, очевидно, нужно это. Познакомился с иезуитом гр. Тышкевичем. Это было одно из моих поражений, невидимых миру: он был у меня, и мне надо было отдать ему визит, и я так волновался, чувствовал какое малодушие, что совершенно изнемогал. Я его не застал, но он пришел ко мне еще раз. И — увы! — мне

определенno не понравился: нечто карикатурное, «иезуитское», приторное, фальшивое в нем было. Я держал тон большей непримиримости, чем на самом деле было, и его отчитал. Какая разница от о. Глеба Верх., в котором русская душа и искания, а это — польская фальшь. Во всяком случае, Господь не оставляет своими милостями: я получаю содержание и кафедру, и хотя нет никакой веры в прочность этого, — м.б., придется скоро переезжать — но сейчас мы устроены. А одно время казалось, что все стало, и перспектива оставаться в К-ле без всяких средств и дела с семьей были страшны. Благодарение Господу!

Какие даровитые, очаровательные русские!

Слушаешь их рассказы об испытаниях, незлобивые и какие-то мудрые, и восхищаешься их даровитостью. Не отдам мою Россию никому и ни за что!

(продолжение следует)

В СВЕТЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Еженедельная православная газета-проповедь

Год издания — второй

№ 17 (35). Воскресенье.

29 апреля 1979 г.

Антипасха, неделя 2-я по Пасхе, ап. Фомы

Последовательный номер. Из евангелия на этот день:

“Фома же, один из двенадцати, называемый близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю”. Иоанн, 29, 24-25.

НОВОЕ В ПОВЕДЕНИИ

Нужно отметить, что нынешняя пасхальная ночь прошла в отличие от предыдущих спокойно: не было открытого задержания молодежи, хотя кордоны из милиции и дружинников стояли: нужно было проходить под испытующими и грозными взглядами, а не каждый решится, страх очень силен пока в нашем сердце. Не было открытого хулиганства и раскачивания парода в храме после крестного хода. Был очень силен приток разного народа, в глазах, помимо любопытства, была и задумчивость, мысль, желание что-то понять.

Чтоб отвлечь от храма, в пасхальную ночь былипущены интересные фильмы и т. д. Конечно, мы не думаем строить себе иллюзий: борьба безбожников просто выбирает методы, а не ослабевает. Борьба с верой, не только верой, как таковой, а что хотя немного напоминает о ней ведется

беспощадная. И где больше коварства: в молчаливых кордонах или в открытых нападках? — это вопрос. Безбожники не хотят понять, что они выполняют самую коварную работу отца лжи — диавола, это он их толкает... А сам по себе народ уже другой, он понимает, что религия — это величайшая сила, проявляет к ней интерес, расположен к принятию ее.

Вот два небольших факта.

I. В 1-й день Пасхи — вечером я говорил проповедь, в которой все это отметил, что написал здесь, правда, добавил, что будут открывать закрытые храмы и строить новые, ибо это о жизни, а жить каждому хочется, ко мне подошло два молодых человека (каждый в отдельности) и пожали руки, горячо поблагодарив. Нельзя сомневаться было в их искренности — так глаза неискренних не горят.

Второй факт. Я подошел к одному официальному лицу, зани-

мающему определенный пост. Говорю ему: Христос воскрес. Протянул руку: давайте поцелуемся по-пасхальному, — он радостно улыбнулся, но не стал целоваться...

— Бойтесь?

— Там наблюдают, — кивнул он головой.

— Не хватает мужества? — спросил я.

— Честно признаешься, не хватает, — а глаза просветлели, умягчились, расположились к нам.

Да, мужества пока не хватает. Думаем, что само по себе утрясется, а без мужества все-таки не обойтись.

С пасхальной радостью, с пожеланием мужества всему нашему народу.

СМЕРТЬ В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ.

Позвонили: объявил Патриарх, что скончался митрополит Серафим, бывший Коломенский и Крутицкий. Скончался на первый день Пасхи. После того, как причастился Св. Таин.

В самом деле умереть в дни Пасхи что-то особенное. При жизни мы видели митрополита в одном обличье, а в смерти он другой. Тайну русской души и смерти поймет только Бог, вот он и дал ему пасхальную кончину.

Помню, страдание в его глазах, когда он выполнял волю безбожников по преследованию меня. На покой пора, а как с таким грузом, — вздыхал он. Мучался, наверно, в своей душе,

вот и успокоился. Царство Небесное ему. Счастлив тот, кто умирает в дни Пасхи, — говорят в народе. Я бы добавил сюда: счастливы все мы, что находимся на российской Голгофе, распинаясь вместе со Христом. Дай Бог, чтоб с Ним и воскресли.

Постскриптум:

К сожалению, нужно добавить. Этой Голгофы недооценивают не только у нас, боясь преследований, но и там, где этих преследований нет. Не от того ли они разрывают ризу церковную, дробясь на мелкие конфессии. Православные с православными делятся, враждуют, обвиняют друг друга. Чего же они не могут поделить? Мы здесь, понятно, почему можем делиться и обвинять друг друга — нас разделяют насилино, а они... Господи, соедини нас всех русских православных людей в Единую Русскую Православную, Соборную и Апостольскую Церковь.

ИЗ ПИСЕМ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В Вербное воскресенье был в Церкви, это 21 километр ехать автобусом, на Пасху также собираюсь ехать. Только очень трудное положение: священник на два прихода. Последний автобус уходит где-то полдевятого, служба начинается в два часа ночи и кончается около 7 часов утра. Автобус на обратный путь в 8-9 утра, вот сколько надо быть в церкви. Правда, идет и ночью автобус, иногда полон и не берет, и поздно заходит, уже

началась служба... Думаю пойти в автобазу, чтобы дали автобус, если не посмеются...

Гродненская область

«Дедушка мой Феофан точно так же, как и ваш отец в те же годы погиб в Саратове, был труженик, честный. В конце 1978 г. вижу во сне — плыву в лодке, он гребет веслами, вода заливает лодку. Дальше плывем без лодки, я за него держусь (т. к. плавать не могу). Дальше дедушку не вижу, чувствую, что достаю землю... и нет страха, что утону...»

Волгоградская область

(Статистика: 1970 г. было крещений — 7042; 1977 — 10480; 1978 — 12080. Крещение школьников возросло на 1000 чел.

Эти данные из антирелигиозной лекции.

Вопрос с места: почему в 29 году выступали против, разрушили памятники?

Ответ: В то время я был еще маленький и не помню.

Вопрос: Почему держится корень религии?

Ответ: 60 лет короткий срок, должна быть длительная воспитательная работа.

Из того же письма

«Христос воскресе!

Желаю вам здоровья и долгих лет служения Богу и на благо всей вашей огромной паствы, знаемой вами и незнаемой».

Федор

«Молим Бога о вас, да благословит вас Господь, да продлит дни ваши, как дни неба для всех нас, жаждущих и ждущих возрождения и утешения России.»

Ваши барнаульцы.

«Покойный архиепископ Иоанн, всеми у нас уважаемый и любимый, говорил так: официальная Церковь в России, конечно, благодатна, хотя отдельные архиереи ведут себя недостойным образом. Как видите, мы никогда не дерзали отрицать благодатность официальной Церкви, ибо верим, что таинства, совершаемые священнослужителями ея, суть таинства... Мы знаем, что в официальной Церкви имеется много истиных пастырей, исповедников, мучеников, до которых нам грехиным далеко. Русская Церковь живет и врата ада не одолеют ее! И однако мы избегаем молитвенного общения с официальными иерархами, которые появляются теперь часто у нас... которые явно лгут, искажая действительность в угоду своим хозяевам. Мы от них держимся, как можно дальше.

Из письма одного иерарха Зарубежной церкви.

«Коронным номером был отказ в причастии младенцам, детям, только приехавшим из Москвы, только потому, что они причащались в церкви о. Дмитрия Дудко «священника в юрисдикции Московской патриархии», а на приходском собрании, к ужасу большинства прихожан, было сказано,

что «даже, умирая, у о. Дмитрия не причащусь»!

В результате, целый ряд прихожан Русской Зарубежной Церкви в Лондоне стал обращаться за пастырским окормлением ко мне!

Из письма одного протоиерея из Лондона.

«Всем нам необходимо стоять на страже единства всей Святой Православной Церкви, не прекращая в то же время отстаивать Истину Божию. Это две стороны одного и того же служения. Божественная Евхаристия в каноническом единстве и смелые голоса правды с разных сторон, и даже расхождения, — на пользу Церкви, что главное, Народа Божия».

Из того же письма

МОЕ МНЕНИЕ

«И как ни странно, я хочу сказать — единство Церкви в настоящее время в разделении... Мы сейчас вместе не можем быть едины, нам нужно разделиться, чтоб сохранить единство. Един-

ство такое, когда хотят загнать всех в одно стадо — это как раз самое страшное разделение и есть... Нам всем нужно учиться понимать друг друга и быть терпимыми друг к другу. Это будет тоже залог нашего единства. Пусть каждый руководствуется своей совестью, стоит или падает каждый перед Богом, Бог будет судить всех... Но это и не значит, что нельзя отстаивать правоту своей юрисдикции и даже считать других в заблуждении. Нужно смотреть шире через узкие ворота любви, заповедь любви широка есть. Живи, как говорит твоя совесть, выбирай по совести, борись по совести — сохранишь единство!»

Вопреки всему воскресает Русь, страдая мучаясь, убиваясь, даже погибая — на радость не только нам, русским, но и не русским, глядящим на нас с Запада.

Христос воскресе! — да услышат этот голос из России все живущие во всем мире.

Редактор священник

Дмитрий Дудко

В СВЕТЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Еженедельная православная газета-проповедь

Год издания — второй

№ 20 (38). Воскресенье.

20 мая 1979 г.

Неделя 5-я по Пасхе, о Самарянине.

Ев. за литургией Ин. 4,5-42

ПУТИ И ПОВОРОТЫ НАШЕГО ПРИХОДА

Как мы уже писали, приход наш — это не приход возле какого-то храма. Он создается по клоцкам, выбирается отовсюду, наш храм, если можно так выразиться — временная стоянка его. Прихода около храма вообще нет, и можно ли его создать, если везде — стража безбожников. Но нормальная церковная жизнь немыслима без прихода, поэтому приход создать необходимо. Церковь без прихода — это все равно, что храм без людей. Наша задача: создать приход и на временной стоянке и не опоздать уловить его в другом месте. Ниже публикуемый материал — это попытка уловить направление путей и поворотов прихода.

О НАШИХ БЕСЕДАХ

Я начал бывать в Гребнево сравнительно недавно, хоть слышал о беседах давно и много, порой весьма разноречивое. Хочется поделиться своими впечатлениями.

Мне кажется, что основное достоинство «гребневских бесед» заключается в том, что они построены не только в форме простых вопросов и ответов, но и

превращаются порой в живые дискуссии, равно затрагивающие интересы всех участников, несмотря на весьма различный состав аудитории и по уровню гуманитарных знаний, и тем более, по уровню знаний религиозных. Но всех объединяет одно желание, одно стремление познать истину, расширить духовный мир... Весьма интересным и чрезвычайно полезным новшеством стало дополнение бесед уроками Закона Божиего и изучения Катехизиса.

Прихожанин храма Андриана и Наталии.

ПЕНСИОНЕР И СВОБОДА СОВЕСТИ

Странно, но в наши дни пенсию ждут, о пенсии мечтают, хотя она и безусловный признак старости.... Сознаюсь, что эта проблема меня давно интересовала. И вот недавний случай объяснил многое.

Я вышла из храма с женщиной, с которой я стояла рядом во время службы. Наше формальное «незнакомство» не мешало нести друг другу тепло духовного рода. Я поделилась своей не приятностью на работе — выгнали, и думаю, что одной из причин было то, что идеологическому

работнику «не подобает ходить в церковь».

— Да, это верно, — согласилась моя собеседница, пожилая женщина и рассказала случай из своей жизни.

«...я почти сорок лет проработала на закрытом, номерном заводе. Сдружилась за это время с многими сотрудниками нашего завода. Но вот особая дружба меня связала с четырьмя женщинами, с которыми сейчас, когда я ушла на пенсию, особенно близка. Они мне просто родные люди и вот почему. Мы были близкими друг другу людьми всегда, мы делились радостями и горем, мы помогали друг другу, поддерживали друг друга, не могли жить друг без друга. И мне казалось, что у моих подруг нет секретов от меня. Но у меня-то был один секрет, одна сокровенная тайна, которую я открыла им сразу же как пошла на пенсию — я верю в Бога, я ходила в церковь все эти почти сорок лет нашей дружбы. «Простите, мои дорогие подружки, я была в этом неоткровенна с вами. Но жизнь наша действительно заставляла это делать. Господи, прости мою душу грешную, — сказала я и, уже ничего не боясь, с огромным облегчением перекрестилась. Каково же было мое удивление, когда мои подруги все одним разом расплакались, перекрестились, пали на колени перед иконой, которая теперь без тревоги за близких и родных была перед постоянно горящей лампадкой, и также, не боясь ничего, радуясь свободе, внутреннему раскрепощению ду-

ха произнесли: «Господи, прости мою душу грешную».

Теперь мы свободно говорим о церкви, перезваниваемся по телефону, договариваемся о том, когда в следующий раз пойдем в храм. Господи, как хорошо, что мы постарели и свободно говорим о Боге».

От ред.: Нет, вы помолодели, а не постарели. Вот что говорит самый молодой человек о настоящей старости.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ШКОЛЬНИКА

Часто говорят, что религия — пережиток прошлого, архаизм. Но на самом деле атеизм изжил себя. Если посмотреть в храм: туда идет все большее количество молодежи. И никто их туда насилием не затягивает. Заглянем на комсомольское собрание. Разве хоть один комсомолец верит в комсомольские идеалы? Разве не насилием затаскили молодежь на это собрание? Каждый занимается своим делом. Кто-то разговаривает, кто-то читает, кто-то играет в крестики-нолики... От комсомольских поручений все отлынивают. На комсомольских бумагах расписываются и за себя и за товарищей. Был случай, когда на комсомольский билет наклеивали чужую фотографию и никто этого не замечал. Для чего же эти юноши и девушки состоят в комсомоле? Ведь они сами поюю даже открыто смеются над идеалами организации. Более того, смеются партийные. Зачем ломать комедию? Скажут, все так делают, ну выполнни и ты эту

форму. А для чего? Но тут есть серьезные доводы:

1. Есть неофициальное положение: не комсомольцев в ВУЗы не принимать.

2. Если ты состоишь в комсомоле меньше 3-х месяцев, тебя тоже постараются не принять.

3. При поступлении в институт учитывается стаж пребывания в ВЛКСМ. Так что лучше вступай в 14 лет.

1. Предыдущие пункты обязательны для всех. Если же ты хочешь иметь большие преимущества при поступлении в институт, то постарайся попасть в комитет комсомола (это совсем несложно, т. к. желающих мало). Если рядовому комсомольцу ничего делать не нужно, то члену комитета приходится иногда что-то делать. Еще лучше в секретари организации. Здесь придется немножко потрудиться, но зато в характеристике напишут об этом. Ну вот теперь понятно, почему у нас миллионы юношей и девушек приносят жертвы комсомольскому пд.о.у. Есть правда случаи, когда отдельные комсомольцы хотят оживить организацию (не потому, что верят в смысл ее существования, а из чувства долга, что ли?), но они иatalкиваются на сопротивление дирекции. Оказывается, кроме того, что комсомол — отжившая организация, она еще и бесправная. Например, хотели одного мальчика принять в комсомол, а дирекция запретила и не объяснила почему. Члены комитета естественно жалеют его. Ему в этом году поступать в ин-

ститут, а тут такая история. Это далеко не полное описание комсомольской жизни говорит само за себя. Можно, казалось бы, порадоваться: идеалы безбожия молодежь отвергает. Но у современной молодежи вообще никаких идеалов нет. Именно поэтому они для того, чтобы обеспечить себе сытую благополучную будущность, идут против своей совести.

В храмах все чаще можно видеть молодежь. Это лишний раз напоминает нам, что религия — это не пережиток прошлого, в ней лишь спасение, выход из безнадежного положения.

Сообщил школьник

От ред.: Уста младенца, как говорится, изрекают истину. Этот школьник высказал искренне все, что увидел. Не все взрослые так могут. Хотя, впрочем, вот вам и высказывания взрослого.

ГЛАЗАМИ ВЗРОСЛОГО

Дети — радость планеты! — так пишут газеты и поэты, так кричит радио.....

Безбожники обесценели личность ребенка и породили массовые всенародные аборты, что и сократило рождаемость.

Убить младенца? Ерунда! За это не судят, наоборот — этому способствуют. В больнице стоят на очереди по абортам.

Говорят, что место свято пусто не бывает. Но кто же занял это святое место ребенка в семье? Ответ: Кошки, собаки и прочие морские свинки и черепахи. Вот попробуйте убить чужую собаку

или кошку? — привлекут к ответственности. — А младенец? — Он мешает праздно жить, это ничего...

Если до революции детей по воскресеньям и праздникам приводили в церковь причащаться, то теперь по выходным и праздничным дням гуляют с кошками и собаками, наряжая их в костюмчики, белые рубашечки с черными бабочками...

Воскресенье. Идет муж с женой, оба среднего возраста, вид праздничный, несут собачушку на руках, как драгоценного младенца.

Девочки в косичках, наряженные, ведут собачку, очевидно делать прививку.

Женщина молодая перед входом... причесала головку своей мохнатой собачке.

Молодой супруг остановился перед входом... и расчесал гребенкой животик своей болонке.

Сообщил наш корреспондент

А. Семенов

Но довольно, тяжело становится на душе, послушаем, что говорят поэты.

А над городом моим
Бродит ночь. И ветер-мим
Облаков проносит ворох...

Рыбки в банке на окне
При ликующей луне
Все вздыхают об озерах.

Сергей Бударов

Нужно создавать приход, где бы мы могли жить в единомыслии и согласии, честной и чистой жизнью, вместе стремиться к Царству Божию. Приход — душа церковной жизни, будем создавать приход. Создавайте приходы и постепенно оздравится вся наша жизнь.

Редактор священник

Дмитрий Дудно

В СВЕТЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Еженедельная православная газета-проповедь

Год издания — второй

№ 22 (40). Воскресенье.

3 июня 1979 г.

Приход может начинаться с самого неожиданного. Допустим с такого заявления.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОТЪЕЗДЕ

Я решила уехать из России. И главной причиной для этого является полная зависимость нашей православной церкви от безбожного государства, внедрение его влияния во все сферы работы Церкви, тем самым внося осквернение, развращение во святая святых. Я, работая регентом в одной из московских церквей, за год четко уяснила, в каком двойственном положении находятся служители церкви. В каждой церкви есть маленькая крупинка верующих душ: священников и прочих, и большая часть людей, работающих там ради наживы, являясь рабами наших правителей. Певчие и регент, в основном, работают там из-за денег, всё, так называемое церковное искусство, пение зависит от количества денег. Чтобы получить место регента правого хора, необходимы либо родственные связи в мире священников, либо стать любовницей кого-либо из глав церкви: старосты или настоятеля. Без этого и не мысли получить хороший хор. Но ведь за работой регента тоже следят, если он с душой и верой отдается работе, если добивается молит-

венного настроя в песнопении, а не старается быстрей проскочить богослужение и бежать за деньгами, то такой регент становится неугодным. Мне сказали, что надо богослужение проводить быстро и весело, не разводить филармонию. Наш настоятель, единственный у нас священник, который придерживается устава, находится в задавленном положении, его никто не уважает, не считается с ним староста и другие сотрудники. А регент должен как-то делить себя между старостой и настоятелем, т. е. идти на компромисс постоянно. Я решила до конца жизни не уходит из храма. Храм для меня стал родным домом, и я хочу использовать максимально свои музыкальные способности для служения Богу, а не дьяволу. На Западе певцы почти ничего не получают за пение, но они идут, по-видимому, туда по вере. Я думаю, что настоящее искусство, которое питается божественным духом, не может быть зависимым от материального вознаграждения.

Сообщила регент Г-я.

От ред.: Насколько нам известно, у отъезжающей появилось колебание — уезжать ли? Конечно причина отъезда может быть разная, и даже извинительная, но

все-таки оставаться здесь — быть на Голгофе, со Христом участвовать в страданиях.

А мы здесь вместе жили, бегали
И Родина была одна.
Теперь вы от нее уехали,
И тень вслед бежит смешна.
То обгоняя поезд скорый,
То отставая невзначай.
А вспомнитель хоть в раз который
Отброшенный, как мячик, край.
Бывает в жизни видно всякое,
Друг изменяет, предает.
Бегут вперед вагоны, звякая,
И всё летит наоборот.
К чему всё было жить и бегать,
И Родиной своею звать,
Чтоб навсегда от нас уехать
И больше наших мук не знать?
Вы не поймете, не услышите...
И станет наш язык чужим.
И детство под одною крышею
В трубу уйдет, как старый дым.
А мы здесь будем жить и
мучаться
И Родиной своею звать.
И будет жизнь, как бич,
раскручиваться,
И очень больно нас хлестать.

Март, 1971 г.

В ТРУДНОСТЯХ УКРЕПЛЯЮТСЯ

Недавно в Христианский комитет по защите прав верующих вступил доцент Московской Духовной Академии священник Василий Фонченков. Вот чем он мотивирует свое вступление.

«Непосредственным поводом моего решения о вступлении в

Христианский комитет явилось опубликование в периодической печати 7 мая с. г. изложения Постановления ЦК КПСС «о дальнейшем улучшении идеологической, политico-воспитательной работы»... За более чем 60-летнюю историю Советского государства КПСС систематически и тотально, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства, пытаясь погасить в народе религиозное сознание и заменить веру в Бога предрассудками материалистического воззрения. Однако, религиозное сознание в народе живо, наблюдается во всех вероисповеданиях на территории СССР, продолжает набирать силу процесс религиозного возрождения среди молодежи и интеллигентии».

Автобиография вступившего такова.

Автобиография

Я, священник Вас. Вас. Фонченков родился в 1932 г. в г. Москве в семье старого большевика (члена КПСС с 1914 г.), начальника Штаба Красной Гвардии Дорогомиловского района г. Москвы в 1917 г. (именем его и его брата названа одна из улиц г. Москвы). В 1950 г. окончил среднюю школу, а в 1955 г. Исторический факультет Московского городского педагогического института. Работал научным сотрудником Центрального музея Революции СССР, Московского областного краеведческого музея (бывший Ново-Иерусалимский монастырь).

Родившийся и воспитанный в атеистической семье, разочаро-

вавшись в официальной идеологии, восемнадцатилетним юношей принял крещение в Православной Церкви. Обучение в институте, вопреки целенаправленной атеистической обработке, не поколебало моей веры в Бога, а работа в музеях — государственно-пропагандистских организациях — лишь укрепила мои религиозные убеждения. Моя работа в Московском краеведческом музее совпала с хрущевской антирелигиозной кампанией, в результате которой музей был превращен в один из методических центров по руководству атеистической работой в Московской области. Несмотря на это, сотрудники музея обращались в христианство, а один из них, кроме меня, принял сан священника. С 1964 г., решив посвятить себя служению Церкви, работал в храмах г. Москвы чтецом.

В 1966 г., незадолго до своей кончины, мой отец, сознательно возвратившись к Богу, принеся церковное покаяние, принял Святое Причастие. Это окончательно укрепило мое намерение стать священником. В 1969 г., сдав экстерном за полный курс Духовной Семинарии, поступил учиться в Московскую Духовную Академию. После окончания Академии в 1972 г. был назначен референтом Отдела внешних церковных сношений и преподавателем Академии по кафедре Истории СССР.

В 1971 г. принял сан дьякона, а в 1973 г. стал священником.

В 1976-1977 гг. был настоятелем Сергиевского храма в Карлхосте (Берлин) и редактором журнала «Голос Православия» Среднеевропейского экзархата Русской Православной Церкви. В настоящее время веду курс Византологии в Московской Духовной Академии, доцентом которой являюсь с 1974 года, и занятия в Семинарии по конституции СССР.

16 мая 1979 г. Подпись.

От ред.: Невольно вспоминаются слова из Деяний апостольских: «Савл же, дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим. Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань, и иди в город и сказано тебе будет, что тебе надобно делать». (Деян. 8,1-6)

Кто знает, сколько Савлов, может появится, еще в России? А сколько было? А сколько мучеников? Россия стала первохристианской страной, мученики есть и доселе.

НОВОМУЧЕНИК

17 декабря 1978 г. в г. Чарджау Туркменской ССР был зверски убит православный священник о. Николай Ивасюк. Поздно вечером к его дому подъехал газик, из которого, как сообщают очевидцы, вышло шесть человек в милицейской форме. Они вошли в дом. Утром о. Николая нашли мертвым. У него были вырваны волосы, выколоты глаза. На теле ожоги от утюга и сигарет. Всё тело было изорвано и изрезано. Тело убитого было отправлено во Львов, где живет его семья. Куски мяса, одежду с запекшейся кровью прихожане бережно похоронили около храма и поставили крест с надписью: «Убиенный протоиерей Николай». Уполномоченный по делам религии приказал убрать надпись. Кто убийцы и ведется ли расследование, неизвестно до сих пор.

О. Николаю было около 50 лет.

Осталось пять дочерей. Рукоположен во диакона Архиепископом Ермогеном Голубевым в декабре 1959 г., во священника в 1960 г. тем же Епископом. Епископ, как многим известно, был активным и деятельным, за что был отстранен от служения и удален на покой в Жировицкий монастырь, Белоруссия. Недавно скончался. Оба, о. Николай и епископ Ермоген, надеемся, встретились на браке Господнем.

Прослужил о. Николай в Чарджау более 10 лет. Был покладистого характера и врагов не имел. Он был убит накануне своего дня Ангела, только что воротился из отпуска. Убит двумя выстрелами.

Года четыре тому назад также зверски убит епископ Мефодий, с которым я учился в Духовной Академии. Вечная им память, помолитесь о них.

Редактор священник

Дмитрий Дудко

ИЗ ПИСЕМ СВЯЩЕННИКА ВАСИЛИЯ РОМАНЮКА

В начале 1979 г. священник Василий Емельянович РОМАНЮК был этапирован после семилетнего заключения в особом лагере в Мордовии в ссылку на север Якутии. Его нынешний адрес: 678300, Якутская АССР, поселок Сангер, до востребования.

За два дня до отправки в ссылку заключенный священник был садистски избит надзирателем лагеря. Ему отбили почки, мучившие его весь период тяжкого двухмесячного этапирования. Подвергли его глумливому личному осмотру-обыску, отобрали все личные записи, которые до этого не раз проверяли и возвращали как «невинные». Из его записей вернули лишь цитаты из Библии и псалмы рукописные в тетради. Но уже на этапе между Ульяновском и Пермью другой ретивый конвой отобрал у него и эти записи. Отец Василий пробовал протестовать. Но начальник конвоя вразумил: «Всякие религиозные предметы считаются запрещенными. Потому они у заключенных изымаются и уничтожаются».

Вот строчки из его последних писем:

«...Пересыльные тюрьмы переполнены людьми, клопами, вшами. Меня едва не заели, точно пытка. На каждой пересылке приходится ждать от двух дней до полумесяца. В Якутии страшные морозы, к которым я, человек юга, не приспособлен, да еще с кучей болезней, нажитых в мордовском политлагере. У меня по-рок сердца, ревматизм, гипертония, на пределе измученный тухлой пищей и полуголодом желудок».

«...Я много думал о тяжелой участи истинно верующих христиан. Гнет над ними двойной по сравнению с другими з/к. Над ними издеваются и администрация, и уголовники, и конвой. И никто не несет за это ответственности. С них срывают кресты, отбирают все клочки бумаги с религиозным словом... Письма ко мне от соотечественников и друзей из-за рубежа конфисковали сотнями без всякого документального оформления. И опять-таки никто не несет ответственности. Произвол во зле никем не сдерживается, точно в царстве злодати. Главная трагедия атеистического общества — отсутствие в нем всякой гуманности, сочувствия и сострадания к людям. Невольно вспомнил сессию Всемирного Совета Церквей в Найроби в 1975 г. И стоило же собираться

иерархам, чтобы ни на йоту не облегчить участи ни одного верующего страдальца, ни одного рядового священника, давимого со всех сторон враждебной властью. Меня не интересует, что говорили наши церковники от СССР, ибо они говорят то, что им разрешили, запланировали. «Нам нужны такие религиозные деятели, которые бы не активизировали свою деятельность, а сворачивали ее», — сказал мне следователь КГБ в 1970 году. И наши церковные деятели из кожи лезут, чтобы угодить этому требованию воинствующей атеистической власти. Поэтому стоит ли огорчаться тому, что они «глаголили» в Найроби? Но потрясает и мучает другое: как делегаты Запада позволяют себя обманывать и руководить собой во всем. Попустительство Господне! Иначе не назовешь. Как они благосклонно, вежливо внимаю, когда наши посланцы лжи (атеизма) гремят с трибун о равноправии верующих с другими гражданами (например, партийцами). И нет среди них ни одного, как есть среди нас в нашем невыносимом сжатии преосвященный ЕРМОГЕН и священники, взвалившие на свои одинокие плечи всю тяжкую участь непосильной ноши духовного запустения.

Зло стало тоньше, хитрее. Оно не убавилось, не смягчилось. И если арестовывают меньше, то просто не требуется этого. Власть имеет теперь дело не с народом, доставшимся ей от христианской России, который рационально подлежал поголовному истреблению и перековке, но с народом третьего поколения, отшлифованного и отесанного, воспитанного в нужном духе, угодном власти. Перед властью, собственно, теперь свой человек, забывший Бога, погрязший во лжи.

В 30-е, 40-е годы массы бесцеремонно уничтожали, теперь же всячески разработанные методы, режимы содержания, после которых человек едва дышит, с разрушенным здоровьем, разрушенной психикой, которому чаще уже не до чего. А медицинское обслуживание в лагерях сводится к пустой формальности. Например, подходит к дверям камеры фельдшер или медсестра и спрашивает: «Больные есть?» — «Есть, есть!» — отвечают заключенные. Подходят больные к двери и получают по таблетке. На этом медпомощь прекращается. К врачу на прием попасть очень трудно, а попадешь — помоши тоже нет никакой.

Заключенные постоянно испытывают мучительное чувство полуголода и голода. Пища отвратительная, из полупорченных и последних сортов, залежавшихся на складах. Желудки поэтому заболевают у всех по истечении небольшого срока заключения.

Единственное спасение — это добиться диетпитания. Но врач ответит вам так: «Мы выписываем диетпитание только туберкулезникам и язвенным больным».

Заключенный возражает, мол, зачем мне тогда диетпитание, когда я язву наживу. Мне тогда ничего не поможет. Врач холодно отвечает: «Не надо было попадать сюда, здесь вам не курорт!» Такое бесчеловечное отношение выводит больного из равновесия, он пишет на врача жалобу за «медобслуживание». После этого несчастного волокут в изолятор за жалобу. Там его избивают, обследуя и почки, и другие места, на которые он жаловался врачу. Потом з/к выходит из карцера и пишет жалобу на врача и на надзирателей, избивших его ни за что. И тут его начинают наказывать за клеветнические жалобы. Лишают его тех жалких продуктов питания в ларьке, сажают постоянно в изолятор, вызывают на «беседы» перевоспитательные. Его шантажируют, пугают... И поехало, повело... Если заключенный так с ними, сытыми, циничными, безнаказанными, потягается с полгода, то ему обеспечены и туберкулез, и рак, и язвы.

Такова примерно неотвратимая, неминуемая цепь моментов медицинского обслуживания. К тому же заключенного постоянно терроризируют конфискованными бандеролями, посылками, свиданиями с родственниками. Унижают, пугают, грозят. Ко всему этому заключенный должен встать навытяжку перед любым зашедшим в барак надзирателем, изображая почтение и подобострастие...».

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

9 июля жене члена-основателя Московской группы «Хельсинки» Александра ГИНЗБУРГА, освобожденного из заключения в обмен на пойманных в США двух советских шпионов и одновременно высланного из СССР, было заявлено, что фактического члена семьи ГИНЗБУРГОВ Сергея ШИБАЕВА не выпустят из страны, не выпустят никогда.

Обязательство допустить и способствовать воссоединению всех членов их семей входит в условия соглашения между правительствами США и СССР об обмене осужденными.

Ирине ЖОЛКОВСКОЙ-ГИНЗБУРГ, официально приглашенной для этого в московский ОВИР, было сообщено представителем Все-союзного ОВИРа ГЕРАСИМОВЫМ в присутствии и при участии заместителя начальника московского ОВИРа ЗОТОВА:

1. Сергея ШИБАЕВА, 19 лет, не выпустят из страны ни сейчас, ни позже, никогда. ЖОЛКОВСКОЙ-ГИНЗБУРГ, приемной матери ШИБАЕВА, дали понять, что формально это решение мотивируется возражением родителей ШИБАЕВА против его эмиграции (ШИБАЕВ уже более пяти лет не живет с этими родителями). На вопрос — разве не было случаев, когда дети уезжали без согласия родителей — зам. начальника ОВИРа Зотов ответил, что он таких случаев не знает. ЖОЛКОВСКАЯ-ГИНЗБУРГ заявила, что она согласна удовлетворить материальные претензии родителей ШИБАЕВА, если таковые будут предъявлены. Она заявляла это и ранее.

2. ЖОЛКОВСКОЙ-ГИНЗБУРГ было сказано, что до 25 июля она должна сообщить в ОВИР о том, что она согласна выехать без Сергея ШИБАЕВА. При этом ей было разъяснено, что после 25 июля ей придется добиваться разрешения на эмиграцию уже «на общих основаниях», то есть «только через Израиль при наличии вызова от проживающих там родственников».

Беседовавшие с ЖОЛКОВСКОЙ-ГИНЗБУРГ ответственные сотрудники отметили, что изложенное ими решение принято на высоком уровне при участии МИД и КГБ.

ЖОЛКОВСКАЯ-ГИНЗБУРГ заявила, что она не может уехать без Сергея ШИБАЕВА, особенно теперь, когда он из-за своей честности и преданности семье ГИНЗБУРГА подвергается преследованиям и находится под угрозой жестоких репрессий. Ответственные работники сказали, что это их не касается и выходит за рамки данного разговора (Армейское начальство угрожает рядовому стрелку батальона Сергею ШИБАЕВУ многочисленными дисциплинарными взысканиями, переводом в дисциплинарный штрафной батальон, а также обвинением «в измене родине», и с помощью этих угроз от него пытаются добиться заявления об отречении от семьи ГИНЗБУРГА и об отказе от эмиграции).

Таким образом, кроме демонстративного нарушения условий договоренности об обмене осужденными между СССР и США, руководители Советского Союза демонстрируют также пренебрежение к духу и букве Хельсинкских соглашений, принципиальный произвол в вопросах эмиграционной политики. (Никогда не получит ШИБАЕВ разрешения покинуть страну. Эмиграция на общих основаниях — только через Израиль.)

Власти явно заинтересованы в демонстрации политики с позиции силы. Жертвами этого являются конкретные люди: страдает вся семья ГИНЗБУРГА, его старая мать, маленькие дети, жена. Под угрозой быть раздавленным мощной машиной власти Сергей ШИБАЕВ.

Внимание международной общественности, выражение озабоченности нарушениями человеческих прав и свобод уже не раз останавливало или ограничивало произвол.

Мы надеемся, что в данном случае это внимание спасет Сергея ШИБАЕВА и поможет воссоединению семьи ГИНЗБУРГА.

9-10.7.1979.

Члены Группы: М(альва) ЛАНДА
Е(лена) БОННЭР
Т(атьяна) ОСИПОВА
Ю(рий) ЯРЫМ-АГАЕВ
В(иктор) НЕКИПЕЛОВ
(и еще 15 подписей)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РУССКОМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ФОНДУ

Я не буду говорить о Фонде то, что знают о нем многие из тех, кто получал помошь, кто получает ее сейчас, кто помогает Фонду. Я скажу о Фонде то, что я пережил, когда впервые узнал о нем, когда мои товарищи получили первую помошь, когда я получил ее сам.

Фонд. Это короткое слово заставило встрепенуться мою душу. Фонд. Что уже не разрозненные несчастные, гонимые за жажду справедливости. Фонд — это уже сила!

Когда первый мой товарищ в лагере получил помощь от Фонда, у меня навернулись слезы на глаза. Мы не одни! Словно пружина распрямилась во мне, наполняя мое сердце силой и гордостью. И окончательно я почувствовал, что такое Фонд, когда сам получил первую маленькую помощь. Но какая это была великая моральная поддержка. Эта помощь, как рукопожатие друга, как ободряющее дружеское похлопывание по плечу в трудную минуту, как поддержка под руку, когда можешь упасть.

Наверное, самую большую помощь получил я. 12 лет я отсидел в советских лагерях. Последние годы были самыми тяжелыми, но вынес я их легче, чем первые потому, что я был не один, потому, что со мной всегда были те, кого заботила моя судьба. За 12 лет я побывал в 7 лагерях и в тюрьме г. Владимира. Я был в Мордовии и в Пермской области. Около года я отсидел в карцерах. Более ста суток в общей сложности я голодал. В тюрьме 3 года я не работал — бастовал, как и все мои товарищи. В тюрьму меня отправили за забастовку. Когда я вернулся из тюрьмы в лагерь, мне оставалось сидеть меньше года. Все это время я получал помощь. Помощь материальную, но в действительности гораздо большую моральную поддержку, поддержку, без которой в нашем положении приходится очень тяжело. За 9 месяцев до моего освобождения умер мой отец. У меня не осталось ничего и никого, кроме сестры по первому браку отца. Женщина, с которой жил отец, все, что осталось от него, взяла себе, и ничего не отдала мне. Когда я обратился в суд, мне сказали, что я опоздал, т. к. после смерти отца прошло более 6 месяцев. Таким образом, я фактически остался нищим. Но мне помогла сестра, предложив жить у себя, а Фонд помог деньгами. Я и тут не был одинок среди холодных, занятых своими делами, безразличных людей.

Тепло моих друзей доходило до меня. Мне писали, помогали, поздравляли с освобождением, заботились обо мне. Фонд — это великое братство! Я обязан и благодарен ему. Низко по-русски кланяюсь ему.

В. Абанькин

24 января 1979 г.

МОСКОВСКАЯ ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ
ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

13 мая 1979 г.

**ЖИЗНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО ИГОРЯ ОГУРЦОВА
В ОПАСНОСТИ**

15-II-1967 г. в Ленинграде был арестован молодой ученый филолог-семитолог Игорь ОГУРЦОВ. В том же году он был осужден Ленинградским городским судом по ст. 64 УК РСФСР («измена Родине») к заключению в тюрьме на 7 лет, к заключению в лагере на 8 лет и к ссылке на 5 лет — всего к 20 годам лишения свободы. Как «заговор с целью захвата власти» судом было квалифицировано создание Игорем ОГУРЦОВЫМ вместе с другими молодыми учеными и студентами нелегального социал-христианского союза (ВСХСОН), в который входило всего 20 человек.

Четырех человек (в том числе ОГУРЦОВА) судили отдельно по ст. 64 УК РСФСР. Все остальные члены Союза были осуждены по ст. 70 УК.

На суде, признавая организацию социал-христианского Союза, ОГУРЦОВ категорически отвергал измену Родине. По этому поводу в письмах к родным из тюрьмы ОГУРЦОВ писал:

«...юридическая сторона дела никого не интересовала с самого начала. Неужели Вы думаете, что судьи были настолько безграмотны, что не понимали, чем отличается заговор с целью захвата власти от создания нелегальной группы, отдаленной целью которой было развертывание социал-христианского движения?». И далее: «Нелепость обвинения в измене.. и нелепость обвинения двух студентов и двух литературоведов в стремлении захватить власть в стране в свои руки (это само по себе не правдоподобно, но даже и в программе нашей сформулировано совершенно противоположное) -- все это было ясно с самого начала... Присяга, которую давали все, начиналась словами: Я, сын Великой России, клянусь Отечеству и Народу не жалеть сил в борьбе за свободу и благосостояние Родины».

Как нам известно, практическая деятельность ОГУРЦОВА и других членов ВСХСОН сводилась к изучению и обсуждению философской и исторической литературы (в том числе Бердяева, Вл. Соловьева и др.).

Совершенно очевидно, что столь суровому наказанию Игорь ОГУРЦОВ был подвергнут не за «измену» и не за «заговор», а за свободную мысль, за свободное общение с людьми, разделяющими его философские и религнозные взгляды, за создание свободной ассоциации людей, размышляющих о судьбах своей Родины.

Все осужденные по этому делу уже освобождены по отбытии срока наказания. Игорь ОГУРЦОВ уже 13-й год находится в заключении. Нечеловечески тяжелые условия заключения во Владимирской тюрьме, где он провел 7 лет, и уже пятый год в условиях Уральского лагеря, где он работает кочегаром, полностью подорвали здоровье Игоря ОГУРЦОВА.

Этот мужественный человек, переносящий с христианским терпением тяжесть своего многолетнего заключения, раньше не писал родителям о своей болезни. С прошлого года в его письмах появляются строчки о тяжелом состоянии здоровья. В письме от 14-11-1979 г. он пишет:

«...Последний год унес столько здоровья, вернее больше, чем предыдущие одиннадцать лет. Боль круговая в брюшной области и пояснице такая, что отдается каждый шаг, даже кашель, а мне приходится работать днем и ночью. Эта боль длится непрерывно двенадцать месяцев. Трудно сказать, чем это кончится».

В письме от 28-II-1979 г.:

«...Чувствую себя весьма неважно, работать очень трудно — непрерывная боль в пояснице и в низу живота, ломит тазовые кости. Поскольку я не могу с уверенностью определить в чем дело, то не могу даже принять и своих каких-либо мер. Довериться же местной санчасти невозможно, да там я и не получил абсолютно никакой помощи и никакого определения заболевания, когда год назад обратился к ней с такими симптомами».

Еще в прошлом году Игорь писал:

«...Самочувствие весьма скверное, отчасти, конечно, благодаря «курортным» двум месяцам (находился в ПКТ — помещении камерного типа), это — если учитывать только ближайшее, если же взять глубже — тюремное семилетие, еще глубже — двенадцатый год... Подправить здоровье здесь, конечно, и мечтать нечего, если все действует в обратном направлении, да и лечиться негде».

К моменту ареста Игорь был здоровым, 29-летним человеком, спортсменом, ученым, активно занимавшимся научной деятельно-

стью. В невыносимых условиях тюремного и лагерного заключения он изучал языки (английский, испанский, итальянский, французский и польский, до ареста он уже владел немецким, арабским, сирийским, изучал древневосточный и др. восточные языки), много читал, активно участвовал в борьбе за статус политзаключенного, в протестах политзаключенных против несправедливостей и поправления прав заключенных.

Сейчас, после двенадцати лет заключения, родители, имевшие личное свидание с Игорем в лагере, увидели его изможденным, больным, непрерывно страдающим стариком (это — в 42 года!).

Игорь сказал родителям, что он слабеет с каждой неделей, что симптомы болезни усиливаются, начали разрушаться зубы, выпали почти все волосы.

Попытка самого ОГУРЦОВА и его родителей добиться через Медицинское Управление МВД СССР помещения для обследования и установления диагноза в центральную больницу МВД в Ленинграде повлекла лишь безоговорочный отказ со ссылкой на «удовлетворительное состояние здоровья осужденного» (отношение № 11-1759 от 20-IV-1979 г.).

Мы помним трагическую смерть Юрия ГАЛАНСКОВА, которому так же отказывали в помещении в Ленинградскую больницу МВД, предлагая оперироваться у местных тюремных врачей, которым он не доверял...

Игорь ОГУРЦОВ погибает. Для его спасения нужны не только врачи и лекарства, а, главное, нормальные условия человеческого существования.

Мы призываем всех глав правительств стран, подписавших Хельсинкский Акт, и общественность (в частности, врачей) этих стран использовать все доступные способы и средства для спасения Игоря ОГУРЦОВА.

Члены группы «Хельсинки»: Елена БОННЭР
Софья КАЛИСТРАТОВА
Мальва ЛАНДА
Виктор НЕКИПЕЛОВ
Татьяна ОСИПОВА
Юрий ЯРЫМ-АГАЕВ

ОБРАЩЕНИЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
К САХАРОВСКИМ СЛУШАНИЯМ
1979, Вашингтон

Два года назад я просил участников Римских Слушаний уделить усиленное внимание долгосидчикам. Годы идут, идут дальше, и разрушительнее всего — для них.

На краю могилы — ИГОРЬ ОГУРЦОВ, замученный христианский мыслитель; учёный, оборванный на первых шагах; выдающийся сын России, осуждённый несправедливо, бесчеловечно, сидящий 13-й год.

Те, кто были первоклассниками, когда арестовали Игоря Огурцова, — теперь кончают университеты. А Огурцов — сидит.

Почти вся эпоха Брежнева уложилась в это протяжение времени. В Соединённых Штатах три раза произошли президентские выборы и вот готовятся четвёртые. Весь разгар вьетнамской войны уложился в эту длительность. От разгула культурной революции Китай перешёл в кооперацию с Западом. А Огурцов менял только камеру на карцер, тюремное заточение на строгое лагерное, и снова на тюремное.

Вся чехословацкая весна и чехословацкая ледовая зима уложились в эту длительность. Изменились Португалия, Испания. Взошёл, прошумел и закатился еврокоммунизм. Третий центр мирового коммунизма — кубинский — шагнул в Центральную Америку и гуляет по Африке. Возникают новые государства — к свободе или к новым оккупантам, менялись десятки правлений там и здесь. А Огурцов — сидит.

Все главные космические переживания человечества уложились в эти же 13 лет. Взокглись и улеглись, и забыты все тревоги о Дэниэле Эльсберге, об Анджеле Дэвис. А Огурцов — сидит.

Уже 8 лет было его сиденью, когда широковещательно была подписана Хельсинкская декларация, мания Запад видением эры свободы на Востоке. И имела время полинять и продырявиться уже и для самых легковерных. А Огурцов — сидит.

В этот период уложилась и вся общественная деятельность Андрея Сахарова, как мы его знаем, и вся моя публичная история от съезда писателей до высылки. Смелая семёрка демонстрантов на Красной площади взята, осуждена, отсидела, освобождена. А Огурцов, не совершивший и малого реального действия, — сидит.

Сколько имён угрожаемых, преследуемых, арестованных в СССР — Синявский, Даниель, Амальрик, пронеслись над Западом в эти годы, прорезали мировое внимание, вызвали энергичные протесты, к счастью, помогшие уже многоократно. Мощной общественной кампанией давно освобождён Плющ, севший на 5 лет позже Огурцова. Нашёл мировую поддержку и освобождён Штерн, севший на 8 лет позже Огурцова. Из малой и большой зоны вырваны — Григоренко, Сильва Залмансон, Буковский, Мороз, Винс, Гинзбург и другие. Сколько имён, кого лишили эмиграции или притесняли в Советском Союзе — супруги Пановы, Левич, другие разлучённые супруги или продержанные отказники — в несравнимые сроки получили свободу. А Игорь Огурцов все эти годы, все эти годы — сидит, и лишь недавно его имя стало мелькать изредка.

Есть сроки, переносимые сравнительно с долготой нашей жизни, есть — непереносимые. 13-й год то Владимирской тюрьмы, то строгого режима — это не первые тревоги родственников, что здоровье может пошатнуться: это убийство, уже подходящее к концу. Хладнокровно, долголетне убивают коммунисты своего идейного противника. Ещё 7 с половиной лет срока в разных сочетаниях осталось Огурцову, но они уже не понадобятся: его прикончат раньше. В момент, когда пишется это письмо, он — в новом тюремном захвате, в Чистополе, за лагерный протест — и сколько ещё таких усилений можно изобрести впереди. Происходит безжалостное необратимое разрушение его организма — опали внутренние органы, нарушилось их расположение, меркнут глаза, выпадают зубы. Пусть каждый, кто прочтёт эти строки, примерить к себе эту безвыходную безнадёжную протяжённость.

Я призываю Слушания подать убедительный голос в спасение Игоря Огурцова. Далеко не все на Западе разделяют социал-христианские взгляды, которые привели в тюрьму этого узника, — но тем более, в таких случаях и проверяется преданность принципу, универсальность защиты всякого человеческого существа.

Сентябрь 1979

А. Солженицын

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО СЕМИНАРА

В Ленинграде арестован Владимир Пореш, активист «христианского семинара» и конфискован журнал религиозно-философского характера «Община», который выпускали члены семинара.

Этот «Христианский семинар по проблемам религиозного Возрождения» власти терпели почти пять лет с 1974 года. Первым был арестован и осужден еще прошедшей зимой Александр Огородников. Владимир Юрьевич Пореш — ленинградский представитель Семинара. На западе представляет Семинар А. Э. Левитин-Краснов (Люцерн, Швейцария.)

В своей декларации создатели Семинара так объяснили свои цели:

«В поисках ответа на больные вопросы, стоящие перед современным религиозным сознанием, мы, группа молодых православных христиан, пришли в 1974 г. к идее религиозно-философского семинара. Нас привела к этому:

- жажда живого христианского общения любви,
- потребность в богословском образовании, которого иными путями мы получить не могли,
- жизненная нужда в построении православного мироцентризма,
- долг свидетельства о Христе,
- утверждение религиозной свободы, защита христианских ценностей перед лицом атеистического мира.

В разрешении этих проблем мы видим подлинно действенную правду православного делания, стремящегося обрести в глубинах церковного опыта ответ на вопрошания тоскующего мира; исторический разрыв между церковью и миром, рассекающий народное и личностное сознание, есть глубинная причина современного духовного кризиса. Жертвенный подвиг русских мучеников, онтологически преодолевших этот разрыв, стал тем нравственным фундаментом, на котором только и возможно построение грядущего христианского синтеза.

Россия ныне переживает религиозное Возрождение, предсказанное еще русскими святыми подвижниками и религиозными мыслителями. Оно обнаруживает неожиданное многообразие форм, бурное, порою хаотическое, требующее своего исследования и осмысливания. Жертвенная кровь Церкви стала семенем нашего

Возрождения, а условия гонения определили его вынужденно скрытый характер. И потому так определяет Семинар свои цели:

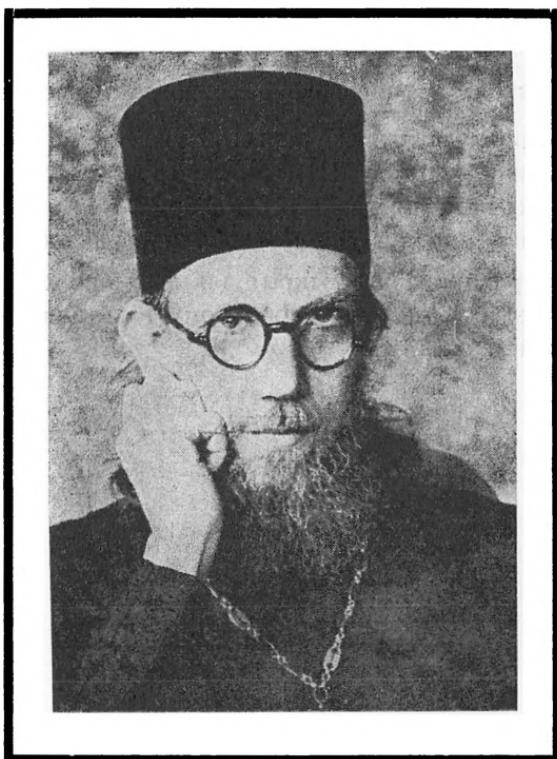
- служение делу духовного Возрождения России,
- построение общины как преодоление кризиса современной религиозной жизни и «ненавистной раздельности мира»,
- поиск путей соборного единения тех, кто страдает от унижения личности и переживает нашу раздельность как русскую трагедию,
- диалог с инославными братьями во всем мире для изыскания выхода из мирового духовного кризиса.

На собраниях нашего семинара обсуждаются проблемы Священного Писания, истории Церкви, святоотеческого богословия (кроме тем, уже названных) — как в форме цикла лекций, докладов и сообщений, так и в форме свободного диалога.

Семинар принципиально открыт для всех ищущих и в России и во всем мире, и стремится к соборному размышлению для христианского действия».

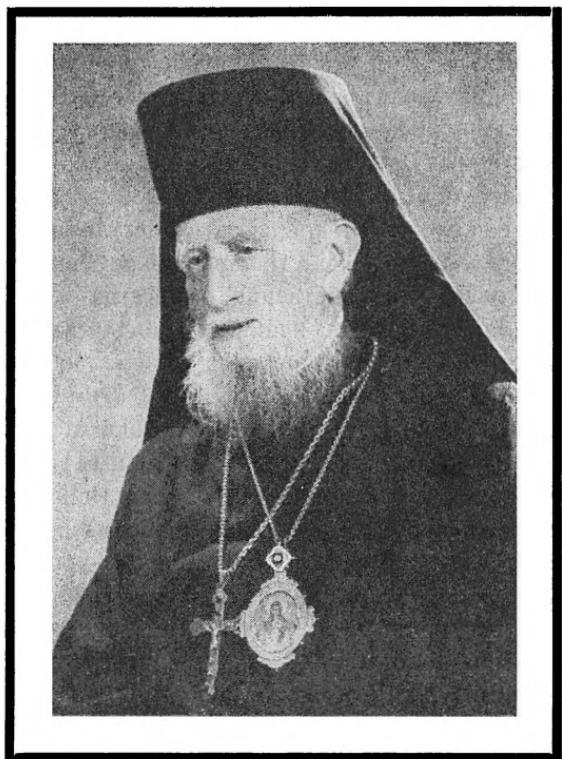
Памяти Ушедших

Некрологи об этих двух выдающихся представителях Русского религиозного возрождения будут помещены в следующем номере «Вестника».

Прот. Георгий Флоровский

1894—1979

Епископ Александр Семенов-Тян-Шанский

1890—1979

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МОСКВЕ*

Голос Первый:

— Начну с того, что номера 123, 124, 125 были так же дороги, значительны и полезны, как и все прежние номера. Каждый своеобразен, но номер 123 меня, как и многих, заставил чем-то забеспокоиться. В этом номере появился «журнал в журнале», который я воспринял сначала как нечто чужое «Вестнику». Было опасение, не дал ли края «Вестнику» и не начинает ли его захлестывать приток новых сил из Советского Союза, третьей волны, израильской эмиграции и т. д. Таково было первое впечатление, но потом я укрепился и успокоился. За «Вестником» стоит такая мощная традиция, что ему не страшны современные бури, и он может идти на риск, что собственно он всегда и делал. В этом смысле у него большой опыт, начиная с восьмидесятых номеров, когда журнал стремился увеличиться в объеме, найти и привлечь авторов из Советского Союза. Сближение с этим материалом пошло ему только на пользу. То же самое вышло и с номером 123. Будучи самым авторитетным органом, духовным источником для нас — а для меня это бесспорно так — «Вестник» может безбоязненно привлекать и пускать на свои страницы и авторов, пусть на сегодняшний день еще далеких от основного направления журнала. Этим самым он дал бы возможность — из номера в номер — высказаться тем кружкам, тем семинарам и содружествам, которые — мы знаем по опыту — сейчас существуют у нас здесь. И мы сами могли бы таким образом лучше знать слабости другого, и одновременно и наши собственные, и знать го направление, в котором развивается теперешняя духовная и религиозная жизнь. 123 не определил никакой перемены в журнале, как показали последующие номера. 124, в частности, замечательный, содержательный, твердый, в нем чувствуется твердая рука Редакции. В статье «Блюдите как опасно ходите» Н. А. Струве предостерегает молодых ленинградских авторов от соблазна, в плена которого они в настоящее время пребывают. Что же касается 125 номера, то мне о нем и говорить трудней. Я его читал в машинописном виде и сейчас, когда он появился в виде журнала, мне довольно

* Выступают разные участники. Имен мы их не знаем и поэтому обозначаем их условно.

трудно прочитать его вчуже. Но все-таки первое впечатление и последующее, когда я брал журнал в руки, было неудовлетворение. Номер вышел слабоватым, мог быть сильнее.

Голос Второй:

— Когда получаю очередной номер «Вестника», вспоминаю, как когда-то русская молодежь получала «Современник» Некрасова. Его ждали с нетерпением, выхватывали из рук, передавали, зачитывали до дыр. То же можно сказать и о «Вестнике» — интересно, свежо, хорошо. Если говорить о последних номерах 123, 124, 125 — мне хотелось бы упомянуть о двух недочетах. В 124 номере фотография иеромонаха Иеракса в «Катакомбной церкви ХХ века» обозначена как фотография о. Петра, в № 125 снят Флоренский с Новоселовым, а сказано, что с Самариным, хотя новоселовская фотография уже публиковалась в том же «Вестнике». Это надо было конечно учесть. 123 и 124 не вызывают во мне никаких протестов, они по-моему очень хороши. Я думаю, что 123 номер, который вызвал столько нареканий, как раз и является свободное, широкое отношение к существующим сейчас мыслям. Это образец той широты, которой часто нехватает нам в условиях авторитаризма. Я конечно сожалею, что в этих номерах почему-то нет работ Желудкова — то ли это случайность, то ли это направление редактора, который после нареканий в его адрес отказывается печатать его. Основная претензия у меня — к номеру 125, составленному в Советском Союзе. Его я мог бы назвать национальным номером. Патриотизм — это чувство разумное и ему есть место тогда, когда наша родина находится в опасности, когда нападает враг, когда она находится под игом рабства. Вот тогда уместно говорить о патриотизме, но в других же случаях он становится национализмом. Печально то, что многие статьи вызваны сборником «Самосознание», который в Советской России не имеет никакого резонанса. Более того, авторы этого сборника утверждают, что нынешний опыт их уже далеко превзошел те оценки, которые они делали когда-то. Ясно, что сама тема несколько искусственна. Конечно печалят авторитарные оценки, полемический тон, которые то и дело встречаются в «Вестнике». Например, «Померанц — историческая безыкусица». Дальше идет прямо ленинский стиль, брюзгливое морализаторство, нагруженное комплексом современных ассоциаций — это если говорить о стиле. Кроме того, нельзя так некритически относиться к о. Павлу Флоренскому. В рецензии на книгу Завитневича «Около Хомякова» он говорит, что самодержавие входит в область веры, что

самодержавие надо сделать догматом. Тут, я думаю, происходит некоторая идеализация прошлого, и это понятно. Наша действительность настолько неприглядна, ужасна, что когда мы смотрим в прошлое, все кажется лучшим. Но ведь это не был золотой век, и те упреки, которые делают авторы номера 97 и отчасти авторы сборника «Самосознание» в какой-то степени справедливы. Революция в России произошла не случайно, не только за счет немецких денег, которые, конечно, сыграли свою роль. Статья Н. Н. о старообрядчестве ставит вопрос, ходить или не ходить в церковь? Священник у нас стукач, епископ педераст или еще что-нибудь. И выходит опять раскол, хотя в Евангелии мы читаем, что надо нести немощи своих ближних. У нас не должно стоять такой проблемы — раскол или уход. Мы действительно должны нести немощи ближних. В статье о Рое Медведеве, авторе крайне непопулярном в России (я сомневаюсь, чтобы он был популярен и на Западе) Шафаревич поляризирует все внимание на Рое Медведева. Стоит ли он того? Статья Б. Михайлова мне показалась бесцветной, как будто написана только для того, чтобы петь дифирамбы А. Солженицыну, в которых он и не нуждается. Мне хотелось сказать еще о сборнике «Из-под глыб», он был очень нужен и имел большой резонанс. И когда Н. Струве пишет, что этот номер составлен единомышленниками и соучастниками сборника «Из-под глыб», становится печально. Время прошло, люди должны были вырасти, должен был подняться уровень. А тут все цитаты о том, что всегда на Руси был царь-батюшка, что многими столетиями народная жизнь устраивалась на земле, безо всякой подачи голосов, что «Освященный собор всегда Богу посвящаемый»... Это получается иллюзия, с той разницей, что утописты переносили золотой век в будущее, а есть еще одно искушение: переносить золотой век в прошлое. И происходит такая идеализация, которая не помогает освещению исторического прошлого. Исторические грехи были у России и о них много говорилось. В этом номере чувствуется оторванность от насущных проблем, которыми мы должны сейчас жить. Может быть, это сказывается потому, что мало контакта с молодежью, с их проблемами.

Голос Третий:

— Мне хотелось бы сегодня главным образом поблагодарить авторов и редакторов журнала. Создается такое впечатление: напьешься недоброкачественной воды, и вот наконец приходит какая-то живая, чистая вода, оздоравляющая, помогающая жить... Хотелось бы поблагодарить за то, что журнал дает уровень возвы-

шающий человека, дающий ему возможность смотреть на жизнь с другой точки зрения. Вторая заслуга — это то, что «Вестник» умеет угадывать знамения времени. Но вот есть вещь, которая мне совершенно неприемлема, это не умные, а умственные статьи — в 123 номере «журнал в журнале» — они настолько отсторонены от жизни, что читать их трудно, вдумываться тоже. А прочитанное вылетает из головы с такой скоростью, что ничего не остается... Еще я хотел бы сказать о том, чего я не нахожу в журнале. Чтобы было понятнее, я поясню что я хочу сказать двумя моментами из Евангельской истории: первый из Рождества Христова: приходят пастухи, люди бедные, чистые, для них точно небо открывается; затем приходят волхвы, которые живут на уровне откровения, они соизмеримы с ними, у них тот же духовный уровень. В Советском Союзе совершенно сознательно и искусственно уничтожается — при помощи обязательного образования — и то и другое, ничего не пропускается из того, что давало бы возможность что-то приобрести. Всех удерживают на уровне самом бездуховном, делают неспособным к восприятию вечности, Бога, Христа. Волхвы и пастухи пришли первыми и узнали — нам же это очень трудно. Мне кажется, что на Западе — в силу его сытости — уровень не так уж высок, до пастухов не достигает. Но у него (Запада) есть свобода — и это неотъемлемое качество, которое дает возможность ориентироваться и находить отблески высших реальностей. И задача живущих на Западе — давать нам возможность с этим опытом общаться. Мне лично это необходимо, а в журнале статьи не дотягивают до этого. Второй момент: три Голгофских креста, которые выпрямляют восприятие мира. Почему-то всегда левые гонят, издеваются, у правых все же есть належда на какое-то покаяние, хотя бы в интенции. Обычно церковное сознание видит на Голгофе только Христа, забывают правого и левого разбойника. А сознание обычное, общественное, — когда борьба левых и правых заполняет всю жизнь, а Христос остается в каком-то отдалении — видит лишь разбойников, тогда искажается восприятие, впадает в борьбу, в разбойничью борьбу, а цельный образ, духовный, пропадает. Я думаю, что у журнала множество возможностей через духовную литературу показать то, что отражает эту реальность, и исправлять наше мировоззрение.

Голос Четвертый:

— Я читаю «Вестник» чуть больше года. Последние номера выгодно отличаются от предшествующих большей цельностью,

большим единством во взглядах и тем, что мы называем здесь признаками водительства твердой рукой. Очень хорошо, что на страницах журнала могут выражаться самые разнообразные мнения и точки зрения, что люди могут высказываться о церкви, что такое большое место занимают здесь проблемы общественно-политические и гуманитарные, что находится здесь освещение конкретных событий нашей политической жизни. Но большое число читателей «Вестника» все внимание сосредотачивает только на этих его разделах, это мне кажется очень тягостным и, в связи с этим, я не знаю чего пожелать, во всяком случае не осуждение тематики, отнюдь нет, но освещение всех этих вопросов с точки зрения целостного христианского сознания. Для людей, которые недавно в церкви, трудно поначалу бывает испытывать дух, и многие выступления журнала воспринимаются часто как позиция редакции, как какой-то авторитетный голос. В свое время на меня странное впечатление произвела статья Льва Венцлова «Думать» и заключительные слова авторов 97 номера — Горского и еще не помню кого — тогда казалось, что иначе нельзя, что это то, что нужно. Я думаю, что соединяющая, синтезирующая инициатива редакции должна проявляться как в богословских вопросах, так и в общественных. В связи с этим я особо хотел бы остановиться на номере 125 — мне он понравился, главным образом, авторским единством. Что же касается упрека в национализме, то я такого там не усмотрел, и мне кажется странным утверждение, что бывают времена, когда патриотизм противопоказан. Думаю, что патриотизм, если он понимается не как квасное чувство, а как чувство живой связи со страной, в которой живешь, с ее культурой, с ее духовными запросами — явление естественное, и не всегда нужны экстремальные условия, чтобы он пробуждался сильней, чем в другое время. А нынешний период кажется мне недостаточно благополучным, чтобы вовсе объявить не актуальными эти темы. Предоставив страницы журнала авторам этого сборника, редакция сделала полезное дело, хотя я согласен, что в номере слишком много полемического материала. С этим явлением я знаком уже по другим изданиям, и хотелось бы видеть «Вестник» от этого очищенным. Выражаю глубокую благодарность о. Александру Шмеману за его статьи «О литургии». Думаю, что многим они были очень полезны при том омертвении, в котором находится наша литургическая жизнь. Книга эта служит ценным руководством для всех, кто воцерковляется. Ходелось бы еще больше публикаций, предназначенных для людей приходящих к Церкви.

Голос П я т ы й:

— Читают «Вестник» у нас люди совершенно разного уровня. Когда обычным людям нашего общества попадается в руки такой журнал, они часто находятся в растерянности, и с интересом читают чаще всего только последние его страницы. Для тех, кто читает регулярно, кто интересуется и богословием и философией — этот разрыв в какой-то степени не существует. Тут посоветовать ничего нельзя, удовлетворить сразу обе группы, которые у нас определенно существуют, и удовлетворить их оттуда, это задача, на мой взгляд, крайне трудная. Я желал бы, чтобы журнал попытался или через анонимных корреспондентов или иными путями, но побольше почувствовать специфику нашей здешней жизни, чтобы журнал на страницах своих — не знаю в какой форме — но попытался осветить или хотя бы передать характер наших интересов и наших разногласий. Это было бы полезно и для нас самих, и может быть, на этом пути удалось бы лишить журнал специфической его элитарности. Но, конечно, она выросла не по воле самих редакторов, это понятно из опыта нашей собственной жизни. А вообще, по самой структуре журнала, принцип его достаточно положительный, а уж по отношению соразмерности, тут не надо никаких навязывать строгих мерок. Хорошо, когда в журнале появляются и другие журналы. Совершенно не обязательно, чтобы позиции сходились; хорошо когда возникает полемика, но лучше, чтобы она соотносилась с интересами самого читателя, читатель часто разнообразен, поэтому здесь трудно редакции держать свою линию. Но все-таки мне кажется, что Редакции нужно энергичней проявлять свой определенный взгляд. Я как-то не наблюдал в «Вестнике» позиции самой Редакции. Не очень понятно, какой слой людей он там на Западе представляет.

Голос Ш е с т о й:

— Я недавно только прочитал часть этих номеров и нахожу, что журнал очень интересен своим современным взглядом на мир. Он взял на вооружение достижения современной мысли, что позволяет читателю смотреть на мир через призму мыслящего человека XX века. Советскому читателю без этого журнала вообще невозможно познакомиться с современным мышлением, особенно в рамках христианства, и он остался бы на рубеже XIX века. Очень отрадно, что авторы этого журнала взяли на вооружение достижения современной культуры, что дает возможность христианину быть причастным к культуре и к ее вершинам как бы к своему, христианскому плоду. С другой стороны, большая часть в журна-

ле отведена литературе и судьбе России. Это тоже нужная и полезная часть журнала, поскольку она питает и освобождает человека в советском обществе от гипноза, от сна, от тумана в голове, как бы трезвит его, и поэтому такие проблески очищают его мышление. И человек становится более тонким, изящным в мышлении. И это очень полезно, хотя на первый взгляд, эти темы политические и литературные далеки от христианства. Очень важно преподнести материал в таком чистом духе. Ну а что касается пожеланий журналу, у меня вот следующее. Несмотря на то, что взяты на вооружение достижения современной культуры, создается впечатление, что авторы все-таки в области богословия разрешают проблемы своими силами, оставаясь в зависимости от светской культуры. Было бы интересней, если бы они нашли ответ на эти проблемы в Священном Писании. Нужны статьи о современном истолковании Св. Писания, потому что на все вопросы, которые волнуют, уже существуют ответы в Писании. Источник знания у нас или Св. Писание, или же мистическое откровение. Хотелось бы еще встречать в журнале вопросы библейской критики, в свете современных находок, например, Кумранских... Вот что касается литургического богословия, литургии, большие достижения есть — статьи о. Шмемана. Что же касается метафизики, духовной практики, самого Св. Писания, тут — пустота.

Голос Седьмой:

— В многочисленных выступлениях никто не сказал об основном недостатке журнала: его очень трудно достать. По сравнению с этим недостатком, я думаю, ко всем остальным можно относиться более терпимо. Это потому важно, что представление о вредной литературе в последнее время я слышу не только от властей, которые за этим всегда следили, но и от читателей, в том числе и от читателей этого журнала. Слава Богу, что этот журнал существует — это самое главное. Теперь более конкретно. Я читаю журнал м. б. не очень регулярно, но давно, и у меня впечатление несколько расходится с большинством предыдущих выступлений. Мне казалось, что без него можно обойтись, его можно читать, а можно и не читать. Иногда людям, которые только что пришли в Церковь, я бы не рекомендовал его читать, даже интеллигентам. Читаю я его, исходя из двух позиций, которые у меня давно сложились. Во-первых, он интересен тем, что из него можно узнать то, что иначе до нас не дойдет совсем. Это положительная сторона присутствует во всех номерах. Но есть и обратная сторона. Он мне всегда казался не однородным. Внутренне расколотым. Здесь

уже говорилось, что отделы «Литература», «Судьбы России» как будто не имеют отношения к христианству. Кто-то говорил, что не читал богословских статей. Мне кажется, здесь противоречие очевидно, по-настоящему чем дальше читаю журнал, тем больше впечатление конъюнктурности, несвободы самого журнала, как будто он обязан печатать то-то и то-то, что может быть для нас имеет очень ограниченный интерес, чисто познавательный. Создается чувство, что журнал ради большей продажи рассчитан на разнообразных людей, имеющих чисто внешнее отношение к христианству. Эта непоследовательность в христианской установке мне кажется важнейшим недостатком журнала. Богословский и философский раздел меня всегда очень удовлетворяли, не то, чтобы я видел в этом какую-то полноту, но они были очень близки к нам, к нашим запросам, и хотя бы частично удовлетворяли потребность в глубоком христианском опыте.

Вопрос:

— Когда вы говорите «мы» и «наши» — вы имеете в виду какой-то определенный круг или больше?

— Имею в виду себя и какой-то круг, который сложился не в один год, из людей, которые так же читают «Вестник», как и я. Интересны статьи Шмемана, какие-то вызывают больше удовлетворения, какие-то меньше, но все интересны. Мейendorфа публикации бывают очень интересны. Бердяев, Булгаков продолжают привлекать внимание и будить мысль. У меня в руках № 123 и поэтому могу приводить из него. Статья Иваска «Что Леонтьев чтил, ценил, любил» — мне кажется прекрасная статья по своему направлению, она ярко показывает этого мыслителя. Дальше «К 50-летию со дня смерти Сологуба», тоже очень хорошая статья, потому что Сологуб может быть в своем творчестве и был в строгом смысле слова «декадентом», но именно хороша статья тем, что автор показывает и христианские его стороны, выявляет их там, где они не очевидны. В отделе «Литература» мне показалось, что слишком большое внимание уделено Иосифу Бродскому, это неправомерно. «Вестник» — прежде всего христианский журнал, он должен как-то определить свои позиции. В «Судьбах России» часто статьи совершенно не убедительны. Такое впечатление, что люди плохо представляют нашу жизнь здесь. Даже те из авторов, кто недавно из России, и кажется уж им ли не знать! Лично мне не нравятся такие заголовки, как «60 лет противостояния насилию» — получается как-то несерьезно, как будто наша жизнь заключается в том, что мы противостоим

насилию вот уже 60 лет. Это не так, это натяжка. Наша жизнь сложнее, и пессимистические нотки, которые здесь звучат, далеко не всегда оправданы. Очень многое можно сделать в наших условиях, особенно в Москве. Москва очень отличается от провинции. Кажется иногда, что возможности почти неограничены. Если христианин ведет себя по-христиански, он не натолкнется на особые преграды...

Перебивают:

— Значит ЧК не существует?..

— Она есть всюду... Журнал не вполне удовлетворяет информационно. Мы совсем не знаем, чем живет христианство вне нашей страны... Что касается Православия — ну журнал Патриархии, в нем информация ограничена, это совершенно ясно, но «Вестник», поскольку он направлен на читателей этой страны, мог бы давать более широкую информацию. Когда бывают в нем информационные сообщения, то создается впечатление, что как бы боятся православие дискредитировать, пишут все о положительном. Таким образом настоящие церковные проблемы, которые волновали бы все христианство, все православие, ускользают и в глубоком виде почти не появляются. Это не только информационный вопрос, это вопрос точки зрения в целом. Тут говорили о журнале в журнале. Мне это кажется очень хорошо, потому что надо знакомить и внутреннего и внешнего читателя с теми достижениями, которые имеются в существующих у нас содружествах, семинарах, братствах, но может быть не в таком объеме.

Голос Восьмой:

— Я думал, что выступления будут более конкретными и тогда я мог бы возразить или с чем-то согласиться. Хочу просто внести некоторую ясность. «Вестник», насколько я себе это представляю, это рупор, точнее приемник, который воспринимает сигналы, идущие отсюда, а в последние годы они множатся. К сожалению, количество читающих на Западе ничтожно. Тираж очень мал. Кто-то сказал совершенно правильно, что не хватает чего-то в богословском отделе, о современной библейской экзегезе, например. Конечно, в любых отделах недостаточный философский уровень. Тут я вижу недостаток квалифицированных людей, которые могли бы приложить свои усилия к тому, чтобы этот журнал приобрел то, чего ему не хватает. Журнал, действительно, в каком-то смысле отражает реальное положение вещей, отсюда его разорванность, его в некоторых случаях нецельность, противо-

речивость. Но такова и наша жизнь. И лучшим знаком внимания к этому журналу было бы ему помочь.

Голос Девятый:

— Н. Струве писал в передовицах, что православие должно идти навстречу миру. Журнал эту задачу и выполняет. А с другой стороны Церковь должна от мира отходить, Церковь взята от мира, и есть какие-то мистические центры, например Литургия, молитва, Священное Писание, когда мы должны от мира отходить и в этом сосредотачиваться. Хотелось бы, чтобы журнал больше уделял внимания этим моментам, т. с. более непосредственно обращался ко Христу. Журнал перенасыщен культурой, философией, литературой. А вот самого Христа... Мне говорили о каком-то католическом журнале Максимилиана Кольбе, который был для пастухов, для простых людей...

Перебивают:

— которых здесь нет...

— Почему? Мне бы хотелось, чтобы он при всей своей многогранности вместил в себя и что-то еще другое...

Перебивают:

— Для пастухов?

— Но ведь во всех нас есть что-то пастушеское.

Голос Седьмой:

— Я думаю, что я неточно выразил свои мысли по поводу того, что без журнала можно было бы обойтись, и что христианину все доступно в наших условиях. Во-первых, когда я говорил о том, что без журнала можно обойтись, я прежде всего имел в виду то, что ничто не должно обладать христианином, он должен быть свободен от всего и должен уметь обходиться без всего; во-вторых, когда я говорил, что можно быть христианином во всяких условиях, я имел в виду слова Писания, что всё возможно верующему, а не то, что здесь легко достать журнал, я не имел в виду технические проблемы доставания журнала. Конечно его достать трудно, крайне трудно, и потребность во много раз превышает возможность предложения, и это проблема очень острой.

Голос Второй:

— Я упрекал авторов статей 125-го номера в том, что темы которые они разрабатывали, не актуальны, думаю, что существуют темы более актуальные, которые для нас необходимы как

воздух, как вода. В первую очередь — антропология, тема которая практически абсолютно не освещена в православии, если не считать жалких попыток в книгах Позднева, да две недавние попытки: Борисова («Из-под глыб») и Регельсона...

(Перебивают):

— А Бердяев... Несмелов...

— Когда мы сравниваем с тем, что имеет буддизм по поводу науки о человеке, то ни Несмелов, ни Бердяев, увы, не отвечают современным потребностям. В данном случае мы должны признать, что нас буддисты обскакали, и как о. Дмитрий Дудко йогов ни ругает, но ясно, что они больше знают о человеке, чем христиане.

Второе — это экклезиология. Тема широкая, но в статье-ответе о. Шмеману по поводу старообрядчества эта тема про скользнула. Есть там недоумение, когда автор говорит: «Я стою в церкви, священник стукач, а стоит у престола». «Что же делать?» Практически вопрос неразрешим, т. е. что же такое Церковь? Что же собственно Церковь? Тут надо вспомнить слова Макария Великого, «что каждый человек перед Богом это есть Церковь». Эту проблему стоит осветить всесторонне от значения каждого человека перед Богом до вселенского организма. В католичестве эта проблема на Втором Ватиканском Соборе была разработана и может быть (чего тут шарахаться), можно воспользоваться его достижениями, можно поместить ряд выборок из постановления Второго Ватиканского Собора по экклезиологии. Есть интересные начатки у Хомякова в его работе о Церкви, которая тоже мало доступна. Разработки Фуделя печатаются, они интересны, но расплывчаты. Концентрирование сознания на прошлом может оказаться пагубным. Бесплодные споры, кто был лучше: Иван Третий или Иван Четвертый, не отражают актуальности. Сейчас мы стоим перед очень тяжелой проблемой: Церковь гибнет, я имею в виду официальную Церковь. В 17-ом году вот произошла катастрофа, церковные люди получают свободу, а они эту свободу тратят на пустяки, на бесплодные споры. Проблемы, которые должны были быть решены на Соробе 17 и 18 гг., так и остались неразрешенными по сей день.

Голос Первый:

— Я бы ушел с тяжелым чувством, если бы оставил без ответа высказанный здесь упрек журналу в непоследовательности христианской установки, а также утверждение, что если христианин ведет себя по-христиански, он не натолкнется здесь ни

на какие особые препятствия. Я считаю, что сила «Вестника» в его безусловной близости к нам. «Вестник» действительно знает реально нашу жизнь, даже нюансы этой жизни улавливает. И это знание отражено как раз в разнообразии его отделов. Хочу возразить и Вам, когда вы говорите, что патриотизм отходит на второй план, когда нет внешнего врага, когда никто не терзает страну. Меня это удивило. Мы с Вами встречаемся в первый раз, я не знаю ваших взглядов, но поскольку мы обсуждаем определенный журнал, то я думаю, что какое-то единомыслие предполагается при этом. Как же нет этого врага, ведь он очевидно преследует и терзает и насилиет нашу страну вот уже 60 лет. Конечно у Церкви есть свои проблемы еще более давние. И это тоже очень существенно. Но вот, живого тела Церкви вы не увидели, а «Вестник» очень чутко реагирует на страдания, на потребности, на горение именно этого живого тела. И потому все разделы одинаково необходимы. В этом и есть настоящая церковная полнота журнала.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнаниниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

ЕЩЕ РАЗ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ И О СТАРЫХ ОБРЯДАХ

Статью Н. Н. в № 128 «Вестника» (стр. 88 сл.) я прочел с интересом и с приятным чувством, возникающим при дискуссии, ведущейся спокойно и на высоком уровне. Я вижу из нее, что наши расхождения с ним не так велики, как мне показалось после первой его статьи в № 125.

В этом моем ответе я хочу лишь устраниТЬ некоторые неясности, вызванные, быть может, моими не всегда достаточно четкими формулировками, а также сделать по поводу ее некоторые замечания.

1) Как Н. Н. правильно предполагает, — я католический священник; но, рассуждая о православии или неправославии старообрядцев, я стремлюсь рассматривать этот вопрос с точки зрения православного вероучения. Конечно, я согласен с тем, что и католики не могут претендовать на принадлежность к **православному вероисповеданию**, т. к. они не имеют полного общения ни с одной православной церковью. Если бы такое общение уже имело место — о чем пока, полагаю, говорить преждевременно — тогда ситуация изменилась бы существенно и нужно было бы многое заново продумать. Но для того, чтобы быть католиком, достаточно принадлежать к какой-нибудь общине, состоящей в общении с Римом. Для православного же нужно иметь общение по крайней мере с одной православной церковью, признаваемой другими православными церквами и т. о. быть в общении с православным миром.

2) То, что старообрядцы почти 200 лет искали архиерейства, доказывает, что у них православное сознание не угасло. Но в то же время они представляли собой «церковь без епископов», что безусловно является невероятным догматическим новшеством с точки зрения православия. Я не хочу уже вспоминать, в какое трудное и нелепое положение они порою попадали во время прежних поисков архиерейства, пока инок Павел Великодворский не вывел их из этого, как казалось, безнадежного тупика.

3) Я и сам полагал, что человек, обладающий столь обширными познаниями в области старообрядчества, как Н. Н., должен был безусловно знать всю историю «Окружного Послания». Поэтому неупоминание им этого послания меня смущило. Правда,

«Окружничество» одолело «Противокружничество», но лишь после весьма длительной и весьма упорной борьбы. Кроме того, не следует забывать, что и среди «Окружников» долго существовали «Мнимые Окружники», втайне симпатизировавшие «Противокружникам»; среди них были и возглавители «Окружников», как например, архиеп. Антоний (Шутов). Как мне кажется, Н. Н. преуменьшает факт сопротивления старообрядцев «Окружному Постланию».

4) «Поморские Ответы», безусловно, одно из замечательных произведений старообрядчества, его прекрасная апология. Андрей Денисов был одной из талантливейших голов во всем старообрядчестве. Но цель «Поморских Ответов» была двойная: а) защитить старообрядческие — и специально беспоповские — положения в отношении вероучения; б) представить это учение в таком свете, чтобы оно не являлось в глазах правительства чем-то опасным для государства. Трудно себе представить, чтобы авторы «Ответов», братья Денисовы, **совсем не покривили душой**, изображая старообрядчество таковым; а т. к. государство и официальная церковь были тесно между собою связаны, то понятно, что как раз и суждения «Поморских Ответов» о православной Церкви и вере сильно отличаются от высказываний протопопа Аввакума или черного диакона Игнатия по тому же вопросу. «Поморские Ответы» появились в 1722 г.; а всего за два года до этого в 1720 г. отсекли голову диакону Александру, оказавшемуся менее эластичным, чем авторы «Поморских Ответов», хотя он и принадлежал к наиболее умеренному течению старообрядцев, названному по нему «Лиаконовым согласием». Эластичность проявили поморцы и в вопросе молитвы за царскую власть, что вызвало отход от них «Филипповцев».

5) Большой Московский Собор я никак не склонен считать Собором **Вселенским**. Мне кажется, что наиболее последовательная точка зрения православных, разделявшаяся и знаменитым митрополитом Филаретом (Дроздовым), считает созыв **Вселенского** собора возможным лишь после восстановления общения между Церковью Восточною и Западною. Но все же Большой Московский Собор, несмотря на все темные пятна, связанные с его историей, был собором репрезентативным.

Собор 1971 г. имел, конечно, полное право снять наложенные на старообрядцев клятвы, ибо он был Собором не менее репрезентативным.

6) Я лично всегда разделял точку зрения Н. Н., что клятвы Большого Московского Собора были наложены не только на последователей старых обрядов, но и на самые старые обряды конечно по неведению. Об этом я неоднократно спорил с другими расколоведами. Мне кажется, что формулировка снятия клятв Собором 1971 г. подтверждает правильность моей точки зрения. Но, конечно, эти клятвы не мыслились имеющими так сказать «обратную силу», т. е. осуждающими русских святых, крестившихся двоеперстно и т. п.

7) Утверждение Н. Н., что практика причащения ранее освященными Св. Дарами в случае отсутствия священников санкционирована протопопом Аввакумом, вполне справедливо; но ведь Аввакум ожидал близкого конца света и безусловно не полагал, что спорные между православными и старообрядцами вопросы будут дискутироваться еще в XX веке или позже. При всем уважении, питаемом старообрядцами к протопопу Аввакуму, все же нельзя брать его в качестве абсолютного критерия старообрядческого учения: ведь он рекомендовал порою и самосожжение, что натолкнулось на резкое сопротивление со стороны видных старообрядцев. Я уже не говорю о его письмах, вызвавших резкие споры и послуживших основанием для возникновения исчезнувшей впоследствии секты «Аввакумовцев» или «Онуфриевцев». Что же касается упоминания такого причащения в «Поморских Ответах», то, конечно, мне значительно легче представить себе, что оно имело место в 1722 г., т. е. спустя не слишком долгое время после исчезновения последних бесспорно старообрядческих священников, чем что это возможно в наши дни. Те беспоповские начетчики, с которыми мне приходилось беседовать, об этом никогда не упоминали. Конечно, я готов поверить Н. Н., что это имеет место еще и теперь, хотя мне не понятно, каким образом могли Св. Дары сохраниться в течение ряда столетий.

8) Безусловно, все имевшие место оскорбительные выражения по адресу старых обрядов следует решительно отвергать. Но ведь — самое позднее со времени введения единоверия (в 1800 г.) — такие выражения отнюдь нельзя рассматривать как официальный голос Русской Православной Церкви; все это принадлежит прошлому; не имеет смысла «паки и паки» возмущаться словами Феофилакта Лопатинского, Арсения Мациевича, св. Дмитрия Ростовского и многих иных, если в наши дни Русская Православная Церковь на Соборе 1971 г. от всего этого самым решительным образом отмежевалась.

В связи с этим мне хочется привести слова покойного кардинала Августина Беа, сказанные им, правда, по другому поводу, но чрезвычайно подходящие к нашей теме: «Каково бы ни было прошлое, мы хотим его предоставить милосердию Божию, а самим полностью стремиться к тому, что перед нами лежит, согласно указанию Апостола (Филипп. 3,14); благодаря этому мы сможем лучше устроить будущее согласно непостижимому плану Небесного Отца, призвавшего нас быть братьями в полном смысле слова, т. к. он в Своем Сыне соделал нас Своими сыновьями». Этим я хотел бы закончить свои замечания. Со своей стороны я рассматриваю наш обмен мнениями как законченный, т. к. опасаюсь, что в противном случае мы начнем повторяться.

Иеромонах Хризостом

И ВНОВЬ О СТАРООБРЯДЦАХ

(Письмо в редакцию «Вестника»)

Отрадно и интересно читать в «Вестнике» письма читателей из СССР. А вот иногда и огорчишься, да как.

В № 128 А. Н. произносит всеобъемлющие суждения о старообрядчестве, основываясь на том, что М. Меньшиков назвал его, видите ли, «мизонеизмом» — боязнью перед новизной. Меньшикову — и карты в руки: сам он настолько был свободен от этой боязни, что руководимое им «Новое Время» в февральскую революцию **в один день** совершило полный поворот всех принципов, предало всё, что защищало десятилетиями, и усвоило настолько холуйский тон к совершившемуся, что даже враги из левого лагеря призывали его держаться достойней. (И наоборот, в угаре того марта одни только московские старообрядцы имели смелость — тогда это была уже смелость — высказаться за парламентарную монархию.) Оракулов всё же надо выбирать осмотрительно.

Меня изумляет, как наши современники, испытав на себе советский ад, могут оставаться так бесчувственны и безжалостны к старообрядцам. Как они могут психологически не вйти в это положение беспомощных, беззащитных миллионов (12 миллионов из тогдашнего небольшого населения России), у которых вдруг сжигают привычные многовековые молитвенные книги, рубят иконы, сжигают их вместе с живыми людьми, рубят правые руки, пытают железом — и всё, оказывается, для того, чтобы внести

небольшие формальные поправки и так (еще одно письмо, К. С.) поддержать духовное единение с павшей Византией, которую из тех и в глаза никто не видел. Большевики делали то же, но соразмерно своей цели: полностью уничтожить христианскую веру. А зачем нуждались в этих методах никониане? Применением насилий и казней для утверждения веры сподвижники Никона поставили себя вообще вне христианства.

А дальше — вали на погибших что угодно. Вот, А. Н. уверяет, что старообрядческая Россия не устояла бы против иностранных завоеваний. А какая же другая стояла и перестояла с X века по XVII? Старообрядческая Русь за 250 лет не сдалась татарам и смогла — народной инициативой, без правящих! — устоять в беспримерных испытаниях Смутного Времени. И в большевистские десятилетия никто не продержался стойче старообрядцев.

Но больней всего, что А. Н. еще высказывает и слепые подозрения, будто старообрядчество опасно на современный иранский манер (кого ж оно казнило? кому оно мстило?) — и так угождает в струю новейших острых врагов нашего нынешнего возрождения, тех, кто, опережая клеветой наши духовные шаги, бесстыдно кидается пугать западную прессу, что русское религиозное и национальное возрождение — хуже иранского исламского фанатизма, несёт худшее кровопролитие, не имеет права быть на Земле. Низкое обвинение — без всяких фактов, доказательств, обоснований. 60 лет нам не давали дышать и думать по-русски, и это не беспокоило наших критиков, это было первое развитие, а едва мы стали приходить в себя — нас спешат топтать. Но и корреспондент «Вестника» невольно добавляет туда же свой притоп.

Увы, в том же номере «Вестника» (урожай, уже третье!) и Ю. Иваск, совсем не на тему своей статьи и без внутренней необходимости, успевает выдвинуть ту же недоказуемую безответственную гипотезу, в которой не участвует и совесть: что жертвы (старообрядцы), если бы мы их не казнили — казнили бы нас, палачей. Да ведь так можно «оправдать» любое уничтожение!.. Меня поражает эта духовная глухота. Рассуждая так, мы никогда не будем достойны свободы.

А. Солженицын
Июль 1979

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ К. С. — «О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ»

В «Вестнике» РХД № 128 помещена статья К. С. «О Старообрядчестве». Первое о ней впечатление — автор ее лишь очень поверхностно знаком с историей раскола в Русской Церкви.

К. С. пишет: «Провозгласив анафему на раскольников Церковь определила таковыми несогласившихся с новыми постановлениями Вселенской Церкви касательно некоторых обрядов и тем самым отпавших от единства с Ней». Следует заметить, что хотя на соборах 1656-1666-1667 годов и присутствовали несколько Восточных иерархов, но соборы эти были, тем не менее, не Вселенскими, а поместными.

Кроме того, и это очень важно, некоторая разница в обрядах существовала и теперь существует в Поместных автокефальных церквях, не нарушая этим вероисповедного единства. Далее К. С. пишет, что «Причина запрещения старых обрядов принципиально заключалась не в них самих, а в необходимости их упразднения для сохранения единства с Греческой Церковью.»

Неужели обрядовое единство, за которое ратует К. С., столь необходимо даже при единстве вероисповедно-догматическом? Конечно нет! В наше время такого обрядового единства нет среди поместных автокефальных церквей и это нисколько не нарушает единства в Вере.

Буде сейчас иерархия Православной Церкви в России или в Зарубежье захотела бы снова подогнать наши обряды под греческие, с которыми у нас сейчас расхождения еще более глубоки, чем в те отдаленные времена, то неминуемо произойдет новый раскол.

Наших старообрядцев обвиняют в том, что они не пожелали менять старые обряды, существовавшие в нашей Церкви со времени Крещения Руси, на новые. Жестоко их преследуя только за это, иерархия официальной Церкви сама себя этим выявила как обрядоверов.

Дальше К. С. пишет и приводит имена святителей Церкви, которые-де «Все оставили неопровергимыми суждения о расколе.» Но как же быть теперь с этими «оставленными непримиримыми суждениями» и, как К. С. пишет дальше: «Неподлежащими отмене решениями Церкви», когда Московская Патриархия на своем Соборе в 1971 году, а Зарубежная Церковь в 1974 году, не только сняли анафему со старых обрядов, но и объявили их «Православ-

ными и спасительными», а наложенные на них клятвы — «По недоброму разумению.»

Практика отмены старых Соборных постановлений бывала и раньше. Соборы 1666-1667 годов отменили «яко небывшие» все постановления Стоглавого Собора, бывшего при Св. Макарии, в 1651 году, которые тоже не подлежали отмене.

Дальше К. С. касается вопроса наших отношений к католикам и приводит слова Епископа Феофана Затворника: «Кажется Св. Церковь наша снисходительна к католикам и признает силу не только Крещения католического и прочих таинств, но и священство, что очень значительно.» Если это действительно так, то какой духовный смысл придерживаться нам обязательно Православия, если все католические таинства, включая и обливальное Крещение, так же действительны, как и наши Православные? Следует заметить, что и в этом столь важном вопросе практика и взгляд Греческой Православной Церкви иной.

К. Скворцов.

Брюссель, 19 августа 1979 г.

*
**

Уважаемая редакция!

В «Вестнике» № 121 была напечатана моя статья «Богослование или опасное суесловие», в которой речь шла о публикациях профессора Ленинградской Духовной Академии (ныне работника «Всемирного Совета Церквей»), напечатанных в 1976 г. в «Журнале Московской Патриархии». В № 122 вы поместили критику на мою статью доктора Ясиницкого из Сан-Франциско.

Я не буду останавливаться на упреках по моему адресу. Я не стану также останавливаться на всех аргументах, с помощью которых один профессор защищает другого (хотя могу вскользь заметить, что был очень удивлен упоминанием магистерской работы Заболотского, в то время как мои заметки были основаны и склончительно на статьях последнего в ЖМП). Ведь это же вполне тривиально: выдающееся образование и величайшие способности сами по себе не значат ничего — но лишь в связи с позицией.

И только по одному поводу не могу промолчать. Д-р Ясиницкий пишет: «считать статьи его (Заболотского) «ложивым, ерети-

ческим, предательским материалом» — уж слишком нагло и бездоказательно». Полагаю, что 3/4 моей статьи, основанной лишь на цитатах из Заболотского и есть доказательства. Чтобы не переписывать целиком, вновь приведу три-четыре кратких выдержки.

«В гуманистическом учении, доминирующем в восточно-европейских социалистических обществах достоинство человека во всех его аспектах бытия в мире ставится не менее высоко, чем в христианстве» ... и — «идеал коммунистического общества с его сбалансированными внутренними отношениями и внешними с природой и космосом, с его полной свободой выражения индивидуальности (!!!) в гармонической связи с обществом, вероятно, удовлетворил бы всякого мечтателя.»

Скажите, доктор Ясиницкий, это — не ложь?

«Человек способен быть соработником Богу в творении, искуплении», ...«человек остается в своем достоинстве независимо от того, верует он или не верует, грешен он или праведен», — если это не ересь, то что называется ересью, доктор Ясиницкий?

Неужели вы не видите здесь большего, чем ересь — прямого противления Духу (да и букве) Священного Писания?

И, наконец, если в государстве, где Церковь заведомо для всех находится в состоянии угнетенном и бесправном, сын Церкви пишет: «Нельзя говорить о религиозной свободе только в терминах внешних привилегий для той или иной религии, забывая о том, что религиозная свобода... всегда свобода направленная (Скажите, у вас в США — тоже?), а значит в известной степени ограниченная», — разве это не предательство Церкви?

Но это в узком смысле. В более же широком — любая ложь — о мире, о человеке, о Церкви и проч. — если она публично изрекается тем, кто считается членом Церкви — есть предательство Церкви.

К этому позвольте присовокупить несколько свеженьких цитат, взятых из статей Заболотского в ЖМП за 1977 г.

«На этой основе (христианской любви) православный христианин является сознательным и ответственным строителем социалистического (т. е. говоря точно — безбожного — И.В.) общества.» (№ 3, стр. 56)

«Советское государство и общество по достоинству оценивают искренность исповедания веры, чистоту культа... верующих граждан.» (№ 9, стр. 46) Вот уж советское правительство, оказы-

вается, стало радетелем за чистоту культа. Слыхано ли? Прямою постоянно действующий вселенский собор, а не правительство...

И наконец — «говорить о диалоге с миром неверующих возможно однако, лишь в ограниченном смысле, ибо трудно провести четкую границу между верой и неверием». (№ 10, стр. 68) Вот так! Не между верующими и неверующими (здесь иной раз граница действительно как бы стирается), а между верой и неверием! Нужны ли еще доказательства?

Так что, как это ни печально, но следует признать: в статьях профессора Заболотского есть и ложь, и ересь, и предательство. Собственно последним словом и называлась моя статья, посланная в «Вестник», и я несколько сожалею, что редакция изменила ее название.

Но я сожалею и о другом. Прочитав в журнале свою статью, я понял, что она может показаться имеющей несколько личный характер — как бы сведение счетов. И сейчас я пишу главным образом для того, чтобы сместить акценты, изменить не совсем точную ориентацию.

Что касается самого Н. А. Заболотского — из приведенных в прошлый раз и сейчас цитат все более или менее ясно, не правда ли? Гораздо важнее — в общем смысле другое. Статьи Заболотского, вообще возможность их публикации, возможность для него преподавать в ЛДА есть симптом — симптом очень сильный и яркий — болезни, которой больна наша Русская Православная Церковь. Это особенно страшно, поскольку Православная Церковь есть единственная хранительница полноты и неизвращенности Евангельского Учения — и жизни по Евангелию. Для меня, как и для многих других, имеющих счастье быть членами Русской Православной Церкви — печаль сугубая. Болезни Церкви — наша личная боль. Одна из самых тяжких болезней — духовная расслабленность. Одна из первопричин болезни — путь всевозможных недопустимых с позиций чистоты евангельского жительства компромиссов, на который встали многие церковные деятели, особенно высокостоящие. Компромиссность — как гангрена — начавшись в одном месте, овладевает всем телом. Как излечиться каждому человеку, этого на деле желающему, рецепт известен: встать перед лицом своей совести и решиться на том месте, на которое Промыслом поставлен, выполнять свой христианский долг в соответствии с нормами евангельскими, апостольскими и святоотеческими. Но коли встанешь на дорогу криводушия, двоедушия, уже потом и не различаешь, где прямо и где

криво, все почти кажется прямо. Трудно и возвращение к тому пункту, где нет кривости души: ум, омраченный долгим пребыванием в криводушии и двоедушии, утрачивает контрольные способности. И все же возвращение возможно, здесь главное — искренно и сильно возжелать этого.

Много труднее вопрос — как быть с болезнью Церкви. Понятно, что никакими человеческими средствами и усилиями она не излечима: здесь дело Божие. Но, повидимому, затрудняющее условие для совершения сего дела есть наличие дезинформации, Статьи Н. Заболотского имеют сильный заряд криводушия и двоедушия и активно к этому призывают других; они опасны еще и потому, что создают атмосферу, культуру **дезинформации**. Главная цель и предыдущих моих заметок и этих — **информационная**. Побеждает всегда правда.

И.В.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции: Что такое "Движение"? — Н. Струве	3
■ Судьбы Р.С.Х.Д.	
На перепутьи — прот. А. Шмеман (США)	5
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Письма духовным детям — Игумен Никон	14
Исповедь и священство у преп. Симеона Нового Богослова — Архипископ Василий Кривошеин (Брюссель)	25
Успение Пресвятой Богородицы	
■ Еп. Александр Семенов-Тян-Шанский (Париж)	37
Вечное во временном — Л. А. Дмитриев (Москва)	44
■ Христианство на Западе	
Заметки о "Кармелите" — Эмиль Симоно (Франция)	57
■ Вопросы педагогики	
Учение К. Д. Ушинского о воспитании — В. Я. Василевская	75
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Из сборника "Земное время". Стихи — Ю. Кублановский (Москва)	91
Кадетские истоки. Из узла "Октябрь Шестнадцатого" — А. Солженицын	97
9 писем М. Цветаевой к Льву Шестову	124
Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова — подготов. и сопроводительный текст А. Морозова	131
Революция Блока — В. Волков (Москва)	156
Памяти В. В. Вейдле — прот. А. Шмеман (США)	175
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	
Изображения св. Никиты, бьющего беса — Н. Тетернатникова (США)	180
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Истоки духовного возрождения	
Александр Дмитриевич Самарин в воспоминаниях его дочери — К. Лазарев	196
■ История и проблемы эмиграции	
Из дневника — о. Сергей Булгаков	236
■ Русская Церковь сегодня	
В свете Преображения. Еженедельная православная газета — свящ. Дм. Дудко	269
■ Противостояние насилию	
Из писем священника Василия Романюка	281
Заявление для прессы Хельсинкской группы о семье А. Гинзбурга	283
Открытое письмо Русскому Общественному Фонду — А. Абашкин	285
Заявление Московской Хельсинкской группы о положении Игоря Огурцова	287
Обращение А. Солженицына к Сахаровским слушаниям в Вашингтоне	290
Преследование религиозно-философского семинара	292
■ Памяти ушедших	294
■ "Вестник" читают в России	294
Читательская конференция в Москве	296
■ Письма в редакцию	308
Еще раз о старообрядчестве — иер. Хризостом. • И вновь о старообрядцах — А. Солженицын. • По поводу статьи К.С. — Скворцов. Ответ доктору Ясиницкому — И. В.	

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs	3
● Les destinées de l'A.C.E.R.	
A la croisée des chemins — P.A. Schmemann (U.S.A.)	5
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
Lettres à mes enfants spirituels — Higoumène Nicon (U.R.S.S.) ..	14
La confession et la prêtre chez Siméon le Nouveau Théologien	
— Archevêque Basile Krivochéine (Bruxelles)	25
L'Assomption de la Vierge — † Evêque Alexandre Semenov (Paris)	37
L'éternel dans le temporel — L. Dmitriev (Moscou)	44
● Le christianisme en Occident	
Notes sur le Carmel — Emile Simonod (Paris)	57
● Problèmes pédagogiques	
La théorie de l'éducation de C. Ouchinski — V. Vassilevskaïa (Moscou) ..	75
LITTERATURE ET VIE	
Poèmes — Ioury Koublanobski (Moscou)	91
Aux sources du Parti K.D. — A. Soljénitsyne	97
Neuf lettres inédites de M. Tsvétaeva à L. Chestov	124
Mandelstam d'après le journal intime de S. Kabloukov — Texte établi et annoté par A. Morosov (Moscou)	131
La Révolution dans l'œuvre de Blok — V. Volkov (Moscou)	156
In memoriam V. Weidlé — P.A. Schmemann (U.S.A.)	175
ARTS ET VIE	
Iconographie de Saint Nicéas « qui bat le démon » — N. Téteriatnikova (U.S.A.)	180
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
● Aux sources du renouveau spirituel	
A.D. Samarine dans les mémoires de sa fille — C. Lazarev (Moscou) ..	196
● Histoire et problèmes de l'émigration	
Journal intime (1922) — Père Serge Boulgakov	236
● L'Eglise russe aujourd'hui	
« Dans la lumière de la Transfiguration ». Gazette hebdomadaire publiée par le P. Dimitri Doudko	269
● La résistance à la violence	
Lettres du P. Basile Romanik	281
Déclaration du groupe Helsinki sur la famille de Guinzbourg ..	283
Lettre ouverte au Fonds d'aide social — A. Abankine	285
Déclaration du groupe Helsinki sur Igor Ogourtsov	287
Message d'Alexandre Soljénitsyne aux « Auditions Sakharov » ..	290
La répression du séminaire religieux de Moscou	292
In memoriam P. Georges Florovski et Mgr. Alexandre Semenov ..	294
● Le « Messager » est lu en U.R.S.S.	
Sténographie d'une « conférence de lecteurs » tenue à Moscou ..	296
Lettres à l'éditeur	
A propos du débat sur les vieux croyants — P. Chrysostome, A. Soljénitsyne, Skvortsov	308
Réponse au docteur Iasinitski	314

Обращение к Эмигрантам

В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ
КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА В МОНЖЕРОНЕ

При «Центре Помощи» в Монжеронском замке, после капитального ремонта с осени открывается русский православный культурный центр. В нем предвидятся: библиотека, хранилище для архивов, музей иконы в эмиграции, иконописная мастерская, фонотека, музей эмиграции и т. д.

Обращаемся с покорнейшей просьбой ко всем эмигрантам и друзьям эмиграции, желающим передать центру книги, архивы и ценные экспонаты, войти письменно в сношения с:

Н. А. Струве

61, rue de la Mairie, Villebon-sur-Yvette. 91120 Palaiseau

или с:

Г. П. Филиппенко

18, rue Jean Bleuzen. 92170 Vanves

(Условия передачи при жизни или посмертно, в полную собственность или на время и т. д. будут оговариваться в каждом случае отдельно).

Денежные пожертвования для создания Центра просим направлять на имя казначея:

N. Grekoff, 75,rue Saint-Charles. 75015 Paris.

От имени Комитета «Центра Помощи»

Председательница

М. А. Стакович

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ОБЩЕСТВО

- поддерживает людей, борющихся в тоталитарных странах за осуществление принципов Всеобщей декларации прав человека,
- оказывает материальную и правовую помощь людям, лишенным свободы за их религиозные, общественные или политические убеждения,
- посредством различных публикаций информирует общественность Федеративной Республики Германии, Австрии и Швейцарии о борьбе за гражданские права в тоталитарных странах. Периодически публикует материалы САМИЗДАТА.

Председатель Общества защиты прав человека

Проф. Хельмут Ницше

Заместитель председателя

И. Агрузов

Наш адрес: Gesellschaft für Menschenrechte e. V.
 Kaiser Str. 40
 Postfach 2965
 6000 Frankfurt/M 1
 Telefon: (0611) 23 69 71
 Bundesrepublik Deutschland

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
НОВЫЕ КНИГИ

Свидетельства:

Л. ЧУКОВСКАЯ. Процесс исключения

Картина литературной жизни послереволюционного периода. Описывая свое исключение из Союза писателей, а затем из всех издательств и как бы из самого общества, писательница расширяет рамки повествования, рассказывая о судьбах других исключенных и о самом процессе, приобретающем ныне обратный характер, когда уже не Союз расправляется со своими членами, но сами писатели исключают его из собственной жизни.

230 стр., 45 фр.

М. ПОПОВСКИЙ. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого
Архиепископа и хирурга

Книга об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) — миссионере и хирурге, стойком исповеднике веры и верности Русской Православной Церкви в годы самых жестоких гонений на нее при советской власти. Жизнь Владыки Луки показывается на фоне бурных событий русской истории двадцатого века и широкой картины жизни России и Православной Церкви под режимом большевиков.

525 стр., 87 фр.

Заказы просим направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

ПРОЗА

В. КОРМЕР. Крот истории

Повесть о советском эксперте по внешней политике, отды-
хающем в санатории, где раньше жил Сталин. Мечта о ка-
рьере, бесконечные интриги, попытки найти нового вождя
народа, преследующие воображение героя, постепенно при-
водят его к безумию.

Единодушным решением жюри повести присуждена первая
премия на конкурсе Даля за 1978 год.

230 стр., 45 фр.

В. ВОЙНОВИЧ. Претендент на престол. (Новые приклю- чения солдата Чонкина).

Продолжение смешных и горестных приключений Чонкина,
волею всевидящих органов, ставшего в ходе следствия руково-
дителем страшного заговора против советской власти. Все
действие происходит на фоне неразберихи и паники первых
месяцев войны.

350 стр., 54 фр.

ПОЭЗИЯ

Д. БОБЫШЕВ. Зияния. Стихи

Сборник стихов известного ленинградского поэта, принадле-
жащего к «ахматовской группе».

240 стр., 36 фр.

ПЕРЕИЗДАНИЯ РЕДКИХ КНИГ

В. РОЗАНОВ. Религия и культура

Переиздание редкого сборника статей В. В. Розанова, посвя-
щенного взаимосвязанности религии и культуры и влиянию
христианства на культурные процессы. (с изд. 1899 г.)

272 стр., 48 фр.

МАГАЗИН

Les Éditeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 354 74 46 et 354 43 82

снова в продаже :

БУЛГАКОВ С., прот. — **Невеста Агнца.** (О Богочеловечестве). Часть 3. Репринт с изд. 1945. 624 стр.

фр.
115,—

Заключительная часть трилогии, посвященной раскрытию основной истины христианства о Богочеловечестве. Первая и вторая часть посвящены естеству Божественному: Агнец Божий и Утешитель — христология и пневматология, последняя же — человечности. Здесь рассматриваются разные стороны тварного бытия, от природного и падшего его состояния до прославленного и преображенного.

БУЛГАКОВ С. **Свет невечерний. Созерцания и умозрения.** Репринт с изд. 1917. 425 стр.

105,—

Основной философский труд о. Сергия Булгакова. «Собрание пестрых глав» объединено общим видением: здесь в первый раз дается последовательное развитие идеи Софии. «Не знаешь, чему удивляться: вдохновенности и красоте мысли, всеохватывающей полноте проблематики или учености автора».

(Л. Зандер).

БУЛГАКОВ С. **Философия хозяйства.** Часть 1. **Мир как хозяйство.** Репринт с изд. М., 1912. 328 стр. ..

85,—

Первый опыт систематического изложения религиозно-философского мировоззрения о. Сергия Булгакова. В книге подводятся внутренние итоги целой полосы жизни и подготовляется новый этап философии; эта устремленность придает книге удивительную свежесть. Понять полноту мира не может ни «здравый смысл», ни наука. Он открывается только метафизическому и мистическому опыту. «Будешь любить каждую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах».

РУССКОЙ КНИГИ

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

постоянно в продаже:

	фр.
ТИХОНРАВОВ Н. Памятники отреченной русской литературы. т. 1, 2. Предисловие М. Самилова. Репринт с изд. СПб., 1863. 314 + 458 стр.	360,—
ПОПОВ А. Историко-литературный обзор древне- русских полемических сочинений против лати- нян. (11-15 вв.). Репринт с изд. М., 1875. 418 + 6 стр.	225,—
Последование во Святую и великую неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу. Репринт с изд. М., 1904. Рим, 1976. 192 стр.	68,—
Последование иноческого пострижения. Репринт. Рим, 1952. На церковно-славянском языке. 224 стр.	56,—
СЛУЖЕБНИК, часть 1. Вечерня, повечерие, полу- нощница, утреня. (На церк.-славян. языке). Репринт, Рим, 1941. 224 стр.	40,—
СЛУЖЕБНИК, часть 2. Божественная Литургия Иоанна Златоуста. (На церк.-славян. языке). Рим, 1962. 182 стр.	40,—
СЛУЖЕБНИК, часть 3. Божественная Литургия Св. Василия Великого. (На церк.-славян. яз.). Рим, 1969. 160 стр.	40,—
СЛУЖЕБНИК, часть 4. Божественная Литургия Преждеосвященных даров. (На церк.-славян. языке). Рим, 1962. 74 стр. ...	32,—
Чин наречения и рукоположения архиерейского. (На церк.-славян. языке). Рим, 1961. 22 стр. ...	56,—

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 K Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНИСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

67-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 40 amer. долларов
6 месяцев — 22 amer. доллара

Воскресное издание только:
один год — 18 amer. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представ. газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

КОНТИНЕНТ

№ 21

Главный редактор : Владимир МАКСИМОВ

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Эрнст Неизвестный — Три фрагмента. Главы из книги
Михаил Еремин — Стихи разных лет
Валерий Левятов — Земную жизнь пройдя до середины...
Стихи украинских и польских поэтов. В переводах Н. Горбаневской
Гелий Снегирев — "Как на духу..."
Юзеф Алешковский — Песни
Кирилл Косцинский — Наброски к будущей книге

РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Людмила Алексеева — Юрий Орлов — руководитель
Московской Хельсинкской группы
Андрей Григоренко — Поиски взаимопонимания

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

Антанас Терляцкас — Еще раз о евреях и литовцах

ЗАПАД — ВОСТОК

Тьери Вольтон — Париж — Москва или Париж под
Москвой?

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Эдуард Кузнецов — В защиту Богдана Ребрика
Уолтер Рейч — Иное мнение

РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Виктор Тростников — На берегу Океана Истины

ИСТОКИ

Владимир Чернявский — Довод слабых. К истокам
терроризма

СПОРТ И ПОЛИТИКА

Эммануил Штейн — Кентавровы шахматы

ИСКУССТВО

Вадим Нечаев — История Оскара Рабина

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Виолетта Иверни — По ту сторону смеха

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: В. Бетаки. Памяти Ходасевича •
Сергей Юреньен. С ответственностью за будущее • Эмиль Коган.
Удай и ножницы • Майя Муравник. Сохранить для России...

КОРОТКО О КНИГАХ ⇔ ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

НАША АНКЕТА: Интервью с Андре Глюксманом

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Цена отдельного номера: 32 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

EUROPRINT • Choisy-le-Roi

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

54-ый год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, « Our word ». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7433, Jérusalem.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.

1. 17023